
A·02

Проверено 1964 г.

-- МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

2467

ВРЕМЕННИКЪ ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

КНИГА ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТАЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія М. Х. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1892.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

пятьдесятъ пятой книги Временника Лицея.

LV книга вышла 7 января 1892 г.; въ ней 30 листовъ.

ОТЧЕТЪ

о состоянiи Демидовскаго Юридическаго Лицея

въ Ярославлѣ

ЗА 1890 ГОДЪ.

Со времени открытiя въ Ярославлѣ преобразованнаго въ Юридическiй Демидовскаго Лицея (камеральнаго), открытаго первоначально, въ 1805 году, подъ именемъ Демидовскаго высшихъ наукъ училища на средства П. Г. Демидова, исполнилось 30 Августа 1890 г. двадцать учебныхъ годовъ.

Въ настоящемъ отчетѣ излагаются свѣдѣнiя о состоянiи и дѣятельности Юридическаго Лицея, именно: 1) о должностныхъ лицахъ; 2) о дѣятельности Совѣта и Правленiя; 3) объ учащихся и 4) объ учебно-вспомогательныхъ учрежденiяхъ.

I. Составъ Лицея.

А. Составъ Лицейскаго курса.

По Высочайше утвержденному 25 декабря 1874 г. уставу, въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ (§ 29) преподаются:

1) Богословiе для студентовъ православнаго исповѣданiя.

2) Энциклопедiя права и Институцiи Римскаго права.

3) Всеобщая исторія права со включеніемъ Римскаго.

4) Исторія Русскаго права.

5) Международное право, публичное и частное.

6) Римское право.

7) Гражданское право.

8) Гражданское судопроизводство и Торговое право.

9) Государственное право со включеніемъ Административнаго.

10) Политическая экономія и Наука о финансахъ.

11) Уголовное право и Уголовное судопроизводство.

Сверхъ того, 1-мъ примѣчаніемъ къ штату Лицея представлено ввести преподаваніе Церковнаго Законовѣдѣнія, которое и введено съ $187^{7}/_{8}$ учебнаго года и съ того времени до 1-го декабря 1884 года на содержаніе экстраординарнаго профессора отпускалась дополнительная, сверхъ положенной по штату, сумма въ размѣрѣ 2000 руб., съ 1-го же декабря 1884 года этотъ дополнительный кредитъ увеличенъ до 3000 руб., такъ какъ наличный профессоръ церковнаго законовѣдѣнія (Суворовъ), пріобрѣтя по своей спеціальности степень доктора, назначенъ съ того времени ординарнымъ профессоромъ.

На основаніи утвержденныхъ 10 сентября 1883 года господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія правилъ, всѣ, указанныя уставомъ, науки распредѣлены были на четыре группы и студентамъ Лицея преподавалось:

Въ 1-й половинѣ 1890 года т. е. во второй половинѣ $188^{9}/_{90}$ учебнаго года:

На 1-мъ курсѣ:	Число часовъ.
Богословіе (профессоръ А. П. Лавровъ) . .	3

Энциклопедія права (испр. должн. экстраордин. профессора В. Г. Щегловъ) . . .	4
Исторія политическихъ ученій (приватъ-доцентъ князь Е. Н. Трубецкой)	2
Институціи Римскаго права (испр. должн. доцента А. Е. Минервинъ)	3
Всеобщая исторія права (испр. долж. экстраординарнаго профессора В. Г. Щегловъ)	2
Исторія русскаго права, 1-я половина (заслуж. ордин. проф. С. М. Шпилевскій) . .	6
Исторія Римскаго права (испр. должн доцента А. Е. Минервинъ)	3
Итого .	23

Всеобщая Исторія права и Исторія Римскаго права (каѳедра вакантная) читались за особое, по 200 р. за годовой часъ, вознагражденіе.

На 2-мъ курсѣ:

Римское право, 1-я половина (ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ)	3
Исторія Русскаго права, 2-я половина (испр. должн. доцента М. А. Липинскій) . .	3
Политическая экономія и Наука о финансахъ (приватъ-доцентъ В. Ф. Левитскій) . .	5
Государственное право и Административное право (испр. долж. экстраорд. профессора А. Е. Назимовъ)	4
Итого .	15

Римское право (каѳедра вакантная) читалось за особое, по 200 руб. за годовой часъ, вознагражденіе.

На 3-мъ курсѣ:

Русское Гражданское право (ординарный профессоръ Н. Н. Суворовъ)	3
Римское право, 2-я половина (испр. должн. доцента А. Е. Минервинъ)	3
Церковное Законовѣдѣніе (ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ)	5
Уголовное право (ординарный профессоръ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій)	6
Уголовное право (приватъ-доцентъ П. Ѳ. Бесѣдкинъ)	1
Итого .	18

Гражданское право и Римское право (каѳедры вакантныя) читались за особое, по 200 руб. за годовой часъ, вознагражденіе.

На 4-мъ курсѣ:

Гражданское право (заслуж. ординар. профессоръ С. М. Шпилевскій 2 часа и исправ. должн. доцента М. А. Липинскій 3 часа)	5
Международное право (испр. должн. экстраординарн. профессора А. Н. Лодыженскій) .	4
Торговое право (испр. должн. доцента М. А Липинскій)	3
Гражданское Судопроизводство (онъ же, г-нъ Липинскій)	2
Уголовное Судопроизводство (приватъ-доцентъ П. Ѳ. Бесѣдкинъ)	3
Итого .	17

Гражданское право, Торговое право и Гражданское

Судопроизводство (каѳедры вакантныя) читались за особое, по 200 руб. за годовой часъ, вознагражденіе.

Во 2-й половинѣ 1890 года, т. е. въ первой половинѣ $18^{90}/_{91}$ учебнаго года, читалось:

На 1-мъ курсѣ:

Энциклопедія права (испр. должн. экстраординарнаго профессора В. Г. Щегловъ) .	4
Исторія политическихъ ученій (приватъ-доцентъ князь Е. Н. Трубецкой)	2
Институціи Римскаго права (испр. должн. доцента А. Е. Минервинъ)	3
Всеобщая Исторія права (испр. должн. экстраординар. профессора В. Г. Щегловъ) .	2
Исторія Русскаго права, 1-я половина (заслуж. ординарн. профессоръ С. М. Шпилевскій).	6
Исторія Римскаго права (испр. должн. доцента А. Е. Минервинъ)	3
Итого . . .	20

Всеобщая Исторія права и Исторія Римскаго права (каѳедры вакантныя) читались за особое, по 200 р. за годовой часъ, вознагражденіе. Богословіе назначено было Совѣтомъ Лицея для чтенія по 3 часа въ недѣлю, но, по болѣзни профессора Богословія протоіерея Лаврова, оно вовсе не читалось.

На 2-мъ курсѣ:

Римское право, 1-я половина (испр. долж. доцента М. М. Катковъ)	3
Исторія Русскаго права, 2-я половина (испр. должн. доцента М. А. Липинскій)	3

Политическая Экономія (приватъ-доцентъ В. Ф. Левитскій	4
Государственное право и Административное право (испр. должн. экстраординарн. профессора А. Е. Назимовъ)	4
Наука о финансахъ (приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій)	2
Итого . .	16

На 3-мъ курсъ:

Русское Гражданское право, 1-я полов. (испр. должн. доцента М. А. Липинскій) . .	2
Римское право, 2-я половина (ординарн. проф. Н. С. Суворовъ)	4
Церковное законовѣдѣніе (онъ же г. Суворовъ)	6
Уголовное право (ординарный профессоръ Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій)	6
Уголовное право (приватъ-доцентъ П. Ѳ. Бесѣдкинъ)	1
Итого . .	19

Гражданское право и Римское право (каѳедры вакантныя) читались за особое, по 200 рублей за годовой часъ, вознагражденіе.

На 4-мъ курсъ:

Гражданское право (заслуженный ординарный профессоръ С. М. Шпилевскій 2 часа и испр. д. доцента М. А. Липинскій 3 часа)	5

Международное право (испр. должн. экстраорд. профессора А. Н Лодыженскій) . .	4
Торговое право (испр. должн. доцента М. А. Липинскій)	3
Гражданское Судопроизводство (онъ же г. Липинскій	2
Уголовное Судопроизводство (приватъ-доцентъ П. Ѳ. Бесѣдкинъ)	3
Итого .	17

Гражданское право, Торговое право и Гражданское Судопроизводство (каѳедры вакантныя) читались за особое, по 200 руб. за годовой часъ, вознагражденіе

Всего въ теченіе 1890 года было прочитано и пропущено лекцій:

	Прочитано.	Пропущено:			
		По болѣзни.	По дѣламъ службы.	По нахожденію въ командировк	По нахожденію въ отпуску.
Заслуженнымъ орд. профессоромъ С. М Шпилевскимъ . .	82	29	3	52	„
Ординарными профессорами:					
Н. С. Суворовымъ . . .	218	„	„	„	„
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревск.	120	6	„	„	6
Профессоромъ Богословія А. П. Лавровымъ	„	55	„	„	„
Испр. д. экстраорд. профессоровъ:					
А. Н. Лодыженскимъ . .	52	4	„	„	29

В. Г. Щегловымъ . . .	88	„	„	26	21
А. Е. Назимовымъ . . .	74	14	„	„	„
Испр. должн. доцентовъ:					
М. А. Липинскимъ . . .	202	45	„	„	„
А. Е. Минервинымъ . .	171	4	„	„	20
М. М. Катковымъ . . .	1	„	„	„	„
Приватъ-доцентами:					
В. Ф. Левитскимъ . . .	61	„	„	„	27
Кн. Е. Н. Трубецкимъ . . .	34	4	„	„	„
П. Ѳ. Бесѣдкинымъ . .	66	6	„	„	„
А. Р. Свирщевскимъ . . .	19	1	„	„	„
Итого .	1188	168	3	78	103
		352			
	1540				

Изъ показанныхъ выше лицъ г. Катковъ только въ декабрѣ приступилъ къ чтенію лекцій, а г. Свирщевскій читалъ одну вторую половину года.

Б. Личный составъ.

1) Преподаватели:

По Высочайше утвержденному 25 декабря 1874 г. штату Демидовскаго Юридическаго Лицея, полагается въ немъ:

Ординарныхъ профессоровъ . . . 5
Экстраординарныхъ профессоровъ . . 5

Доцентовъ	3
Профессоръ Церковнаго Законовѣдѣнія .	1
Профессоръ Богословія	1
Итого .	15

Къ 1-му Января 1891 года состояло на лицо:

Ординарныхъ профессоровъ, въ томъ числѣ профессоръ Церковнаго Законовѣдѣнія . .	3
И. д. экстраординарн. профессоровъ . .	3
Профессоръ Богословія (вакансія) . .	„
Испр. должн. доцентовъ	3
Приватъ-доцентовъ	4
Итого .	13

По составу преподавателей въ отчетномъ году произошли слѣдующія перемѣны:

Кандидатъ М. М. *Катковъ* назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, 20 октября 1890 года, испр. должность доцента по каѳедрѣ Римскаго права.

Магистрантъ А. Р. *Свирщевскій* избранъ съ 16 августа приватъ-доцентомъ для чтенія Науки о финансахъ.

Профессоръ Богословія и настоятель лицейской церкви, протоіерей А. П. *Лавровъ* уволенъ, по прошенію, отъ службы въ отставку 20 декабря.

2) Чиновники по учебно-административной и другимъ частямъ:

По Высочайше утвержденному 25 декабря 1874 г. штату Демидовскаго Юридическаго Лицея и по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 16 февраля 1887 г. назначены въ немъ:

Директоръ изъ профессоровъ . .	1
Инспекторъ	1
Секретарь Совѣта и Правленія (онъ же архиваріусъ)	1
Библіотекарь	1
Бухгалтеръ (онъ же казначей) . .	1
Экзекуторъ	1
Итого . .	6

На лицо къ 1-му Января 1891 года состояло:

Директоръ	1
Инспекторъ	1
Секретарь	1
Библіотекарь	1
Бухгалтеръ	1
Экзекуторъ	1
Итого . .	6

Нѣкоторые изъ служащихъ въ Лицеѣ, сверхъ штатныхъ своихъ должностей, исполняли постоянно или временно возложенныя на нихъ должности; такъ, на основаніи § 41 Устава Лицея, состояли, подъ предсѣдательствомъ Директора, членами Правленія ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ* (по назначенію Министра) и Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій* (по выбору Совѣта).

Имянной списокъ всѣхъ служащихъ въ Лицеѣ прилагается при семъ подъ № 1-мъ.

II. Дѣятельность лицъ, принадлежащихъ къ составу Лицея.

1) Дѣятельность Совѣта.

Совѣтъ Лицея, завѣдывавшій, на основаніи § 30-го своего устава, дѣлами по учебной и ученой части, составляли: Директоръ, какъ предсѣдатель, всѣ ординарные и экстраординарные профессоры. Сверхъ того, согласно § 30 Устава, приглашались въ засѣданія и доценты и приватъ-доценты, но они имѣли голосъ равный съ членами Совѣта только: а) при рѣшеніи вопросовъ, касающихся преподаваемой ими науки и б) при испытаніяхъ на степень кандидата и на званіе дѣйствительнаго студента.

Всѣхъ засѣданій Совѣта въ отчетномъ году было обыкновенныхъ 14 и чрезвычайныхъ 3.

Согласно § 40-го Устава, журналы совѣтскихъ засѣданій, по предварительномъ представленіи ихъ начальству Московскаго Учебнаго Округа, печатались въ оффиціальной части Временника Лицея.

На основаніи § 35 Устава, чтеніе лекцій велось въ отчетномъ году по всѣмъ каѳедрамъ, такъ что окончившимъ курсъ въ Лицеѣ въ 1890 году студентамъ преподавались всѣ предметы, означенные въ Высочайше утвержденномъ Уставѣ (§ 29).

Дѣятельность преподавателей Лицея состояла: 1) въ разработкѣ и изложеніи порученной каждому изъ нихъ науки въ лекціяхъ, соотвѣтственно съ современнымъ состояніемъ ея и согласно съ программами, составленными каждымъ изъ нихъ, разсмотрѣнными Совѣтомъ и утвержденными господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія; при чемъ ординарными профессорами читалось не менѣе 6-ти часовъ въ недѣлю, экстраординарными не

менѣе 4-хъ, профессоромъ Богословія и доцентами не менѣе 3-хъ, что требуется инструкціей преподавателямъ, данной бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія (§§ 1 и 5-й); 2) въ повѣркѣ знаній и успѣховъ студентовъ на экзаменахъ; 3) въ учено-литературныхъ трудахъ и 4) въ руководствѣ студентовъ при разработкѣ вопросовъ по предметамъ ихъ спеціальныхъ занятій и въ рецензіи ихъ сочиненій. Такъ, по порученію Совѣта, преподаватели разсматривали письменныя (годовыя) работы студентовъ и кандидатскія разсужденія, представляя о послѣднихъ въ Совѣтъ письменные отзывы.

На основаніи этихъ отзывовъ, Совѣтомъ, согласно § 58 Устава, удостоены въ 1890 году степени кандидата юридическихъ наукъ слѣдующіе студенты, у коихъ по экзаменнымъ отмѣткамъ имѣется въ общемъ выводѣ не менѣе $4^1/_2$ балловъ по всѣмъ предметамъ лицейскаго курса: 24-го февраля—*Надѣинскій* Александръ за сочиненіе „Изслѣдованіе вопроса объ обычномъ правѣ", отзывъ испр. должн. экстраорд. профессора В. Г. Щеглова; *Маминъ* Владиміръ за сочиненіе „О значеніи національности въ Международномъ правѣ", отзывъ испр. д. экстраординар. профессора А. Н. Лодыженскаго; *Коганъ* Илья за сочиненіе „Теорія ренты Карла Родбертуса Ягецова", отзывъ приватъ-доцента В. Ф. Левитскаго; 30-го апрѣля—*Шаланинъ* Валентинъ, *Киринъ* Алексѣй и *Даниловъ* Иванъ за сочиненія, отзывы о коихъ даны заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. М. Шпилевскимъ, первый—„О татебныхъ и разбойныхъ дѣлахъ по Уложенію царя Алексѣя Михайловича сравнительно съ новоуказными статьями 1669 года", второй—„О татебныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ по новоуказнымъ статьямъ 1669 года, сравнительно съ соборнымъ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича" и послѣдній—„Гла-

ва XXI соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 г. и новоуказныя статьи 1669 года"; 7 мая — *Лейнвангендлеръ* Товія за сочиненіе „Русское законодательство о личномъ наймѣ", отзывъ испр. должн. доцента М. А. Липинскаго; 28 мая *Ледницкій* Александръ за сочиненіе „Акціонерныя кампаніи", отзывъ испр. должн. доцента М. А. Липинскаго; 30 мая *Марчевскій* Михаилъ за сочиненіе „Очеркъ характеристики законодательствъ Екатерины II" и *Жариковъ-Красовскій* Дмитрій за сочиненіе „О вотчинахъ во 2-й половинѣ XVII столѣтія по Уложенію царя Алексѣя Михайловича и новоуказнымъ статьямъ", отзывы объ обѣихъ сочиненіяхъ заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. Шпилевскаго; 31 мая — *Крыловъ* Николай за сочиненіе „Низшая административно-судебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ до половины XVI вѣка", отзывъ ординарнаго профессора Н. С. Суворова; *Колесовъ* Константинъ и *Невскій* Александръ за сочиненія, отзывы о коихъ даны приватъ-доцентомъ П. Θ. Бесѣдкинымъ, первый „Волостной судъ", а второй „Постановка вопросовъ на судѣ присяжныхъ"; *Абдуловъ* Николай, *Шереметевъ* Николай и *Серебрениковъ* Венедиктъ, за сочиненія, отзывы о коихъ даны заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. М. Шпилевскимъ, первый „О татебныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ по Уложенію царя Алексѣя Михайловича 1649 года, сравнительно съ новоуказными статьями 1669 года", второй „Сравненіе XXI и XXII главъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича (1649 года) съ новоуказными статьями о татебныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ (1669 г.)", третій „Вѣче и князь въ древней Руси"; 3-го ноября *Перошковъ* Василій за сочиненіе „Отличіе присвоенія отъ похищенія" и *Ивановъ* Алексѣй за сочиненіе „Выдача преступниковъ", отзывы

объ обѣихъ даны приватъ-доцентомъ П. Ѳ. Бесѣдкинымъ; 8-го декабря — *Стригалевъ* Геннадій за сочиненіе „Дѣйствіе уголовнаго закона во времени“, отзывъ ординарнаго профессора Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго и *Половцовъ* Левъ за сочиненіе „Личный наемъ по X т. 1 ч. Свод. Зак. Рос. Имперіи и Corpus juris civilis“, отзывъ испр. долж. доц. М. А. Липинскаго.

Имѣвшихъ право окончить въ 1890 г. курсъ, студентовъ въ Лицеѣ было 40, которые всѣ и окончили курсъ. Изъ нихъ Ивановъ Алексѣй, Колесовъ Константинъ, Крыловъ Николай, Невскій Александръ, Перошковъ Василій, Половцовъ Левъ и Стригалевъ Геннадій удостоены степени кандидата юридическихъ наукъ, осьми студентамъ — Введенскому Якову, Городцову Петру, Кознову Петру, Листратову Николаю, Маркову Константину, Томашевскому Александру, Троицкому Николаю и Ушакову Леониду дано, по ихъ балламъ, право на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій, остальные 25 удостоены званія дѣйствительнаго студента.

Рѣчь на годичномъ торжерственномъ актѣ Лицея — 30-го августа произнесена была, съ одобренія Совѣта, „Объ отношеніи завѣщательнаго права къ закону наслѣдственному“ испр. должн. доцента А. Е Минервинымъ.

2) Мѣры для надзора за нравственностью студентовъ и для усиленія учебной дѣятельности, а равно и способы контроля надъ ихъ занятіями.

Инспекція, на основаніи данныхъ ей инструкцій, наблюдала за нравственностью студентовъ, поведеніе которыхъ не приводило къ необходимости установленія особенныхъ мѣръ надзора за ними.

Способомъ контроля надъ занятіями студентовъ служили — наблюденіе за аккуратнымъ посѣщеніемъ ими лекцій, а также письменныя упражненія, которыя, на основаніи § 29 правилъ, давались студентамъ и состояли въ переводахъ, рефератахъ, разборахъ судебныхъ казусовъ и самостоятельныхъ работахъ по источникамъ. Независимо отъ этихъ работъ, обязательныхъ для каждаго желающаго перейти на слѣдующій курсъ студента, срокъ подачи коихъ опредѣленъ правилами къ 1-му февраля, даны были имъ еще, согласно § 32 правилъ, съ одобренія Совѣта, по всѣмъ каѳедрамъ темы для необязательныхъ сочиненій на соисканіе денежныхъ премій Такихъ сочиненій подано было въ отчетномъ году пятнадцать и авторы ихъ получили преміи по 50 руб.: *Бочкаревъ* Вячеславъ за сочиненіе „Стоглавъ и исторія Собора 1551 года", по отзыву ординарнаго профессора Н. С. Суворова; *Гурляндъ* Илья за сочиненіе „Историко-критическій очеркъ цензуры въ Россіи", по отзыву испр. д. экстраорд. профессора А. Е. Назимова; *Ивановъ* Петръ за сочиненіе „Псковскія лѣтописи какъ источникъ познанія областнаго юридическаго быта", по отзыву заслуженнаго ордин. проф. С. М. Шпилевскаго; *Рубинштейнъ* Гилель — „О принадлежностяхъ имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ по русскому праву", по отзыву орд. проф. Н. С. Суворова; по 25 руб.: *Борейша* Болеславъ — „Методъ правовѣдѣнія", по отзыву испр. должн. экстраорд. професора В. Г. Щеглова; *Канторъ* Маркусъ — „Переводъ 2 и 3-го титуловъ IV книги дигестовъ Императора Юстиніана", по отзыву ордин. проф. Н. С. Суворова, *Максимовскій* Александръ — „Практическое значеніе юридической конструкціи права собственности" и „О поручительствѣ", отзывы по обѣимъ сочиненіямъ даны (24 февраля и 3-го ноября) испр. должн. доцента А. Е. Ми-

нервинымъ; *Михалевичъ* Хрисанфъ — «Переводъ 2-го и 3-го титуловъ IV книги дигестовъ Императора Юстиніана", по отзыву ординарнаго профессора Н. С. Суворова; *Смоленскій* Владиміръ—„Переводъ CXXIII новеллы, содержаніе ея и сопоставленіе съ Базиликами", по отзыву ординарнаго профессора Н. С. Суворова; *Фирсовъ* Андрей „Экономическія воззрѣнія Симона де Сисмочди", по отзыву приватъ-доцента В. Ф. Левитскаго. Сверхъ того получили награды за сочиненія по 15 руб.: по уголовному праву, на основаніи отзыва ординарнаго профессора Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго, студенты *Каннъ* Яковъ и *Коганъ* Владиміръ и по Политической Экономіи, на основаніи отзыва приватъ доцента В. Ф. Левитскаго, студенты *Айзенштейнъ* Зеликъ и *Кочаровскій* Феликсъ.

Для сочиненій на золотую медаль даны въ отчетномъ году для студентовъ слѣдующія темы: 1) оставленныя отъ прежнихъ лѣтъ: по церковному законовѣдѣнію „Низшая административно-судебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ до конца XVIII вѣка", по Исторіи Римскаго права „Юристъ Гай и его сочиненія", по Исторіи Русскаго права „Древнее русское судопроизводство по правымъ грамотамъ" и 2) вновь предложенная Совѣтомъ по Государственному праву „Сравнительно историческій очеркъ развитія дворянъ въ Россіи и на Западѣ Европы".

3) Изданія Совѣта Лицея и особые труды преподавателей онаго.

Въ 1890 году издано Совѣтомъ Лицея три книги „Временника" (по 30-ти печатныхъ листовъ каждая L, LI и LII, вышедшія въ свѣтъ 20 января, 5 мая и 20-го августа, въ которыхъ, кромѣ оффиціальнаго отдѣла, по-

мѣщено: ординарнымъ профессоромъ *Суворовымъ*: 1) курсъ Церковнаго права т. I (окончаніе) и т. II, 2) Христіанская благотворительность въ языческой Римской Имперіи (публичная лекція), 3) Программа курса Церковнаго права; ординарнымъ профессоромъ *Бѣлогрицъ-Котляревскимъ* — Два года за границей съ ученою цѣлью (1881—1883); бывшимъ ординарнымъ профессоромъ лицея *Тарасовымъ*—Очеркъ науки Финансоваго права; ис. д. доцента *Липинскимъ* - Угличскіе акты XVII вѣка; приприватъ-доцентомъ *Левитскимъ* -- Задача и методы науки о народномъ хозяйствѣ; приватъ-доцентомъ Зачинскимъ — Праграмма по Уголовному Судопроизводству. Въ особомъ же отдѣлѣ Временника - „Юридическая библіографія“, коей въ отчетномъ году вышли №№ 13—16, помѣщены разборы: и. д. экстраординарнаго профессора *Щегловымъ*— четырехъ сочиненій, ис. д. экстраординарнаго профессора *Назимовымъ* — семи и ис. д. доцента *Липинскимъ* — одного.

Сверхъ того приватъ-доцентъ *Левитскій* напечаталъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ статью „Чиншевой вопросъ въ его позднѣйшей фазѣ“. Онъ же, кромѣ чтенія лекцій, велъ практическія занятія со студентами, состоявшія вь чтеніи и комментированіи экономистовъ классической школы, а практическія занятія со студентами ординарнаго профессора *Суворова* состояли въ чтеніи и объясненіи памятниковъ Церковнаго права.

4) *Особые случаи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 20-й день октября Высочайше соизволилъ на ношеніе лицами, окончившими послѣ введенія устава 1874 года курсъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ, жетона, Высочайше утвержденнаго для лицъ, окончившихъ курсъ въ Уни-

верситетахъ, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, чтобы на жетонѣ заглавныя буквы Университета были замѣнены заглавными буквами Лицея (Д. Ю. Л.)

Кандидатъ Лицея Всеволодъ Удинцовъ, по избранію Совѣта и съ утвержденія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, оставленъ съ 1-го января 1890 года при Лицеѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ Торговаго права, съ выдачей ему изъ суммъ Министерства въ теченіи двухъ лѣтъ по 600 р.

Золотой медали удостоенъ въ отчетномъ году студентъ Исай Розовскій за сочиненіе „Низшая церковная административно-судебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ со введенія христіанства до XVIII вѣка“

III. О занятіяхъ Правленія.

1) Число входящихъ и исходящихъ бумагъ вообще по Лицею и состоявшихся журнальныхъ постановленій Правленія.

Въ Совѣтъ Лицея, Правленіе онаго и на имя Директора поступило въ отчетномъ году отъ разныхъ мѣстъ и лицъ бумагъ 734, исходящихъ бумагъ отправлено 927, постановленій Правленія состоялось 194; ассигновокъ составлено: простыхъ 297, авансовыхъ 11 и оборотныхъ 6, итого 314.

2) О заключенныхъ подрядахъ и расходахъ по Лицею.

Правленіемъ Лицея, состоявшимъ въ отчетномъ году, подъ предсѣдательствомъ Директора, изъ двухъ ординарныхъ профессоровъ Суворова и Бѣлогрицъ-Котляревскаго, заключены были контракты:

1) Съ крестьяниномъ Авксентіемъ Гогинымъ на очистку ватерклозетныхъ и помойныхъ ямъ и свозку мусора со дворовъ на 330 рублей.

2) Съ крестьяниномъ Герасимомъ Лебедевымъ на очистку дымовыхъ трубъ и топку духовыхъ печей на 150 рублей.

Всѣ мелочные расходы по Лицею производились хозяйственнымъ образомъ по цѣнамъ ниже справочныхъ и вообще умѣреннымъ.

Наиболѣе же значительные расходы, произведенные въ отчетномъ году, были слѣдующіе: 1) за малярныя работы уплачено Гогину и Шмырову 502 руб. 91 коп., за плотничныя работы и лѣсной матеріалъ Васильеву и Кучумову 323 руб. 50 коп.; 2) уплачено за дрова Шибаеву 1223 руб. 65 коп.

Изданіе Временника обошлось Лицею въ отчетномъ году въ 1435 руб. 52 коп.

3) Число освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій и количество поступившихъ за слушаніе лекцій суммъ.

Въ первой половинѣ 1890 года, т. е. во второй половинѣ $18^{89}/_{90}$ учебнаго года студентовъ въ Лицеѣ находилось 208, изъ нихъ 52 студента были освобождены отъ взноса платы. Во 2-й половинѣ 1890 г. т. е. въ 1-й половинѣ $18^{90}/_{91}$ учебнаго года студентовъ было 191, изъ нихъ 51 были освобождены отъ взноса платы.

Въ числѣ вовсе не платившихъ за слушаніе лекцій студентовъ въ теченіи года было 20 демидовскихъ стипендіатовъ и въ 1-й половинѣ 6, во 2-й половинѣ 4 студента, находившихся на благотворительномъ иждивеніи, которые не платятъ за слушаніе лекцій на основаніи устава Лицея.

Суммы сбора за слушаніе лекцій въ отчетномъ году всего поступило 6076 руб., въ томъ числѣ значится поступившихъ недоимокъ за слушаніе лекцій 316 рублей.

Вѣдомость объ оборотахъ всѣхъ суммъ прилагается при семъ подъ № 2-мъ.

4) *О стипендіатахъ Лицея.*

Въ отчетномъ году имѣлись при Лицеѣ слѣдующія стипендіи: 20 демидовскихъ по 200 рублей, 6 Имени Императора Александра Александровича, на проценты съ капитала Ярославскаго дворянства для недостаточныхъ студентовъ изъ дворянъ Ярославской губерніи, изъ коихъ одна въ 275 руб. и 5 по 200 р., и по одной: а) Имени Императора Александра I въ 176 руб. 40 к., б) Генерала отъ Артиллеріи Глинки 1-го въ 250 руб., в) Генералъ-Маіора Болдырева въ 245 р., г) бывшаго Ярославскаго Архіепископа Леонида въ 98 рублей, д) Статскаго Совѣтника Соколова въ 63 руб. 70 коп., е) Ярославскаго купца Топленинова въ 127 руб. 40 к. и ж) Ярославской дворянки М. П. Макиной въ 99 руб. Кромѣ того, съ капитала Н. Н. Демидова получается процентовъ въ годъ 384 руб. 70 коп., для содержанія въ интернатѣ Лицея двухъ студентовъ.

О стипендіяхъ Лицея прилагается вѣдомость подъ № 3-мъ.

5) *Попечителество о недостаточныхъ студентахъ Лицея.*

При Лицеѣ, на основаніи § 7-го Устава, состоитъ Попечительство о недостаточныхъ студентахъ онаго, открытое съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 28 день апрѣля 1871 г. и дѣйствующаго на основаніи особыхъ правилъ, утвержденныхъ бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12-го іюня того же года.

Въ теченіи 1890 года суммъ въ Попечительство поступило: а) пожертвованій отъ разныхъ учрежденій и

лицъ 656 руб. 35 к., б) процентовъ съ капитала Попечительства 441 р. 98 к., в) сбора со спектаклей, концерта и студенческаго вечера 1394 р 33 к., г) возвращено ссудъ 558 руб. 76 к., итого 3051 р. 42 к. Изъ этихъ денегъ было: а) внесено за слушаніе лекцій за 28 студентовъ 520 руб. (за 21 человѣка по 20 руб. и за 4-хъ по 10 руб.), б) выдано 187 единовременныхъ пособій 64 студентамъ на 1475 руб.; пособія выдавались въ размѣрѣ отъ 3-хъ до 20-ти руб., смотря по надобности студентовъ; в) выдано заимообразно на разные сроки 66 ссудъ 53 студентамъ на 807 руб.; ссуды давались въ размѣрѣ отъ 3-хъ до 49 руб.; г) зачислено въ уплату долга 2 студентамъ по 5 руб.—10 руб.; д) уплачено за обмѣнъ билетовъ 1-го 5% займа на новые 12 р. 67 к.; е) куплены книги для записки расходовъ суммъ Попечительства 50 коп. и ж) по постановленію общаго собранія членовъ Попечительства о недостаточныхъ студентахъ 7-го октября 1890 года, дѣлалось 10% отчисленія съ суммъ, поступающихъ въ пользу Попечительства, исключая возврата долговъ, для причисленія къ основному капиталу попечительства. Съ 7-го октября отчислено 121 руб. 75 к.; деньги эти кладутся на книжку сберегательной кассы Ярославскаго Отдѣленія Государственнаго Банка и по мѣрѣ накопленія будутъ покупаться % бумаги. Всего же израсходовано въ 1890 г.—2946 р. 92 коп.

IV. Объ учащихся.

Число студентовъ Лицея въ 1890 году.

Къ 1-му января 1890 года студентовъ въ Лицеѣ находилось 203; изъ нихъ въ теченіи года выбыло по окончаніи курса 40, не окончивъ, по разнымъ причинамъ, курса 19; вновь принято на разные курсы въ

1890 году 47; затѣмъ къ январю 1891 года студентовъ въ Лицеѣ находилось 191.

Окончившіе курсъ въ отчетномъ году въ Лицеѣ студенты (40) по исповѣданіямъ: православнаго 39 и лютеранскаго 1, а по мѣсту рожденія изъ губерній: Ярославской 7, Московской 5, Владимірской 3, Костромской, Оренбургской, Полтавской, Тамбовской и Херсонской по 2, Амурской и Донской областей и губерній Вологодской, Кишиневской, Кіевской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Тобольской, Тульской, Харьковской и Черниговской по 1.

Вновь поступившіе въ 1890 году въ студенты Лицея (47), по мѣсту рожденія, изъ губерній: Ярославской 10, Московской 4, Оренбургской 3, Енисейской, Ковенской, Самарской, Саратовской, и Уфимской по 2, Акмолинской (области), Варшавской, Витебской, Владимірской, Волынской, Казанской, Каменецъ-Подольской, Кишиневской, Костромской, Курляндской, Новгородской, Пермской, Петербургской, Полтавской, Рязанской, Тамбовской, Туркестанской, Харьковской, Эриванской и Эстляндской по 1.

Изъ находящихся къ 1891 году въ Лицеѣ студентовъ (191), православнаго 134, армяно-грегоріанскаго 2, католическаго 13, лютеранскаго 12 и іудейскаго 30; по сословіямъ же они подраздѣляются такъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 88, почетныхъ граждан и купцовъ 1-й гильдіи 6, духовнаго званія 14, купцовъ 2-й гильдіи, мѣщанъ и ремесленниковъ 73, крестьянъ 9 и иностранецъ—1.

V. Учебно-вспомогательныя учрежденія.

Къ 1 января отчетнаго года по инвентарному каталогу библіотеки Лицея числилось книгъ 15748 названій

въ 32533 томахъ и 3201 брошюрѣ. Въ теченіе года въ библіотеку вновь поступило 339 названій, составляющихъ 949 томовъ и 81 брошюру. Такимъ образомъ къ 1 января 1891 года составъ библіотеки опредѣляется въ 16087 названій, 33482 тома и 3282 брошюры; въ томъ числѣ русскихъ книгъ 4204 названія, 11565 томовъ и 828 брошюръ.

Поставщикомъ заграничныхъ изданій въ истекшемъ году былъ, главнымъ образомъ, Франкфуртскій книгопродавецъ Бэръ, доставившій 141 названіе, 224 тома и 46 брошюръ. Русскія книги Лицей пріобрѣталъ изъ магазиновъ Анисимова, Березина, Киммеля, Ланга, Наумова и Чичинадзе, доставившихъ вмѣстѣ 135 названій въ 313 томахъ и 21 брошюрѣ. Кромѣ того были куплены книги у Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго, А. Е. Назимова, Е. Д. Левашевой и Г. Н. Серебренникова 12 названій въ 204 томахъ. Все число купленныхъ за годъ книгъ составляетъ 288 названій въ 741 томѣ и 67 брошюрахъ, на сумму, считая въ томъ числѣ и пересылку книгъ, 2732 р. 8 к.

Безплатно въ библіотеку Лицея поступило 51 названіе съ 208 томахъ и 14 брошюрахъ, именно: 1) отъ Министерствъ: Народнаго Просвѣщенія, Юстиціи, Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ; отъ Академіи Наукъ, Императорской Публичной Библіотеки, Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ, Московскаго Археологическаго Общества, Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губерраторѣ; отъ Государственнаго Секретаря; Попечителей Кавказскаго и Виленскаго Учебныхъ Округовъ; отъ Предсѣдателя Московскаго Биржеваго Комитета; отъ Е. И. Якушкина и книгопродавца Киммеля; а также отъ авторовъ: К. П. Побѣдоносцева, И. Я. Фойницкаго,

Н. С. Суворова, В. Ф. Левитскаго, К. Д. Головщикова, князя Е. Н. Трубецкаго, В. Е. Якушкина, Н. Д. Чечулина, Д. А. Невскаго и издателя И. А. Вахрамѣева,— всего 39 названій, 107 томовъ и 11 брошюръ; 2) полученныя въ обмѣнъ на Временникъ Лицея 12 названій въ 98 томахъ и 3 брошюрахъ; 3) три книги Временника Лицея 50–52.

Въ учебное время библіотека была открыта во всѣ дни, кромѣ праздничныхъ, въ лѣтнее же вакаціонное время—одинъ разъ въ недѣлю. Въ теченіе года выдано было на домъ, не считая книгъ, читавшихся въ самомъ помѣщеніи библіотеки, профессорамъ Лицея 2084 тома, служащимъ при Лицеѣ и готовящимся къ профессорскому званію стипендіатамъ 257 томовъ, студентамъ 1968 томовъ и постороннимъ лицамъ 75 томовъ. Кромѣ того, изъ студенческаго отдѣла библіотеки было выдано до 2800 томовъ.

На переплеты 936 книгъ и 87 брошюръ, не считая 230 томовъ, купленныхъ уже въ переплетахъ, потрачено за годъ 373 рубля 10 коп. Такимъ образомъ весь расходъ на библіотеку въ отчетномъ году простирается до 3105 руб. 18 коп.; со времени же преобразованія Лицея на библіотеку израсходовано всего 102,456 рублей.

Приложеніе № 1-й.

ИМЯННОЙ СПИСОКЪ

лицъ, состоящихъ на службѣ къ 1-му января 1891 г. въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ

въ Ярославлѣ.

Должность, чинъ, имя, отчество и фамилія.	Откуда родомъ, изъ какого состоянія, лѣта, вѣроисповѣданіе, имѣетъ ли семейство.
Директоръ Лицея, Заслуженный Ординарный профессоръ по Исторіи Русскаго права, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Сергѣй Михайловичь *Шпилевскій*.	Московской губерніи, изъ дворянъ, 57 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Ординарный профессоръ по Церковному Законовѣдѣнію, Статскій Совѣтникъ Николай Семеновичъ *Суворовъ*.	Костромской губерніи, изъ духовнаго званія, 42 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.
Ординарный профессоръ по Уголовному праву и Уголовному Судопроизводству, Статскій Совѣтникъ Леонидъ Сергѣевичъ *Бѣлогрицъ-Котляревскій*.	Полтавской губ., оберъ-офицерскій сынъ, 36 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Исправляющій должность Экстраординарнаго профессора по Международному праву, Коллежскій Совѣтникъ Андрей Николаевичъ *Лодыженскій*.	Тверской губерніи, изъ дворянъ, 37 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Исправлящій должность Экстраординарнаго профессора по Энциклопедіи права и Институціямъ Римскаго права, Коллежскій Совѣтникъ Владиміръ Георгіевичъ *Щегловъ*.	Тамбовской губерніи, изъ духовнаго званія, 37 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.

Съ котораго времени въ учебной службѣ и должности?	Какую имѣетъ ученую степень?	Сколько получаетъ содержанія?
Въ учебной службѣ съ 27 февраля 1861 года, въ настоящей должности съ 7 іюня 1885 г.	Доктора Государствен. права	Жалованья профессорскаго 2400 руб., столовыхъ 300 руб., добавочнаго жалованья по должности Директора 1500 р. и пенсіи 1401 руб. Пользуется казенною квартирою.
Въ учебной службѣ съ 10 марта 1873 года, въ настоящей должности съ 1 декабря 1884 г.	Доктора Каноническаго права.	Жалованья 2400 р., столовыхъ 300 руб., квартирныхъ 300 р.
Въ учебной службѣ съ 1 февраля 1883 года, въ настоящей должности съ 1 февраля 1887 г.	Доктора Уголовнаго права.	Жалованья 2400 р, столовыхъ 300 руб., квартирныхъ 300 р.
Въ учебной службѣ съ 9 іюля 1880 года, въ настоящей должности съ 15 марта 1886 года.	Магистра Международнаго права.	Жалованья 1600 р., столовыхъ 200 руб., квартирныхъ 200 р.
Въ учебной службѣ съ 15 іюля 1884 года, въ настоящей должности съ 5 іюня 1886 года.	Магистра Государств. права.	Жалованья 1600 р., столовыхъ 200 руб., квартирныхъ 200 р

Исправляющій должность Экстраординарнаго профессора по Государственному и Административному праву, Александръ Евгеньевичъ *Назимовъ*.	Псковской губерніи, изъ дворянъ, 40 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.
Исправляющій должность доцента по Исторіи русскаго права, надворный Совѣтникъ Маріанъ Александровичъ *Липинскій*.	Виленской губерніи, изъ дворянъ, 36 лѣтъ, исповѣданія евангелическо-лютеранскаго, имѣетъ семейство.
Исправляющій должность доцента по Институціямъ Римскаго права, Титулярный Совѣтникъ Александръ Евграфовичъ *Минервинъ*.	Ярославской губ., изъ духовнаго званія, 47 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Исправляющій должность доцента по Римскому праву, Михаилъ Меѳодіевичъ *Катковъ*.	Московской губерніи, изъ дворянъ, 30 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.
Приватъ-доцентъ по Политической Экономіи, Владиміръ Фавстовичъ *Левитскій*.	Кіевской губерніи, изъ духовнаго званія, 36 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.
Приватъ-доцентъ по Энциклопедіи права, князь Евгеній Николаевичъ *Трубецкой*.	Калужской губерніи, изъ дворянъ, 29 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
Приватъ-доцентъ по Уголовному Судопроизводству, Павелъ Ѳедоровичъ *Бесѣдкинъ*.	Московской губерніи, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, 31 года, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.

Въ учебной службѣ съ 28 мая 1887 года, въ настоящей должности съ 1 іюля 1889 года.	Магистра Государств. права.	Жалованья 1600 р., столовыхъ 200 руб., квартирныхъ 200 р.
Въ учебной службѣ съ 1 іюня 1876 года, въ настоящей должности съ 1 января 1879 г.	Кандидатъ юридическ. наукъ.	Жалованья 900 р., столовыхъ 150 руб., квартирныхъ 150 р
Въ учебной службѣ съ 1 іюля 1878 года, въ настоящей должности съ 13 сентября 1888 г.	Кандидатъ юридическ. наукъ.	Жалованья 900 р., столовыхъ 150 руб., квартирныхъ 150 р.
Въ учебной службѣ и въ должности съ 20 окт. 1890 года.	Кандидатъ юридическ. наукъ	Жалованья 900 р., ттоловыхъ 150 руб., квартирныхъ 150 р
Съ 11 марта 1885 г.	Магистръ, Политической Экономіи.	Содержаніе за 4 лекціи въ недѣлю въ размѣрѣ 1400 руб.
Съ 22 іюля 1886 г.	Кандидатъ юридическ. наукъ.	Содержаніе за 2 лекціи въ недѣлю въ размѣрѣ 1000 руб.
Съ 16 августа 1888 г.	Кандидатъ юридическ. наукъ.	Содержаніе за 4 лекціи въ недѣлю въ размѣрѣ 1400 руб.

Приватъ-доцентъ по Финансовому праву, Александръ Рафаиловичъ *Свирщевскій*.	Московской губерніи, изъ дворянъ, 29 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.

Съ 16 августа 1890 г.	Кандидатъ юридическ. наукъ.	Содержаніе за 2 лекціи въ недѣлю въ размѣрѣ 1000 руб.

Приложеніе № 2-й.

ВѢДОМОСТЬ

объ оборотахъ суммъ по Демидовскому Юридическому Лицею за 1890 годъ.

	Остатокъ отъ 1889 года.		Въ 1890 году Приходъ.		Въ 1890 году Расходъ.		Остатокъ къ 1891-му году.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Суммъ ассигнованныхъ отъ казначейства:								
по § 6-му, ст. 1.	999	99	38279	16	36511	20	2767	95
2.	14	18	4099	99	4112	44	1	73
3.	—	—	12494	48	12475	97	18	51
по § 16-му, — 1.	—	—	600	—	600	—	—	—
2.	—	—	300	—	300	—	—	—
по § 5-му, — 1.	—	—	500	—	500	—	—	—
по § 22 —	—	-	114	58	114	58	-	—
Пожертвованныхъ:								
Документами . .	128407	—	—	—	5000	—	123407	—
Наличными . .	616	73	5616	33	3316	39	2916	67
Сбора за слушаніе лекцій и экономическихъ суммъ:								
Наличными . .	2329	29	7423	63	7354	12	2398	80
Билетами . . .	26850	—	3000	—	50	—	2916	—
Содержаніе въ интернатѣ частныхъ воспитанниковъ:								
Наличными . .	122	77	635	—	673	45	84	32
Переходящихъ суммъ:								
Наличными . .	147	84	284	71	285	65	146	90
Документами . .	850	—	50	—	—	—	900	—
Всего наличными	4230	80	70347	88	66243	80	8334	88
Всего документами	156107	—	3050	—	5050	—	154107	—

Приложеніе № 3-й.

ВѢДОМОСТЬ

о стипендіяхъ, существовавшихъ при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ и о числѣ лицъ пользовавшихся ими въ 1890 году.

Наименованіе стипендій.	Въ 1890 году было назначено. Число стипендій.	Размѣръ стипендій. Руб.	К.	Общая сумма выдаваемыхъ въ 1890 году стипендій. Руб.	К.	Изъ какихъ источниковъ производилась выдача.
Демидовскихъ . .	20	200	„	4000	„	Изъ Государственнаго казначейства
Ярославскаго дворянства	5	200	„	483 а)	14	Изъ специальныхъ средствъ.
Его-же . . .	1	275	„	134 б)	75	
Генерала отъ артиллеріи Глинки 1-го . .	1	250	„	„	„	
Генералъ-маіора Болдырева	1	245	„	102 в)	50	
Ярославскаго купца Толенинова . . .	1	127	40	127	32	
Статскаго Совѣтника Соколова . . .	1	63	70	63	60	
Ярославскаго Архіепископа Леонида . .	1	98	„	78	28	г)
Имени Императора Александра I . . .	1	176	40	176	40	
Имени Н. Н. Демидова	2	192	37	384	74	
Яросл. дворянки М. П. Макиной . . .	1	99	„	99	„	

а) Стипендія эта выдавалась съ января по іюнь тремъ студентамъ, а съ іюня двумъ.

б) Эта стипендія выдавалась съ 1 марта до 1 сентября.

в) Стипендія эта выдавалась только до іюня.

г) Стипендія эта выдавалась съ января по іюнь и вновь назначена съ 16 августа.

ЖУРНАЛЫ

Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1891 года февраля 16 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ*, Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій;* испр. должн. экстраорд. профессоровъ: А. Н. *Лодыженскій*, В. Г. *Щегловъ*, А. Е. *Назимовъ*, В. Ф. *Левитскій*; испр. должн. доцентовъ: М. А. *Липинскій*, А. Е. *Минервинъ*, М. М. *Катковъ;* привать-доценты: князь Е. Н. *Трубецкой*, П. Ѳ. *Бесядкинъ* и А. Р. *Свирщевскій*.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Его Сіятельство г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа отъ 29 декабря 1890 года за № 15685 увѣдомилъ, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія назначилъ привать-доцента *Левитскаго* съ 1 января 1891 года исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Лицея по каѳедрѣ политической экономіи и финансоваго права. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и

заслушанное предложеніе передать въ Правленіе Лицея для удовлетворенія г. Левитскаго содержаніемъ по новой должности его.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 22 декабря 1890 года за № 15620, коимъ, для надлежащаго распоряженія, увѣдомляетъ, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ учебные планы Лицея на настоящій учебный годъ, но призналъ болѣе цѣлесообразнымъ исключить указанный приватъ-доцентомъ *Свирщевскимъ* историческій обзоръ финансовой литературы, такъ какъ при двухъ недѣльныхъ лекціяхъ, назначенныхъ на финансовое право, таковой обзоръ, за недостаткомъ времени, страдалъ бы отсутствіемъ полноты и посему былъ бы прослушанъ студентами безъ пользы. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію.

4. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 31 декабря 1890 г. за № 15746, коимъ разрѣшаетъ выдать орданарному профессору Лицея *Суворову* и ис. д. доцента *Минервину* за чтеніе лекцій по каѳедрѣ римскаго права, за время съ 5 ноября и въ декабрѣ мѣсяцѣ, первому 60 р. 97 к. и второму 91 р. 48 к., всего *сто пятьдесятъ два рубля сорокъ пять коп.* изъ суммы сбора за слушаніе лекцій. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію и для распоряженія о выдачѣ означеннымъ лицамъ сказанныхъ суммъ копію съ заслушаннаго предложенія передать въ Правленіе Лицея.

5. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 31 декабря 1890 г. за № 15747, коимъ увѣдомляетъ, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увольняетъ профессора Богословія Лицея, Протоіерея *Лаврова*, согласно его прошенію, отъ занимаемой имъ должности, по болѣзни, съ 20 декабря. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

6. Предложенiе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 14 января за № 402, коимъ увѣдомляетъ, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенiя разрѣшилъ Директору Лицея *С. М. Шпилевскому* отправиться въ командировку въ Москву, въ качествѣ депутата, на предварительный Комитетъ для выработки программы имѣющаго быть въ 1893 г. въ Вильнѣ IX Археологическаго съѣзда; при чемъ г. Попечитель разрѣшаетъ выдать г. Шпилевскому на путевыя издержки и прожитiе въ Москвѣ 75 р. изъ спецiальн. средствъ Лицея (суммы сбора за слушанiе лекцiй). **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнiю.

7. Предложенiе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 24 минувшаго января за № 806, коимъ разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданiй Совѣта 15 и 29 сентября 1890 г. **Опредѣлили:** Принять къ исполненiю.

8. Предложенiе г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 1 сего февраля за № 1238, коимъ увѣдомляетъ, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенiя утвердилъ преподавателя Ярославской Духовной Семинарiи, магистра Богословiя *Константина Смирнова* профессоромъ Богословiя въ Лицеѣ съ 26 минувшаго января съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ духовный санъ. При этомъ г. Директоръ сообщилъ Совѣту, что о назначенiи г. Смирнова профессоромъ Богословiя въ Лицеѣ онъ увѣдомилъ уже 4 сего февраля мѣстнаго Преосвященнаго и Правленiе Духовной Семинарiи. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнiю.

9. Отношенiе Департамента Таможенныхъ Сборовъ отъ 21 минувшаго января за № 1277, коимъ проситъ высылать издаваемый Лицеемъ Временникъ въ обмѣнъ на издаваемые Департаментомъ разные статистическiе

сборники. **Опредѣлили:** Высылать Временникъ, по мѣрѣ выхода его въ свѣтъ, въ Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ, начавъ высылку съ 51 книги.

10. Прошенія студентовъ Лицея: 2 курса: Агапова Василья, Костылева Николая, Преображенскаго Алексѣя; 3 курса: Островскаго Павла, Фосса Евгенія и 4 курса Смоленскаго Владиміра о назначеніи имъ пособій. **Опредѣлили:** Назначить студенту Фоссу пособіе въ размѣрѣ 50 рублей изъ суммъ сбора за слушаніе лекцій, для исполненія чего и передать въ Правленіе Лицея копію съ настоящей статьи журнала, остальнымъ же студентамъ въ прошеніяхъ отказать.

11. Въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ гг. профессорами и преподавателями Лицея прочитано и пропущено слѣдующее число лекцій:

	Въ декабрѣ.		Въ январѣ.	
	Прочит.	Пропущ.	Прочит.	Пропущ.
Заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. М. Шпилевскимъ	14	0	18	6
Ординарными профессорами:				
Н. С. Суворовымъ	19	0	36	0
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ	10	0	18	0
Ис. д. экстраординарныхъ проф.:				
А. Н. Лодыженскимъ	8	0	8	4
В. Г. Щегловымъ	12	0	21	0
А. Е. Назимовымъ	8	0	12	0
Испр. должность доцентовъ:				
М. А. Липинскимъ	22	0	33	5
А. Е. Минервинымъ	15	0	20	0
М. М. Катковымъ	1	0	9	0

Приватъ-доцентами:				
В. Ф. Левитскимъ	6	0	14	0
Княземъ Е. Н. Трубецкимъ . .	4	0	6	0
П. Ѳ Бесѣдкинымъ	8	0	10	2
А. Р. Свирщевскимъ	3	1	7	0
Итого . .	130	1	221	17

Показанное количество лекцій пропущено: *С. М. Шпилевскимъ*, *М. А. Липинскимъ*, *М. Ѳ. Бесѣдкинымъ* и *А. Р. Свирщевскимъ* по болѣзни, *А. Н. Лодыженскимъ*—по нахожденію по отпуску. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

12. Состоящій съ 1 января 1890 г. при Лицеѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по торговому праву, Кандидатъ юридическихъ наукъ Всеволодъ *Удинцовъ*, получающій изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по 600 рублей въ годъ, представилъ въ Совѣтъ въ концѣ декабря 1890 г. отчетъ за 1890 годъ о своихъ ученыхъ занятіяхъ, каковой, по журналу Совѣта Лицея 17 декаяря 1890 г., переданъ былъ для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ ис. д. доцентовъ М. А. Липинскому и М. М. Каткову. Выслушавъ въ настоящемъ засѣданіи прилагаемый при семъ отзывъ объ отчетѣ г. Удинцова и соглашаясь съ этимъ отзывомъ, Совѣтъ **Опредѣлилъ:** Отчетъ Удинцова и отзывъ о немъ представить г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для отсылки въ Министерство.

13. На основаніи § 10 инструкціи преподавателямъ Лицея, очередь для произнесенія рѣчи на актѣ, имѣющемъ быть 30 августа 1891 года, падаетъ на испр. д. экстраординарнаго профессора *В. Ф. Левитскаго*, какъ

старшаго по назначенію на службу изъ всѣхъ другихъ преподавателей, нечитавшихъ еще рѣчи на актѣ, а потому **Опредѣлили:** Просить г. Левитскаго приготовить рѣчь для произнесенія на торжественномъ актѣ Лицея 30 августа 1891 г.

14. Г. Директоръ, на основаніи § 10 данной ему бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія инструкціи, заявилъ Совѣту, что въ число студентовъ Лицея приняты имъ: на 2 курсъ *Страддинъ* Иванъ—изъ бывшихъ студентовъ Лицея; на 3 курсъ *Васильевъ* Александръ изъ Московскаго Университета (среднее образованіе получилъ въ Бѣльской гимназіи) и на 4 курсъ *Ассъ* Абрамъ—изъ бывшихъ студентовъ Лицея, *Вольферцъ* Александръ—изъ Московскаго Университета (Казанской 2-й гимназіи), *Кюнъ* Карлъ—изъ Московскаго Университета (Гольдингенской гимназіи), *Орѣховъ* Сергѣй—изъ Московскаго Университета (въ Лицеѣ Цесаревича Николая), *Пескинъ* Михаилъ—бывшій студентъ Лицея и *Херцъ* Владиміръ изъ Московскаго Университета (Кишеневской 1-й гимназіи). **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

Приложеніе къ статьѣ 12.

Отчетъ г. Удинцева свидѣтельствуетъ о серіозномъ добросовѣстномъ изученіи римскаго права и о совершенно, достаточномъ съ нимъ знакомствѣ. Какъ видно изъ отчета, авторъ его обстоятельно проштудировалъ слѣдующія пособія: для исторіи римскаго права Schulin Lehrbuch der Geschichte des römischen Rechts“, для догмы Arnts „Lehrbuch der Pandekten“, для римскаго процесса Bethwann Hollwey „Der Zivilprocess des gemeinen Rechts in geschichtlicher Entwickelung“. Но этимъ повидимому г. Удинцовъ не ограничился: имѣющееся въ его отчетѣ изложеніе ученія объ ususfructus и quasi usus-

fructus въ текстахъ самихъ источниковъ, сгруппированныхъ въ систематическомъ порядкѣ, указываетъ на непосредственное ознакомленіе его съ самими источниками. Наконецъ краткій историческій и догматическій очеркъ о societas, коимъ заканчивается отчетъ, даетъ основаніе предполагать, что г. Удинцовъ вполнѣ овладѣлъ и освоился съ добытыми свѣдѣніями по римскому праву. Подлинное подписали: Ис. д. доцента *М. Катковъ* и ис. д. доцента *М. Липинскій*.

1891 года марта 30 дня въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: ординарный профессоръ Н. *Суворовъ*, ис. д. экстраординарныхъ профессоровъ: А. П. *Лодыженскій*, В. Г. *Щегловъ*, А. Е. *Назимовъ*, В. Ф. *Левитскій*, испр. д. доцентовъ: А. Е. *Минервинъ*, М. М. *Катковъ*, приватъ-доценты: князь Е. И. *Трубецкой*, М. Ѳ. *Беседкинъ* и А. Р. *Свирщевскій*. Не присутствовали: ординарный профессоръ Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскій* и испр. д. доцента М. А. *Липинскій* по болѣзни.

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта, и подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 14 февраля сего года за № 2121, коимъ увѣдомляетъ что ходатайство студента 3 курса Лицея Евгенія *Фосса* о допущеніи его къ испытаніямъ за 3 и 4 курсъ въ маѣ сего года удовлетворено быть не можетъ, такъ какъ полуторагодичное пребываніе Фосса на медицинскомъ фолультетѣ Казанскаго Университета не

можетъ быть зачтено ему въ число четырехъ обязательныхъ, по § 28 Устава Лицея, лѣтъ для прохожденія въ Лицеѣ курса наукъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 27 февраля сего года за № 2759, коимъ разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта онаго 5 октября и 3 ноября 1890 года. **Опредѣлили:** Принять къ исполненію:

4. Предложеніе г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 26 сего марта за № 3882, коимъ, вслѣдствіе ходатайства магистра Берендтса и запроса г. Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія, проситъ сообщить: не признается ли возможнымъ пополнить личный составъ Демидовскаго Юридическаго Лицея новымъ преподавателемъ по каѳедрѣ политической экономіи и науки о финансахъ. Имѣя въ виду, что каѳедра политической экономіи и науки о финансахъ вполнѣ въ настоящее время обезпечена въ Лицеѣ, такъ какъ на каѳедрѣ этой имѣется ис. д. экстраординарнаго профессора (г. Левитскій) и привать-доцентъ (г. Свирщевскій), Совѣтъ единогласно **Опредѣлилъ:** Донести г. Управляющему Московскимъ Учебнымъ Округомъ, что въ настоящее время Лицей не признаетъ нужнымъ пополнять личный составъ свой новымъ преподавателемъ по каѳедрѣ политической экономіи и науки о финансахъ.

5. Въ виду предстоящей въ скоромъ времени баллотировки привать-доцентовъ для чтенія ими нѣкоторыхъ предметовъ въ будущемъ учебномъ году, г. Директоръ предложилъ вопросъ: по какимъ каѳедрамъ Совѣтъ считаетъ необходимымъ имѣть въ будущемъ учебномъ году привать-доцентовъ? Вслѣдствіе этого ис. д. экстраординарнаго профессора *Щегловъ* заявилъ, что онъ считаетъ необходимымъ имѣть, по примѣру прежнихъ лѣтъ, при-

ватъ-доцента по каѳедрѣ энциклопедіи права, для чтенія исторіи политическихъ ученій; г. Директоръ, за отсутствіемъ ординарнаго профессора *Бѣлогрицъ-Котляревскаго,* заявилъ о необходимости имѣть приватъ доцента по каѳедрѣ Уголовнаго права и уголовнаго судопроизводства; ис. д. экстраординарнаго профессора *Левитскій* тоже высказалъ необходимость имѣть приватъ-доцента для чтенія науки о финансахъ. Эти три приватъ-доцента имѣются уже въ Лицеѣ до окончанія текущаго года, именно: князь Е. Н. *Трубецкой,* П. Ѳ. *Бесѣдкинъ* и А. Р. *Свирщевскій*. Наконецъ ис. д. экстраординарнаго профессора *Назимовъ* заявилъ, что желательно было бы имѣть еще приватъ-доцента по каѳедрѣ административнаго права, каковаго въ настоящее время въ Лицеѣ нѣтъ. **Опредѣлили:** Донести объ этомъ г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

6. Слѣдующее прошеніе ис. д. экстраординарнаго профессора Лицея В. Ф. *Левитскаго*: „Занимаясь изученіемъ аграрныхъ отношеній феодальной эпохи, а въ особенности тѣхъ институтовъ феодальнаго права, которые оказали вліяніе на формы землевладѣнія югозападной Россіи (чиншевое владѣніе, владѣніе такъ называемыхъ вольныхъ людей и т. п.), я имѣю надобность въ пересмотрѣ и изученіи богатаго собранія рукописей о средневѣковомъ крестьянскомъ землевладѣніи, хранящемся въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ и въ библіотекѣ Страсбургскаго Университета — (только одна часть послѣдняго собранія была передана аббатомъ Ганауеромъ (Hanauer) въ его двухъ сочиненіяхъ: Les paysans del' Alsace au Toyen-Age и въ его Les canstitutions des campagnes de-l' Alsace au Toyen-Age (1865 г.). По ходу моихъ занятій по землевладѣнію, мнѣ также необходимо изученіе на мѣстѣ современныхъ арендныхъ отношеній

въ Англіи. Свѣдѣнія, которыя я предполагаю добыть путемъ работы въ архивахъ и собранія статистическихъ данныхъ, должны послужить матеріаломъ для предположенной мною докторской диссертаціи на тему „о поземельной арендѣ и сродныхъ съ нею институтахъ". Кромѣ указанной цѣли моей заграничной поѣздки, мнѣ также, послѣ шести лѣтъ преподаванія въ Лицеѣ, весьма важно будетъ присмотрѣться къ пріемамъ преподаванія политической экономіи въ западно-европейскихъ университетахъ и къ практическимъ занятіямъ въ семинаріяхъ по хозяйственной исторіи. Въ виду изложеннаго, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея ходатайствовать предъ Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи мнѣ годичной командировки за границу въ Германію, Францію и Англію, срокомъ отъ 1 сентября сего года до 1 сентября 1892 года, съ сохраненіемъ получаемаго мною содержанія, а также ходатайствовать предъ Его Сіятельствомъ о разрѣшеніи мнѣ, согласно практикуемому въ Лицеѣ въ подобныхъ случаяхъ обычаю, соединить преподаваніе политической экономіи въ 18⁹²/₉₃ году двумъ курсамъ 2-му и 3-му. Въ заключеніе этого прошенія считаю необходимымъ присоединить, что я въ теченіи моей службы въ Лицеѣ и приготовленія къ профессорскому званію ни разу казенной командировкой не пользовался". По выслушаніи сего, **Опредѣлили**: Представить съ прописаніемъ прошенія г. Левитскаго г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа и просить надлежащаго ходатайства Его Сіятельства о командированіи съ сохраненіемъ содержанія за границу ис. д. экстраординарнаго профессора Лицея Левитскаго на одинъ годъ съ 1-го сентября сего 1891 года и, въ случаѣ разрѣшенія этой командировки, просить, въ измѣненіе § 39 правилъ для студентовъ Ли-

цея, утвержденныхъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10 сентября 1883 г., дозволенія на соединеніе преподаванія политической экономіи въ 1892—3 учебномъ году двумъ курсамъ второму и третьему.

7. Отношеніе Курляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отъ 8 сего марта за № 216, при коемъ препровождая для библіотеки Лицея XVIII томъ своихъ трудовъ, проситъ выслать издаваемый Лицеемъ Временникъ. **Опредѣлили:** Выслать въ Курляндскій Статистическій Комитетъ 52-ю книгу Временника Лицея.

8. Отношеніе Статистическаго Бюро Полтавскаго Губернскаго Земства отъ 18 сего марта за № 3772, коимъ проситъ высылать издаваемый Лицеемъ Временникъ въ обмѣнъ на высланные труды свои, которые и на будуще время будутъ высылаться по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ. **Опредѣлили:** Высылать въ Статистическое Бюро Полтавскаго Губернскаго Земства Временникъ Лицея, по мѣрѣ выхода его въ свѣтъ, начавъ высылку съ 51-й книги.

9. Г. Директоръ заявилъ, что гг. профессорами и преподавателями Лицея въ теченіе минувшаго февраля мѣсяца прочитано и пропущено слѣдующее количество лекцій:

	Въ февралѣ.	
	Прочит.	Пропущ.
Заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. М. Шпилевскимъ	26	1
Ординарными профессорами:		
Н. С. Суворовымъ	34	0
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ	18	0

Ис. д. экстраординарныхъ проф.:		
А. Н. Лодыженскимъ	8	6
В. Г. Щегловымъ	18	0
А. Е. Назимовымъ	10	2
В. Ф. Левитскимъ	12	0
Испр. должность доцентовъ:		
М. А. Липинскимъ	32	12
А. Е. Минервинымъ	20	0
М. М. Катковымъ	9	1
Приватъ-доцентами:		
Княземъ Е. Н. Трубецкимъ . .	6	2
П. Ѳ. Бесѣдкинымъ	10	4
А. Р. Свирщевскимъ	7	0
Итого .	210	28

Показанное количество лекцій пропущено: С. М. *Шпилевскимъ*, А. Е. *Назимовымъ*, М. Л. *Липинскимъ*, М. М. *Катковымъ*, кн. Е. Н. *Трубецкимъ*, П. Ѳ. *Бесѣдкинымъ*—по болѣзни и А. Н. *Лодыженскимъ* 4 по нахожденію въ отпуску и 2 по болѣзни. **Опредѣлили:** Записать объ этомъ въ журналъ.

10. Окончившій въ 1889 году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи *Э. Фалькъ*, таковую своевременно представилъ подъ заглавіемъ „Восточное право въ сравненіи его съ античнымъ“. Сочиненіе это передано было для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ ис. д. экстраординарнаго профессора *г. Щеглову*. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзыва о сочиненіи Фалька, представленнаго г. Щегловымъ, **Опредѣлили:** Удостоить

г. Фалька степени кандидата юридическихъ наукъ, въ чемъ и выдать ему надлежащій аттестатъ, отзывъ же о его сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

11. Окончившій въ 1890 году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи *Константинъ Марковъ*, таковую своевременно представилъ подъ заглавіемъ „Организація обвиненія на Западѣ и въ Россіи". Означенная диссертація передана была для разсмотрѣнія и представленія въ Совѣтъ отзыва о ней приватъ-доценту П. Ѳ. *Бесѣдкину*, который въ настоящемъ засѣданіи заявилъ Совѣту, что сочиненіе Маркова представляетъ собою сокращенную, мѣстами не точную, передачу изъ труда г. Муравьева „Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности" и что въ виду такого характера названнаго сочиненія оно не можетъ быть признано удовлетворяющихъ условіямъ кандидатской работы. **Опредѣлили**: Признать диссертацію г. Маркова неудовлетворительною для полученія степени кандидата, предоставивъ ему право подать новую диссертацію не далѣе какъ къ 1-му іюня настоящаго года.

12. Въ Совѣтъ Лицея представлены слѣдующія сочиненія на золотую медаль: на тему „Древне-русское судопроизводство по правымъ грамотамъ" подъ девизами: 1) „Audentes fortuna adjuvat"; 2) „Все минется, одна правда останется" и 3) „Tolle, lege" и на тему „Юристъ Гай и его сочиненія" подъ девизомъ „Wofern nicht scholastick und Barbarei einmal wiedez obsiegen, werde die römische Iurisprudenz der Mittelpunkt der Rechtswissenschaft bleiben und die ganze Wissensehaft mit der Philologie verknüpfen". (Neihbur). **Опредѣлили**: Передать эти сочиненія для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ первыя три Заслуженному Орди-

нарному Профессору С. М. Шпилевскому и ис. д. доцента М. А. Липинскому, а послѣднее исправ. д. доцентовъ А. Е. Минервину и М. М. Каткову.

13. Окончившіе въ 1890 году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій: *Томашевскій* Александръ и *Листратовъ* Николай, таковыя своевременно представили на темы: первый „Княжеская власть по лѣтописи Нестора до 1111 г.", а второй „Организація обвинительной функціи и дѣятельности прокуратуры". **Опредѣлили:** Передать эти сочиненія для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ: Томашевскаго—Заслуженному Ординарному Профессору С. М. Шпилевскому, а Листратова—приватъ-доценту П. Ѳ. Бесѣдкину.

14. Прошенія бывшихъ студентовъ: Московскаго Университета Ивана *фонъ Эрцдорфъ Купфера*, С.-Петербургскаго—Алексѣя *Рыбина* и кандидата естественныхъ наукъ того же Университета Моисея *Мейлаховскаго* о допущеніи ихъ къ испытаніямъ на степень кандидата юридическихъ наукъ при Лицеѣ въ маѣ настоящаго года. По разсмотрѣніи документовъ просителей. **Оредѣлили:** Допустить ихъ къ испытаніямъ на степень кандидата въ маѣ настоящаго года.

Приложеніе къ ст. 10.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи окончившаго курсъ въ Д. Ю. Лицеѣ въ 18⁹⁰/₉₁ академ. году, *Эдуарда Фалька*, представленнаго на степень кандидата правъ.

Сочиненіе *г. Фалька:* „Восточное право по сравненію съ античнымъ“ имѣетъ своей задачей представить сравнительный очеркъ восточнаго и античнаго права, указать на общія черты того и другаго и различіе ихъ между собою. Сообразно этой задачѣ, авторъ излагаетъ положительное право сначала главнѣйшихъ восточныхъ народовъ (индусовъ, египтянъ, персовъ, китайцевъ, евреевъ и магометанъ), а потомъ античныхъ (древнихъ грековъ и римлянъ). Изложеніе права у каждаго изъ восточныхъ и античныхъ народовъ начинается у Фалька предварительнымъ изслѣдованіемъ сущности религіозныхъ воззрѣній, которыя оказали преобладающее вліяніе на весь соціальный и политическій бытъ древнихъ народовъ. Фалькъ старается указать, какая связь существуетъ между религіей и правомъ у каждаго изъ восточныхъ и античныхъ народовъ: особенно долго авторъ останавливается на оцѣнкѣ вліянія культа предковъ на право въ античномъ мірѣ, гдѣ эта примитивная религія отразилась въ сильной степени на всѣхъ институтахъ частнаго (семьѣ, имуществѣ и наслѣдствѣ) и публичнаго права. Фалькъ указываетъ и на другія причины образованія права въ древности и особенно въ Греціи и Римѣ, гдѣ это образованіе отличалось наибольшею полнотою и разнообразіемъ. Такъ онъ говоритъ о географическихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ создались различія въ міровоззрѣніи и общественныхъ учрежденіяхъ антич-

ныхъ народовъ, упоминаетъ о составѣ народонаселенія, отношеніяхъ между различными элементами античнаго общества, характеромъ которыхъ обусловливался весь процессъ его исторіи. Но ускользаютъ отъ вниманія автора и важное значеніе городскаго образа жизни для общественнаго и политическаго быта древнихъ грековъ и римлянъ, измѣненія и совершеннаго исчезновенія у нихъ царской власти и, отчасти, самого античнаго государства. Талькъ далѣе разсматриваетъ отношеніе трехъ основныхъ элементовъ политическаго быта—монархическаго, аристократическаго и демократическаго—въ исторіи античнаго общества и дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о причинахъ сходствъ и различія частнаго права у древнихъ грековъ и римлянъ. Изложеніемъ отдѣльныхъ институтовъ частнаго права и уголовнаго у античныхъ народовъ заканчивается у Фалька описательная часть его работы, которая должна служить матеріаломъ для сравненія восточнаго права съ античнымъ. Но уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой описательной части мы встрѣчаемся съ попытками автора провести сравненіе между правомъ отдѣльныхъ народовъ древности. Такъ, напр., Фалькъ сравниваетъ египетское и персидское право съ индѣйскимъ. Въ концѣ его сочиненія дѣлается сравненіе всего восточнаго права съ античнымъ, причемъ авторъ отличаетъ какъ черты сходства (общность культа предковъ и вообще сильное вліяніе религій на право во всей древности, подчиненіе личности государству и др.), такъ и указываетъ на различіе античнаго права отъ восточнаго, выразившееся главнымъ образомъ въ ослабленіи въ античномъ мірѣ религіознаго элемента и развитіи идеи личности. — Обширность и сложность вопроса, избраннаго г. Фалькомъ предметомъ для своего изслѣдованія, были причиной нѣкоторыхъ недостатковъ его

труда. Сюда, напр., относится краткость и неполнота изложенія всего восточнаго права по сравненію съ античнымъ, отсутствіе общихъ свѣдѣній о вліяніи внѣшнихъ условій на образованіе права на Востокѣ. Въ частности, при изложеніи персидскаго права, не указаны авторомъ коренныя измѣненія въ немъ подъ вліяніемъ воинственнаго образа жизни персовъ; между ученіемъ Конфуція и китайскимъ общественнымъ и юридическимъ бытомъ авторомъ не уяснена тѣсная и неразрывная связь. Тоже замѣчается и по отношенію къ еврейской религіи и праву. Вообще между двумя главными частями сочиненія, то есть восточнымъ и античнымъ правомъ, оказывается какая-то несоразмѣрность и непропорціональность, вредящія дѣлу; за то античное право изложено Валькомъ более подробно и обстоятельно. При сравненіи восточнаго права съ античнымъ указаны имъ наиболѣе типичныя черты сходства и различія между ними. При своей работѣ г. Фалькъ пользовался сочиненіями Мэна, Ф. Куланжа, Грота, Моммзена, Блюнчли, Вебера, Аренса, Осипова и многихъ другихъ писателей. Изложеніе авторомъ предмета отличается послѣдовательностью; во многихъ мѣстахъ труда г. Фалька обнаруживается умѣнье автора выбирать изъ массы матеріала по данному вопросу свѣдѣнія, наиболѣе необходимыя для его постановки и возможнаго для автора разрѣшенія. Въ виду всѣхъ этихъ достоинствъ, сочиненіе Фалька, недостатки котораго вытекаютъ отчасти изъ самой обширности тэмы его изслѣдованія, я нахожу возможнымъ признать его достаточнымъ для полученія степени *кандидата правъ*.

Испр. должность Экстр. Профессора Лицея
В. Щегловъ.

30 марта 1891 г.

ЛѢТОПИСЬ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ

ЗА 1890—91 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

Лѣтописецъ Демидовскаго Юридическаго Лицея за истекшій учебный 21-й годъ его существованія долженъ вопервыхъ остановиться на небываломъ въ исторіи Лицея явленіи: въ теченіе одного года появилось въ Лицеѣ пять новыхъ преподавателей. Съ самаго начала учебнаго года открылъ свои чтенія по финансовому праву новый приватъ-доцентъ, магистрантъ Московскаго университета Свирщевскій; въ декабрѣ началъ чтенія по свободной каѳедрѣ римскаго права г. Катковъ, воспитанникъ Московскаго университета, приготовлявшійся къ профессорскому званію въ Берлинскомъ университетѣ, назначенный въ Лицей испр. должн. доцента; въ томъ же мѣсяцѣ вышелъ въ отставку по болѣзни профессоръ богословія и настоятель лицейской церкви, магистръ богословія, протоіерей Лавровъ, пробывшій на службѣ всего 36 лѣтъ, изъ которыхъ 26 принадлежатъ служенію въ Лицеѣ; на мѣсто протоіерея Лаврова назначенъ въ январѣ преподаватель Ярославской духовной семинаріи, магистръ богословія Смирновъ, который, по принятіи имъ духовнаго сана, вступитъ и въ должность настоятеля лицейской церкви; въ апрѣлѣ послѣдовалъ переводъ ординарнаго профессора Бѣлогрицъ-Котляревскаго въ университетъ св. Владиміра, а на принадлежавшую ему каѳедру уголовнаго права и уголовнаго судопроизводства назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора магистръ Москов-

скаго университета Вульфертъ, въ званіи приватъ доцента читавшій въ Московскомъ университетѣ уголовное судопроизводство; наконецъ, на дняхъ переведенъ въ Новороссійскій университетъ испр. должн. экстраординарнаго профессора Назимовъ, а на его каѳедру, къ которой принадлежитъ государственное право со включеніемъ административнаго, назначенъ исправляющимъ должн. экстраординарнаго профессора магистръ С.-Петербургскаго университета Берендтсъ.

Исторія нашего Лицея постоянно представляетъ переходы лицейскихъ профессоровъ въ университеты. Причины этому понятны. Хотя лицейскіе профессоры уравнены въ служебныхъ правахъ и по содержанію съ профессорами университетовъ, но трудно было бы отрицать болѣе высокое духовное значеніе университетовъ, сравнительно съ небольшимъ спеціальнымъ, хотя тоже высшимъ учебнымъ заведеніемъ, понятно и стремленіе изъ Ярославля въ столицу или въ одинъ изъ лучшихъ русскихъ городовъ, къ которымъ принадлежатъ всѣ университетскіе. Наконецъ, со времени введенія новаго университетскаго устава важнымъ побужденіемъ къ переходу изъ Лицея въ университеты является и значительно большее вознагражденіе профессоровъ юридическихъ факультетовъ, сравнительно съ лицейскими, такъ какъ на основаніи новаго университетскаго устава первые получаютъ гонораръ съ своихъ слушателей, не существующій въ Лицеѣ, а гонораръ этотъ можетъ равняться половинѣ и двумъ третямъ всего штатнаго содержанія, нѣкоторые получаютъ и болѣе. Многіе бывшіе профессоры Демидовскаго Юридическаго Лицея составляютъ нынѣ украшеніе университетовъ, пожелаемъ, чтобы такими же явились и вновь оставляющіе нашъ Лицей. Сердечно радуемся обогащенію Лицея новыми научными силами, о чемъ свидѣтельствуютъ ученые труды нашихъ новыхъ преподавателей.

Протоіерей Лавровъ вскорѣ послѣ своей отставки скончался. Добрая память о немъ долго будетъ жить въ Лицеѣ. Было бы непростительно скоро забыть свѣтлую личность отца Алексія, отличавшагося высокими нравственными качествами: истиннымъ благо-

честіемъ, благотворительностью, образцовымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей и ученымъ трудолюбіемъ. Память о немъ долго будетъ жить и во всѣхъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ для изученія закона Божія приняты учебники, составленные покойнымъ профессоромъ богословія.

Въ настоящее время въ Лицеѣ состоятъ 14 преподавателей: два ординарныхъ профессора, изъ которыхъ одинъ заслуженный, онъ же директоръ, профессоръ богословія, пять исправл. должн. экстраординарнаго профессора, три испр. должн. доцента и три приватъ доцента. Настоящее число преподавателей равняется опредѣляемому штатомъ, съ тою только разницею, что по штату при томъ же количествѣ экстраординарныхъ профессоровъ и доцентовъ, полагается 6 ординарныхъ профессоровъ, а количество приватъ доцентовъ не опредѣляется. По количеству преподавателей Лицей нѣсколько уступаетъ только юридическимъ факультетамъ столичныхъ университетовъ, равняется юридическому факультету университета св. Владиміра и превышаетъ юридическіе факультеты остальныхъ провинціальныхъ университетовъ. Но, не смотря на значительное количество преподавателей Лицея, въ немъ три каѳедры остаются свободными, это объясняется тѣмъ, что на трехъ каѳедрахъ находятся по два преподавателя, а на одной даже трое. Науки, принадлежащія къ свободнымъ каѳедрамъ, читаются наличными преподавателями.

Въ истекшемъ учебномъ году послѣдовало повышеніе въ должности только одного преподавателя: приватъ доцентъ Левитскій, по пріобрѣтеніи имъ въ Московскомъ университетѣ ученой степени магистра, былъ утвержденъ испр. должн. экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ политической экономіи и финансоваго права. На наступающій учебный годъ профессоръ Левитскій командированъ съ ученою цѣлью за границу. Въ истекшемъ году окончилось тридцатилѣтіе учебной службы директора Лицея, который оставленъ послѣ того на службѣ еще на 5 лѣтъ. Въ настоящемъ гражданскомъ году директоръ Лицея состоитъ предсѣдателемъ испытательной юридической коммиссіи при Императорскомъ Ново-

россійскомъ университетѣ. Члены ученой лицейской корпораціи кромѣ исполненія своихъ преподавательскихъ и другихъ служебныхъ обязанностей занимались и учеными трудами, которые печатались преимущественно въ издаваемомъ Лицеемъ Временникѣ. Профессоръ Щегловъ въ настоящее время оканчиваетъ печатаніемъ свою докторскую диссертацію подъ заглавіемъ „Государственный Совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе Александра I“; профессоръ Вульфертъ приготовилъ къ печатанію докторскую диссертацію подъ заглавіемъ: „Антропологo-позитивная школа уголовнаго права въ Италіи“ II выпускъ; первый выпускъ этого изслѣдованія представляетъ напечатанную въ 1887 г. магистерскую диссертацію г. Вульферта.

Обращаюсь къ отчету о студентахъ. Къ концу учебнаго года студентовъ было 201, изъ нихъ въ маѣ мѣсяцѣ окончили курсъ 57, сверхъ того могутъ окончить курсъ допущенные къ экзаменамъ въ первыхъ числахъ сентября 34. Въ отчетномъ году окончили курсъ и всѣ евреи, принятые въ Лицей 4 года тому назадъ, до распространенія на Лицей распоряженія г-на Министра Народнаго Просвѣщенія о принятіи евреевъ только въ количествѣ 5% на все число вновь поступающихъ студентовъ.

Къ наступающему новому учебному году подано 40 прошеній о зачисленіи въ студенты. Но въ виду того, что студентамъ юристамъ дозволяется переходить изъ университетовъ въ Лицей почти въ теченіе всего учебнаго года, именно до 15 февраля, а переходящіе изъ университетовъ составляютъ большинство студентовъ Лицея, въ настоящее время нельзя опредѣлить количество имѣющихъ быть въ наступающемъ году студентовъ Лицея. Принимая же во вниманіе данныя за послѣдніе годы о количествѣ ежегодно вновь поступающихъ въ Лицей, трудно предполагать, чтобы въ наступающемъ году число новыхъ студентовъ равнялось числу нынѣ оканчивающихъ курсъ, поэтому для наступающаго года должно предполагать нѣкоторое уменьшеніе общаго количества студентовъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ.

Послѣдній выпускъ выдается не только своею многочислен-

ностью, но и особенными научными успѣхами окончившихъ курсъ. Изъ 57 подвергавшихся окончательнымъ испытаніямъ 42 получили кандидатскія отмѣтки, у 9-ти имѣются отличныя отмѣтки (по 5) по всѣмъ предметамъ на всѣхъ экзаменахъ въ теченіе всего курса. Къ этимъ девяти принадлежатъ: Березниковъ, Бочкаревъ, Вереденко, Гурляндъ, Пескинъ, Розенкранцъ, Ѳейдманъ, Штейнбергъ и Юровскій. Успѣхи научныхъ занятій студентовъ доказываются и наградами, присужденными за сочиненія на темы, задаваемыя для соисканія медалей, почетнаго отзыва и денежныхъ премій. До предпрошлаго года, въ теченіе пяти лѣтъ, сочиненій на темы для соисканія медалей и почетнаго отзыва совсѣмъ не подавалось, въ истекшемъ году подано 5 такихъ сочиненій: одно по римскому праву и 4 по исторіи русскаго права. Сочиненіе по римскому праву, принадлежащее студенту Гурлянду, удостоено награды золотою медалью, а за сочиненія по исторіи русскаго права получили студенты Войтенковъ и Коганъ серебряныя медали, Максимовскій и Путята почетные отзывы. За сочиненія, поданныя для полученія денежныхъ премій, трое студентовъ Бочкаревъ, Гурляндъ и Рубинштейнъ получили полныя преміи по 50 р., и пять студентовъ Борейша, Канторъ, Максимовскій, Михалевичъ и Смоленскій получили половинныя преміи по 25 р.

Въ виду же особенныхъ выдающихся познаній, способностей и трудолюбія трехъ кончившихъ лицейскій курсъ Совѣтъ Лицея остановился на нихъ, какъ на достойныхъ впослѣдствіи занять каѳедры. Двое изъ нихъ Совѣтомъ Лицея уже избраны въ стипендіаты, приготовляющіеся къ профессорскому званію, именно кандидатъ Половцовъ избранъ для занятій по гражданскому праву, а кандидатъ Гурляндъ по полицейскому праву. Объ утвержденіи ихъ въ избранномъ званіи послѣдуетъ своевременно, къ опредѣленному сроку, ходатайство передъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Третьяго своего воспитанника Лицей предназначаетъ для занятій по церковному праву, о чемъ окончательное рѣшеніе Совѣта послѣдуетъ по разсмотрѣніи кандидатской диссертаціи этого молодаго ученаго. Такимъ образомъ, Лицею посчастливилось въ

одномъ году остановиться на трехъ своихъ воспитанникахъ, обѣщающихъ быть достойными дѣятелями науки. Въ настоящее время уже другой годъ при лицеѣ состоитъ стипендіатомъ, приготовляющійся къ магистерскому экзамену и предназначенный къ занятію каѳедры торговаго права и гражданскаго судопроизводства, кандидатъ лицея Удинцевъ; на двухъ каѳедрахъ лицея преподавателями являются бывшіе студенты лицея: испр. должн. доцента Минервинъ и приватъ доцентъ Бесѣдкинъ; бывшіе воспитанники Лицея встрѣчаются преподавателями и въ университетахъ. Справедливо ставятъ въ особенную заслугу преподавателямъ высшихъ учебныхъ заведеній приготовленіе ими преемниковъ себѣ, продолжателей ихъ дѣла, новыхъ работниковъ науки. Истекшій учебный годъ указываетъ на эти заслуги преподавателей Лицея.

По простительному пристрастію къ собственной профессіи намъ представляется особенно привлекательною будущая дѣятельность нашихъ слушателей, посвѣщающихъ себя наукѣ. При этомъ мы особенно имѣемъ въ виду не матеріальное обезпеченіе до нѣкоторой степени профессора, не почетное общественное положеніе его, а выпадающую на его долю обязанность постояннаго духовнаго саморазвитія путемъ научнаго труда. Наука сама по себѣ великая сила Дѣйствительно овладѣвшій наукой, живущій ею становится настоящимъ господиномъ самого себя, сильнымъ духомъ для борьбы съ житейскими невзгодами. Но нравственное самоусовершенствованіе и самоудовлетвореніе даетъ не одна только научная дѣятельность, къ тому же ведутъ и другія профессіи, предстоящія нашимъ бывшимъ слушателямъ. Практическій юристъ, прилагающій свои юридическія знанія къ анализу житейскихъ отношеній, тоже одухотворенный дѣятель, приносящій побѣду истинѣ надъ заблужденіемъ или злонамѣреніемъ, охраняющій своихъ согражданъ отъ посягательствъ на ихъ личныя и имущественныя права, спасающій отъ гибели невинно обвиняемаго или виновнаго въ чемъ нибудь, но не потерявшаго всѣхъ человѣческихъ достоинствъ. Успѣшная дѣятельность на такомъ поприщѣ, несомнѣнно, зависитъ отъ степени юридическихъ познаній практическаго юриста, поэто-

му пожелаемъ нашимъ бывшимъ студентамъ, вступающимъ нынѣ на практическую дѣятельность, не только не спускаться внизъ съ высоты настоящаго ихъ юридическаго образованія, но и продолжать изученіе права по указаннымъ имъ путямъ, методамъ и источникамъ.

Вновь вступающимъ въ Лицей пожелаемъ безпрепятственнаго и успѣшнаго достиженія ими заданной себѣ задачи—изученіе юридическихъ наукъ, пожелаемъ, чтобы отъ этой задачи ихъ не отвлекали никакіе другіе интересы, которые могли бы имъ казаться болѣе важными. Студентъ (studere), т. е. не только занимающійся науками, но и усердный, старательный къ своему дѣлу, любящій свое дѣло, не можетъ имѣть интересовъ выше занятій избранными имъ науками, иначе онъ не достоинъ высокаго названія студента. Но давно сказано, что avant avoir les moeurs il faut avoir du pain, поэтому иногда дѣйствительнымъ и важнымъ препятствіемъ для студентовъ въ занятіяхъ науками является ихъ матеріальная необезпеченность, необходимость изысканія разныхъ средствъ къ существованію. Въ виду этого при Лицеѣ существуетъ „Попечительство о недостаточныхъ студентахъ", въ правленіе котораго кромѣ трехъ профессоровъ входятъ и представители мѣстнаго общества. Попечительство выдаетъ нуждающимся пособія, помогаетъ и заимообразно на опредѣленные сроки, вноситъ плату за слушаніе лекцій за тѣхъ, которые по успѣхамъ своимъ, опредѣляемымъ экзаменаціонными отмѣтками, не могутъ быть освобождены правленіемъ Лицея отъ взноса платы. Кромѣ годичныхъ взносовъ въ попечительство членами его и процентовъ съ капитала въ 11000 руб., принадлежащаго попечительству, обыкновенно важнѣйшимъ ежегоднымъ доходомъ попечительства является сборъ со студенческаго вечера, устраиваемаго въ концѣ ноября. Нельзя не радоваться, что съ каждымъ годомъ доходъ съ этого вечера все болѣе и болѣе увеличивается, напр., доходъ послѣдняго вечера (около 1100 руб.) вдвое превышаетъ доходъ съ подобнаго вечера, даннаго 5 лѣтъ тому назадъ.

Представитель Лицея, говорящій предъ представителями мѣст-

наго общества о состоянiи Лицея за прошлый учебный годъ, не можетъ не принести сердечной благодарности мѣстному обществу за постоянно оказываемое имъ вниманiе ко всѣмъ интересамъ Лицея, доказательствомъ чему служитъ и настоящее собранiе лицъ, почтившихъ своимъ присутствiемъ лицейскiй праздникъ въ день годовщины его открытiя и престольнаго праздника лицейской церкви.

Въ заключенiе настоящаго отчета должно упомянуть о послѣдовавшемъ въ нынѣшнемъ году Высочайшемъ соизволенiи носить окончившимъ курсъ въ Лицеѣ установленной формы жетоны, подобные университетскимъ. Этимъ кончившiе курсъ въ Лицеѣ и по внѣшнимъ знакамъ своимъ уравниваются съ окончившими курсъ въ университетахъ.

Лицейскiй праздникъ совпадаетъ съ торжественнымъ для всей Россiи днемъ тезоименитства Его Императорскаго Величества. Только что принесенныя всѣми членами Лицея молитвы передъ Божественнымъ Престоломъ о благоденствiи нашего Государя соединялись съ нашими прошенiями къ всещедрому своими дарами Господу о ниспосланiи намъ силъ и разумѣнiя, чтобы достойно вести возлагаемое на насъ дѣло—приготовлять на служенiе государству знающихъ право и любящихъ правду и уяснить имъ истинное основанiе русскаго государственнаго устройства въ дарованной намъ Богомъ самодержавной власти Государя Императора, въ благодѣянiя которой для Русскаго государства мы искренно вѣруемъ и о томъ нелицемѣрно исповѣдуемъ.

Директоръ *С. Шпилевскiй.*

(*Приложеніе къ лѣтописи Лицея за 1890—91 учебный годъ*).

СПИСОКЪ СТУДЕНТОВЪ

Демидовскаго Юридическаго Лицея,

ОКОНЧИВШИХЪ ВЪ ОНОМЪ ПОЛНЫЙ КУРСЪ.

Первый выпускъ—1874 г.[1]).

*1. Архангельскій Николай Дмитріевичъ, родомъ Ярославской губерніи. Мировой судья, по назначенію отъ правительства, въ Динабургѣ.

*2. Бенедиктовъ Алексѣй Ивановичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь Заславскаго уѣзда, Волынской губ.

3. Боевской Михаилъ Александровичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора при окружн. судѣ въ Екатеринославлѣ.

4 Бѣляевъ Александръ Матвѣевичъ, Костромской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Смоленскѣ.

5. Васильевъ Николай Васильевичъ, Калужской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*6. Введенскій Николай Николаевичъ, Ярославской губ. Умеръ въ 1888 г., состоя старш. пом. Оберъ-Секр. въ Сенатѣ.

7. Веригинъ Александръ Константиновичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Виноградовъ Александръ Николаевичъ, Тверской губ. Іеромонахъ (Алексѣй), миссіонеръ въ Китаѣ.

---

1) Тѣ изъ окончившихъ курсъ въ Лицеѣ, противъ которыхъ поставлена звѣздочка, окончили курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ; остальные—съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

9. Головачевскій Иванъ Николаевичъ, Черниг. губ. Умеръ въ 1875 г., состоя канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ Кишеневѣ.

*10. Грузинцевъ Константинъ Николаевичъ, Ярославск. губ. Инспекторъ народныхъ училищъ въ Бѣжецкѣ.

*11. Добротинъ Арсеній Андреевичъ, Ярославской губерн. Умеръ въ 1891 г. состоя Секретаремъ город. думы въ Рыбинскѣ.

12. Драбовскій Петръ Тимофеевичъ, Новгородской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

13. Дьяковъ Викторъ Михайловичъ, Волог. губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Тотемскаго уѣзда, Вологодской губ.

*14. Знаменскій Алексѣй Ивановичъ, Яросл. губ. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Брестъ-Литовскѣ.

15. Ивановскій Алексѣй Михайловичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Изюмѣ, Харьковской губ.

*16. Казанскій Александръ Ивановичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Княгининскаго уѣзда, Нижегор. губ.

17. Князевскій Александръ Андреевичъ, Саратовской губ. Мировой судья въ Оренбургѣ.

*18. Князевскій Степанъ Андреевичъ, Саратовской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*19. Колокольцевъ Лавръ Флегонтовичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Вологдѣ.

20. Крутикъ-Горетубанскій Иванъ Григорьевичъ, Харьковской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*21. Лебедевъ Александръ Максимовичъ, Тульской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Кутансѣ.

*22. Лебедевъ Василій Өедоровичъ, Рязанской губ. Мировой судья въ Варшавѣ.

*23. Лыткинъ Николай Константиновичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Сарапулѣ.

24. Межаковъ Иванъ Николаевичъ, Костромск. губ. Мировой судья по назнач. отъ правит. въ Царевск. уѣздѣ, Астрах. губ.

25. Мерцаловъ Николай Өедоровичъ, Тульск. губ. Умеръ въ 1882 году, находясь суд. слѣд. въ Усть-Медвѣдицкѣ.

*26. Минервинъ Александръ Евграфовичъ, Яросл. г. Испр. долж. доцента въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ.

27. Моревъ Николай Николаевичъ, Яросл. губ. Дѣлопроизводитель VIII класса въ Департ. Народн. Просвѣщенія.

*28. Назимовъ Андрей Владиміровичъ, Яросл. губ. Мировой судья по назнач. отъ правит. въ Горѣцк. у., Могил. губ.

29. Орловъ Александръ Тимофеевичъ, Тамбовск. губ. Умеръ въ 1880 г., находясь судебн. слѣдователемъ въ Оренбургѣ.

*30. Орловъ Дмитрій Ивановичъ, Калужской губерн. Членъ окружнаго суда въ Ригѣ.

*31. Островскій Николай Петровичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ Пошехоньѣ.

*32. Покровскій Иванъ Өедоровичъ, Владимірской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Петербургѣ.

*33. Польскій Михаилъ Ивановичъ, Ярославской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Вологдѣ.

*34. Протопоповъ Петръ Владиміровичъ, Московской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

35. Розовъ Николай Николаевичъ, Яросл. губ. Умеръ въ 1875 г., состоя помощ. ревизора контр. палаты въ Ташкентѣ.

*36. Розовъ Павелъ Гавриловичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ городѣ Мологѣ.

*37. Розовъ Сергѣй Алексѣевичъ, Яросл. губ. Умеръ въ 1888 г., состоя Тов. губ. прокурора въ Мензелинскѣ.

38. Свидерскій Іосифъ Михайловичъ, Могилевской губерн. Предсѣдат. мироваго съѣзда въ Каменецъ-Подольскѣ.

39. Слѣповъ Николай Филиповичъ, Яросл. губ. Канцелярскій чиновникъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

40. Смарагдовъ Владиміръ Васильевичъ, Ярославской губ. Предсѣдатель съѣзда мир. суд. въ Ушицахъ Подольск. губ.

*41. Соколовъ Сергѣй Александровичъ, Московской губерн. Умеръ въ 1890 г. состоя Судебнымъ слѣдов. въ Бронницахъ.

*42. Талантовъ Александръ Порфирьевичъ, Ярославск. губ. Дѣлопроизводитель V кл. въ Департаментѣ Народн. Просвѣщенія.

43. Толстовъ Викторъ Дмитріевичъ, Владимірской губерн. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Казани.

44. Успенскій Николай Петровичъ, Костромской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Костромѣ.

*45. Чистяковъ Петръ Лаврентьевичъ, Калужской губерніи. Присяжный повѣренный въ Орлѣ.

Второй выпускъ—1875 года.

1. Баталинъ Сергѣй Михайловичъ, Калужской губ. Свѣдѣній не имѣется.

2. Беллертъ Николай Николаевичъ, Ярославск. губ. Умеръ въ 1876 г., не поступивъ на службу.

3. Богородскій Иванъ Флегонтовичъ, Яросл. губ. Судебн. слѣдователь 2-го уч. Орловскаго уѣзда, Вятской губ.

4. Бѣляевъ Арсеній Васильевичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

5. Валединскій Григорій Ивановичъ, Владим. губ. Умеръ въ 1880 г., состоя кандидат. на суд. должн. Нижегор. окр. суда.

*6. Волковичъ Дмитрій Львовичъ, Черниговской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Воскресенскій Николай Алексѣевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Гейцыгъ Александръ Николаевичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Петраковѣ.

*9. Глаголевъ Иванъ Матвѣевичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

*10. Дмитревскій Өедоръ Семеновичъ, Тульской губерніи. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

*11. Елпидинскій Алексѣй Петровичъ, Владимірской губ. Судебный слѣд. по важнѣйшимъ дѣламъ въ Петраковѣ.

12. Капацинскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Васильсурскѣ.

13. Капустинъ Константинъ Ивановичъ, Ярославской губ. Умеръ въ 1882 г., состоя судебн. слѣд. Слуцкаго уѣзда.

14. Климовъ Иванъ Васильевичъ, Рязанск. губ Изъ Товар. Прокур. Пермскаго Окружн. Суда вышелъ въ 1890 г. въ отставку.

15. Любимовъ Митрофанъ Андреевичъ, Калужской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*16. Люмиранскій Николай Михайловичъ, Костр. губерн. Умеръ 1885 г. состоя секр. канц. оберъ-прокурора св. синода.

*17. Мартыновъ Николай Антоновичъ, Ярославской губерн. Старшій Нотаріусъ въ Ярославлѣ.

*18. Матвѣевскій Митрофанъ Евдокимовичъ. Черниг. губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Вяткѣ.

19. Минервинъ Андрей Семеновичъ, Владим. губ. Состоя судебн. слѣд. 2-го уч. Челябинск. у., умеръ въ 1885 г.

*20. Минервинъ Василій Семеновичъ, Владимірской губерн. Присяжный повѣренный въ Ельцѣ Орловской губ.

21. Надѣинскій Павелъ Өедоровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Елабугѣ.

*22. Орловъ Михаилъ Ивановичъ, Калужск. губ. Судебный слѣдователь въ Калугѣ.

23. Павловъ Константинъ Николаевичъ, Рязанской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

24. Песоченскій Иванъ Андреевичъ, Калужской губерніи. Присяжный повѣренный въ Пензѣ.

25. Преображенскій Александръ Михайловичъ, Костр. губ Ум. въ 1887 г., состоя помощн. оберъ-секретаря 4 деп. Сената.

26. Розановъ Владиміръ Яковлевичъ, Владимірской губерн. Исправникъ въ г. Меленкахъ.

27. Смирновъ Андрей Павловичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ.

28. Смирновъ Иванъ Михайловичъ, Псковской губерніи. Свѣдѣній не имѣется.

*29. Соколовъ Степанъ Васильевичъ, Смоленск. губ. Состоя судебн. слѣдователемъ Сѣнинскаго уѣзда, умеръ въ 1883 году.

*30. Сологьевъ Иванъ Павловичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Сандомирѣ.

31. Сперанскій Иванъ Васильевичъ, Владимірской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Сарапулѣ.

32. Сперанскій Петръ Ивановичъ, Яросл. губ. Свѣдѣній не имѣется.

33. Стратилатовъ Александръ Константиновичъ, Яросл. губ. Суд. слѣдователь въ Макарьевѣ, Нижегородской губ.

34. Стратилатовъ Иванъ Константиновичъ, Ярославск. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Кадниковѣ.

*35. Стремоуховъ Андрей Михайловичъ, Ярославск. губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Москвѣ.

36. Ульяшенко Сергѣй Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣд. 3-го участка Шуйскаго уѣзда.

37. Уткинъ Петръ Петровичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ Шавли.

*38. Фортунатовъ Павелъ Дмитріевичъ, Тульской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

39. Чанцевъ Сергѣй Александровичъ, Смоленской губерніи. Судебный слѣд. 2-го уч. Витебскаго уѣзда.

40. Шиповъ Павелъ Александровичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

41. Эдемовъ Николай Дмитріевичъ, Саратовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*42. Якиманскій Александръ Михайловичъ, Владимірск. губ. Мировой судья въ Верхнеуральскѣ, Оренбургской губ.

43. Яхонтовъ Николай Алексѣевичъ, Костромской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

Третій выпускъ—1876 года.

1. Александровскій Иванъ Михайловичъ, Тульской губ. Умеръ въ 1884 г., состоя судебнымъ слѣдовател. въ Вильно.

*2. Архангельскій Николай Ивановичъ, Рязанской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*3. Богдановъ Яковъ Ивановичъ, Владимірской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Кологривѣ, Костром. губ.

4. Вознесенскій Александръ Ивановичъ, Костромской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Волочковъ Иванъ Петровичъ, Смоленской губ. Судебный слѣдователь въ Гжатскѣ, Смоленской губ.

*6. Звонниковъ Павелъ Ивановичъ, Кіевской губ. Присяжный повѣренный въ Иркутскѣ.

*7. Зерновъ Сергѣй Степановичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

8. Кирилловъ Михаилъ Васильевичъ, Московской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

9. Лапчинскій Ѳедоръ Алексѣевичъ, Черниговской губерн. Членъ соединенной палаты въ Архангельскѣ.

*10. Лебедевъ Николай Максимовичъ, Тульской губ. Товарищъ прокурора въ Ставрополѣ Кавказскомъ.

11. Лилеевъ Михаилъ Николаевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь Чембарскаго уѣзда, Пензенской губ.

12. Маляровъ Александръ Яковлевичъ, Оренбургской губ. Судебный слѣдователь Верхотурскаго уѣзда.

13. Маслаковъ Иліодоръ Васильевичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Казани.

14. Мелодіевъ Евлогій Евгеньевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.

*15. Нечаевъ Лука Ивановичъ, Тульской губ. Умеръ въ 1883 г., состоя судебнымъ слѣд. Богородицкаго уѣзда.

16. Остроумовъ Николай Ивановичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь Мещевскаго уѣзда.

17. Оферьевъ Ѳедоръ Арсеньевичъ, Владимірской губерн. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Ельнѣ.

18. Парнасовъ Петръ Петровичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора при окружномъ судѣ въ Екатеринодарѣ.

19. Пригаровскій Михаилъ Петровичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь 3-го уч. Чигиринскаго уѣзда.

20. Прозоровскій Михаилъ Григорьевичъ, Калуж. г. Умеръ въ 1878 г., состоя пом. дѣлопроизв. Калуж. губ. правленія.

*21. Писаревскій Николай Григорьевичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Гродно.

*22. Поповъ Степанъ Дмитріевичъ, Архангельской губерн. Мировой судья, по выбору, въ Тотьмѣ.

23. Разумовскій Апполонъ Николаевичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Харьковѣ.

24. Спасскій Владиміръ Евфимовичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ г. Крапивнѣ.

25. Стратилатовъ Михаилъ Константиновичъ, Яросл. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Нерехтѣ.

26. Субботинъ Василій Философовичъ, Ярославской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Перемышлѣ.

27. Троицкій Василій Александровичъ, Тверской губ. Судебный приставъ въ Весьегонскѣ.

Четвертый выпускъ—1877 года.

1. Алякринскій Митрофанъ Александровичъ, Владим. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Бенедиктовъ Геннадій Петровичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь Инсарскаго уѣзда, Пензенской губ.

*3. Валединскій Илья Іеронимовичъ, Владим. губ. Старшій чиновникъ особыхъ поруч. губернатора въ Нижн.-Новгородѣ.

4. Веселовскій Василій Аркадьевичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Минскѣ.

5. Галаховъ Алексѣй Михайловичъ, Тверской губ. Умеръ въ 1878 г., состоя при Министерствѣ Юстиціи.

6. Глѣбовъ Никаноръ Васильевичъ, Рязанской губ. Окружный акцизный надзиратель въ Умани.

7. Горбатовскій Матвѣй Степановичъ, Черниговской губ. Товарищъ Предсѣдателя губернскаго суда въ Енисейскѣ.

8. Гродзицкій Василій Ивановичъ, Минской губ. Состоя судебнымъ слѣд. въ Каменецъ-Подольскѣ, умеръ въ 1880 году.

9. Духовской Евгеній Васильевичъ, Нижегор. губ. Состоя присяжнымъ повѣреннымъ въ Москвѣ, умеръ въ 1889 году.

10. Журавченко Михаилъ Ивановичъ, Черниг. губ. Состоя канд. на суд. долж. Яросл. окр. суда, умеръ въ 1881 году.

11. Казанскій Павелъ Андреевичъ, Тульской губ. Судебн. слѣдователь Козеницкаго уѣзда. Радомской губерніи.

*12. Казанцевъ Леонидъ Николаевичъ, Яросл. губ. Экстраорд. проф. по римскому праву въ университетѣ Св. Владиміра.

*13. Крюковъ Сергѣй Ильичъ, Тверской губ. Учитель реальнаго училища въ Курскѣ.

14. Линденбратенъ Яковъ Рафаиловичъ, Виленской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Меморскій Александръ Михайловичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Нижнемъ-Новгородѣ.

16. Михайловскій Арсеній Николаевичъ, Тверской губерн. Секретарь окружнаго суда во Владикавказѣ.

*17. Моригеровскій Сергѣй Ивановичъ, Тульской губерніи. Товар. Прокурора окружнаго суда въ Екатеринодарѣ.

18. Невскій Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Учитель реальнаго училища въ Екатеринославлѣ.

19. Никольскій Александръ Григорьевичъ, Владимір. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

20. Никольскій Александръ Яковлевичъ, Черниговск. губ. Судебный слѣдователь Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губ.

21. Никольскій Петръ Павловичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Екатеринодарѣ.

22. Остряковъ Николай Яковлевичъ, Тамбовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Пагава, князь, Мельхиседекъ Григорьевичъ, Кутаисской губ. Директоръ Михайловскаго дворян. земельн. банка въ Кутаисѣ.

24. Парвицкій Николай Ивановичъ, Владимірской губерн. Правитель канцеляріи градоначальника въ Керчъ-Еникалѣ.

25. Поповъ Михаилъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдователь Карачевскаго уѣзда, Орловской губ.

*26. Потѣхинъ Павелъ Борисовичъ, Костромской губ. Дѣлопроизвод. VIII кл. въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

*27. Пѣтунинъ Алексѣй Яковлевичъ, Яросл. губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

28. Радугинъ Константинъ Павловичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

29. Розовъ Николай Александровичъ, Костромской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

30. Сахаровъ Владиміръ Ивановичъ, Калужской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

31. Святославскій Алексѣй Петровичъ, Московской губерн. Судебный слѣдователь въ Карачевѣ.

*32. Севастьяновъ Владиміръ Константиновичъ, Тамбовской губерніи. Мировой судья, по выбору, въ гор. Шацкѣ.

*33. Славновскій Алексѣй Александровичъ, Тверской губ. Податной инспекторъ въ Раненбургѣ.

34. Соловьевъ Иванъ Николаевичъ, Владимірской губерніи. Умеръ въ 1885 г., состоя секретар. Таврическ. дух. консисторіи.

35. Страховъ Александръ Семеновичъ, Московской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

36. Успенскій Алексѣй Николаевичъ, Москов. губ. Умеръ въ 1881 г., находясь помощн. присяжн. повѣрен. въ Ярославлѣ.

37. Успенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Помощникъ старшаго Нотаріуса окружнаго суда въ С.-Петербургѣ.

38. Утѣхинъ Филаретъ Владиміровичъ. Тверской губ. Судебный слѣдователь Луковскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ.

39. Хохловъ Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Слонимѣ.

40. Хохловъ Сергѣй Александровичъ, Тверской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Холмѣ, Псковской губ.

Пятый выпускъ—1878 года.

1. Алякринскій Григорій Артамоновичъ, Владимірск. губ. Судебный слѣдователь 2-го участка Меленковскаго уѣзда.

*2. Андроссовъ Николай Ивановичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣрен. округа Московской судебной палаты.

3. Афанасьевъ Маркъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

4. Бабіевскій Иванъ Григорьевичъ, Черниговской губерн. Старшій ревизоръ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

5. Балутинъ Флорентій Петровичъ, Черниг. губ. Уѣздный членъ окр. суда въ Валуйкахъ, Воронежской губ.

6. Виноградовъ Дмитрій Алексѣевичъ, Владимірск. губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Вознесенскій Николай Алексѣевичъ, Тверской губерніи. Судебный слѣдователь 4-го участка Оренбургской губ.

8. Воскресенскій Николай Дмитріевичъ, Тульской губерн. Судебный слѣдователь Новенѣжскаго уѣзда, Ковенской губ.

9. Гладковъ Владиміръ Григорьевичъ, Ярославской губ. Состоя присяжн. повѣр. во Владимірѣ, умеръ въ 1888 г.

*10. Доброхотовъ Александръ Алексѣевичъ, Ярославск. губ. Умеръ въ 1883 г., состоя судебн. слѣдователемъ въ Устюгѣ.

*11. Еспиовъ Алексѣй Николаевичъ, Ярославск. губ. Земскій начальникъ въ гор. Даниловѣ.

12. Ивановскій Александръ Ивановичъ, Вологодской губ. Мировой судья Ревельско-Гапсальскаго округа.

13. Казанскій Василій Алексѣевичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Краснопѣвцевъ Алексѣй Ивановичъ, Тульской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Лавровъ Алексѣй Андреевичъ, Орловской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Лебедевъ Дмитрій Алексѣевичъ, Московской губерніи. Членъ окружнаго суда въ Москвѣ.

17. Литовъ Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губ. Занимается торговыми дѣлами.

18. Малиновскій Николай Григорьевичъ, Орловской губерн. Судебный слѣдователь Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губ.

19. Миловидовъ Александръ Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Васильсурскаго уѣзда.

20. Молчановъ Владиміръ Алексѣевичъ, Тульской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

21. Моревъ Николай Николаевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

22. Несмѣловъ Николай Алексѣевичъ, Пензенской губерніи. Судебный слѣдователь въ Уфимской губерніи.

23. Орельскій Иванъ Андреевичъ, Нижегородской губерніи. Судебный слѣдователь Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губ.

24. Орловъ Алексѣй Алексѣевичъ, Воронежской губерніи. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Новочеркаскѣ.

*25. Петровскій Павелъ Лавровичъ, Ярослав. губ. Чиновн. особыхъ поруч. при управленіи государств. имущ. въ Новгородѣ.

26. Погожевъ Дмитрій Андреевичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

27. Поспѣловъ Николай Алексѣевичъ, Московской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

28. Путилинъ Александръ Ивановичъ, Воронежской губерн. Судебный слѣдователь Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ.

29. Реутскій Митрофанъ Ивановичъ, Черниговской губерн. Въ управленіи волжско-камскаго банка въ Петербургѣ.

30. Серафимовъ Николай Константиновичъ, Костромск. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Котельничѣ.

31. Сергѣевъ Петръ Степановичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губ.

32. Соколовъ Илья Васильевичъ, Смоленской губ. Судебный слѣдователь Поневѣжскаго уѣзда, Ковенской губ.

33. Срѣтенскій Евгеній Аврамьевичъ, Ярославской губерн. Секретарь духовной консисторіи въ Житомірѣ.

34. Стратилатовъ Николай Петровичъ, Ярославской губ. Преподаватель реальн. уч. въ Троицкосавскѣ, Забайкальск. обл.

35. Страховъ Иванъ Игнатьевичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

36. Ундольскій Сергѣй Александровичъ, Владимірск. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Вязникахъ.

37. Шумилинъ Николай Петровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь 12 уч. Варшавской губ.

Шестой выпускъ—1879 года.

1. Алексѣевскій Александръ Васильевичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь Усманскаго уѣзда, Воронежской губ.

2. Алякринскій Иванъ Артамоновичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь Челябинскаго уѣзда.

*3. Артыновъ Евгеній Дмитріевичъ, Владимірской губерн. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

4. Бѣлоровскій Михаилъ Петровичъ, Черниговской губерн. Засѣдатель окружнаго суда въ Каинскѣ, Томской губ.

5. Виноградовъ Иванъ Сергѣевичъ, Костромской губерніи. Столоначальникъ въ Министерствѣ Императорскаго двора.

6. Знаменскій Николай Павловичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губ.

7. Козловскій Иванъ Гавриловичъ, Могилевск. губ. Умеръ въ 1890 г., состоя судебнымъ слѣдователемъ Трокскаго уѣзда.

8. Лебедевъ Василій Григорьевичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь 1-го уч. Ковровскаго уѣзда.

9. Мировъ Алексѣй Алексѣевичъ, Яросл. губ. Состоя помощн. попечителя Калмыковъ въ Астрахани, умеръ въ 1880 г.

10. Никольскій Николай Яковлевичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь 3-го уч. Винницкаго у., Подольской губ.

*11. Образцовъ Семенъ Флегонтовичъ, Вологодской губ. Учит. реальн. учил. въ Урюпинской станицѣ (земли войска донскаго).

*12. Орлинскій Евсевій Ивановичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Пензѣ.

13. Платоновъ Иванъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Астраханскаго уѣзда.

14. Романовскій Алексѣй Константиновичъ, Московск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Смирновъ Андрей Константиновичъ, Рязанской губерн. Судебный слѣдователь въ Уфѣ.

*16. Соколовъ Николай Ѳедоровичъ, Тверской губ. Присяжный повѣренный въ Нижнемъ-Новгородѣ.

17. Стефановскій Александръ Трофимовичъ, Черниговск. губ. Товарищъ прокурора въ Гродно.

*18. Титовъ Сергѣй Георгіевичъ, Костромской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Вологдѣ.

19. Ураковъ Павелъ Петровичъ, Костром. губ. Помощникъ секретаря при окружномъ судѣ въ Костромѣ.

*20. Успенскій Алексѣй Ѳедоровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Витебской губерніи.

*21. Флорентинскій Владиміръ Николаевичъ, Нижегородской губ. Товарищъ прокурора въ Гродно.

*22. Фортунатовъ Константинъ Александровичъ, Тверской губ. Членъ окружнаго суда въ Смоленскѣ.

Седьмой выпускъ—1880 года.

*1. Безсоновъ Александръ Михайловичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

2. Бѣляевъ Иванъ Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Гороховецкаго уѣзда.

3. Валединскій Викторъ Іеронимовичъ, Владимірской губ. Мировой судья въ Кизлярѣ, Терской области.

4. Горлицынъ Владиміръ Авксентьевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*5. Граціановъ Александръ Яковлевичъ, Нижегородск. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Романовъ-Борисоглѣбскѣ.

*6. Гусевъ Николай Николаевичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не имѣется.

7. Дубенскій Николай Николаевичъ, Петербургской губ. Товарищъ прокурора при Костромскомъ окружномъ судѣ.

8. Ждановъ Андрей Андреевичъ, Полтавской губ. Мировой судья по выбору въ Царицынѣ.

9. Колосовскій Иванъ Владиміровичъ, Черниговской губ. Членъ соединенной палаты въ Уфѣ.

*10. Красовскій Александръ Антоновичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Елисаветполѣ.

11. Любимовъ Павелъ Ѳомичъ, Рязанской губерніи. Старшій нотаріусъ въ Ковно.

12. Муравьевъ Сергѣй Ивановичъ, Московск. губ. Судебный слѣдователь въ Болховѣ, Орловской губ.

13. Орловъ Иванъ Николаевичъ, Московской губерніи. Городской судья въ Ардатовѣ, Симбирской губ.

*14. Пятницкій Михаилъ Петровичъ, Ярославской губ. Изъ судебн. слѣдоват. Кологрива, причисленъ къ Мин. Юстиціи.

15. Пѣнскій Алексѣй Николаевичъ, Тверской губ. Состоя секретаремъ акциз. управл. въ Ковно, умеръ въ 1891 г.

*16. Раппопортъ Алексѣй Львовичъ, Кіевской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Кіевѣ.

17. Розановъ Гавріилъ Петровичъ, Рязанской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

18. Розовъ Александръ Васильевичъ, Ярославской губерн. Секретарь окружнаго суда въ Ярославлѣ.

19. Фортунатовъ Гавріилъ Дмитріевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Россіенскаго у., Ковенской губ.

20. Чернобровцевъ Василій Дмитріевичъ, Владимір. губерн. Судебный слѣд. 1-го уч. Семеновскаго уѣзда, Нижегор. губ.

*21. Шубинъ Николай Александровичъ, Петербургской губ. Членъ окружнаго суда въ Баку.

*22. Яковлевъ Иванъ Георгіевичъ, Петербургской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Язвицкій Константинъ Павловичъ, Владимірской губ. Столоначальникъ Управл. Попечителя учебн. округа въ Дерптѣ.

Восьмой выпускъ—1881 года.

1. Аменицкій Иванъ Александровичъ, Владимірской губ. Судебный слѣд. Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губ.

2. Богородскій Леонидъ Алексѣевичъ, Ярославской губерн. Почетный мировой судья въ Ярославлѣ.

3. Вишняковъ Михаилъ Семеновичъ, Московск. губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

4. Гоффманъ Антонъ Эдуардовичъ, Могилев. губ. Былъ судебн. слѣдователемъ въ Духовщинѣ, теперь въ отставкѣ.

*5. Ильинъ Порфирій Николаевичъ, Петербургской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

6. Истоминъ Александръ Ивановичъ, Тверской губ. Товарищъ губернскаго прокурора въ Архангельскѣ.

7. Коржавинъ Николай Николаевичъ, Московской губерн. Судебный слѣдователь въ Звенигородѣ.

*8. Критскій Иванъ Александровичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Череповцѣ.

9. Крыловъ Павелъ Александровичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

10. Любомудровъ Михаилъ Александровичъ, Тульской губ. Судебн. слѣдоват. 4-го уч. Ставропольск. уѣзда на Кавказѣ.

11. Лялинъ Михаилъ Николаевичъ, Владимірской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

12. Малевскій-Малевичъ Александръ Юльевичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣренный въ Твери.

13. Милославовъ Павелъ Афанасьевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Поповъ Дмитрій Васильевичъ, Вологодской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Поповъ Лавръ Андреевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь 8-го участка Екатеринбургскаго уѣзда.

16. Предтеченскій Николай Андреевичъ, Ярославск. губ. Городской судья въ Темниковѣ.

17. Приселковъ Владиміръ Захаровичъ, Тверской губерн. Судебный слѣдователь въ Ригѣ.

*18. Раевскій Евгеній Александровичъ, Ярославской губерн Городской судья въ Череповцѣ.

19. Раевскій Өедоръ Константиновичъ, Костром. г. Состоя канд. на судебн. должн. Костром. окр. суда, умеръ въ 1883 г.

20. Рождественскій Өедоръ Дмитріевичъ, Московской губ. Помощникъ секретаря судебной палаты въ Москвѣ.

21. Смирновъ Василій Семеновичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь Мстиславскаго уѣзда Могилевской губ.

22. Смирновъ Михаилъ Михайловичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь 1-го уч. Судогодскаго уѣзда.

*23. Смоленскій Михаилъ Өедоровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Бендерахъ.

24. Соколовъ Александръ Глѣбовичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*25. Телегинъ Сергѣй Александровичъ, Московской губерн. Судебн. слѣдов. 3-го уч. Балашевскаго уѣзда Саратовской губ.

26. Троицкій Василій Михайловичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Уфимской губерніи.

27. Троицкій Василій Өедоровичъ, Рязанской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*28. Шахъ-Азисъ Семенъ Іоакимовичъ, Эриванской губерн. Помощн. мироваго судьи Озургетскаго уѣзда, Кутаисской губ.

Девятый выпускъ—1882 года.

1. Александровскій Владиміръ Андреевичъ, Владимірской губ. Секретарь духовной консисторіи въ Могилевѣ.

2. Алексѣевъ Михаилъ Петровичъ; Тверской губ. Судебный слѣдователь 15 уч. округа Варшавскаго окружнаго суда.

3. Введенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Дерптѣ.

4. Дагаевъ Аркадій Өедоровичъ, Воронежской губ. Старшій нотаріусъ въ Тамбовѣ.

5. Дмитревскій Дмитрій Ивановичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь въ Кириловѣ Новгородской губерніи.

*6. Ивановъ Николай Аполлоновичъ, Тульской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Кондратьевъ Михаилъ Петровичъ, Московской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда во Владимірѣ.

8. Лебедевъ Сергѣй Антоновичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

9. Надеждинъ Сергѣй Александровичъ, Владимірской губ. Податной инспекторъ въ Покровѣ.

10. Ораевскій Өедоръ Александровичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не имѣется.

11. Платоновъ Василій Александровичъ, Тамбовской губерн. Членъ соединенной палаты въ Архангельскѣ.

*12. Полетаевъ Павелъ Арсеньевичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Солигаличѣ.

13. Полянскій Өедоръ Ивановичъ, Воронежской губерніи. Присяжный повѣренный въ Воронежѣ.

14. Свѣтловъ Константинъ Петровичъ, Рязанской губ. Товарищъ прокурора въ Тамбовѣ.

15. Соколовъ Иванъ Іассоновичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Романовъ-Борисоглѣбскѣ.

*16. Тверицкій Павелъ Өедоровичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Ростовѣ-Ярославскомъ.

17. Троицкій Александръ Ивановичъ, Московской губерн. Помощникъ акцизн. надзирателя въ Сапожкѣ, Рязанской губ.

Десятый выпускъ—1883 года.

1. Агриковъ Василій Дмитріевичъ, Владимірской губерн. Податной инспекторъ въ Муромѣ.

2. Андруцкій Гавріилъ Дмитріевичъ, Могилевской губерн. Судебный слѣдователь 3-го уч. Вилейскаго у., Виленской губ.

*3. Благовѣщенскій Иванъ Дмитріевичъ, Орловской губерн. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Весьегонскѣ.

4. Богородскій Василій Николаевичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Бѣлогостицкій Петръ Ивановичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь въ Любимѣ.

*6. Бѣлопольскій Петръ Васильевичъ, Воронежской губ. Изъ членовъ соединенной Астраханской палаты вышелъ въ отставку.

7. Бѣлявскій Александръ Алексѣевичъ, Смоленской губ. Свѣдѣній не-доставилъ.

*8. Введенскій Константинъ Евгеньевичъ, Вологодской губ. Податной инспекторъ въ Ярославлѣ.

*9. Введенскій Николай Дмитріевичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*10. Вишневскій Алексѣй Дмитріевичъ, Рязанск. губ. Кандидатъ на судебн. должн. при прокурорѣ окр. суда въ Разани.

11. Воздвиженскій Петръ Петровичъ, Московской губерніи. Секретарь окружнаго суда въ Москвѣ.

*12. Воскресенскій Дмитрій Андреевичъ, Тверской г. Состоя судебн. слѣд. по важн. дѣл. въ Великихъ Лукахъ, ум. въ 1891 г.

*13. Голубцовъ Алфей Александровичъ, Вологодской губ. Податной инспекторъ въ Шуѣ.

*14. Григоревскій Петръ Семеновичъ, Курской губ. Судебный слѣдователь въ Кадниковѣ Вологодской губ.

15. Добрянскій Феодосій Николаевичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь въ Слонимѣ.

16. Земблиновъ Александръ Ивановичъ, Пензенской губерн. Судебный слѣдователь Мокшанскаго уѣзда.

17. Зубовскій Іосифъ Федотовичъ, Могилевской губ. Судебный слѣдователь Стопницкаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи.

18. Ивановъ Петръ Дмитріевичъ, Воронежской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

19. Ивинскій Өедоръ Петровичъ, Тамбовской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Тамбовѣ.

20. Казанскій Сергѣй Алексѣевичъ, Нижегородской губерн. Помощникъ мироваго судьи въ Сыръ-Дарьинской области.

21. Каллинниковъ Евгеній Дмитріевичъ, Архангельской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

22. Козловскій Сергѣй Александровичъ, Черниговской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

23. Лебедевъ Василій Өедоровичъ, Уфимской губ Свѣдѣній не доставилъ.

*24. Невскій Александръ Ивановичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Ригѣ.

*25. Невскій Дмитрій Александровичъ, Ярославской губерн. Библіотекарь Демидовскаго Юридическаго Лицея.

26. Образцовъ Сергѣй Флегонтовичъ, Вологодской губерніи. Состоя судебн. слѣдов. въ Архангельскѣ, умеръ въ 1890 году.

27. Плавтовъ Иванъ Васильевичъ, Рязанской губ. Помощникъ надзир. V окр. акцизнаго управл. въ Черниговск. губ.

28. Погожевъ Игнатій Дмитріевичъ, Московской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Москвѣ.

29. Поповъ Александръ Ивановичъ, Харьковской губерніи. Умеръ въ 1888 г., состоя Секретаремъ окруж. суда въ Гродно.

30. Процвѣталовъ Иванъ Ивановичъ, Тамбовской губерніи. Товарищъ прокурора въ Ломжѣ.

*31. Розановъ Константинъ Александровичъ, Вологодск. губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Вологдѣ.

32. Сацердотовъ Степанъ Степановичъ, Вологодской губерн. Судебный слѣдователь въ Тотьмѣ.

33. Сербскій Василій Матвѣевичъ, Московской губ. Мировой судья въ Тельшевѣ.

*34. Соловьевъ Николай Васильевичъ, Олонецкой губ. Секретарь духовной консисторіи въ Ставрополѣ, Таврической губ.

35. Степановъ Сергѣй Никитичъ, Московской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Эривани.

*36. Тихонравовъ Александръ Өедоровичъ, Симбирской губ. Присяжный повѣренный въ Ригѣ.

*37. Троицкій Веніаминъ Виссаріоновичъ, Черниговск. губ. Товарищъ прокурора въ Гайсанѣ, Подольской губ.

38. Троцкій Гурій Аристарховичъ, Черниговской губерніи. Товарищъ прокурора въ Каменецъ-Подольскѣ.

39. Успенскій Алексѣй Петровичъ, Тульской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Тулѣ.

40. Чернобровцевъ Константинъ Ивановичъ, Владим. губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Костромѣ.

41. Шмаковъ Семенъ Васильевичъ, Архангельской губерн. Умеръ въ 1888 г., состоя Секретаремъ окруж. суда въ Вологдѣ.

42. Шмигельскій Константинъ Григорьевичъ, Кіевской губерніи. Мировой судья въ Умани.

43. Юрьевъ Алексѣй Николаевичъ, Курской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Язвицкій Александръ Павловичъ, Владимірской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго во Владимірѣ.

*45. Өедоровъ Владиміръ Васильевичъ, Ставропольской губ. Суд. слѣдов. Отрадненскаго уч. Екатеринодарскаго окруж. суда.

46. Өоминъ Василій Яковлевичъ, Олонецкой губ. Помощн. дѣлопроизводит. канцеляріи Государственнаго Контроля VII класса.

Одиннадцатый выпускъ—1884 года.

1. Авдіевъ Николай Ивановичъ, Курской губ. Помощникъ мироваго судьи въ Ферганской области.

2. Альбовъ Иванъ Павловичъ, Костромской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при военномъ прокурорѣ въ Казани.

3. Аргентовскій Евграфъ Васильевичъ, Тобольской губерн. Засѣдатель окружнаго суда въ Каинскѣ.

*4. Бесѣдкинъ Павелъ Өедоровичъ, Московской губ. Приватъ-доцентъ въ Лицеѣ по уголовному праву.

5. Благонадеждинъ Иванъ Васильевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Семеновскаго уѣзда.

6. Бруевичъ Иванъ Ивановичъ, Могилевской губ. Судебный слѣдователь въ Горкахъ.

7. Введенскій Иванъ Григорьевичъ, Владимірской губерн. Помощникъ секретаря окружн. суда во Владимірѣ.

8. Виноградовъ Николай Александровичъ, Ярославск. губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Кѣльцахъ.

9. Высоцкій Иванъ Капитоновичъ, Орловской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

10. Голосовъ Александръ Александровичъ, Ярославск. губ. Судебный слѣдователь въ Устьсысольскѣ.

11. Голубцовъ Павелъ Александровичъ, Вологодской губ. Судебный слѣдователь въ Никольскѣ, Вологодской губ.

12. Городецкій Александръ Степановичъ, Пензенской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Челябинскаго уѣзда.

13. Грацинскій Павелъ Павловичъ, Воронежской губерніи. Городской судья въ Стародубѣ.

14. Громковскій Иванъ Кодратовичъ, Тамбовской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го уч. Кунгурскаго уѣзда.

15. Дмитріевъ Михаилъ Александровичъ, Архангельск. губ. Податной инспекторъ въ Вологдѣ.

16. Заваринъ Владиміръ Павловичъ, Вологодской губерніи. Судебный слѣдователь въ Бугульмѣ.

*17. Звѣревъ Александръ Михайловичъ, Московской губерн. Судебный слѣдователь въ Газенпотѣ, Курляндской губ.

*18. Зыковъ Тимофей Яковлевичъ, Ярославской губ. Окружный акцизный надзиратель въ Бѣжецкѣ.

*19. Казанскій Алексѣй Васильевичъ, Московской губерніи. Товарищъ прокурора въ Ригѣ.

20. Купріановъ Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь 3-го уч. Мензелинскаго уѣзда.

*21. Лебедевъ Иванъ Александровичъ [1]), Олонецкой губерн. Мировой судья въ Онегѣ.

22. Лебедевъ Павелъ Васильевичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Леоновъ Евфимій Петровичъ, Воронежской губерніи. Секретарь окружнаго суда въ Воронежѣ.

*24. Любимовъ Павелъ Николаевичъ, Калужской губерніи. Судебный слѣдователь въ Тобольской губ.

*25. Миславскій Николай Өедоровичъ, Черниговской губерн. Судебный слѣдователь во Владимірѣ-Волынскомъ.

26. Михайловъ Михаилъ Николаевичъ, Орловской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Моисеевъ Өедоръ Ивановичъ, Харьковской губ. Дѣлопроизводитель 3 округа Акцизнаго Управленія въ Самарѣ.

*28. Невзоровъ Александръ Серафимовичъ, Оренбургской губ. Испр. должн. доцента Университета въ Дерптѣ.

*29. Нехорошевъ Тимофей Васильевичъ, Томской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Петербургѣ.

30. Никифоровскій Андрей Васильевичъ, Костромской губ. Податной инспекторъ въ Рыбинскѣ.

31. Никольскій Дмитрій Герасимовичъ, Орловской губерн. Засѣдатель окруждаго суда въ Читѣ (Забайкальск. области).

32. Павловскій Сергѣй Александровичъ, Орловской губерн. Совѣтникъ губернскаго суда въ Енисейскѣ.

---

1) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

33. Петровскій Митрофанъ Іоакимовичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

34. Плетеневъ Андрей Алексѣевичъ, Курской губ. Членъ соединенной палаты въ Астрахани.

35. Покровскій Сергѣй Алексѣевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Оренбургской губерніи.

*36. Поповскій Иванъ Ивановичъ, Воронежской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Сувалкахъ.

37. Поповъ Николай Александровичъ, Костромской губерн. Судебный слѣдователь Ошмянскаго уѣзда.

38. Поповъ Ѳедоръ Львовичъ, Вятской губерніи. Податной инспекторъ въ Устюгѣ.

39. Приступа Георгій Игнатьевичъ, Волынской губ. Присяжный повѣренный въ Шадринскѣ, Пермской губерніи.

40. Протопоповъ Алексѣй Андреевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Ферганской области.

41. Раевскій Сергѣй Михайловичъ, Нижегородской губерн. Секретарь губернскаго акцизнаго управленія въ Самарѣ.

42. Робустовъ Василій Ивановичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

43. Рождественскій Константинъ Николаевичъ, Тамбовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Рязанцевъ Дмитрій Ивановичъ, Тверской губ. Столоначальникъ въ департ. министерства юстиціи.

45. Самаринъ Сергѣй Николаевичъ, Вологодской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

46. Самойловичъ Владиміръ Александровичъ, Полтав. губ. Кандидатъ на суд. долж. при прокур. суд. палаты въ Одессѣ.

*47. Сангалло Николай Карловичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

48. Сахаровъ Александръ Лукичъ, Рязанской губ. Городской судья въ Полтавѣ.

49. Сементовскій Иванъ Петровичъ, Оренбургской губерніи. Товарищъ губернскаго прокурора въ Томскѣ.

*50. Семидаловъ Владиміръ Ивановичъ, Енисейской губерн. Окружный судья въ Красноярскѣ.

*51. Серновскій Николай Григорьевичъ [1]), Тамбовской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Люблинѣ.

52. Скворцовъ Павелъ Космичъ, Московской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

53. Спасскій Василій Павловичъ, Владимірской губ. Судебный слѣд. 2 участка Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ.

54. Сперанскій Николай Ивановичъ, Владимірской губ. Изъ судебн. слѣд. Новоржева, причисленъ къ Министерству Юстиціи.

55. Стефановъ Николай Григорьевичъ, Смоленской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

56. Страховъ Николай Васильевичъ, Калужской губерніи. Судебный слѣдователь Боровскаго уѣзда.

57. Струменскій Евгеній Евгеньевичъ, Подольской губерніи. Помощникъ мироваго судьи въ Нахичевани.

*58. Сулковскій Василій Константиновичъ, Минской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

59. Сущинскій Германъ Васильевичъ, Могилевской губерн. Судебный слѣдователь въ Чаусахъ.

*60. Трехлѣтовъ Александръ Матвѣевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Ярославлѣ.

61. Троицкій Алексѣй Арсеньевичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

62. Троицкій Николай Петровичъ, Тверской губерн. Судебный слѣдователь 2-го участка Лидскаго уѣзда.

63. Труфановъ Василій Константиновичъ, Харьковской губ. Судебный слѣдователь въ Калишѣ.

64. Флеровъ Сергѣй Александровичъ, Тверской губерніи. Товарищъ прокурора въ Вологдѣ.

65. Флоринскій Константинъ Ивановичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окруж судѣ въ Москвѣ.

---

1) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

66. Фортунатовъ Петръ Степановичъ, Казанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Баку.

67. Хохловъ Александръ Васильевичъ, Черниговской губ. Присяжный повѣренный въ Рыбинскѣ.

68. Хохловъ Алексѣй Александровичъ, Тверской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

69. Цвѣтковъ Павелъ Васильевичъ, Московской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

70. Часовниковъ Ѳедоръ Михайловичъ, Воронежской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

*71. Чулановскій Михаилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Свѣдѣній не имѣется.

72. Шеленинъ Василій Іустиновичъ, Могилевской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Могилевѣ.

73. Ѳедосѣевъ Александръ Петровичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Сызрани.

Двѣнадцатый выпускъ—1885 года.

1. Агеевъ Иванъ Васильевичъ, Полтавской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го уч. Роменскаго у., Полтавской губерн.

*2. Архангельскій Иванъ Космичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Мѣховѣ, Кѣлецкой губ.

3. Бакулевскій Иванъ Гавриловичъ, Казанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Шадринскѣ.

4. Богословскій Сергѣй Дмитріевичъ, Орловской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Орлѣ.

5. Богородицкій Всеволодъ Сергѣевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь Иллукстскаго у., Курляндской губ.

*6. Будзиловичъ Николай Николаевичъ, Минской губерн. Суд. слѣдователь 3-го уч. Новогрудскаго уѣзда, Минской губ.

7. Быстрицкій Всеволодъ Владиміровичъ, Владимірской губерніи. Въ акцизномъ управленіи въ Муромѣ.

8. Бѣляевъ Иванъ Васильевичъ, Харьковской губ. Товарищъ прокурора въ Самаркандѣ.

*9. Введенскій Ѳедоръ Викторовичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Гайсинскаго уѣзда, Подольской губ.

10. Виноградовъ Николай Николаевичъ, Орловской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

11. Виноградскій Николай Степановичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Радомѣ.

12. Вознесенскій Василій Константиновичъ, Владимірской губерніи. Помощникъ секрет. окр. суда въ Нижнемъ-Новгородѣ.

13. Вознесенскій Николай Аркадьевичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь въ Новочеркаскѣ.

*14. Гродзицкій Митрофанъ Іосифовичъ, Минской губерніи. Кандидатъ на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Кіевѣ.

15. Гунбинъ Василій Алексѣевичъ, Тверской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Драгомирецкій Дмитрій Ѳеофановичъ, Подольской губ. Старшій контролеръ винокур. заводовъ 4 окр. въ Подольскѣ.

17. Ерасси Владиміръ Ивановичъ, Владимірской губерніи. Умеръ въ 1887 г., состоя пом. присяжн. повѣрен. во Владимірѣ.

18. Зыковъ Арсеній Павловичъ, Тверской губерн. Судебный слѣдователь въ Митавѣ.

19. Казанскій Петръ Ивановичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

20. Картвеловъ Михаилъ Лаврентьевичъ, Тифлисской губ. Помощникъ мироваго судьи по Тифлисскому уѣзду.

21. Короткевичъ Николай Дмитріевичъ, Черниг. губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Нѣжинѣ.

22. Лавровъ Веніаминъ Тихоновичъ, Орловской губ. Старшій контролеръ 2-го окр. акцизн. управленія въ Орлѣ.

23. Лисицынъ Николай Васильевичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь Зубцовскаго уѣзда, Тверской губ.

24. Ломакинъ Константинъ Павловичъ, Курской губ. Судебный слѣдователь въ Тельгенѣ Курляндской губ.

25. Лубнинъ Алексѣй Дмитріевичъ, Вятской губ. Городской судья въ Кологривѣ.

26. Медвѣдевъ Александръ Семеновичъ, Тверской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Нечаевъ Сергѣй Петровичъ, Черниговской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

28. Никольскій Владиміръ Ильичъ, Тульской губ. Секретарь окружнаго суда въ Тулѣ.

29. Никольскій Павелъ Ивановичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Ейскѣ Кубанской области.

30. Никольскій Ѳедоръ Петровичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь Белебѣевскаго уѣзда, Уфимской губерніи.

31. Новицкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Судебный слѣдователь въ Ревелѣ.

32. Поповъ Иванъ Алексѣевичъ, Вологодской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

33. Поповъ Николай Степановичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь Бирскаго уѣзда, Уфимской губ.

*34. Проценко Николай Николаевичъ, Петербургской губ. Въ министерствѣ финансовъ.

35. Преображенскій Василій Ивановичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Варшавѣ.

36. Рклицкій Николай Васильевичъ, Черниговской губерн. Городской судья въ Бронницахъ.

*37. Смирновъ Дмитрій Васильевичъ, Ярославской губерніи. Помощн. секретаря окружнаго суда въ Нижнемъ-Новгородѣ.

38. Соколовъ Дмитрій Ивановичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь 1-го участка Бирскаго у., Уфимской губ.

39. Соколовъ Александръ Васильевичъ, Казанской губерн. Товарищъ губернскаго прокурора въ Тобольскѣ.

40. Соловьевъ Иванъ Петровичъ, Владимірской губ. Пом. присяжн. повѣреннаго въ Иваново-Вознесенскѣ.

41. Спасскій Павелъ Александровичъ, Ярославской губерн. Добавочный мировой судья въ Архангельскѣ.

*42. Сперанскій Петръ Ивановичъ, Калужск. губ. Состоя кандидат. на судебн. должн. при Калужск. окр. судѣ, ум. въ 1886 г.

43. Третьяковъ Иванъ Антоновичъ, Смоленской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Троицкій Николай Александровичъ, Костромской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

45. Туношенскій Василій Васильевичъ, Ярославской губ. Счетный чиновникъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

46. Тюльпановъ Ѳедоръ Степановичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь 2-го участка Судогодскаго уѣзда.

47. Феликсовъ Евгеній Андреевичъ, Симбирской губерніи. Судебный слѣдователь въ Белебеѣ.

48. Хабурзанія Антонъ Степановичъ, Тифл. губ. Канд. на судебныя должн. при Сачхерскомъ миров. съѣздѣ Кутаисской губ.

49. Цѣлицо Владиміръ Леонтьевичъ, Могилевской губерн. Контролеръ акцизнаго управленія въ Витебскѣ.

50. Чарнецкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Канд. на судебныя должности при Луцкомъ прокурорѣ.

*51. Четыркинъ Павелъ Васильевичъ, Смоленской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го участка Лидскаго уѣзда.

52. Шугаевскій Иванъ Николаевичъ, Черниг. губ. Ум. въ 1888 г., сост. канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ К.-Подольскѣ.

53. Ѳедотовъ Арсеній Петровичъ, Воронежской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го уч. Новохоперскаго уѣзда.

Тринадцатый выпускъ—1886 года.

1. Антоновъ Митрофанъ Давидовичъ, Харьковской губерн. Мировой судья въ Бакинской губерніи.

*2. Архангельскій Владиміръ Хрисанфовичъ, Симбирской губ. Судебный слѣдователь въ Романовъ-Борисоглѣбскѣ.

3. Богоявленскій Филадельфъ Васильевичъ, Казанск. губ. Ум. въ 1887 г., сост. канд. на судебн. долж. при Яросл. окр. судѣ.

4. Боевской Николай Александровичъ, Ярославской губ. Канд. на судебн. должн. при прокурорѣ окр. суда въ Ярославлѣ.

5. Бочаговъ Александръ Ивановичъ, Ярославской губерн. Помощникъ контролера въ акцизномъ управленіи въ Петербургѣ.

6. Воротниковъ Василій Сергѣевичъ, Томской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Воскресенскій Александръ Андреевичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Демидовичъ Александръ Өедоровичъ, Екатеринославской губерніи. Помощникъ мироваго судьи въ Батумѣ.

*9. Иванишинъ Евгеній Матвѣевичъ, Воронежской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

10. Илличъ Александръ Александровичъ, Подольской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Литинскаго уѣзда.

11. Каменцевъ Петръ Николаевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

12. Киріевъ Андрей Семеновичъ, Полтавской губ. Судебный слѣдователь 1-го участка въ Грязовцѣ.

13. Леоновъ Алексѣй Георгіевичъ, Уфимской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Малининъ Иванъ Никитичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь въ Бобруйскѣ.

15. Марковъ Александръ Николаевичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Мирмиковъ Сергѣй Алексѣевичъ, Смоленской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го уч. въ Златоустовѣ Уфимской губ.

17. Михайловскій Константинъ Николаевичъ, Нижегородской губерніи. Свѣдѣній не имѣется.

18. Модестовъ Сергѣй Сергѣевичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Хвалынскѣ.

19. Мясниковъ Александръ Александровичъ, Тверской губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Кашинѣ.

*20. Нагинъ Андрей Павловичъ, Псковской губ. Городской судья въ Порховѣ.

21. Невскій Александръ Арсеньевичъ, Тверской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*22. Отрошкевичъ Николай Саввичъ, Витебской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Витебскѣ.

*23. Петровъ Митрофанъ Петровичъ, Харьк. губ. Состоитъ для приготовленія къ профессорской каѳедрѣ по Финансов. праву.

24. Поповъ Михаилъ Алексѣевичъ, Харьковской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

25. Пятницкій Александръ Константиновичъ, Тульской губ. Засѣдатель уѣзднаго суда въ Архангельскѣ.

26. Роговъ Василій Дмитріевичъ, Петербургской губерніи. Судебный слѣдователь въ Хотинѣ.

*27. Розовъ Константинъ Ивановичъ, Ярославской губерніи. Столоначальникъ казенной палаты въ Ярославлѣ.

*28. Сергѣевскій Владиміръ Васильевичъ, Самарской губерн. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Алатыри.

29. Синебрюховъ Александръ Ивановичъ, Уфимской губерн. Помощникъ секретаря судебной палаты въ Вильно.

*30. Скопинскій Александръ Васильевичъ, Рязанской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Казани.

31. Скульскій Петръ Николаевичъ, Ярославской губерніи. Счетный чиновникъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

*32. Срѣтенскій Семенъ Александровичъ, Петербургской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

33. Удинцовъ Николай Васильевичъ, Пермской губ. Судебный слѣдователь 3-го участка Соликамскаго уѣзда.

34. Успенскій Николай Алексѣевичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь въ Ольгополѣ, Подольской губ.

*35. Чоловскій Михаилъ Ѳедоровичъ, Могилевской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*36. Чулановскій Гавріилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

37. Чумаевскій Алексѣй Сергѣевичъ, Саратовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

38. Шипинъ Александръ Павловичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь въ Устюжнѣ

*39. Щербина Матвѣй Петровичъ, Харьковской губ. Товарищъ прокурора въ Хабаровкѣ.

40. Ѳеденко Григорій Игнатьевичъ, Харьковской губ. Судебный слѣдователь въ Таганрогѣ.

Четырнадцатый выпускъ—1887 года.

*1. Агафоновъ Николай Ѳедоровичъ, Уфимской губ. Судебный слѣдователь въ Ирбити.

2. Асотскій Павелъ Михайловичъ, Курской губ. Судебн. слѣдователь въ Стопницахъ, Кѣлецкой губ.

3. Боголюбскій Илларіонъ Алексѣевичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*4. Бѣляѣвъ Николай Семеновичъ, Воронеж. губ. Контролеръ по табачной части въ Симферополѣ.

5. Виноградовъ Моисей Петровичъ, Витебской губ. Судебный слѣдователь Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

6. Виноградскій Василій Степановичъ, Черниг. губ. Кандидатъ на судебн. должн. при прокурорѣ Черниг. окр. суда.

7. Георгіевскій Александръ Васильевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Гурвичъ Айзикъ Ароновичъ, Ковенской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*9. Дмитревскій Иванъ Петровичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

10. Замахаевъ Сергѣй Андреевичъ, Воронежской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

11. Звѣздинъ Александръ Ивановичъ, Нижегородской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Нижнемъ-Новгородѣ.

12. Истоминъ Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Добавочный мировой судья въ Архангельскѣ.

13. Калашниковъ Николай Петровичъ, Рязанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Тельшахъ, Ковенской губерніи.

14. Клементьевъ Григорій Игнатьевичъ, Харьковской губ. Судебный слѣдователь Лидскаго уѣзда, Виленской губ.

15. Котовичъ Василій Васильевичъ, Могилевской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Лебедевъ Николай Васильевичъ, Калужской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Калугѣ

17. Левитскій Григорій Романовичъ, Саратовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

18. Любимовъ Александръ Ивановичъ, Владимірской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ во Владимірѣ.

*19. Люцедарскій Леонтій Евдоксіевичъ, Каменецъ-Подольской губ. Секретарь окружнаго суда въ Каменецъ-Подольскѣ.

*20. Ляхницкій Клавдій Васильевичъ, Черниговской губерн. Товарищъ губернскаго прокурора въ Томскѣ.

21. Милославовъ Игнатій Алексѣевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь 2-го участка Мензелинскаго уѣзда.

22. Моревъ Николай Ивановичъ, Ярославской губ. Секретарь окружнаго суда въ Вологдѣ.

23. Никольскій Александръ Герасимовичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь въ Читѣ (Забайкальской области).

24. Никольскій Петръ Мироновичъ, Владимір. губ. Кандид. на судебн. должн. при прокурорѣ судебн. палаты въ Москвѣ.

*25. Окновскій Шлема Лейзеровичъ, Сувалкской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*26. Покровскій Иванъ Александровичъ, Нижегородск. губ. Секретарь окружнаго суда въ Нижнемъ-Новгородѣ.

*27. Поповъ Константинъ Ѳедоровичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь 2-го участка Пошехонскаго уѣзда.

28. Проскурниковъ Константинъ Васильевичъ, Харьковской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

29. Райскій Василій Дмитріевичъ, Кіевской губ. Подпоручикъ 137-го Нѣжинскаго полка.

30. Слюсаревъ Викентій Ивановичъ, Харьков. губ. Состоя канд. на судебн. должн. при окр. судѣ въ Лубнахъ, ум. въ 1890 г.

*31. Смирновъ Александръ Андреевичъ, Смоленской губерн. Кандид. на судебн. должн. при прокур окр. суда въ Смоленскѣ.

32. Соколовъ Леонидъ Андреевичъ, Ярославской губерніи. Кандид. на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Вологдѣ.

33. Солнцевъ Александръ Лаврентьевичъ, Тульской губерн. Кандид. на судебн. должн. при прокур. окруж. суда въ Тулѣ.

34. Соловьевъ Константинъ Адріановичъ, Московской губ. Умеръ въ 1887 году, не поступивъ на службу.

35. Софоновъ Сергѣй Ивановичъ, Томской губерніи. Судебный слѣдователь въ Тобольской губерніи.

*36. Сперанскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь 1-го участка Пошехонскаго уѣзда.

37. Томашевичъ Андроникъ Семеновичъ, Волынской губерн. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ярославлѣ.

38. Успенскій Николай Флегонтовичъ, Костромской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

39. Чичинадзе Сергѣй Константиновичъ, Кутаисской губ. Помощникъ мироваго судьи въ Зугдиди.

Пятнадцатый выпускъ—1888 года.

1. Архангельскій Василій Павловичъ, Ярославской губерн. Кандидатъ на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Кашинѣ.

2. Добрянскій Андрей Николаевичъ, Черниговской губерн. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Гродно.

*3. Карауловъ Дмитрій Николаевичъ, Ярославской губерн. Непремѣн. чл. уѣздн. по крестьян. дѣл. присутствія въ Мышкинѣ.

4. Кацауровъ Сергѣй Николаевичъ, Московской губерніи. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Варшавѣ.

5. Коровинъ Иванъ Аристарховичъ, Пермской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Екатеринбургѣ.

*6. Надѣинскій Александръ Павловичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Невскій Сергѣй Александровичъ, Владимірской губерн. Умеръ въ 1888 г., не поступивъ на службу.

8. Нечаевъ Иванъ Ивановичъ, Тульской губерн. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Тулѣ.

9. Никольскій Сергѣй Степановичъ, Московской губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при окруж. судѣ въ Москвѣ.

10. Поповъ Павелъ Николаевичъ, Пермской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Перми.

11. Пьянковъ Павелъ Алексѣевичъ, Пермской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окружн. судѣ въ Перми.

12. Рудинскій Леонидъ Семеновичъ, Ярославской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ярославлѣ.

*13. Тартаковскій Александръ Сергѣевичъ, Херсонск. губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Ковно.

14. Тутолминъ Петръ Дмитріевичъ, Курской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Шапиро Николай Сергѣевичъ, Минской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Перми.

Шестнадцатый выпускъ—1889 года.

*1. Абдуловъ Николай Николаевичъ, Орловской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при прокур. судеб. палаты въ Москвѣ.

2. Базыкинъ Александръ Константиновичъ, Тверской губ. Счетный чиновникъ Либаво-Роменской желѣз. дор., въ Минскѣ.

3. Балашевъ Владиміръ Андреевичъ, Тульской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Ригѣ.

*4. Бычковъ Василій Игнатьевичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Гутманъ Лейба Михелевичъ, Волынской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*6. Даниловъ Иванъ Сергѣевичъ, Орловской губ. Кандид. на судебн. должн. при прокурорѣ судебной палаты въ Москвѣ.

7. Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ, Самарской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Доренговскій Николай Касперовичъ, Витебской губерн. Кандид. на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Сувалкахъ.

*9. Жарковъ-Красовскій Дмитрій Ѳомичъ, Кіевской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Могилевѣ.

10. Затурскій Александръ Францевичъ, Полтавской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*11. Киринъ Алексѣй Даниловичъ, Тамбовской губ Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Тамбовѣ.

*12. Коганъ Илья Григорьевичъ, Екатеринославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

13. Кормилицынъ Дмитрій Александровичъ, Московск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Крѣпкогорскій Андрей Васильевичъ, Саратовской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ковно.

15. Курловъ Борисъ Григорьевичъ, Орловской губ. Канд. на судебн. должн. при прокур. окружн. суда во Владимірѣ.

*16. Лединицкій Александръ Клеменсовичъ, Минской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*17. Лейнвангендлеръ Товія Израилевичъ, Варшавской губ. Частный повѣренный въ Ярославлѣ.

*18. Маминъ Владиміръ Наркиссовичъ, Пермской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ирбити.

*19. Марчевскій Михаилъ Семеновичъ, Иркутской губерніи. Помощникъ мироваго судьи въ Кутаисѣ.

20. Матвѣевъ Венедиктъ Аристарховичъ, Донской области. Свѣдѣній не доставилъ.

21. Михайловъ Александръ Ѳомичъ, Могилевской губерніи. Столоначальникъ казенной палаты въ Люблинѣ.

22. Олейниковъ Антонъ Максимовичъ, Минской губ. Канд. на судебн. должности при окружномъ судѣ въ Вологдѣ.

23. Олторжевскій Иванъ Степановичъ, Черниговской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Нѣжинѣ.

24. Первухинъ Владиміръ Петровичъ, Тверской губерніи. Помощникъ столоначальника казенной палаты въ Твери.

25. Розовъ Николай Флегонтовичъ, Костромской губерніи. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Ярославлѣ.

26. Ружицкій Тадеушъ Францевичъ, Петраковской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Семеновъ Яковъ Ивановичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь въ Томской губерніи.

*28. Серебрениковъ Венедиктъ Николаевичъ, Тобольской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Самарѣ.

29. Совѣткинъ Аѳанасій Митрофановичъ, Пермской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*30. Удинцовъ Всеволодъ Аристарховичъ, Пермской губерн. Стипендіатъ Лицея для приготовл. къ каѳедрѣ Торговаго права.

*31. Фалькъ Эдуардъ Германовичъ, Ярославской губерніи. Занимается частными дѣлами.

*32. Шаланинъ Валентинъ Михайловичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при прок. судебн. палаты въ Москвѣ.

*33. Шереметевъ Николай Борисовичъ, Московской губерн. Секретарь при прокурорѣ судебной палаты въ Москвѣ.

34. Шубинъ Александръ Яковлевичъ, Ярославской губерн. Подпоручикъ Романовскаго Резервнаго баталіона.

35. Ѳедоровъ Николай Яковлевичъ, Рязанской губерн. Въ акцизномъ управленіи въ Тулѣ.

Семнадцатый выпускъ—1890 года.

1. Аксаковъ Василій Сергѣевичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Алякринскій Сергѣй Артамоновичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окруж. судѣ во Владимірѣ.

3. Ачкасовъ Викторъ Павловичъ, Владимірской губерніи. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Елизаветградѣ.

4. Бурменскій Іосифъ Александровичъ, Донской области. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Вахрамѣевъ Михаилъ Гермогеновичъ, Ярославской губерн. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ярославлѣ.

6. Введенскій Яковъ Григорьевичъ, Владимірской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Вишняковъ Александръ Андреевичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Воронцовъ-Вальяминовъ Николай Андреевичъ, Тамбовской губ. Свѣдѣній не имѣется.

9. Воскресенскій Василій Алексѣевичъ, Полтавской губ. Засѣдатель окружнаго суда въ Маріинскѣ, Томской губ.

10. Городцовъ Петръ Алексѣевичъ, Рязанской губ. Судебный слѣдователь въ Оренбургскомъ уѣздѣ.

*11. Ивановъ Алексѣй Прокофьевичъ, Костромской губерніи. Кандид. на судебн. должн. при прокур. окруж. суда въ Вологдѣ.

12. Камерницкій Владиміръ Даниловичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

13. Кожевниковъ Петръ Михайловичъ, Тамбовской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Козновъ Петръ Сергѣевичъ, Московской губ. Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

*15. Колесовъ Константинъ Александровичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Кратировъ Александръ Григорьевичъ, Вологодской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*17. Крыловъ Николай Дмитріевичъ, Ярославской губерн. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ярославлѣ.

18. Легейда Николай Павловичъ, Полтавской губ. Кандид. на судебн. должн. при прокур. судебной палаты въ Москвѣ.

*19. Лстратовъ Николай Андреевичъ, Владимірской губ. Кандид. на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Москвѣ.

20. Марковъ Константинъ Петровичъ, Амурской области. Свѣдѣній не доставилъ.

21. Мебесъ Августъ Павловичъ, Минской губ Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Костромѣ.

22. Мейеръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Милицынъ Петръ Алексѣевичъ, Оренбургской губерніи. Кандид. на судебн. должн. при прокур. судебн. пал. въ Москвѣ.

24. Монвижъ-Монтвидъ Аполлонъ Станиславовичъ, Харьковской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*25. Невскій Александръ Александровичъ, Ярославской губ. Кандид. на судебн. должн. при прокур. окр. суда въ Ярославлѣ.

26. Осинскій Левъ Граціановичъ, Херсонской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Осинскій Михаилъ Граціановичъ, Херсонской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

28. Павловъ Михаилъ Константиновичъ, Лифляндской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ригѣ.

*29. Перошковъ Василій Васильевичъ, Кіевской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Черниговѣ.

30. Поваренныхъ Иванъ Авксентьевичъ, Тобольской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Костромѣ.

*31. Половцовъ Левъ Викторовичъ, Новгородской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

32. Прусовъ Николай Александровичъ, Оренбургской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

33. Ржевскій Николай Николаевичъ, Ярославской губерн. Контролеръ табачной фабрики въ Нижнемъ-Новгородѣ.

34. Соболевъ Дмитрій Константиновичъ, Ярославской губ. Чиновникъ особыхъ порученій казенной палаты въ Ярославлѣ.

*35. Стригалевъ Геннадій Владиміровичъ, Костромской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Костромѣ.

36. Томашевскій Александръ Евфимовичъ, Черниговск. губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Петербургѣ.

37. Троицкій Николай Өедоровичъ, Псковской губ. Канд. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Псковѣ.

38. Ушаковъ Леонидъ Петровичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не имѣется.

39. Фирсовъ Андрей Ивановичъ, Тульской губ. Кандид. на судебн. должн. при прокурорѣ окружн. суда въ Тулѣ.

40. Хлѣбниковъ Александръ Васильевичъ, Могилевской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

41. Шуманскій Василій Клементьевичъ, Бессарабской обл. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Кишеневѣ.

ПОПРАВКИ:

Вып. I. № 1. *Архангельскій* Н. Д., Яросл. губ. Мировой судья по назначенію отъ правительства въ Венденѣ.

„ I. 16. *Казанскій* А. И., Яросл. губ. Городской судья въ Павловскомъ посадѣ Моск. губ.

„ I. 44. *Успенскій* П. П., Костр. губ. Судебн. слѣдователь 2-го уч. Ветлужскаго уѣзда.

„ IV. 28. *Радугинъ* К. П., Влад. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Суздалѣ, Влад. губ.

„ VII. 3. *Валединскій* В. І., Влад. губ. Товарищъ прокурора Владикавказск. окр. суда.

„ VIII. 1. *Аменицкій* И. А., Влад. губ. Судебн. слѣд. 1-го уч. Муромскаго уѣзда, Влад. губ.

„ VIII. 11. *Лялинъ* М. Н., Влад. губ. Земскій начальникъ въ Переславскомъ уѣздѣ, Влад. губ.

„ VIII. 22. *Смирновъ* М. М., Влад. губ. Судебный слѣд. Суздальскаго уѣзда.

„ IX. 7. *Кондратьевъ* М. П., Москов. губ. Судебный слѣдов. 2-го уч. Муромскаго уѣзда.

„ X. 1. *Агриковъ* В. Д., Влад. губ. Податной инспекторъ въ г.г. Александровѣ и Переславлѣ.

Вып. X. № 6. *Бѣлопольскій* П. В., Воронежск. губ. Присяжный повѣренный въ Астрахани.

„ X. 10. *Вишневскій* А. Д., Рязанск. губ. Судебный слѣдователь въ г. Переславлѣ, Влад. губ.

„ X. 40. *Чернобровцевъ* К. И., Влад. губ. Помощникъ бухгалтера въ Юрьевскомъ Уѣздномъ Казначействѣ.

„ X. 44. *Язвицкій* А. П., Владимірской губ. Присяжн. повѣренный во Владимірѣ.

„ XI. 7. *Введенскій* И. Г., Владимірской губ. Судебн. слѣдователь 2-го уч. Покровскаго уѣзда, Влад. губ.

„ XI. 17. *Звѣревъ* А. И., Московской губ. Судебн. слѣдователь Гродинскаго уѣзда, Курляндской губ.

„ XI. 35. *Покровскій* С. А., Тульской губ. Членъ соединенной Палаты въ Уфѣ.

„ XI. 40. *Протопоповъ* А. А., Владим. губ. Мировой судья въ Новомъ Чардонцѣ, Самаркандской области.

„ XI. 45. *Самаринъ* С. Н., Вологодской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Кѣльцахъ.

„ XII. 5. *Богородицкій* В. С., Владимір. губ. Судебный слѣдователь Гагенпотскаго уѣзда, Курляндской губ.

„ XII. 7. *Быстрицкій* В. В., Влад. губ. Помощникъ надзир. въ акцизн. управленіи въ Муромѣ.

„ XII. 19. *Казанскій* П. И., Влад. губ. Помощ. надз. въ акцизномъ управленіи въ Муромѣ.

„ XII. 41. *Спасскій* П. А., Ярославской губ. Мировой судья по назначенію въ Колѣ.

„ XII. 50. *Чарнецкій* Г. И., Минской губ. Судебный слѣдователь въ Луцкѣ.

„ XII. 51. *Четыркинъ* И. В., Смоленской губ. Причисленъ къ Министерству Юстиціи.

„ XIII. 4. *Боевской* Н. А., Яросл. губ. Секретарь при прокурорѣ окружнаго суда въ Ярославлѣ.

„ XIII. 6. *Воротниковъ* В. С., Томской губ. Судебный слѣдователь Каширскаго уѣзда.

„ XIV. 12. *Истоминъ* И. И., Тверской губ. Товарищъ губернскаго прокурора въ Архангельскѣ.

Всего въ теченіи 17 лѣтъ окончило въ Лицеѣ курсъ 624, изъ коихъ кандидатами юридическихъ наукъ 171, а остальные 453 дѣйствительными студентами. Изъ окончившихъ курсъ находятся нынѣ на службѣ:

По Министерству Юстиціи: судебными слѣдователями 147, кандидатами на судебныя должности 51, товарищами прокуроровъ 40, мировыми судьями 17, помощниками секретарей въ палатахъ и судахъ 13, уѣздными членами окружныхъ судовъ 12, городскими судьями 11, секретарями окружныхъ судовъ 8, помощниками мироваго судьи 8, членами окружныхъ судовъ 7, членами соединенныхъ палатъ 5, засѣдателями окружныхъ судовъ 5, причисленными къ Министерству Юстиціи 3, предсѣдателями мировыхъ съѣздовъ 3, старшими нотаріусами 2, секретарь при прокурорѣ судебной палаты 1, окружнымъ судьей 1, помощникомъ старшаго нотаріуса 1, товарищемъ предсѣдателя губернскаго суда 1, совѣтникомъ того же суда 1, столоначальникомъ въ Министерствѣ Юстиціи 1, почетнымъ мировымъ судьей 1, судебнымъ приставомъ 1, итого 340. Кромѣ того состоятъ присяжными повѣренными 22, помощниками присяжныхъ повѣренныхъ 16 и частнымъ повѣреннымъ 1.

По Министерству Финансовъ: податными инспекторами 7, помощниками акцизнаго надзирателя 7, контролерами въ акцизныхъ управленіяхъ 6, дѣлопроизводителями акцизныхъ управленій 4, окружными акцизными надзирателями 2, столоначальниками казенныхъ палатъ 2, столоначальникомъ въ Министерствѣ Финансовъ 1, чиновникомъ особыхъ порученій казенной палаты 1, бухгалтеромъ въ акцизномъ управленіи 1, помощникомъ столоначальника казенной палаты 1, помощникомъ бухгалтера уѣзднаго Казначейства 1, директоромъ земельнаго банка 1, въ управленіи Волжско-Камскаго банка 1, итого 35.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія: учителями реальныхъ училищъ 4, занимаютъ профессорскія каѳедры 4, дѣлопроизводителями въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія 3, готовящихся къ профессорскому званію 2, инспекторомъ народныхъ училищъ 1, библіотекаремъ (въ Лицеѣ) 1, столоначальникомъ въ канцеляріи попечителя учебнаго округа 1, итого 16.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ: земскими начальниками 2, исправникомъ 1, правителемъ канцеляріи губернатора 1, чиновникомъ особыхъ порученій губернатора 1, непремѣнный членъ уѣзднаго присутствія, итого 6.

По Государственному Контролю: счетными чиновниками контрольной палаты 2, канцелярскимъ чиновникомъ палаты 1, дѣлопроизводителемъ въ Государственномъ контролѣ 1, старшимъ ревизоромъ въ контрольной палатѣ 1, итого 5.

По вѣдомству Православнаго исповѣданія: секретарями духовныхъ консисторій 3, іеромонахомъ (миссіонеръ) 1, итого 4.

По Военному Министерству: подпоручиками арміи 2, кандидатомъ на судебныя должности при военномъ прокурорѣ 1, итого 3.

По Министерству Императорскаго Двора: столоначальникомъ въ Министерствѣ 1.

По Министерству Государственныхъ Имуществъ: чиновникомъ особыхъ порученій въ управленіи государ. имуществъ 1.

Наконецъ занимаются частными дѣлами 3, въ отставкѣ 2, свѣдѣній не доставили 133 и умерло 41.

СПИСОКЪ

окончившихъ курсъ въ 1891 г.

Со степенью Кандидата юридическихъ наукъ:

1. Бейленсонъ Гилель Мовшевичъ, Могилевской губ.
2. Бреславъ Гирша Герцовичъ, Витебской губ.

3. Войтенковъ Владиміръ Николаевичъ, Харьковской губ.; удостоенъ серебряной медали.

4. Гурляндъ Илья Яковлевичъ, Кіевской губ.; удостоенъ золотой медали.

5. Дворковичъ Аронъ Мовшевичъ, Ковенской губ.

6. Коганъ Владиміръ Моисеевичъ, Херсонской губ.; удостоенъ зеребряной медали.

7. Максимовскій Александръ Ксенофонтовичъ, Костр. губ.; удостоенъ почетнаго отзыва.

8. Пескинъ Михаилъ Анисимовичъ, Иркутской губ.

9. Прусаковъ Хаимъ Мовшевичъ, Витебской губ.

10. Путята Всеволодъ Владиміровичъ, Смоленской губерн.; удостоенъ почетнаго отзыва.

11. Розовскій Исай Боруховичъ, Виленской губ.; удостоенъ золотой медали.

12. Сабининъ Леонидъ Христофоровичъ, Воронежской губ.

13. Штейнбергъ Хаимъ Ицковичъ, Минской губ.

14. Юровскій Іосифъ Наумовичъ, Херсонской губ.

Съ правомъ на полученіе степени Кандидата по представленіи диссертацій:

15. Айзенштейнъ Зеликъ Ароновичъ, Гродненской губ.

16. Антикъ Павелъ Самуиловичъ, Ковенской губ.

17. Астровъ Павелъ Ивановичъ, Московской губ.

18. Бартеневъ Геннадій Алексѣевичъ, Костромской губ.

19. Березниковъ Алексѣй Александровичъ, Московской губ.

20. Борейша Болеславъ Болеславовичъ, Воронежской губ.

21. Бочкаревъ Вячеславъ Александровичъ, Псковской губ.

22. Браиловскій Николай Николаевичъ, Екатериносл. губ.

23. Валькевичъ Іосифъ Антоновичъ, Минской губ.

24. Вереденко Ѳедоръ Ѳедоровичъ, Кіевской губ.

25. Вобликовъ Владиміръ Васильевичъ, Кутаисской губ.

26. Донченко Петръ Дмитріевичъ, Харьковской губ.

27. Еропкинъ Рафаилъ Дмитріевичъ, Тульской губ.
28. Израильсонъ Максъ Беньяминовичъ, Курляндской губ.
29. Канель Савелій Васильевичъ, Ковенской губ.
30. Канторъ Бейнашъ Янкелевичъ, Ковенской губ.
31. Канторъ Маркусъ Якубовичъ, Ковенской губ.
32. Кинеловскеръ Лейзеръ Абрамовичъ, Виленской губ.
33. Кофманъ Іегошія Зельмановичъ, Херсонской губ.
34. Кочаровскій Станиславъ Адольфовичъ, Кіевской губ.
35. Кошлаковъ Василій Петровичъ, Ярославской губ.
36. Кренгаузъ Лейба Еселевичъ, Могилевской губ.
37. Майзельсъ Веніаминъ Аароновичъ, Минской губ.
38. Милашевскій Алексѣй Владиміровичъ, Саратовской губ.
39. Можевитиновъ Леонидъ Александровичъ, Оренбург. губ.
40. Нюренбергъ Аркадій Григорьевичъ, Московской губ.
41. Орѣховъ Сергѣй Александровичъ, Нижегородской губ.
42. Петропавловскій Леонидъ Өеодосіевичъ, Костром. губ.
43. Подпаловъ Иванъ Прокофьевичъ, Полтавской губ.
44. Розенкранцъ Соломонъ Нахмановичъ, Минской губ.
45. Рубинштейнъ Гилель Лейбовичъ, Минской губ.
46. Сорокинъ Иванъ Геннадіевичъ, Ярославской губ.
47. Талалай Абрамъ Янцелевичъ, Могилевской губ.
48. Тульчинскій Лейба Ицковичъ, Херсонской губ.
49. Фейдманъ Михель Абрамовичъ, Таврической губ.
50. Фрадкинъ Соломонъ Залмановичъ, Витебской губ.
51. Шейнфайнъ Ааронъ Лейбовичъ, Волынской губ.
52. Щуровъ Сергѣй Николаевичъ, Ярославской губ.
53. Яровицкій Александръ Іоасафовичъ, Ярославской губ.

Нижеслѣдующіе удостоены званія дѣйствительнаго студента:

54. Анненковъ Өедоръ Ивановичъ, Пензенской губ.
55. Ассъ Абрамъ Моисеевичъ, Виленской губ.
56. Васильевъ Петръ Ахилліевичъ, Воронежской губ.
57. Вейклевичъ Фридрихъ Яковлевичъ, Курляндской губ.

58. Гарскій Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губ.
59. Домерниковъ Павелъ Васильевичъ, Костромской губ.
60. Дубяга Михаилъ Михайловичъ, Полтавской губ.
61. Зайковскій Людвигъ Іосифовичъ, Витебской губ.
62. Зислакъ Германъ Іогановичъ, Курляндской губ.
63. Ивановъ Иванъ Авимовичъ, Симбирской губ.
64. Каннъ Яковъ Файбишевичъ, Витебской губ.
65. Колесовъ Николай Александровичъ, Московской губ.
66. Колотиловъ Михаилъ Николаевичъ, Енисейской губ.
67. Лыжинъ Николай Александровичъ, С.-Петербург. губ.
68. Миничъ Антонъ Даниловичъ, Минской губ.
69. Можаровскій Меeръ Владиміровичъ, Екатериносл. губ.
70. Московенковъ Николай Матвѣевичъ, Саратовской губ.
71. Мулинъ Иванъ Косьмичъ, Тифлисской губ.
72. Никоровичъ Ѳедоръ Ѳеофиловичъ, изъ Буковины.
73. Ордуханьянцъ Семенъ Микиртичъ, Эриванской губ.
74. Островскій Павелъ Алексѣевичъ, Ярославской губ.
75. Пузикъ Вячеславъ Викторовичъ, Самарской губ.
76. Раденъ (баронъ) Александръ Эдмундовичъ, Харьк. губ.
77. Разумовъ Михаилъ Степановичъ, Нижегородской губ.
78. Рогалевичъ Юзефъ-Янъ, Тифлисской губ.
79. Рѣпниковъ Александръ Александровичъ, Саратов. губ.
80. Силецкій Иванъ Владиміровичъ, Самарской губ.
81. Смоленскій Владиміръ Ивановичъ, Ярославской губ.
82. Файвишевичъ Наумъ Осиповичъ, Терской области.

Приложеніе № 2-й.

Въ 1891—92 учебномъ году будутъ читать въ Лицеѣ:

Директоръ, заслуженный ординарный профессоръ, докторъ Государственнаго права, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ С. М. *Шпилевскій*— Исторію Русскаго права на 1-мъ курсѣ 6 часовъ въ недѣлю; Семейное и наслѣдственное право на 4 курсѣ 2 часа.

Ординарный профессоръ, докторъ Каноническаго права, Статскій Совѣтникъ Н. С. *Суворовъ*—на 3-мъ курсѣ Церковное Законовѣдѣніе 6 часовъ, Римское право 4 часа, Гражданское право 3 часа и на 4 курсѣ—Гражданское право 2 часа.

Профессоръ Богословія, магистръ Богословія, К. Н. *Смирновъ*—Богословіе на 1 и 2-мъ курсахъ 3 часа.

И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Международнаго права, Надворный Совѣтникъ А. Н. *Лодыженскій*—Международное право на 4-мъ курсѣ 4 часа.

И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Государственнаго права, Надворный Совѣтникъ В. Г. *Щегловъ*—на 1-мъ курсѣ Энциклопедію права 4 часа и Всеобщую исторію права 2 часа.

И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Уголовнаго права, А. К. *Вульфертъ*—Уголовное право на 3-мъ курсѣ 5 часовъ.

И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Финансоваго права, Э. Н. *Берендтсъ*—Государственное и Административное право на 2-мъ курсѣ 4 часа.

И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, Коллежскій Ассесоръ М. А. *Липинскій*—на 2-мъ курсѣ Исторію Русскаго права 3 часа; на 4-мъ курсѣ Торговое право 4 часа и Гражданское судопроизводство 4 часа.

И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, Титулярный Совѣтникъ А. Е. *Минервинъ*—на 1-мъ курсѣ Исторію Римскаго права и Институціи Римскаго права по 3 часа.

И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, М. М. *Катковъ*—Римское право на 2-мъ курсѣ 3 часа.

Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, князь Е. Н. *Трубецкой*—Исторію политическихъ ученій на 1-мъ курсѣ 2 часа.

Приватъ доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, П. Ѳ. *Бесѣдкинъ*—на 3-мъ курсѣ Уголовное право 1 часъ и на 4-мъ курсѣ Уголовное судопроизводство 3 часа.

Приватъ доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, А. Р. *Свирщевскій*—на 2-мъ курсѣ Финансовое право 3 часа.

Въ день Лицейскаго акта—30 августа 1891 года получены были телеграммы отъ слѣдующихъ лицъ:

Изъ Костромы—Поздравляю съ лицейскимъ праздникомъ. Начальникъ 35-й пѣхотной дивизіи *Риттихъ*.

Изъ Парижа—Félicite Sincèrement Directeur, camarades, étudiants. Профессоръ Лицея Lodigensky.

Отъ бывшихъ студентовъ Лицея:

Изъ Вагери—Сынъ пламенной Колхиды, благодарный питомецъ Лицея, поздравляетъ съ памятнымъ торжественнымъ днемъ тридцатаго августа. Да здравствуетъ Лицей и корпорація лицея! *Хабурзанія*.

Изъ Варнавина—Поздравляемъ профессоровъ и студентовъ съ годовщиной. Благодарные ученики—Товарищъ прокурора *Дубенскій* и Кандидатъ на судебныя должности *Стригалевъ*.

Изъ Весьегонска—Привѣтствую родной Лицей за дорогіе завѣты правды и добра, вынесенные оттуда въ незабвенные студен-

ческіе годы. Сердечно желаю Лицею развитія и процвѣтанія. Студентъ X выпуска, Уѣздный членъ суда Весьегонскаго уѣзда *Благовѣщенскій.*

Изъ Владикавказа—Привѣтъ дорогому Лицею, директору, профессорамъ, инспектору и студентамъ. *Миничъ* и *Рогалевичъ.*

Изъ Вологды – Привѣтствую Лицей, начальство и студентовъ. *Ивановъ.*

Изъ Кадникова—Храня дорогую память объ училищѣ, при годовщинѣ, свидѣтельствую ему цвѣсти на славу дорогой родины. Питомецъ *Иванъ Стратилатовъ.*

Изъ Казани—Привѣтствую дорогой Лицей. *Петропавловскій.*

Изъ Каменецъ-Подольска—Съ чувствами глубокой признательности, привѣтствую Лицей, желаю ему вѣковаго процвѣтанія на пользу науки и государства. Мировой посредникъ *Марковъ.*

Изъ Ковно—Привѣтствуемъ Лицей съ праздникомъ. *Любимовъ, Надѣинскій, Крѣпкогорскій.*

Изъ Кологрива—Привѣтствую Лицей въ день его праздника, шлю искреннія пожеланія. Студентъ III выпуска *Богдановъ.*

Изъ Костромы—Профессоровъ и студентовъ поздравляетъ бывшій воспитанникъ Лицея *Мебесъ.*

Изъ Курбы—Шлю директору и лицею сердечный привѣтъ и наилучшія пожеланія. *Карауловъ.*

Изъ Могилева—Поздравляю дорогой Лицей съ праздникомъ, шлю привѣтъ и благопожеланія директору, профессорамъ и студентамъ. Студентъ IX выпуска *Владиміръ Александровскій.*

Изъ Мурома—Поздравляемъ дорогой Лицей съ годовщиной и желаемъ ему процвѣтанія на многіе годы. Студенты выпуска 1885 года *Петръ Казанскій* и выпуска 1890 г. *Сергѣй Алякринскій.*

Изъ Новомиргорода - Изъ Херсонскихъ степей вспоминая дорогой Лицей, шлю сердечный привѣтъ въ годовщину его. Бывшій питомецъ *Ачкасовъ.*

Изъ Одессы—Одесситы, питомцы послѣдняго выпуска, празднуютъ годовщину своей Alma Mater, съ истиннымъ удовольствіемъ вспоминаютъ о лучшихъ дняхъ своей жизни—времени про-

веденномъ въ Лицеѣ, шлютъ свои пожеланія, чтобы Лицей продолжалъ пополнять ряды ученыхъ въ области права и вносить обильную лепту въ сокровищницу знаній во имя прогресса, права и правды. Пьемъ за здоровье директора, профессоровъ, инспектора и студентовъ. *Бейленсонъ*, *Кофманъ*, *Коганъ*, *Тульчинскій* и *Юровскій*.

Изъ Одоева—Пью за процвѣтаніе дорогаго Лицея. Бывшій студентъ.

Изъ Переволѣса — Поздравляю дорогой Лицей съ новой годовщиной, желаю процвѣтанія на многія, многія лѣта. Товарищъ прокурора Казанскаго окружнаго суда *Скопинскій*.

Изъ Петербурга—Поздравляю профессоровъ и студентовъ. Valeat floreat alma mater. Павелъ *Антикъ*.

Изъ Петракова—Шлемъ нашъ привѣтъ Лицею въ день его годовщины. Студенты II выпуска *Гейцыгъ и Елпидинскій*.

Изъ Поташа—Въ день годовщины привѣтствую Лицей. Студентъ десятаго выпуска, Мировой судья Уманскаго округа *Шмигельскій*.

Изъ Умани—Шлю привѣтъ и добрыя пожеланія дорогому Лицею. Окружный акцизный надзиратель *Глѣбовъ*.

Изъ Устьсысольска—Привѣтствую дорогой Лицей съ торжествомъ. Благодарный питомецъ *Голосовъ*.

Изъ Царицына—Поднимаю бокалъ за процвѣтаніе дорогаго Лицея и поздравляю профессоровъ и студентовъ съ годовщиной. Бывшій питомецъ *Рѣпниковъ*.

Изъ Шадринска—Да процвѣтаетъ дорогой Лицей! Поздравляю профессоровъ и студентовъ съ годовщиной его. Присяжный повѣренный *Приступа*.

Изъ Ялты—Поздравляю дорогой Лицей съ годовщиной. *Андрей Фирсовъ*.

ТВОРЧЕСКАЯ СИЛА

ОБЫЧАЯ

ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ.

[illegible]ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

Демидовскаго Юридическаго Лицея

Л. С. БѢЛОГРИЦЪ-КОТЛЯРЕВСКАГО.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.

1890.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій*.

Творческая сила обычая въ уголовномъ правѣ.

I.

Образованіе обычнаго права вообще [1]).

Первоисточникъ права лежитъ въ природѣ человѣка, подчиненной извѣстнымъ, опредѣленнымъ законамъ. Въ первобытную эпоху, когда человѣкъ мало чѣмъ отличается отъ животнаго, когда онъ, какъ и это и послѣднее, въ своихъ дѣйствіяхъ руководится примитивными потребностями, подсказываемыми непосредственнымъ чувствомъ—инстинктомъ, право творится безсознательно; оно является въ формѣ однообразныхъ дѣйствій людей, направляемыхъ однимъ и тѣмъ же примитивнымъ чувствомъ—инстинктомъ, въ формѣ безсознательно сложившихся обыкновеній. Подъ вліяніемъ однороднаго чувства люди и поступаютъ одинаково; таковъ обычай мести, какъ права самозащиты, а также защиты членовъ семьи или рода, права, свойственнаго всѣмъ народамъ въ

---

[1]) *Литература.* Puchta, Das Gewonheitsrecht, 2 ч., 1828—1837; Savigny, Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissentchaft, 3 изд., 1840 г; первое изданіе въ 1814 г.; Его же, System des heutigen Römischen Rechts, 1840 г., 1-й томъ; Іерингъ, Борьба за право, перев. Волкова, 1874 г.; August Stürm, Der Kampf des Gesetzes mit der Rechtsgewonheit, 1877 г.; Его же, Recht und Rechtsquellen, 1883 г.; August Thon, Rechtsnorm und Subjectives Recht, 1878 г.; С. Муромцевъ, Образов. права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи, изд. 2-е, 1886 г.; Его же, Творческая сила юриспруденціи, Юридич. Вѣстн., 1887 г., № 8; В. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго пр ва, 1883 г.; Н. Карѣевъ, Два взгляда на процессъ правообразованія, Юрид. Вѣстн., 1889 г., к. 3-я; Н. Карасевичъ, Гражданск. обычное право Франціи, 1875 г.

первобытную эпоху ихъ жизни [1]). Съ теченіемъ времени, съ успѣхами культуры, дѣйствія первобытнаго человѣка, какъ и развивающагося ребенка, все болѣе и болѣе проникаются сознаніемъ, которое, постепенно очищаясь отъ омрачавшихъ его примитивныхъ инстинктовъ, раскрываетъ двери разсудку, который, какъ таковой, въ силу присущей ему пытливости, стремится возвыситься надъ стихійностью факта, стремится подмѣтить его причину, отыскать подходящее ему оправданіе. Вслѣдствіе этого, т. е. благодаря участію мысли, то, что есть, превращается въ то, что должно быть; стихійно необходимое—фактъ становится сознательно необходимымъ—правомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что процессъ очищенія сознанія отъ угнетавшихъ его примитивныхъ инстинктовъ, процессъ, такъ сказать, освобожденія разсудка не у всѣхъ людей происходилъ съ равной энергіей; у однихъ онъ шелъ быстрѣе, у другихъ медленнѣе. Поэтому право, какъ сознательное установленіе, не могло быть прежде, какъ не можетъ быть и теперь, твореніемъ всѣхъ членовъ даннаго общественнаго союза, какъ то—рода, общины, племени, государства. Надо думать, что первыми творцами обычнаго права всегда бываютъ болѣе сильные умомъ и волей лица; они первыя вносятъ сознаніе, убѣжденіе въ свою дѣятельность и этой нравственной силой, этимъ психическимъ превосходствомъ подчиняютъ своему вліянію другихъ. Эти другія, какъ болѣе слабые умомъ и волей люди, легко увлекаются примѣромъ, образомъ дѣйствія первыхъ, и вотъ мало-по-малу личное убѣжденіе сихъ первыхъ, руководящее даннымъ образомъ дѣйствія, становится убѣжденіемъ многихъ и, распространяясь на все большій и большій кругъ людей, обезличивается, становится общимъ убѣжденіемъ рода, племени и часто даже цѣлаго народа. Такъ обра-

---

[1]) Кровная месть этой послѣдней эпохи была не простымъ только фактомъ, а правомъ, юридическимъ установленіемъ; это видно, между прочимъ, изъ того, что родственники потерпѣвшаго не только могли, но и должны были мстить: не отмстить за кровь убитаго родственника значило навлечь на себя презрѣніе чужихъ родовъ и замогильный гнѣвъ покойника.

зуются обычныя правила поведенія или образа дѣйствія въ извѣстныхъ однородныхъ случаяхъ, такъ называемыя нормы обычнаго права, принудительная сила которыхъ заключается, во 1-хъ, въ согласіи убѣжденія многихъ лицъ въ необходимости поступать именно такимъ образомъ, во 2-хъ, въ инертной силѣ повторенія, присущей человѣку. Не всѣ люди проникаются руководящимъ убѣжденіемъ, одни вслѣдствіе пассивности своего духа, не наклоннаго разсуждать, другіе—вслѣдствіе несогласія, возникающаго въ умѣ противорѣчія. Тѣмъ не менѣе, какъ первые, такъ и большинство вторыхъ слѣдуютъ руководящему убѣжденію, разъ оно пріобрѣло реальную силу, т. е. воплотилось въ цѣломъ рядѣ однообразныхъ дѣйствій разныхъ лицъ. Эта реальная сила юридическаго убѣжденія укрѣпляетъ послѣднее въ глазахъ другихъ и заставляетъ ихъ поступать такимъ же образомъ въ однородныхъ случаяхъ, при сходной обстановкѣ.

Изъ сказаннаго видно, что нормы обычнаго права возникаютъ первоначально изъ убѣжденія отдѣльныхъ лицъ, а не изъ народнаго духа, не изъ народнаго сознанія непосредственно, какъ учила историческая школа, возведшая народный духъ на степень какого-то самостоятельнаго объективнаго творческаго фактора, дѣйствующаго независимо отъ личнаго сознанія отдѣльныхъ лицъ. По ученію Савиньи и Пухты, первоисточникъ права есть самъ народъ или иначе естественное единство народнаго убѣжденія, которое дѣйствуетъ въ сознаніи отдѣльныхъ членовъ народа и въ ихъ поступкахъ, соотвѣтствующихъ этому убѣжденію. Правовыя убѣжденія, принадлежащія отдѣльнымъ индивидамъ, суть не ихъ исключительно личныя убѣжденія, а убѣжденія всего народа, часть котораго они составляютъ, ибо отдѣльная личность оказывается способною къ правовому убѣжденію не какъ таковая, а какъ членъ народа, а отсюда прямой выводъ тотъ, что источникъ этихъ убѣжденій лежитъ не въ единичномъ, а въ народномъ духѣ. Не было недостатка въ возраженіяхъ противъ этого ученія исторической школы, но изъ нихъ едвали не самое сильное то, ко-

торое утверждаетъ, что единства народнаго духа, единства народнаго убѣжденія никогда не было; извѣстно, что различныя племена одного и того же народа имѣли и имѣютъ свои особые обычаи, дающіе содержаніе мѣстному, партикулярному обычному праву. Если бы источникомъ обычнаго права былъ единый факторъ, дѣйствующій независимо отъ индивидуальнаго сознанія или убѣжденія, то этого разнообразія правовыхъ воззрѣній, этого разнообразія права быть не могло. Приведенное возраженіе намъ представляется наиболѣе сильнымъ еще и потому, что оно раскрываетъ внутреннюю слабость всего построенія исторической школы. И въ самомъ дѣлѣ, основа обычнаго права, по ученію Пухты, лежитъ въ общемъ убѣжденіи не только всего народа, но и его частей или особыхъ болѣе тѣсныхъ союзовъ, связанныхъ особенными культурными интересами. Въ этихъ болѣе тѣсныхъ соединеніяхъ могутъ возникать особыя юридическія убѣжденія, которыя и составляютъ мѣстное, партикулярное обычное право. Итакъ, источникомъ права, согласно ученію самаго Пухты, м. б. не только общее народное убѣжденіе, но и убѣжденія отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ, таковыхъ какъ городъ, село, община, или, говоря иначе, источникомъ права м. б. не только общій народный духъ, но и особый духъ общественныхъ союзовъ; значитъ, никакого естественнаго единства народнаго духа нѣтъ, ибо если бы таковое было, то особаго духа общественныхъ союзовъ, какъ источника права, быть не могло. Эта внутренняя слабость ученія Пухты, его внутреннее противорѣчіе выступаетъ также и въ тѣхъ компромисахъ съ своимъ основнымъ взглядомъ, въ которые онъ впалъ далѣе въ разсужденіяхъ о роли законодателя и юристовъ въ образованіи права. Здѣсь онъ, хотя и непрямо, а съ оговорками допускаетъ уже творческое значеніе индивидуальнаго убѣжденія, находя, что какъ законодателю, такъ и юристамъ при извѣстныхъ условіяхъ принадлежитъ роль замѣстителей народа при образованіи права.

Теорія происхожденія обычнаго права путемъ повторенія изъ

индивидуальнаго убѣжденія, а не изъ общенароднаго сознанія, подтверждается и наблюденіемъ надъ процессомъ его разрушенія. Этотъ процессъ также идетъ отъ частной воли, а не отъ общей; никогда не бываетъ такъ, чтобы на мѣсто одного общаго убѣжденія, правосознанія непосредственно возникло другое, чтобы послѣднее сразу вытѣснило первое. Напротивъ, обыкновенно бываетъ такъ, что отдѣльныя лица, болѣе сильныя умомъ и волей, первыя возстаютъ противъ данной обычной нормы, признаваемой ими несостоятельной, и, поступая инымъ образомъ, нарушая ее, этой реальной силой своего новаго убѣжденія постепенно завоевываютъ ему довѣріе, которое, распростаняясь все на большій и большій кругъ людей, подрываетъ господство прежней обычной нормы, которая съ теченіемъ времени теряетъ свое жизненное значеніе, уступая его другой нормѣ. Но само собою разумѣется, что новое правовое убѣжденіе, новое правовое положеніе только тогда вытѣсняетъ прежнее, только тогда пріобрѣтаетъ общае жизненное господство, когда оно болѣе прежняго отвѣчаетъ даннымъ жизненнымъ потребностямъ и интересамъ. Если же потребности и интересы остались тѣ же, не смѣнились новыми, то новое убѣжденіе, какъ чуждое реальной подкладки, останется на степени частнаго убѣжденія, частнаго дѣйствія, не способнаго, при данныхъ условіяхъ, къ распространенію. Такимъ образомъ, согласіе, совпаденіе правоваго убѣжденія съ данными жизненными интересами и отношеніями есть необходимое условіе его господства, причемъ, конечно, безразлично, идетъ ли рѣчь о возникновеніи новаго обычая или о сохраненіи силы прежняго.

Подтвержденіе защищаемой теоріи можно найти и въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Извѣстно, что сходные обычаи встрѣчаются не только среди населенія, принадлежащаго къ одной и той же націи, но и среди населенія, принадлежащаго различнымъ націямъ. Очевидно, что такое сходство обычаевъ разныхъ народовъ не находитъ себѣ объясненія въ теоріи Пухты, согласно которой право есть чисто національный институтъ, непосредственное выра-

женіе духа данной націи; будучи вѣренъ самому себѣ, Пухта не признавалъ обычныхъ нормъ даже въ сферѣ международнаго права. Напротивъ, съ точки зрѣній нашей теоріи эта аналогія совершенно понятна. Дѣйствіе сознанія и воли у всѣхъ людей подчинено однимъ и тѣмъ-же закономъ; при сходныхъ условіяхъ обстановки и развитія люди думаютъ и поступаютъ аналогичнымъ образомъ; различіе замѣчается въ частностяхъ, но не въ общихъ чертахъ. Понятно поэтому, что у разныхъ народовъ на равныхъ ступеняхъ культуры бываютъ сходные обычаи, какъ вообще бываютъ сходные частные и общественные явленія и институты. Извѣстно также, что обычное право возникаетъ не только въ предѣлахъ большихъ массъ однороднаго населенія, но и среди малыхъ союзовъ людей, связанныхъ общими интересами; оно возникаетъ не только среди цѣлаго населенія областей, городовъ, селъ, но и среди каждой группы людей, связанныхъ общей профессіей, общей задачей. Нѣтъ сомнѣнія, что обычныя нормы среди такихъ группъ, среди такихъ ассоціацій создаются не непосредственнымъ выраженіемъ убѣжденія всѣхъ членовъ послѣднихъ, а творческою дѣятельностью убѣжденія отдѣльныхъ лицъ— вожаковъ. Убѣжденіе болѣе сильныхъ умомъ и волей людей данной профессіи, данной спеціальной ассоціаціи въ необходимости въ извѣстныхъ случаяхъ ихъ общей дѣятельности поступать такъ, а не иначе—путемъ повторенія дѣлается руководящей обычной нормой поведенія всѣхъ членовъ данной ассоціаціи.

Процессъ образованія обычнаго права одинъ и тотъ-же въ разныя эпохи общежитія, на разныхъ стадіяхъ культуры. Какъ въ первобытное время, такъ и на высокой степени культуры, когда важнѣйшимъ творцомъ права является государственная власть, издающая законы, обычное право возникаетъ сначала изъ индивидуальнаго убѣжденія, которое постепенно переходитъ въ общее. Конечно, съ утвержденіемъ правильно функціонирующей законодательной власти возникновеніе обычнаго права сильно ограничивается, съуживается, такъ-какъ законодатель стремится

урегулировать, опредѣлить по возможности всѣ правовыя отношенія. Тѣмъ не менѣе образованіе обычнаго права при самой успѣшной законодательной дѣятельности, какъ намъ кажется, несомнѣнно. Право не есть только продуктъ отвлеченной мысли; оно создается на почвѣ жизненныхъ потребностей, отношеній и интересовъ. Сіи же послѣдніе постоянно разнообразятся и мѣняются, ибо жизнь не стоитъ, а, подобно большой рѣкѣ, пребываетъ въ постоянномъ движеніи, и какъ эта послѣдняя постоянно мѣняетъ свои берега, такъ и жизнь мѣняетъ и разнообразитъ потребности, отношенія и интересы. Поэтому, какъ бы успѣшно ни функціонировала законодательная дѣятельность, она не въ состояніи поспѣть за всѣми теченіями жизни, не въ состояніи уловить всѣ ея перемѣны. Совершенно возможно и часто бываетъ, что установленная законодателемъ норма, отвѣчавшая даннымъ жизненнымъ интересамъ, въ скоромъ времени оказывается неумѣстной, несоотвѣтствующей новымъ измѣнившимся интересамъ. И вотъ пока законодатель установитъ болѣе цѣлесообразную норму, правовое убѣжденіе руководящихъ отдѣльныхъ лицъ само вырабатываетъ таковую, которая путемъ повторенія постепенно распространяется и вмѣсто закона дѣлается правиломъ поведенія въ данной сферѣ правовыхъ интересовъ. Законодатель, какъ-бы онъ ни былъ чутокъ къ запросамъ жизни, не можетъ познать всѣ потребности ея одновременно съ отдѣльными гражданами; руководящіе члены общества обыкновенно раньше познаютъ перемѣны жизни, ея народившіяся потребности, и первые выражаютъ убѣжденіе, способное служить нормой поведенія въ видоизмѣненной сферѣ интересовъ. Законодателю большею частью приходится лишь закрѣплять уже возникшее правовое убѣжденіе, уже выраженное правоположеніе; конечно, это закрѣпленіе дѣлается сознательно, а не механически, т. е. законодатель, прежде чѣмъ закрѣпитъ возникшее правоубѣжденіе, продумываетъ, переработываетъ его, но эта переработка сводится болѣе къ частностямъ, къ техникѣ правоположенія, чѣмъ къ исходной мысли, къ общимъ чертамъ. Только въ немногихъ

случаяхъ законодатель является инициаторомъ, непосредственнымъ творцомъ объявляемыхъ имъ законоположеній. Сіи послѣднія, прежде провозглашенія ихъ законодателемъ, обыкновенно уже живутъ въ сознаніи руководящихъ членовъ общества, при чемъ большинство изъ нихъ такъ и остается на степени частныхъ убѣжденій, но нѣкоторая ихъ часть, благодаря болѣе широкому распространенію и повторенію, пріобрѣтаетъ и жизненную, фактически—принудительную силу.

Съ другой стороны, при всемъ совершенствѣ законодательной техники нѣтъ возможности обнять все разнообразіе жизненныхъ отношеній; законъ всегда объемлетъ лишь болѣе типическія отношенія, опуская менѣе типическія, которыя однако часто бываютъ запечатлѣны своими особенными чертами, не совпадающими съ законной нормой. Такъ-какъ примѣненіе сей послѣдней къ особеннымъ отношеніямъ было бы нецѣлесообразно, а между тѣмъ возникшія столкновенія требуютъ разрѣшенія, то правовая жизнь и прибѣгаетъ къ компромиссу. Рѣшитель правовыхъ столкновеній—судья, встрѣчаясь съ правоотношеніями, не объемлемыми законной нормой, путемъ принадлежащей ему интерпретаціи, видоизмѣняетъ послѣднюю такъ, чтобы она отвѣчала природѣ даннаго столкновенія. Это видоизмѣненіе есть большею частью развитіе данной законной нормы, но иногда оно равносильно и новому правообразованію. Судьи, какъ непосредственно стоящіе у самаго очага жизни проводники закона, ранѣе и глубже многихъ другихъ познаютъ особенности правоотношеній, не объемлемыхъ законной нормой. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти особенности вызываются жизненными перемѣнами, новыми укладами въ жизни, судья, какъ членъ общества, часто незамѣтно для самаго себя является проводникомъ новаго правоваго убѣжденія, установившагося въ сознаніи руководящихъ членовъ общества. Мы говоримъ—незамѣтно для самого себя—потому, что судьи, какъ и всѣ люди, подчинены общему закону развитія сознанія. Новое правоубѣжденіе, распространившееся въ умахъ руководящихъ членовъ общества,

уже этой своей моральной силой подчиняетъ себѣ волю судьи; если же къ этому присоединяется, что̀ обыкновенно и бываетъ, реальная сила его примѣненія, жизненнаго повторенія, то совершенно понятно, такъ-сказать, инертное его воспріятіе судьей, проведеніе его въ судебныхъ рѣшеніяхъ путемъ компромиса съ законной нормой, достигаемаго толкованіемъ. Творческая дѣятельность судьи въ этихъ случаяхъ самая широкая: она не ограничивается только неважными модификаціями законной нормы или обреченіемъ ея на бездѣйствіе, она иногда приводитъ къ существенной реформѣ данныхъ нормъ, совпадающей лишь съ системой родственныхъ нормъ, съ общей волей ихъ творца. Невѣрно поэтому повторяемое Іерингомъ господствующее ученіе, что всѣ реформы права сводятся къ одному закону, такъ-какъ обычай можетъ только регулировать движеніе по существующимъ путямъ, помогать ему, но онъ не можетъ прорвать плотины, которая препятствуетъ потоку проложить новое направленіе. Напротивъ, не только въ сферѣ гражданскаго права, но и въ сферѣ уголовнаго права обычаю иногда принадлежитъ реформаторская роль. Господствующее ученіе, отрицающее преобразовательную силу обычая вообще, а судебнаго въ частности покоится въ сущности на софизмѣ. Какъ бы рѣзко ни расходилось судебное правоположеніе съ данной нормой закона, въ немъ всякій разъ видятъ лишь развитіе послѣдней, а не новое правообразованіе; но взглядъ совершенно измѣняется, если тоже правоположеніе будетъ объявлено закономъ; его признаютъ новой нормой. Справедливо говоритъ проф. Колеръ (Kohler), что нельзя сомнѣваться въ творческой силѣ юриспруденціи, когда она путемъ интерпретаціи превращаетъ законодательныя положенія и на мѣсто стараго права ставитъ новое, по возможности приспособляясь къ словамъ закона; это—дѣятельность разрушительная, но на могилѣ прошедшаго она побѣдоносно водружаетъ знамя новаго времени; въ преобразованіи стараго сказывается сила новаго. Исторія постоянно показываетъ намъ, продолжаетъ онъ, что юриспруденція безсознательно и постепенно усту-

паетъ духу времени и подкапывается подъ устарѣвшее право, пока оно, наконецъ, не падаетъ совершенно; и въ судебной практикѣ духъ времени даетъ себя чувствовать безсознательно и противъ воли судьи; въ судебной практикѣ, которая сама по себѣ назначена дѣйствовать на почвѣ закона, совершается безсознательное отклоненіе права отъ этой почвы[1].

Менѣе широка дѣятельность судьи тогда, когда особенныя правоотношенія просто не предъусмотрѣны законодателемъ; но несомнѣнно, что и здѣсь эта дѣятельность есть творческая, одна изъ формъ образованія права. Противоположное мнѣніе, отрицающее въ этомъ случаѣ творческій характеръ дѣятельности суда, должно по необходимости признать, что эта дѣятельность и здѣсь сводится къ одной логической операціи подведенія даннаго правоотношенія подъ законъ. Но можно ли такъ назвать дѣятельность судьи, принужденнаго видоизмѣнять норму путемъ расширенія или ограниченія ея прямаго смысла? Встрѣчаясь съ особеннымъ правоотношеніемъ, не совпадающимъ съ тѣмъ типомъ послѣднихъ, который имѣлъ въ виду законодатель, судья самъ входитъ въ его роль; онъ ставитъ себя на его мѣсто и старается предъугадать, какъ-бы самъ законодатель нормировалъ данное правоотношеніе. Признавъ, что сіе послѣднее объемлется исходною цѣлью законодателя, руководившею его при разрѣшеніи типическихъ случаевъ, предъусмотрѣнныхъ данной законной нормой, судья, въ силу этого обязанный его разрѣшить, очевидно самъ творитъ право, внося въ законную норму поправку, вызываемую особенной природой даннаго правоотношенія. Поправка здѣсь неизбѣжна потому, что нельзя же допустить, что законодатель, обыкновенно имѣющій въ виду типическія отношенія, можетъ создать норму, способную обнять и всѣ особенныя правоотношенія. Конечно, восполняющая дѣятельность судьи въ этихъ случаяхъ есть второстепенная, субсидіарная, но она есть творческая

[1]) Муромцевъ, Творческая сила юриспруденціи, стр. 117.

въ наше время, во время господства логическаго толкованія. Только въ періодъ господства грамматическаго, буквальнаго толкованія, когда судья не могъ выходить изъ предѣловъ буквальнаго смысла законной нормы, его дѣятельность большею частью лишена была творческаго значенія, только тогда она обыкновенно ограничивалась логической операціей подведенія данныхъ правоотношеній подъ заключенную въ законѣ норму. Лучшимъ доказательствомъ творческаго характера названной судебной дѣятельности служитъ то, что при изданіи новыхъ законовъ, новыхъ кодексовъ соотвѣтственныя судебныя рѣшенія сплошь и рядомъ дѣлаются основаніемъ реформы прежнихъ законныхъ нормъ, источникомъ новыхъ правоположеній. Совершенно правильно замѣчаетъ тотъ же проф. Колеръ, что законы даютъ только юридическіе принципы и что дальнѣйшее развитіе юридическихъ нормъ является уже не толкованіемъ, а новообразованіемъ и творчествомъ. Между принципами и тѣмъ, что юриспруденція создаетъ изъ нихъ, существуетъ отнюдь не логическое только отношеніе основанія и вывода; принципы, заключенные въ законахъ, суть органическо-динамическія силы, которыя, внесенныя въ человѣческія отношенія, могутъ дѣйствовать созидающимъ образомъ. Дѣло догматика погрузить принципъ въ полноту жизненныхъ отношеній и приблизить къ нему тѣ именно отношенія, въ которыхъ принципъ проявляетъ свои наиболѣе важныя образованія. Изъ двухъ положеній кадекса можетъ образозаться цѣлая наука; въ этомъ заключается творческая сила юриспруденціи, которая еще выражается и въ томъ, что тѣже положенія, внесенныя въ измѣнившіяся отношенія, дѣйствуютъ иначе [1]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 114—115. Вѣрно также замѣчаніе г. Муромцева, что законодательная фунція, какъ показываетъ исторія, не м. б. отдѣлена вполнѣ отъ власти судебной вопреки всѣмъ направленнымъ къ тому мѣрамъ и что толкованіе закона всякій разъ, какъ юристу приходится навязывать жизни несоотвѣтствующія ей предписанія послѣдняго или же за неполнотою его прибѣгать къ своимъ собственнымъ средствамъ для формированія новой нормы, всегда содержитъ въ себѣ явное или скрытое преобразованіе его. Тамъ-же, стр. 112.

Итакъ, сводя наши мысли къ общимъ положеніямъ, мы можемъ сказать, что обычное право есть выраженіе индивидуальнаго убѣжденія, пріобрѣвшаго путемъ распространенія и повторенія принудительную силу. Образованіе обычнаго права неизбѣжно и при господствѣ законодательной дѣятельности; оно вызывается какъ перемѣнами въ жизненномъ укладѣ, такъ и несовершенствами самого закона, выражающаго лишь общія правоположенія, объемлющія типическіе правовые интересы. Возникая обыкновенно незамѣтно въ умахъ и дѣятельности частныхъ лицъ, обычное право по законамъ движенія мысли проникаетъ въ судебныя рѣшенія, въ которыхъ обрѣтаетъ, такъ сказать, свою оффиціальную силу, свою санкцію; съ другой стороны, и сами судьи, какъ руководящіе члены общества и рѣшители правовыхъ столкновеній, могутъ быть и непосредственными органами правообразованія.

II.

Образованіе и дѣйствіе уголовно-обычнаго права.

Эти общія положенія обычнаго правообразованія мы, конечно, распространяемъ и на уголовное право, ибо право, при всемъ разнообразіи его отраслей, едино и подлежитъ извѣстнымъ общимъ законамъ его развитія. Правда, существенныя особенности отдѣльныхъ отраслей права, въ томъ числѣ и уголовнаго, порождаютъ особенности и въ ихъ обычномъ правообразованіи, но сіи послѣднія носятъ частный характеръ, не измѣняющій общей природы правообразованія. Въ полномъ противорѣчіи съ нашимъ ученіемъ, повидимому, стоитъ извѣстное положеніе уголовнаго права—nullum crimen, nulla poena sine lege, а также и выводъ изъ него о недопустимости аналогіи въ судебныхъ рѣшеніяхъ. На самомъ дѣлѣ это противорѣчіе только кажущееся. Приведенному положенію, имѣющему своею цѣлью огражденіе гражданской свободы отъ произвола суда и вообще обезпеченіе право-

мѣрности въ его дѣятельности, нисколько не мѣшаетъ судебное правообразованіе въ интересахъ лучшаго достиженія послѣдней. Такое правообразованіе, какъ мы видѣли, есть прямое, необходимое слѣдствіе несовершенной природы закона, не способнаго ни уловить всѣ жизненныя перемѣны, ни обнять всѣ индивидуальные жизненные интересы. Аналогія есть не болѣе, какъ способъ восполненія судомъ названнаго несовершенства закона, какъ одинъ изъ пріемовъ его толкованія. Встрѣчаясь съ правовыми интересами, не совпадающими съ законной нормой или вслѣдствіе испытанныхъ ими превращеній или въ силу присущихъ имъ видовыхъ особенностей, не только гражданскій, но и уголовный судъ обязанъ ихъ разрѣшить, ибо законодатель общій, родовой, такъсказать, типъ этихъ интересовъ имѣлъ въ виду и дѣйствительно опредѣлилъ. Но разрѣшить эту задачу уголовный судья часто не можетъ иначе, какъ путемъ аналогіи, т. е. посредствомъ сопоставленія даннаго случая съ тѣмъ типомъ правовыхъ интересовъ, который законодатель предъусмотрѣлъ въ данной нормѣ или въ цѣлой системѣ родственныхъ нормъ. Это сопоставленіе, такимъ образомъ, предполагаетъ иногда отвлеченіе общихъ правовыхъ положеній изъ цѣлой системы нормъ, а такое отвлеченіе есть одинъ изъ весьма рельефныхъ способовъ того судебнаго толкованія, которое называется аналогіей, способовъ, допускаемыхъ какъ теоріей, такъ и судебной практикой. Аналогія только тогда, согласно принципу—nullum crimen sine lege, не м. б. допущена, когда предложенное суду дѣяніе представляется всецѣло новымъ, безусловно расходящимся со всѣми типами жизненныхъ интересовъ, предъусмотрѣнными законодателемъ, чуждымъ какихъ либо общихъ съ ними чертъ. Допущаніе аналогіи въ этомъ случаѣ дѣйствительно равносильно было бы раскрытію двери произволу судейскаго усмотрѣнія, небезопаснаго для интересовъ гражданской свободы, а слѣд. и правопорядка вообще. Во всѣхъ другихъ названныхъ нами случаяхъ аналогія есть неизбѣжный способъ логическаго толкованія, границы котораго особенно расширились за-

дачами новой кодефикаціи, стремящейся къ возможно широкому обобщенію однородныхъ жизненныхъ интересовъ, къ установленію самыхъ широкихъ нормъ, объемлющихъ наиболѣе обобщенные ихъ типы. Понятно, что вмѣстѣ съ тѣмъ расширилась и область нормированныхъ интересовъ, область запрещенныхъ дѣяній, ибо чѣмъ шире правовая норма, тѣмъ большій кругъ интересовъ она объемлетъ. Это расширеніе названной области тѣмъ больше, что, согласно природѣ современной кадефикаціи и логическаго толкованія, запрещенными слѣдуетъ признать и такія дѣйствія, которыя объемлются нормой, отвлеченной изъ системы родственныхъ нормъ. Такъ называемая юридическая конструкція, состоящая въ индуктивномъ отвлеченіи однихъ основныхъ положеній и въ сопоставленіи ихъ съ другими, неизбѣжно приводитъ къ установленію болѣе широкихъ нормъ, возвышающихся надъ отдѣльными частными правоположеніями. Это установленіе не равносильно извлеченію положенія изъ общаго духа кадекса, изъ его системы; отъ послѣдняго оно существенно отличается тѣмъ, что извлекаетъ изъ выраженныхъ уже нормъ и притомъ родственныхъ, т. е. такихъ, которыя представляютъ тѣсную внутреннюю связь. Подобное извлеченіе есть юридическая конструкція изъ данныхъ правоположеній, а не извлеченіе положенія изъ общаго духа кадекса; поэтому насколько послѣднее, какъ непосредственное творчество, неумѣстно въ судебной дѣятельности, на столько первое, какъ посредственное, совершенно резонно и необходимо. Необходимость такого рода аналогіи еще яснѣе выступаетъ въ случаяхъ противорѣчій въ законахъ и неполноты, которая можетъ возникнуть не только по недосмотру законодателя, но и умышленно, когда онъ отказывается дать требуемое правоположеніе, представляя установленіе его наукѣ и судебной практикѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ справедливо думаютъ Биндингъ, Бернеръ, Шютце, Листъ, Колеръ, Муромцевъ, Коркуновъ и друг., судебная практика не только раскрываетъ, но и творитъ право, создаетъ новую норму [1]).

---

[1]) Binding, Handbuch des Strafrechts, 1885 г., §§ 40 и 44; Berner,

Это творчество и здѣсь не есть непосредственное; оно исходитъ изъ системы данныхъ родственныхъ правоположеній, тѣмъ не менѣе такая посредственная дѣятельность есть несомнѣнно творческая, ибо она совершенно равносильна той дѣятельности законодателя, которая была необходима для построенія требуемой нормы.

Случаевъ, о которыхъ идетъ рѣчь, довольно много въ каждомъ уголовномъ кадексѣ; такъ напр., какъ въ нашемъ улож., такъ и въ Общегерманскомъ нѣтъ положенія о покушеніи надъ негоднымъ объектомъ; это положеніе должна была выработать вмѣстѣ съ доктриной судебная практика. Далѣе, ни въ одномъ кадексѣ мы не находимъ положенія о дѣйствіи закона внѣ государственной территоріи; въ Общегерманскомъ и Бельгійскомъ уложеніи нѣтъ отвѣта на вопросъ объ отвѣтственности за содѣйствіе самоубійству, когда это содѣйствіе было активное, т. е. выразилось въ подстрекательствѣ, въ укрѣпленіи намѣренія, въ доставкѣ необходимыхъ орудій и т. п.; въ Общегерманскомъ, Венгерскомъ, Голандскомъ и Французскомъ кадексахъ нѣтъ юридической конструкціи такъ называемыхъ случаевъ—error in objecto и abberatio ictus, въ большинствѣ кодексовъ нѣтъ конструкціи покушенія вообще, ибо опредѣленіе послѣдняго, какъ начало исполненія, почти безсодержательно, нѣтъ положенія объ отвѣтственности подстрекателя при эксцессахъ подстрекнутаго, нѣтъ положенія о значеніи согласія пострадавшаго при посягательствахъ на свободу и цѣлость тѣла, нѣтъ положенія о причинной связи, устанавливающей отвѣтственность за результатъ, нѣтъ опредѣленія состава обиды вообще и видовъ ея въ частности, нѣтъ также опредѣленія состава самоуправства вообще и какъ вида его—нарушенія домашняго права въ частности и т. д. Во всѣхъ такихъ и подобныхъ случаяхъ судъ вмѣстѣ съ наукой права создаетъ многочисленный рядъ самостоятельныхъ нормъ, которыми регулируются жизненные интересы; самостоятельность этихъ

Lehrbuch des deütschen Strafrechts, 1882 г., 80; Schütze, Lehrbúch, 2 aufl, стр 7; Liszt, Lehrbúch, 1882 г., стр. 82; Муромцевъ, Творческая сила юриспруденціи, 112 Коркуновъ, Лекціи по общей теоріи права, 1890 г., стр. 274 и 284.

нормъ сказывается какъ при мирномъ теченіи жизни, такъ и въ случаяхъ столкновеній; какъ здѣсь, такъ и тамъ правомѣрный ходъ жизни устанавливается главнымъ образомъ соображеніемъ не съ легальной нормой, которой нѣтъ, а съ положеніемъ, выработаннымъ правовѣдами, какъ руководящими выразителями правоваго сознанія, и закрѣпленнымъ санкціей судебнаго признанія, авторитетомъ судебнаго права. И въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ нашему праву, кому изъ насъ русскихъ, сколько нибудь знакомыхъ съ жизнью, неизвѣстно, что напр. въ сферѣ интересовъ, рождающей обиды и самоуправства, наше общество сообразуется преимущественно съ тѣми нормами, которыя проникли въ судебную практику и освященны авторитетомъ Кассаціоннаго Сената? Какъ частный гражданинъ, такъ и судья при оцѣнкѣ жизненныхъ интересовъ этаго рода обыкновенно ссылается не на законъ, а на кассаціонныя рѣшенія, какъ на такія, которыя отвѣчаютъ тамъ, гдѣ законъ молчитъ.

Въ примѣрахъ неполноты закона, нами сейчасъ указанныхъ, творцами права главнымъ образомъ являются правовѣды и судьи, какъ спеціалисты права, вооруженные искуствомъ той юридической конструкціи, при помощи которой обыкновенно восполняются данные пробѣлы закона. Но есть и такая сфера правоотношеній, гдѣ непосредственное творчество, при неполнотѣ закона, исходитъ большею частію не отъ спеціалистовъ права, а отъ частныхъ лицъ, близко знакомыхъ съ складомъ данныхъ конкретныхъ интересовъ; спеціалисты, техники права здѣсь являются попреимуществу въ роли проводниковъ уже сложившихся правовоззрѣній; такъ, по крайней мѣрѣ, было до сихъ поръ. Мы разумѣемъ область полевыхъ нарушеній, т. е. уголовно-запрещенныхъ посягательствъ на естественные продукты полей, лѣсовъ, садовъ и огородовъ. Посягательства этого рода во многомъ носятъ мѣстный характеръ, обусловливаемый естественными и историческими особенностями данныхъ интересовъ, вызывающими и особенный складъ правовозрѣзій. Знанія этого склада и ближай-

шаго пониманія природы мѣстныхъ интересовъ, понятно, скорѣе слѣдуетъ ожидать отъ мѣстныхъ жителей, а не отъ спеціалистовъ права; послѣдніе только тогда могутъ быть знатоками всего этого, когда они сами не только живутъ въ данной мѣстности, но и непосредственно стоятъ у источника, такъ сказать, данныхъ спеціальныхъ интересовъ. Но такъ-какъ такое положеніе встрѣчается довольно рѣдко, то спеціалистамъ права вообще и судьямъ въ частности большею частью приходится быть лишь проводниками правовоззрѣній, выработанныхъ другими, при чемъ безразлично, идетъ ли рѣчь о намѣренной неполнотѣ закона или о ненамѣренной, происшедшей по недосмотру законодателя. Въ обоихъ случаяхъ творческая дѣятельность какъ ученаго юриста, такъ и судьи—практика представляется сравнительно ограниченной, ибо пробѣлы закона здѣсь, вообще говоря, пополняются не путемъ юридической конструкціи изъ данныхъ законоположеній, а чрезъ ближайшее изученіе склада мѣстныхъ правовоззрѣній, обусловливаемаго мѣстными особенностями правоотношеній.

Сила этихъ правовоззрѣній такъ велика, что, съ одной стороны, недостаточное изученіе ихъ законодателемъ приводитъ его положенія къ несообразностямъ, а съ другой—иногда мѣстные судьи подъ давленіемъ названныхъ правовоззрѣній проводятъ положенія, прямо противоположныя и общему духу соотвѣтственныхъ законоположеній и руководящимъ рѣшеніямъ высшаго суда. Справедливость приведенныхъ мыслей можно провѣрить какъ на французскомъ правѣ, такъ и на нашемъ. Ближайшее изученіе практическаго дѣйствія Code rural раскрываетъ чрезвычайно интересные мѣстные обычаи, дѣйствующіе рядомъ съ легальными уголовными нормами [1]). Такъ, арт. 471, № 10 и арт. 473 Code

---

[1]) *Источники.* August Bourguignat, Traité complet de droit rural, 1852 г.; Groos, Code rural, 1888 г., 1—2 т.; Limon, Usages et réglements locaux du département du Finistère, 1852 г.; Berode, Répertoire des usages, coutumes etc. en viguer dans les départements du Nord et du Pas-de-Calais, 1 и 2 т., 1865 г.; Baudrin, Recueil des usages locaux dans l'arrondissement d'Avesnes, 1868 г.;

pénal запрещаютъ подъ угрозою штрафа или ареста такъ наз. glanage, râtelage и grappillage, т. е. подбиранiе колосьевъ, сгребанiе сѣна и срыванiе винограда съ полей, съ коихъ не вполнѣ еще сняты или собраны жатвы или же ранѣе восхода или послѣ заката солнца. Это запрещенiе находится въ связи съ старымъ обычаемъ, предоставлявшимъ нищимъ и немощнымъ людямъ данной мѣстности право сбора въ открытыхъ поляхъ хлѣбныхъ колосьевъ, сѣна и винограда, оставшихся послѣ уборки хозяиномъ поля своего урожая. Сохраняя въ силѣ этотъ гуманный обычай, кодексъ вноситъ въ сферу его дѣйствiя необходимыя ограниченiя въ видахъ обезпеченiя правъ самаго хозяина поля. Имѣя, однако, здѣсь дѣло съ правоотношенiями мѣстнаго характера, не чуждыми областныхъ особенностей, законодатель отказывается отъ ближайшаго разграниченiя сталкивающихся правъ хозяина поля и бѣдныхъ, предоставляя эту задачу самой правовой жизни, т. е. соотношенiю судебной дѣятельности съ обычными правовозрѣнiями. Дѣятельность суда въ этомъ случаѣ значительно облегчается наличностью прежнихъ законоположенiй по данному вопросу, особенно полевымъ закономъ 18 Сентября 1791 г., нормирующимъ наиболѣе важныя отношенiя въ духѣ обычнаго права, но только облегчается, а не исчерпывается, такъ-какъ остается открытымъ цѣлый рядъ правоотношенiй, вовсе не разрѣшаемыхъ прежними законами. Таковы, напр., вопросы: 1) можетъ ли быть субъектомъ правонарушенiя 471 ст. кодекса самъ хозяинъ поля, если онъ послѣ уборки урожая станетъ подбирать его остатокъ или же пошлетъ съ этою

Quernest, Usages locaux du département d'Jlle-et-Vilaine, 1870 г.; Usages locaux du département de la Seine—Inférieure, 884 г.; Clausade, Usages locaux du département du Tarn, 1843 г.; Recueil des usages locaux du département d'Indre et Loire, 1888 г.; Frédéric le Roy, Usages locaux du canton de Calais, 1880 г.; Vilade, les coutumes de Normandie, 1885 г.; Fons, Usages locaux du département de la Haute-Garonne, 1878 г.; Kersanté, Législation rural, 1877 г.; Casati, Observations pratiques sur l'application des différents articles du Code pénal, 1875 г.; Blanche, Études pratiquessur le Code pénal, 1868 г., т. IV—VII; Hélie, Théorie du Code pénal, 1863, т. III—VI.

цѣлью скотъ? 2) Дозволяется ли сборъ остатковъ урожая во всякомъ открытомъ полѣ или только на такомъ, которое образуетъ отдѣльный участокъ, не составляющій съ смежными полями одной дачи, одной мызы? 3) Всякіе ли способы сбора остатковъ урожая дозволены или же нѣкоторые, какъ напр. съ помощью граблей, запрещены? 4) Исчерпываются ли объекты правонарушенія 471 ст. только хлѣбными злаками, травой и виноградомъ, предметами, тамъ названными, или же сюда слѣдуетъ причислить и другія произведенія открытыхъ полей, какъ напр. оливки, орѣхи, яблоки? 5) Полевой законъ 1791 г., въ интересахъ обезпеченія названнаго права бѣдныхъ, запрещаетъ пастухамъ пускать скотъ на открытыя убранныя поля раньше истеченія двухъ дней послѣ уборки. Возникаютъ вопросы: распространяется ли это запрещеніе и на хозяина полей или нѣтъ и затѣмъ обязателенъ ли этотъ срокъ безусловно для всѣхъ мѣстностей или же онъ теряетъ свою силу для тѣхъ, въ которыхъ обычаемъ принятъ иной срокъ, какъ напр. сутки въ однихъ мѣстахъ [1]), 3 сутокъ въ другихъ [2])? Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, не достигаемое историческимъ толкованіемъ, не возможно и съ помощью логическаго, ибо никакія умозаключенія изъ существующихъ законоположеній отвѣта на эти вопросы не даютъ. Его даютъ только мѣстныя обычныя правовоззрѣнія, которыя собственно говоря чаще всего и проводятся судомъ въ его рѣшеніяхъ, нерѣдко незамѣтно для его самаго. И въ самомъ дѣлѣ, откуда болѣе, какъ не изъ обычнаго права, вытекаютъ рѣшенія Кассаціоннаго Суда, напр. тѣ, которыя признаютъ, во 1-хъ, что сборъ остатковъ урожая съ открытаго поля, образующаго съ другими полями одну дачу, одну мызу, дозволяется не прежде, чѣмъ будетъ убранъ весь урожай со всѣхъ полей, такъ-что уборки его съ одного поля недоста-

---

[1]) Code des usages locaux du département de la Seine—Inférieure, стр. 98, арт. 203, также стр. 123; Berode, Répertoire, 660.

[2]) Berode, ibid, 659.

точно для исключенія наказанія по 471 арт., во 2-хъ, что къ числу плодовъ открытыхъ полей, о которыхъ говоритъ названный арт., относятся также яблоки [1]) и другіе плоды, какъ напр. оливки и орѣхи [2]). Въ этихъ рѣшеніяхъ Кассаціонный Судъ не дѣлаетъ ссылки на мѣстные обычаи, но въ другихъ онъ прямо на нихъ ссылается и подтверждаетъ ихъ силу; такъ, напр. по вопросу о средствахъ или орудіяхъ сбора остатковъ урожая Кассац. Судъ прямо призналъ, что древніе обычаи, запрещавшіе употребленіе желѣзныхъ граблей, должны быть признаны обязательными [3]). Отказъ же отъ ссылки на обычное право въ разбираемыхъ случаяхъ равносиленъ иногда для Кассаціоннаго Суда необходимости давать закону искуственное, натянутое толкованіе; такъ, разрѣшая вопросъ о коллизіи правъ хозяина поля съ правомъ бѣдныхъ, Кассац. Судъ, стремясь, согласно обычаю, обезпечить это послѣднее право, мотивируетъ свое рѣшеніе тѣмъ, что хотя въ арт. 22 тит. II закона 28 Сентября 1791 г. и не говорится объ ограниченіи правъ собственника пускать свой скотъ на убранныя поля, но это ограниченіе слѣдуетъ изъ того, что вторая часть 22 арт., предъусматривающая впускъ скота въ огражденное поле, прямо называя чужой скотъ (bestiaux d' autrui), тѣмъ самымъ очевидно доказываетъ, что первая часть предполагаетъ и скотъ собственника поля [4]). Этотъ мотивъ совершенно искуственный, ибо право сбора остатковъ урожая ограничивается лишь открытыми полями; на огражденныя же поля это право не распространяется и самый сборъ можетъ имѣть мѣсто лишь какъ милость хозяина, почему законъ и говоритъ о чужомъ скотѣ, при чемъ для противоположенія съ текстомъ первой части 22 арт. нѣтъ никакого грамматическаго основанія; Касс. Судъ здѣсь просто подгоняетъ букву подъ предвзятую мысль, а не выводитъ послѣднюю изъ первой.

---

1) Blanche, Études pratiques, т. 7-й, № 161.
2) Blanche, ibid, № 149.
3) Hélie, Théorie, VI, 326—327.
4) Hélie, Théorie, VI, 324—325.

Къ сожалѣнію, названная предвзятая мысль не проводится послѣдовательно Кассаціоннымъ Судомъ; необходимость обезпеченія права бѣдныхъ само собою предполагаетъ запрещеніе хозяину поля сбора остатковъ урожая не только посредствомъ скота, но и посредствомъ людей, т. е. руками или граблями; иначе хозяева, тщательно убирая урожай полей, могутъ совершенно уничтожить право бѣдныхъ, низвести его къ нулю. Старое обычное право, кажется, дѣйствительно ограничивало хозяевъ полей и въ этомъ отношеніи, запрещая имъ послѣ уборки сноповъ или укладки въ скирды собирать оставшіеся колосья или траву; это запрещеніе сохраняется и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ [1]), но въ другихъ оно исчезло, такъ-что хозяинъ поля можетъ собрать, сгрести весь урожай до послѣдняго колоска [2]). Это разнорѣчіе въ обычаяхъ, вѣроятно, и заставило Кассац. Судъ отказаться обезпечить право бѣдныхъ запрещеніемъ хозяину главажа и посредствомъ людей, но этотъ отказъ не можетъ быть одобренъ, какъ истекающій только изъ недостаточнаго знакомства съ обычнымъ правомъ. По смыслу послѣдняго, собственникъ поля лишается права лишь на ту ничтожную часть урожая, которая останется послѣ увоза сноповъ или укладки ихъ въ скирды. Очевидно, что такая часть безъ существеннаго ущерба хозяину поля могла быть обезпечена за бѣдными въ полномъ объемѣ, т. е. и противъ сего послѣдняго; для этого Кассац. Суду необходимо было лишь точно опредѣлить моментъ, съ котораго возникаетъ право главажа для бѣдныхъ и нищихъ, что и не трудно было сдѣлать при ближайшемъ изученіи обычаевъ. Указаніемъ этого момента достигались бы двѣ выгоды: во первыхъ, обезпеченіе права главажа для бѣдныхъ, во вторыхъ, опредѣленіе границъ наказуемаго дѣянія, которыя безъ этого представляются неясными. И въ самомъ дѣлѣ, согласно толкованію Кассац. Суда и криминалистовъ, съ одной

---

[1]) Code des usages locaux du département de la Seine-Inférieure, стр. 97 и 123; Berode, ibid, 660.

[2]) Limon, Usages et réglements locaux, 94—95.

стороны, гланажъ запрещается всѣмъ, въ томъ числѣ и хозяину поля, какъ только онъ открывается для бѣдныхъ, а съ другой — хозяинъ поля до открытія гланажа можетъ собрать весь урожай до послѣдняго колоса, до послѣдней травки [1]). Неизвѣстно, такимъ образомъ, запрещенъ ли гланажъ для хозяина поля или незапрещенъ, ибо моментъ и условія открытія таковаго для бѣдныхъ невыяснены; опредѣленіе же названнаго момента словами: „послѣ полной уборки урожая", повторяемое Кассац. Судомъ вслѣдъ за упомянутымъ закономъ 1791 г., очевидно, негодно, такъ-какъ подъ полной уборкой можно разумѣть и совершенное очищеніе поля отъ остатковъ урожая.

Подобное же взаимодѣйствіе обычая и закона замѣчается и при практическомъ примѣненіи арт. 475, № 1, грозящаго штрафомъ тѣмъ, которые нарушатъ постановленія касательно времени сбора винограда (bans des vendanges) или иные подобныя правомѣрныя постановленія. Смыслъ этого артикула объясняется сопоставленіемъ его съ закономъ 1791 г. (тит. 1-й, секція 5, арт. 1-й), который, провозглашая принципъ свободы частной собственности, въ тоже время дѣлаетъ исключеніе для обычая, запрещавшаго собираніе винограда въ открытыхъ виноградникахъ ранѣе опредѣленнаго времени. Цѣль этого обычая двойная: 1) не допускать сбора незрѣлаго винограда, 2) предъупредить вредъ, который могли бы смѣжнымъ виноградникамъ причинить тѣ, которые преждевременно приступили бы къ сбору винограда въ своемъ участкѣ. Дѣйствующій кадексъ, признавая цѣлесообразность этого обычая, подтверждаетъ его въ тѣхъ общинахъ, гдѣ онъ существуетъ. Но подтверждая мѣстные обычаи, законодатель тѣмъ самымъ имплиситно раскрываетъ двери дѣйствію послѣднихъ рядомъ съ закономъ, признавая, такимъ образомъ, юридическую силу и за ними. И дѣйствительно, неопредѣленность текста разбираемаго артикула въ связи съ прямымъ смысломъ его источника — закона

---

[1]) Blanche, Études, VII, 231—232, 236; Hélie, Théorie, VI, 323—324.

1791 г. сами собой выдвигають на сцену обычное право. Особенно замѣтно его дѣйствіе въ томъ, что согласно буквѣ 475 арт. и рѣшеніямъ Кассац. Суда составъ нарушенія, предъусматриваемаго этимъ артикуломъ, на лицо не только тогда, когда bans des vendanges опубликованы подлежащей мѣстною властью, но и тогда, когда такой публикаціи не было, а просто существуетъ соотвѣтственный обычай, соблюдаемый каждый годъ. Такимъ образомъ, достаточно наличности обычая, ограничивающаго право собственника виноградниковъ, чтобы нарушеніе этого обычая составляло наказуемое дѣленіе. Нельзя допустить, замѣчаетъ Hélie, чтобы забвеніе или небрежность муниципальной власти могли повредить всему урожаю общины [1]). Затѣмъ, согласно рѣшеніямъ того же суда, для обязательности bans des vendanges не требуется непремѣнно публикаціи ихъ въ легальной формѣ, послѣдніе должны быть признаны обязательными и тогда, когда они опубликованы въ мѣстной обычной формѣ [2]). Согласно тѣмъ же рѣшеніямъ, вопреки закону 1791 г., подлежитъ наказанію по силѣ 475 арт. не только нарушеніе bans des vendanges, но и другихъ bans, коль скоро послѣдніе освящены обычаемъ и опубликованы мѣстною властью, какъ наприм. ограниченіе касательно времени сѣнокоса (bans de fauchaison), ограниченія касательно времени чистки деревьевъ (bans de la ramée) [3]). Наконецъ, по смыслу разбираемаго артикула и по толкованію Кассац. Суда, дѣйствіе этого артикула ограничивается, вообще, лишь тѣми мѣстностями, гдѣ bans установлены обычаемъ, при чемъ различіе сроковъ, назначаемыхъ послѣднимъ для созрѣванія урожая, не рѣдко замѣчаемое не только по кантонамъ, но и по общинамъ одного и того-же кантона, сохраняетъ полную свою силу [4]).

---

[1]) Hélie, Théorie, VI, 367; Blanche, VII, 360—361.

[2]) Hélie, ib; Blanche, ib.

[3]) Blanche, ib, 374—376; Recueil des usages locaux du département d'Indre et Loire, 67.

[4]) Hélie, Théorie, VI, 367; Blanche, Études pratiques, VII, 361; тотъ-же сборникъ обычаевъ, 67; ср. стр. 11.

Кромѣ приведенныхъ деликтовъ, можно указать во французскомъ кадексѣ еще цѣлый рядъ полевыхъ проступковъ, въ которыхъ обращеніе судьи къ обычному праву неизбѣжно; таковы, напр., полевыя кражи (арт. 388 и 477, № 15), поврежденіе и истребленіе произрастеній или деревьевъ (арт. 444—450), поврежденіе и разрушеніе оградъ и граней (арт. 456 и 389), поврежденіе дорогъ или полей посредствомъ недозволенныхъ водоспусковъ (арт. 457), нарушеніе безопасности движенія загражденіемъ дорогъ или неосвѣщеніемъ мѣста производства работъ (арт. 471, п. 4 и 479, п. 4), разные случаи потравы произрастеній и плодовъ на поляхъ и плантаціяхъ (арт. 417, № 13, 14 и 15, арт. 475, № 9 и 10, арт. 479, № 10), похищеніе дерна, земли или камней съ публичныхъ дорогъ и съ общественныхъ земель (арт. 479, № 12) и т. д. Еще шире, разумѣется, дѣйствіе обычнаго права при полевыхъ проступкахъ, нормируемыхъ спеціальными уставами, какъ напр. Лѣснымъ 1827 г. Обращеніе судьи къ обычному праву при названныхъ деликтахъ тѣмъ болѣе неизбѣжно, что многія гражданскія правоотношенія, то или другое разрѣшеніе которыхъ опредѣляетъ самый составъ этихъ деликтовъ и ихъ границы, т. е. предѣлы караемыхъ дѣйствій, предоставляются гражданскимъ уложеніемъ дѣйствію мѣстныхъ обычаевъ. Таковы разнаго рода сервитуты—лѣсные, водяные, дорожные, полевые [1]) и другіе (Code civil, арт. 590, 591, 592, 645, 652, 663, 671, 674), а также договоры (Code civil, арт. 1135, 1159, 1160, 1648, 1754, 1777). Указанная зависимость состава деликтовъ и ихъ границы отъ даннаго разрѣшенія природы гражданскихъ правоотношеній объясняется тѣмъ, что многія нормы уголовнаго права представляютъ ничто иное, какъ высшую санкцію тѣхъ отношеній, юридическая природа которыхъ опредѣляется другими отраслями права и въ частности—правомъ гражданскимъ.

---

1) Изъ сихъ послѣднихъ для нашей цѣли особенно важны—право пастбища и выгона (vaine—pâture et parcours), о которыхъ мы, однако, умолчимъ по соображеніямъ объема работы.

Если эта природа опредѣляется закономъ, уголовный судъ для ближайшаго опредѣленія состава наказуемаго правонарушенія и его предѣловъ обращается къ закону; напротивъ, если опредѣленіе этой природы предоставлено обычному праву, то само собою разумѣется, судъ долженъ обратиться къ сему послѣднему. И такъ-какъ во французскомъ гражданскомъ правѣ объемъ правоотношеній, предоставляемыхъ дѣйствію обычнаго права, особенно имущественныхъ, долженъ быть признанъ довольно значительнымъ [1]), то несомнѣнно, что значительна также роль обычая и въ сферѣ уголовнаго права. Это послѣднее заключеніе напрасно опускаютъ изъ виду французскіе криминалисты, въ своихъ учебникахъ совершенно отрицающіе положительную роль обычая во французскомъ уголовномъ правѣ.

До сихъ поръ шла рѣчь объ обычаяхъ, дѣйствующихъ рядомъ и согласно съ уголовнымъ закономъ; но можно указать во французскомъ правѣ и такіе обычаи, которые дѣйствуютъ вопреки уголовному закону и при томъ паралельно съ нимъ, а не какъ desuetudo. Согласно дѣйствующимъ законамъ (зак. 28 Сентября 1791 г., tit II, Code civil, арт. 1385 и Code pénal, арт. 471, § 14, 475, §§ 3, 4, 7, 10, 479, § 2), потравы чужихъ полей составляютъ не только гражданское, но и уголовное правонарушеніе. Сюда относятся и тѣ случаи, когда потрава производится животными, оставленными безъ присмотра на пастбищахъ (laissés à l'abandon dans le herbage) [2]); въ такомъ именно смыслѣ разрѣшаетъ данный вопросъ и практика Кассаціоннаго Суда [3]). Однако, обычное право Нормандіи съ этимъ положеніемъ расходится; оно признаетъ, что если пастбище огорожено, то излишне приставлять пастуховъ къ скоту, ибо въ этомъ случаѣ ограда достаточно защищаетъ сосѣднія поля отъ потравы. Поэтому, пущенный

---

[1]) Le Roy, Usages locaux, см. предисловіе и указаніе артикуловъ Code civil и Code de commerce, отсылающихъ къ обычному праву; см. также Карасевичъ, ib., 487.

[2]) Blanche, ibid, VII, № 489; Hélie, ibid, VI, № 2581.

[3]) Vilade, Les coutumes de Normandie, 204—205.

безъ пастуха на такія пастбища скотъ не можетъ быть названъ, вслѣдъ за арт. 12 тит. II закон. 1791 г., laissé a l'abandon, а слѣд. если такой скотъ, повредивъ ограду, вторгнется въ чужія поля и тамъ причинитъ потраву, то предлежитъ исключительно гражданское правонарушеніе. Этотъ взглядъ обычнаго права проникъ и въ мѣстные суды, которые нерѣдко постановляютъ рѣшенія, согласныя съ обычнымъ правомъ, а слѣдовательно противныя закону, при чемъ ихъ рѣшенія находятъ энергическую поддержку въ знатокахъ мѣстнаго права [1]. Сюда же, т. е. къ уголовнымъ нарушеніямъ, относятся и тѣ случаи, когда потрава производится людьми, лишенными права пользованія или прохода (Code pénal, арт. 471, № 13; арт. 475, № 9). Однако, по мѣстнымъ обычаямъ потрава теряетъ уголовный характеръ, когда причиняется хозяиномъ отроившагося улья, преслѣдующимъ его на чужихъ поляхъ [2]. Эти обычаи, правда, подтверждены полевымъ закономъ 18 Сентября 1791 г. (tit I, секц. 3, арт. 5), признающимъ за хозяиномъ роя право входа въ чужія поля, даже огражденныя, для его захвата безъ предварительнаго разрѣшенія мироваго судьи [3], но это положеніе закона 1791 г., какъ и многія другія, строго говоря, слѣдуетъ считать отмѣненнымъ гражданскимъ уложеніемъ, общему направленію котораго оно противорѣчитъ [4]. Послѣднее, стремясь охранить неприкосновенность частной собственности, точно указываетъ ограниченія послѣдней, при чемъ объ ограниченіи, о которомъ идетъ рѣчь, совершенно умалчиваетъ. Это умолчаніе нельзя толковать въ смыслѣ положительномъ и если названное ограниченіе сохраняется и въ исправленныхъ редакціяхъ закона 1791 г., то это обстоятельство можно объяснить лишь вліяніемъ мѣстнаго обычнаго права, которому вслѣдъ за судьями,

---

[1]) См. Vilade, ibid, стр. 197—206.

[2]) Bourguignat, Drois rural, 401—402; Berodə, ibid, 655—658; Groos, Code rural, т. 1-й, стр. 229; Kersanté, Législation rural, 107.

[3]) Bourguignat, ib, 401.

[4]) Kersanté, ib.

быть можетъ, незамѣтно для самихъ себя подчиняются и редакторы законовъ.

Подобныя же формы коллизіи обычая съ уголовнымъ закономъ во французскомъ правѣ замѣчаются въ области не только полевыхъ нарушеній, но и другихъ. Приведемъ примѣры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до сихъ поръ практикуется слѣдующій оригинальный способъ очищенія квартиры: собственникъ послѣдней, съ цѣлью принудить квартиранта оставить помѣщеніе, снимаетъ окна, двери, а иногда и самую крышу, при чемъ это дѣлается обыкновенно въ присутствіи судебнаго пристава [1]). Преступность такихъ дѣйствій по французскому праву несомнѣнна; они подходятъ подъ категорію угрозъ, что касается вины хозяина квартиры (арт. 305—308), и подъ категорію злоупотребленій властью, что касается отвѣтственности судебнаго пристава (арт. 184, 186); тѣмъ не менѣе, какъ дозволенныя мѣстными обычаями, они въ пространствѣ дѣйствія послѣднихъ правомѣрны. Далѣе, въ Нормандіи, въ округѣ судовъ гор. Руана и Дуэ, мы встрѣчаемъ весьма интересную коллизію дѣйствующаго уложенія съ декретомъ національнаго правительства 27 Ноября 1870 г., который, какъ не обнародованный въ законномъ порядкѣ, вообще признается недѣйствительнымъ. Названный декретъ, рядомъ съ другими поправками законоположеній, между прочимъ, измѣняетъ санкцію арт. 401 и 463, согласно которымъ лица, виновные въ похищеніяхъ чужаго имущества, не предъусмотрѣнныхъ въ особыхъ статьяхъ, при наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ подлежатъ тюремному заключенію не ниже 6 дней и штрафу не ниже 16 франковъ. Къ числу этихъ похищеній принадлежитъ и присвоеніе найденныхъ вещей какой бы то ни было цѣнности, такъ-что утайка напр. найденной булавки въ 50 сант. не можетъ быть наказана менѣе приведенныхъ каръ. Декретъ 27 Ноября 1870 г.,

---

[1]) Victor Fons, Usages locaux, стр. 168—169; Limon, Usages locaux, стр. 180—181.

находя эти кары несоразмѣрно строгими, предоставляетъ суду право не только понижать указанный въ 463 ст. minimum наказанія, но и назначать одинъ денежный штрафъ ниже 16 франковъ [1]). Примѣненіе этого недѣйствительнаго декрета только въ округѣ двухъ названныхъ судовъ можно объяснить лишь вліяніемъ мѣстнаго обычнаго права, съ воззрѣніями котораго разумное положеніе декрета, вѣроятно, совпало; мы говоримъ — разумное потому, что едвали цѣлесообразно карать тюрьмой того, кто, найдя булавку въ 50 сант. цѣною, ее быть можетъ, по легкомыслію присвоитъ; въ этомъ случаѣ часто совершенно достаточно штрафа для наказанія виновнаго [2]). Вліянію обычая можно приписать и наказаніе дуэли. Послѣдняя, какъ извѣстно, не предъусмотрѣна въ французскомъ уложеніи, слѣдовательно по общимъ правиламъ толкованія она наказанію подлежать не должна; такого именно мнѣнія и держался Кассац. Судъ съ 1819 г. по 1837 г.; съ этого же года онъ принялъ другое толкованіе, признающее дуэль однимъ изъ видовъ убійства или поврежденія здоровья, подлежащимъ наказаніямъ, положеннымъ за эти преступленія. Это толкованіе, совершенно неправильное не только по формѣ, но и по существу, ибо дуэль есть delictum sui generis, надо думать, принято Кассац. Судомъ не безъ давленія общественныхъ правовоззрѣній, не мирившихся съ полной безнаказанностью дуэлей [3]).

Что касается, наконецъ, дѣйствія обычаевъ во французскомъ уголовномъ правѣ, какъ desuetudo, то эта роль послѣднихъ особенно значительна. По завѣренію судьи Limon, весьма многія изъ правонарушеній, предъусматриваемыхъ уголовнымъ уложеніемъ и спеціальными законами, покрыты, какъ таковыя, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ забвеніемъ вслѣдствіе строгости положенной репрессіи и вообще противодѣйствія послѣдней мѣстныхъ обычаевъ. Таковы,

---

[1]) Casati, Observations pratiques, стр. 4—8; см. также Blanche, Études, V, №№ 466—469.

[2]) Casati, ibid.

[3]) Hélie, Théorie, т. III, стр. 474—520.

напр., несоблюденіе предписанія касательно веденія списковъ лицъ, останавливающихся въ гостинницахъ, въ постоялыхъ дворахъ или въ меблированныхъ комнатахъ (арт. 475, № 2), устройство и веденіе азартныхъ игръ (арт. 475, № 5, арт. 477 и 478), занятіе профановъ врачеваніемъ (арт. 471, № 15 и администр. распор. 1824 и 1848 гг.), привычка нищества (арт. 275) [1]), привычка пьянства (законъ 23 Января 1873 г.), кормленіе и выпивка въ гостинницахъ и трактирахъ при завѣдомой невозможности уплаты (арт. 401, 2-я ч.) [2]) и т. д.

Обращаясь теперь къ русскому праву, мы укажемъ для краткости только на полевые проступки, предъусматриваемые уст. о нак. въ ст. 145—168. Эти проступки, объемлющіе разные виды полевыхъ нарушеній, уст. о нак., вслѣдъ за прежнимъ законодательствомъ, въ отличіе отъ похищеній имущества въ тѣсномъ смыслѣ, выдѣляются въ особую группу подъ именемъ „самовольнаго пользованія чужимъ имуществомъ и поврежденіи онаго". Что же, спрашивается, послужило основаніемъ такого выдѣленія? Главнымъ образомъ, особенности народныхъ взглядовъ на эти проступки, другими словами—соображенія, почерпнутыя изъ обычнаго права. Народное правосознаніе до сихъ поръ проводитъ довольно рѣзкую черту между посягательствами на оккупированныя произведенія почвы и неоккупированныя, относясь весьма снисходительно къ посягательствамъ втораго рода, какъ направленнымъ на даръ божій, на предметы, въ созданіи которыхъ принимаетъ широкое участіе сама природа. Похищеніе продуктовъ поля, связанныхъ съ почвою, часто вовсе не клеймится народомъ именемъ кражи, а считается обыкновенно не важнымъ проступкомъ, которому усвоивается иное названіе, а иногда и совершенно дозволительнымъ дѣяніемъ. Вотъ это-то народное правовоззрѣніе и заставило законодателя, во 1-хъ, опредѣлить за полевыя нарушенія болѣе мягкія

---

[1]) Limon, ibid, стр. 427—430.
[2]) Casati, ibid, стр. 10—11.

наказанія, чѣмъ какія положены за похищеніе чужаго имущества, во 2-хъ—измѣнить самую классификацію, принявъ для нихъ менѣе позорный терминъ [1]). Понятно, что при такой роли народныхъ правовоззрѣній и самый составъ полевыхъ нарушеній не могъ остаться безъ ихъ вліянія, и дѣйствительно послѣднее должно было возникнуть уже въ силу крайней неопредѣленности и туманности текста нѣкоторыхъ статей, какъ напр. 145. Эта неопредѣленность, касающаяся какъ самыхъ объектовъ преступленія, такъ и способовъ его совершенія, правильно можетъ быть восполнена только указаніями обычнаго права, пренебреженіе которыхъ иногда приводитъ Сенатъ къ несообразнымъ рѣшеніямъ [2]). Послѣднее тѣмъ болѣе непростительно со стороны Сената, что редакторы уст. о наказ. въ мотивахъ къ 145 ст. сами указываютъ на важное значеніе при опредѣленіи полевыхъ нарушеній *потребностей* и *понятій народа*, отъ указаній которыхъ зависитъ и дальнѣйшее развитіе ихъ видовъ [3]). Впрочемъ, иныя изъ рѣшеній Сената, напр. тѣ, гдѣ онъ кругъ объектовъ 145 ст. ограничиваетъ неснятыми произведеніями почвы, т. е. неотдѣленными отъ своего естественнаго родника (69/196, Сергіевскаго; 69/376, Топильскаго), несомнѣнно подсказаны знакомствомъ съ обычными правовоззрѣніями. На сколько вліяніе послѣднихъ велико, лучше всего видно изъ того, что и редакторы проэкта новаго уложенія положили ихъ въ основаніе своихъ положеній о полевыхъ нарушеніяхъ; принятую ими особенную классификацію данныхъ нарушеній и ихъ снисходительную, сравнительно съ похищеніемъ чужаго имущества, наказуемость они прямо мотивируютъ особенностями народныхъ правовоззрѣній, которыми большею частью и опредѣляютъ ихъ составъ [4]).

---

[1]) См. мое изслѣд. „О воровствѣ—кражѣ“, вып. II, стр. 168—178; также Проэктъ имущ. посягательствъ, стр. 395, 430.

[2]) Тамъ-же, а также Проэктъ имущественныхъ посягательствъ, стр. 431—432.

[3]) См. излож. этихъ мотивовъ у Таганцева, уст. о нак., примѣч. къ 145 ст.

[4]) Проэктъ, стр. 388—433. Уклоненіе отъ народныхъ правовоззрѣній

III.

Положеніе поставленнаго вопроса въ литературѣ.

Высказанныя нами положенія объ обычаѣ, какъ источникѣ уголовнаго права, далеко не представляются общепринятыми въ литературѣ. Большинство криминилистовъ отрицаетъ творческую роль въ уголовномъ правѣ всякаго иного источника, кромѣ закона, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ находятъ, что обычай не можетъ ни отмѣнить дѣйствія уголовнаго закона, но пополнить его пробѣлы [1]. Что же, спрашивается, служитъ основаніемъ для такого ученія? Это основаніе заключается, во 1-хъ, въ положеніи— nullum crimen sine lege, занесенномъ на страницы всѣхъ новыхъ кодексовъ, во 2-хъ—въ убѣжденіи, что законодатель всегда своевременно обновляетъ и пополняетъ уголовныя нормы. Но оба эти

приводитъ Редакторовъ проекта, какъ и Сенатъ, къ несообразностямъ; такъ, устанавливая различіе между похищеніемъ и самовольнымъ пользованіемъ произрастеній почвы по цѣлямъ дѣйствія, Редакторы проэкта противопоставляютъ продажу или сбытъ произведеній *немедленному* ихъ употребленію, при чемъ это послѣднее принимаютъ и тогда, когда виновный употребитъ произведенія почвы не сразу, а черезъ мѣсяцъ, черезъ 2 мѣсяца и т. д. (стр. 433). Очевидно, что такое искуственное различіе цѣлей не въ духѣ народа; послѣдній дѣйствительно противопоставляетъ цѣли, но инаго рода: съ одной стороны, немедленное удовлетвореніе потребности, а съ другой—обогащеніе, когда виновный беретъ болѣе, чѣмъ сколько нужно для временнаго удовлетворенія, когда онъ запасается мѣшкомъ, корзиной, телѣгой и т. п. (См. О воровствѣ—кражѣ, II, стр. 174—178).

[1]) См. Köstlin, System des deutschen Strafrechts, 1855 г., стр. 52; Hälschner, Das Gemeine deutsche Strafrecht, 1881 г., I, стр. 85; Geib, Lehrbuch, II, стр. 15; Hugo Meyer, Lehrbuch, 4 изд., 139; Stürm, Recht und Rechtsquellen, стр. 130 и слѣд.; Liszt, Lehrbuch, 80—81; Ortolan, Élements de droit pénal, 1875 г. т. 1-й, стр. 77, 248-251; Garraud, Précis de droit criminel, 1881 г., стр. 35—38. Противоположное мнѣніе защищаютъ только Бернеръ, Биндингъ, Шютце, Колеръ, Муромцевъ, Коркуновъ (см. вышеуказ. м. мѣста); Листъ же впадаетъ въ противорѣчіе: отвергнувъ на стр. 81 правопроизводящую роль обычая, онъ на 82 стр., какъ мы видѣли, находитъ, что въ случаѣ умышленно оставляемой законодателемъ неполноты закона наука и судебная практика пріобрѣтаютъ творческое значеніе.

довода не убѣдительны. Несостоятельность перваго мы уже показали; здѣсь замѣтимъ только, что отрицаніе творческой роли обычая на основаніи положенія—nullum crimen sine lege есть слѣдствіе черезчуръ формальнаго пониманія послѣдняго; криминалисты направляютъ все свое вниманіе на тѣ внѣшнія ограниченія, которыя устанавливаются этимъ положеніемъ, не углубляясь въ положительную сферу, въ фактическое содержаніе уголовнаго права. Ближайшее же изученіе этой сферы показало бы, что дѣйствіе обычая названной формулой не устраняется, а лишь вводится въ извѣстныя границы. Что же касается втораго довода, то онъ есть не болѣе какъ фикція, не подтверждаемая дѣйствительностью. Обыкновенно этотъ доводъ мотивируется слѣдующимъ образомъ. Современное уголовное законодательство, говоритъ Листъ, исходитъ изъ предположенія своей полноты и на этомъ основываетъ свою исключительность. Обычай могъ бы, замѣчаетъ Sturm, пріобрѣсть творческую силу лишь тогда, если бы право не нормировалось своевременно закономъ, но такое положеніе теперь не возможно, ибо законъ въ наше просвѣщенное время не можетъ стать въ противорѣчіе съ историческимъ прогрессомъ; къ устраненію этого противорѣчія, къ успѣшной правопроизводящей дѣятельности принуждаетъ законодателя тоже нравственное-соціальное стремленіе впередъ, которое живетъ въ немъ, какъ и въ природѣ каждаго человѣка [1]). Дѣйствительность не подтверждаетъ этихъ предположеній. Мы видимъ, что реформа уголовныхъ законовъ, особенно систематическая переработка ихъ въ формѣ уложеній, предпринимается черезъ болѣе или менѣе значительные промежутки времени, въ теченіи которыхъ многія прежнія нормы успѣваютъ потерять свой жизненный смыслъ и смѣниться новыми. Нерѣдко законодатель чувствуетъ полное несоотвѣтствіе, полную противоположность отдѣльныхъ законныхъ нормъ съ современными общественными правовоззрѣніями и тѣмъ не менѣе принужденъ бываетъ отложить на неопредѣленное время ихъ

---

[1]) Liszt, ib., 80; Sturm, ib., 133—134.

реформу потому, что для этого необходимъ пересмотръ цѣлой системы нормъ, цѣлыхъ институтовъ, требующій трудной и продолжительной переработки законовъ въ формѣ кодефикаціи.

Особенное положеніе занимаетъ доводъ, приводимый г. Таганцевымъ въ защиту господствующей доктрины. Послѣдній не отрицаетъ возможности образованія обычнаго права въ наше время; напротивъ, онъ прямо заявляетъ, что обычно-правовыя нормы могутъ жить и развиваться рядомъ съ законодательными нормами и притомъ въ двухъ формахъ — въ формѣ народно-обычнаго права, проявляющагося въ конклюдентныхъ дѣйствіяхъ, и въ формѣ судебно-обычнаго права, письменно запечатлѣваемаго въ судебныхъ рѣшеніяхъ, но думаетъ, что такія обычно-правовыя нормы не могутъ быть правовыми нормами въ строго-юридическомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ велѣній авторитетной воли, которыя должны быть соблюдаемы подъ угрозою наказанія [1]). Несостоятельность этого довода видна изъ самопротиворѣчія автора. Если обычно-правовыя нормы живутъ и развиваются рядомъ съ закономъ, то они, очевидно, пользуются извѣстнымъ авторитетомъ и если этотъ авторитетъ слабѣе авторитета закона, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы нормы обычнаго права не были нормами въ юридическомъ смыслѣ; различіе здѣсь только количественное, но не качественное. Эта послѣдняя мысль въ сущности сквозитъ и въ окончательномъ выводѣ автора, раздѣляемомъ и нѣкоторыми другими криминалистами, что обычно-правовымъ нормамъ въ современномъ правѣ принадлежитъ второстепенное, субсидіарное значеніе, т. е. противоположное господствующей роли закона [2]).

---

[1]) Лекціи, §§ 86—88.

[2]) Лекціи, стр. 107; см. также Спасовичъ, Учебникъ, стр. 68—69.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ ВЪ РОССІИ,

ВЪ ОСОБЕННОСТИ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

ИСТОРІЯ

образованія русскаго государственнаго совѣта сравнительно съ аналогичными западно-европейскими учрежденіями.

Историко-юридическое изслѣдованіе

ПРОФЕССОРА ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ,

В. Г. ЩЕГЛОВА.

Томъ первый.

ЯРОСЛАВЛЪ.

Типо-литографія М. Х. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.

1891.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій*.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

памяти графа М. М. Сперанскаго

въ воспоминаніе пятидесятилѣтія со дня его смерти

(1839—1889 г.).

«Великія государства движутся установленіями, лица перемѣняются и умираютъ, а духъ установленій живетъ и въ теченіе многихъ столѣтій охраняетъ ихъ основанія».

(„Записка о необходимости учрежденія государственнаго совѣта“ графа Сперанскаго).

«Въ государствѣ все зависитъ отъ учрежденій законовъ, ибо и управленіе есть послѣдствіе оныхъ».

(„Разсужденіе объ учрежденіи высшихъ правительственныхъ мѣстъ въ Россіи“ Балугьянскаго).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Царствованіе Александра Перваго (1801—1825) представляетъ собою одну изъ замѣчательныхъ эпохъ въ русской исторіи. Въ эту пору становится особенно замѣтною та тѣсная связь русскаго общества съ западно-европейскимъ, начало которой относится обыкновенно ко времени Петра Перваго. Вліяніе европейскихъ идей и учрежденій, послужившихъ образцами для общественныхъ преобразованій при Петрѣ Великомъ, не прекращалось въ Россіи въ теченіе всего XVIII вѣка и во второй его половинѣ выразилось въ широкой и плодотворной, просвѣтительной дѣятельности Императрицы Екатерины II-й, замѣчательными памятниками которой остались для послѣдующихъ поколѣній знаменитый „Наказъ коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія", акты о созваніи и дѣятельности этой коммиссіи (1767 г.), учрежденіе о губерніяхъ, жалованныя грамоты дворянству и городамъ и акты дѣятельности Совѣта, образованнаго въ 1768 г.. Екатерина II поддерживала постоянныя сношенія съ Западной Европой, состояла въ перепискѣ съ энциклопедистами и извѣстными учеными (Дидро, Вольтеромъ, Гриммомъ и др.) и рѣшилась воспитать въ духѣ европейскихъ идей и своего любимаго внука и предполагаемаго наслѣдника престола, Александра Павловича. Французскія идеи вмѣстѣ съ обычаями стали проникать при Екатеринѣ II и въ высшій классъ русскаго общества, въ средѣ котораго появляются теперь сочиненія энциклопедистовъ и развиваются, до сихъ поръ неслыханныя, отвлеченныя понятія франкъ-масоновъ о высшихъ цѣляхъ жиз-

ни человѣка и о необходимости совершенствованія общества. Въ концѣ царствованія Екатерины II доходятъ (Радищевъ. Новиковъ) при помощи этихъ новыхъ для того времени взглядовъ до сознанія нѣкоторыхъ недостатковъ тогдашняго общественнаго устройства. При Александрѣ Первомъ этотъ интересъ лучшихъ русскихъ людей къ судьбѣ своего отечества, ихъ искреннее желаніе отыскать причины многочисленныхъ общественныхъ золъ и средства къ ихъ устраненію усиливаются еще болѣе, благодаря развитію образованности въ высшихъ слояхъ русскаго общества, гдѣ общеевропейское, умственное и политическое, движеніе XVIII вѣка оставило замѣтные слѣды. Благороднѣйшимъ представителемъ этого движенія въ Россіи былъ самъ Императоръ Александръ Павловичъ, воспитанный республиканцемъ Лагарпомъ и немедленно по вступленіи на престолъ приступившій къ реформамъ русскаго соціальнаго строя въ духѣ новыхъ политическихъ идей, раздѣлявшихся и ближайшими сотрудниками государя. Извѣстно, что многое изъ широкихъ, преобразовательныхъ плановъ Александра Перваго и, горячо ему сочувствовавшихъ, „членовъ неоффиціальнаго комитета", а впослѣдствіи и графа Сперанскаго, осталось невыполненнымъ по многимъ причинамъ. Но мысль о необходимости коренныхъ реформъ въ жизни русскаго общества продолжала жить въ Александрѣ I-мъ до конца его жизни, не смотря на рѣзкое измѣненіе въ характерѣ государя, замѣтное его охлажденіе къ идеямъ своей юности и разнообразныя, неблагопріятныя для ихъ осуществленія, внѣшнія обстоятельства. Не исчезли при Александрѣ слѣды преобразовательнаго направленія и въ русской жизни, гдѣ уже совершенныя государемъ реформы въ центральномъ управленіи нашли рѣзкаго и безпощаднаго критика въ лицѣ Карамзина. Вопреки ожиданіямъ русскаго исторіографа и сторонниковъ его воззрѣній, видѣвшихъ въ новыхъ учрежденіяхъ Государственнаго Совѣта и мини-

стерствъ лишь сколки съ иностранныхъ, французскихъ образцовъ, эти учрежденія привились къ русской администраціи и сдѣлались въ ней фундаментомъ всего послѣдующаго развитія центральнаго управленія. Поэтому правъ былъ Сперанскій, когда онъ писалъ изъ Перми Александру, что „ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ, какъ общее учрежденіе министерствъ“ [1]). То, что Сперанскій говоритъ здѣсь о министерствахъ, до извѣстной степени относится и къ Государственному Совѣту при Александрѣ I-мъ, который также стоитъ съ тѣхъ поръ во главѣ высшаго управленія въ Россіи непоколебимо въ существеннѣйшихъ основаніяхъ его „образованія“.

Важное соціально-политическое и административное значеніе въ русской исторіи эпохи Александра I-го давно уже сознано нашимъ обществомъ и интересъ къ ней особенно возросъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлались доступными русскимъ ученымъ многочисленные и разнообразные матеріалы, хранящіеся въ столичныхъ архивахъ и библіотекахъ, публичныхъ и частныхъ. Многіе изъ архивныхъ актовъ XVIII и XIX вѣка напечатаны и продолжаютъ печататься еще и теперь въ спеціальныхъ историческихъ журналахъ и сборникахъ: „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“ (70 т. съ 1868 по 1890 г.), „Русской Старинѣ“ (68 т., изд. съ 1870 г.), „Русскомъ Архивѣ“ (съ 1863 г., 81 т.), „Осьмнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкѣ“ Бартенева (1868—72, 6 т.), „Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“ (1846—89), „Архивѣ князя Воронцова“ (съ 1870, 36 т.), „Архивѣ Министерства Юстиціи“ (съ 1869 г., 6 т.), „Древней и Новой Россіи“ (1875—80 г., 18 т.), Историческомъ и Русскомъ Вѣстникахъ и Вѣстникѣ Европы. Сырой, необработанный матеріалъ по исторіи управле-

1) Богдановичъ: „Исторія царствованія Александра Перваго“, т. V, приложеніе, 50 стр.

нія въ александровскую эпоху находится, кромѣ 1-го Полн. Собранія Законовъ (XXVI—XL т.т.), еще въ извѣстномъ специалистамъ „Архивѣ Государственнаго Совѣта“, изданномъ *Н. В. Калачовымъ* (4 т.); 2-й томъ этого „Архива“, невошедшій въ изданіе Калачева, появился также недавно (въ 1888 году), а приготовленіе къ печати V тома этого драгоцѣннаго архивнаго сборника, на сколько намъ извѣстно, быстро подвигается впередъ. Къ числу такихъ-же сборниковъ относятся: „Журналы Комитета Министровъ въ царствованіе Александра I-го“ (1802 —1810), изданные статсъ-секретаремъ *Куломзинымъ*, „Письма графа Сперанскаго“ — академикомъ *Бычковымъ*, многочисленные историческіе матеріалы XVIII —XIX в. и, между прочимъ, „Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта“, помѣщенные академикомъ *Дубровинымъ* въ Сборникѣ Русскаго Историческаго общества (въ 4-хъ его томахъ). „Сборникъ историческихъ памятниковъ и документовъ, относящихся къ XVIII и XIX вѣкамъ въ русской исторіи“ *Михайлова* и мн. др. Что-же касается литературныхъ трудовъ по исторіи Россіи въ XVIII и началѣ XIX столѣтія, то сюда относится цѣлый рядъ сочиненій, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ: *Богдановича:* „Исторія царствованія Александра I-го“ (6 т.), *Корфа:* „Жизнь графа Сперанскаго“, *Пыпина:* „Общественное движеніе при Александрѣ I-мъ“, *Галактіонова:* „Императоръ Александръ I-й и его царствованіе“, *Надлера:* „Императоръ Александръ I-й и идея священнаго союза“ (4 ч.), *Ковалевскаго*: „Графъ Блудовъ и его время“, *Иконникова*: „Графъ Мордвиновъ“ и *Сухомлинова:* „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“ (статья о Лагарпѣ). Эпоха Александра I-го сдѣлалась предметомъ даже спеціальныхъ сочиненій и мемуаровъ въ иностранной литературѣ: Storch'a: „Russland unter Alexander dem Ersten“ (6 т.), Schnitzler'a „Histoire intime de la Russie“, N. Tourgueneff: „La Russie et les Russes“ (2 т.), Memoires

prince A. Czartorysky (2 т.), Mazade: „Alexandre et le prince Czartorysky“, Masson: „Memoires secretes de la Russie“ (3 ч.), Crusenstolpe: „Der russischer Hof von Peter I bis auf Nicolaus I“ (6 ч.). Этотъ списокъ мемуаровъ значительно увеличивается мемуарами Шуазель-Гуфье и записками иностранцевъ, въ которыхъ такъ или иначе описываются лица, учрежденія и событія XVIII вѣка, имѣющія извѣстное отношеніе къ эпохѣ Александра I-го: „Memoires de Comte de Segur (3 т.), Записки герцога де *Лиріи*, леди *Рондо*, *Кастера*, *Сабатье-де-Кабръ*. Необходимо упомянуть также о запискахъ *Дашковой*, *Мертваго*, *Манштейна*, *Грибовскаго*, *Миниха*, *Храповицкаго*, *Державина*, *Дмитріева*, *Вигеля*, *Н. Греча* и знаменитой „Запискѣ о древней и новой Россіи“ *Карамзина*. Наконецъ, періодъ русской исторіи отъ Петра I-го и до Николая I-го нашелъ солидную обработку въ многочисленныхъ и обширныхъ трудахъ русскихъ историковъ: *С. М. Соловьева*, *Бестужева-Рюмина*, *Костомарова*, *Устрялова* и историковъ-юристовъ: *Неволина*, *Бѣляева*, *Ѳ. Дмитріева*, *Андреевскаго*, *Загоскина*, *Петровскаго*, *Градовскаго*, *В. М. Сергѣевича*, *Романовичъ-Словатинскаго* и *Владимірскаго-Буданова*.

Какъ ни великъ и обширенъ, повидимому, весь этотъ матеріалъ, архивный и литературный, все таки, однимъ только его изученіемъ нельзя было ограничиться при изслѣдованіи вопроса о Государственномъ Совѣтѣ при Александрѣ I-мъ. Прежде чѣмъ приняться за эту трудную, но при современной полнотѣ матеріаловъ возможную работу по исторіи образованія главнѣйшаго и высшаго учрежденія въ русскомъ центральномъ управленіи, мы рѣшились обратиться къ изученію тѣхъ актовъ въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, которые не вошли въ сборникъ Калачева, бумагъ графа Сперанскаго въ И. П. Библіотекѣ и дѣлъ Комитета 6 декабря 1826 года, хранящихся въ Государственной Канцеляріи. Наши

ожиданія найти во всѣхъ этихъ собраніяхъ сырыхъ, необработанныхъ документовъ нужный для труда архивный матеріалъ оправдались вполнѣ. Особенно важными для исторіи высшаго управленія Россіи вообще, а также и исторіи образованія въ ней Государственнаго Совѣта при Александрѣ I-мъ оказались дѣла Комитета 6 дек., гдѣ находятся, нигдѣ еще ненапечатанныя, бумаги извѣстныхъ дѣятелей всего александровскаго царствованія, разнообразные проэкты, мнѣнія и записки графа Сперанскаго („Обозрѣніе гражданскихъ установленій"), Балугьянскаго, графа Кочубея, графа Дибича, сенатора П. Сумарокова и др. Въ Архивѣ Государственнаго Совѣта мы познакомились съ замѣчательной запиской графа Сперанскаго „О необходимости учрежденія Государственнаго Совѣта" [1]), которая вмѣстѣ съ другими архивными дѣлами Общаго Собранія Государственнаго Совѣта и Комитета Предсѣдателей его Департаментовъ представляетъ собою драгоцѣнный, непосредственный источникъ для исторіи образованія Государственнаго Совѣта при Александрѣ I-мъ. Въ отдѣленіи рукописей И. П. Библіотеки намъ были доступны также бумаги графа Сперанскаго и въ числѣ ихъ оригиналъ извѣстнаго его „Государственнаго Уложенія", отрывки изъ котораго были напечатаны въ сочиненіяхъ Н. Тургенева, Пыпина и статьѣ В. И. Сергѣевича [2]). Наконецъ, нѣкоторые документы по исторіи Государственнаго Совѣта были найдены нами и въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ Москвѣ).

Весь этотъ обильный и разнообразный, имѣющійся у насъ

1) Эту записку, въ виду ея особенной важности для нашего изслѣдованія, мы помѣщаемъ въ полномъ видѣ въ прибавленіи къ нашей книгѣ; добавленіемъ къ запискѣ Сперанскаго служатъ любопытныя замѣчанія графа Кочубея на его проэктъ объ образованіи Государственнаго Совѣта (1809 г.), также прилагаемыя нами.

2) „Право и государство въ исторіи" (Сборникъ государственныхъ знаній, 7 т.).

подъ руками, матеріалъ для труда о Государственномъ Совѣтѣ при Александрѣ I-мъ мы должны были обработать научнымъ образомъ для того, чтобы дать полное и обстоятельное изслѣдованіе всего вопроса [1]). Для достиженія этой цѣли намъ предстояло обратиться къ одному изъ методовъ, существующихъ въ современной исторіи права: историческому или сравнительно-историческому. При пользованіи первымъ методомъ наша задача значительно упрощалась, сводилась къ изученію Государственнаго Совѣта, догматическому изложенію его образованія только въ послѣднюю, заключительную фазу его историческаго развитія при Александрѣ I-мъ или, въ крайнемъ случаѣ, къ изслѣдованію всего процесса этого развитія. Сравнительно-историческій методъ, напротивъ, обязывалъ насъ ввести въ свою работу исторію учрежденій у другихъ народовъ, которыя аналогичны русскому Государственному Совѣту. Мы предпочли слѣдовать этому послѣднему методу, хотя и болѣе трудному, но за то въ тоже время и болѣе плодотворному по своимъ результатамъ. Послѣдующее изложеніе главныхъ основаній обоихъ методовъ, а также и ихъ сравнительныхъ достоинствъ покажетъ, почему мы избрали въ своемъ сочиненіи не просто историческую, а сравнительно-историческую методу.

Историческій методъ изученія исторіи права обязанъ своимъ возникновеніемъ исторической школѣ права, основателемъ которой былъ знаменитый *Савиньи*. Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Vom Beruf unserer Zeit fur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft“ (1814 г.) Савиньи высказалъ взглядъ на право, какъ на необходимый результатъ общаго народнаго убѣж-

1) Въ русской литературѣ есть только одно спеціальное сочиненіе: „Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи“ Даневскаго (1859 г.), въ которомъ авторъ даетъ краткую, оффиціальную исторію высшихъ учрежденій съ древнѣйшихъ временъ до Александра I-го и—Государственнаго Совѣта при немъ и Николаѣ I-мъ. Трудъ Даневскаго—сухой перечень матеріаловъ, приводимыхъ въ хронологическомъ порядкѣ.

денія. Право свойственно народу также, какъ его языкъ, нравы и политическія учрежденія. Оно возникаетъ въ народѣ независимо отъ произвола законодателя въ силу закона внутренней необходимости, изъ дѣйствующихъ въ тиши народныхъ силъ. Между сущностью и характеромъ народа и правомъ существуетъ внутренняя, органическая связь, которая сохраняется между ними въ теченіе всей исторіи народа. Право образуется вмѣстѣ съ народомъ, переходитъ тѣже ступени, которыя переживаетъ и народъ, и погибаетъ вмѣстѣ съ утратой національныхъ особенностей (8—12 стр.). Такимъ образомъ, Савиньи признаетъ только то право, которое существуетъ у того или другаго народа, какъ продуктъ его національнаго развитія, и высказываетъ непоколебимую увѣренность въ непроизвольномъ, безсознательномъ возникновеніи права изъ невѣдомой глубины народнаго духа, исключающемъ всякую возможность дѣятельности законодателя и заимствованій извнѣ. Процессъ развитія права совершается, по мысли Савиньи, въ связи съ извѣстными историческими условіями народной жизни, но въ числѣ этихъ условій не должно быть никакихъ чужихъ примѣсей, никакихъ учрежденій, заимствованныхъ у другихъ народовъ. Историческій методъ въ такомъ видѣ исключалъ всякую возможность сравненія между юридическими и политическими учрежденіями у различныхъ народовъ, не давалъ изслѣдователю никакого масштаба для оцѣнки относительныхъ достоинствъ и недостатковъ права у даннаго народа [1]). При его помощи можно разъяснить только право у извѣстнаго народа изъ историческихъ, положительныхъ его источниковъ, юридическихъ памятниковъ, изучить національное право въ зависимости отъ совокупности всѣхъ историческихъ условій общественной жизни, состоянія общества въ различныя эпохи его развитія, но

---

1) Сергѣевичъ: „Задача и метода государственныхъ наукъ“ (1871 г., Москва), стр. 51—52, 153 и 208.

совершенно невозможно дойти до раскрытія общихъ законовъ въ развитіи всего права [1]) и отдѣльныхъ юридическихъ и политическихъ учрежденій.

Съ точки зрѣнія историческаго метода и, притомъ, въ самой узкой, односторонней его формѣ исторія образованія Государственнаго Совѣта начинается у покойнаго профессора Градовскаго только съ 1810 года. Градовскій рѣшительно отказывается признать какую-либо генетическую связь александровскаго совѣта съ, предшествовавшими ему, совѣтами разныхъ наименованій [2]). Государственный Совѣтъ александровской эпохи есть, говоритъ онъ, по мысли основателя законодательное учрежденіе, между тѣмъ какъ всѣ другіе совѣты были установленіями, неопредѣленными по своей организаціи и кругу вѣдомства [3]): они были вызваны случайными обстоятельствами, олигархическими стремленіями старыхъ боярскихъ родовъ или-же личными выгодами иноземцевъ [4]), и были предназначены, главнымъ образомъ, для вопросовъ внѣшней политики и особенныхъ дѣлъ [5]). Но указаніе на неопредѣленность функцій совѣтовъ до Александра I-го не оправдываетъ отрицанія всякой генетической ихъ связи съ александровскимъ Государственнымъ Совѣтомъ: смѣшеніе разнообразныхъ функцій власти въ одномъ или нѣсколькихъ учрежденіяхъ—характерная черта всего управленія въ примитивную и долго и въ историческую эпоху жизни каждаго государства и точное раздѣленіе функцій власти между различными учрежденіями—слѣдствіе долгаго процесса историческаго развитія управленія и, кромѣ того, зависитъ много отъ своеобразныхъ условій народной жизни. Даже

---

1) Сергѣевичъ: „Задача и метода государственныхъ наукъ", 208 стр.

2—3) Градовскій: „Начала русскаго государственнаго права". С.-Петерб., 1876, 70—75 стр.

4) Онъ-же: „Высшая администрація Россіи XVIII ст.". С.-Петербургъ, 1866, 138—9, 153, 262 и 270 стр.

5) Онъ-же: „Начала русскаго государственнаго права", т. 2, ibid.

александровскій Государственный Совѣтъ не выражалъ вполнѣ первоначальную мысль его основателя (графа Сперанскаго) и очень скоро сдѣлался, по словамъ Градовскаго-же, высшимъ учрежденіемъ, гдѣ на ряду съ законодательными вопросами разсматривались важнѣйшія административныя мѣры, а потомъ и судебныя дѣла [1]). Что касается олигархическихъ стремленій боярскихъ родовъ, то они возникли и развились, по словамъ Градовскаго, въ самой русской жизни [2]), и неразрывная связь ихъ съ исторіей совѣтовъ до Александра І-го имѣетъ глубокое соціально-политическое значеніе, объясняетъ многое въ исторіи развитія всего русскаго высшаго управленія. Употребленіемъ того-же узкаго историческаго метода, въ силу котораго Градовскій отрицаетъ внутреннюю, органическую связь учрежденій, различныхъ по имени, но сходныхъ по своимъ функціямъ, объясняется и противорѣчіе въ его взглядахъ на общее политическое значеніе Государственнаго Совѣта, который въ исторіи, говоритъ онъ, неразлученъ съ королевской прерогативой и въ тоже время является самымъ измѣнчивымъ изъ всѣхъ западно-европейскихъ установленій, отличается разнообразіемъ функцій и самостоятельнаго значенія у европейскихъ народовъ [3]). Впрочемъ, оба послѣднія воззрѣнія на Государственный Совѣтъ встрѣчаются не у одного Градовскаго, но и у многихъ французскихъ ученыхъ, разсматривающихъ это учрежденіе лишь съ точки зрѣнія монархическаго его характера [4]), и Л. ф. Штейна, который также находитъ, что Государственный Совѣтъ среди другихъ политическихъ учрежденій носитъ особенно измѣнчивый и непостоянный характеръ [5]). Но

1—2) Градовскій: „Высшая администрація Россіи XVIII ст.“, 138—9, 153, 262 и 270 стр.

3) Онъ-же: „Начала русскаго государственнаго права“, т. 2, 58 стр.

4) См., напр., Regnault: „Histoire du Conseil d'Etat“, Paris, 1853, 3 p. et suiv., Vidaillan: „Histoire des conseils du roi“, Paris, 1856, I p., introd. и др.

5) L. v. Stein: „Die Vollzieende Gewalt“, 179 s.

Штейнъ изучаетъ исторію Государственнаго Совѣта въ европейскихъ государствахъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, различаетъ нѣсколько эпохъ въ процессѣ его образованія, хотя и не обозначаетъ существенные признаки каждой изъ нихъ. Такъ въ первую сословную эпоху общественной западно-европейской жизни Государственный Совѣтъ имѣлъ въ управленіи, по словамъ Штейна, туже чисто личную, монархическую форму, какъ и въ послѣдующую пору, когда монархическая власть смѣнила господство феодальныхъ сеньоровъ въ государствѣ. Наконецъ, тотъ-же смѣшанный и второстепенный характеръ только совѣщательнаго учрежденія при короляхъ Государственный Совѣтъ занимаетъ, по Штейну, и въ различныхъ европейскихъ государствахъ, начиная съ XVIII столѣтія и до сего времени. Такой странный взглядъ Штейна на одинаковую роль Государственнаго Совѣта въ управленіи при разныхъ формахъ соціальной организаціи получился у него оттого, что Штейнъ видитъ въ Государственномъ Совѣтѣ только органъ, имѣющій своей задачей помогать конституціонному монарху въ отправленіи функцій его власти, какъ главы государства, законодательства и управленія [1]). Это положеніе въ центральномъ управленіи Государственный Совѣтъ можетъ занять лишь при отдѣленіи законодательной функціи отъ исполнительной, изъ которыхъ первая сосредоточивается въ народномъ представительствѣ, а вторая въ министерствѣ. Недостаточность разграниченія законодательства и исполнительной власти въ новѣйшихъ европейскихъ государствахъ и служитъ, по мнѣнію Штейна, причиной неопредѣленнаго положенія въ нихъ Государственнаго Совѣта [2]). Но конституціонное государство появилось въ Европѣ сравнительно недавно, въ Англіи въ началѣ XVIII ст., а въ континентальныхъ европейскихъ государствахъ въ кон-

---

1—2) Stein, ibid., 179—180 и 185 s.

цѣ XVIII в. и даже началѣ XIX-го. Между тѣмъ, Государственный Совѣтъ существовалъ и, притомъ, нерѣдко съ самостоятельнымъ, политическимъ, опредѣленнымъ характеромъ во всѣхъ западно-европейскихъ средневѣковыхъ государствахъ, а аналогичныя съ нимъ учрежденія были извѣстны еще ранѣе, въ древнемъ мірѣ. Во взглядахъ Штейна на образованіе Государственнаго Совѣта вѣрны лишь его указаніе на нѣсколько эпохъ въ процессѣ развитія этого учрежденія и косвенный намекъ на связь различныхъ стадій этого развитія съ отношеніемъ между сословіями и монархическою властью. Эта бытовая сторона въ исторіи образованія Государственнаго Совѣта, изслѣдованіе которой только въ состояніи пролить свѣтъ на видную соціально-политическую и административную роль этого учрежденія при разныхъ формахъ политическаго быта, ускользнула отъ вниманія Штейна, употребляющаго въ своихъ многочисленныхъ трудахъ по вопросамъ государственнаго права и соціально-экомическимъ „соединенную методу“,—отвлеченные пріемы философіи Гегеля вмѣстѣ съ наблюденіемъ историческихъ фактовъ [1]). Вліяніе вполнѣ отвлеченной, философской методы и историческаго способа изученія права выражается въ сочиненіяхъ почти всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ (Варнкӧнига, Шеффнера, Вайца, Эйхгорна и др.) [2]). И только въ послѣднее время замѣчаются у нѣкоторыхъ изъ нихъ попытки приложенія къ исторіи права сравнительно-историческаго метода, который признанъ въ французской, англійской и русской юридической литературѣ бузусловно необходимымъ методомъ изслѣдованія всѣхъ вопросовъ соціальнаго и историко-юридическаго характера.

Во *Франціи*, гдѣ впервые появилось (у Конта) ученіе о положительномъ методѣ изученія соціальныхъ явленій, сравнительное изученіе права у различныхъ народовъ было по-

---

1—2) Сергѣевичъ: „Задача и метода государственныхъ наукъ“, 51—5?, 109—122 и 181 стр.

ставлено прочно еще въ началѣ XIX столѣтія, когда въ Collège de France была учреждена кафедра сравнительной исторіи законодательства, которую и занялъ извѣстный историкъ-юристъ *Пасторе*. Вскорѣ послѣ этого образовалось Société de legislation comparée съ своимъ Bulletin'омъ и Revue de legislation comparée. Сравнительная метода прилагается теперь къ изслѣдованію исторіи права всѣми извѣстнѣйшими французскими учеными. Знаменитый *Фюстель-де-Куланжъ*, примѣняющій ее при изученіи классическаго соціально-политическаго быта („La Cite antique") и древнихъ политическихъ институтовъ Франціи, замѣчаетъ, что „если разсматриваютъ два народа въ одну и ту-же эпоху, то бываютъ поражены различіемъ между ними. Кажется, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой собственный геній, спеціальныя учрежденія, особенную человѣческую природу. Но для того, чтобы судить о томъ, на сколько эти народы сходны между собою или же различаются другъ отъ друга, нужно наблюдать ихъ въ одинаковые періоды ихъ развитія. Сходства между одними и тѣми-же учрежденіями сравниваемыхъ народовъ и, переживаемыми ими, измѣненіями въ политическомъ ихъ бытѣ не уничтожаются оттого, что развитіе одного изъ нихъ идетъ быстрѣе, нежели другаго" [1]). Извѣстное сочиненіе *Глассона*: „Histoire du droit et des institutions de l'Angleterre comparès au droit et aux institutions de la France" (6 t.) содержитъ въ себѣ параллельное изложеніе исторіи юридическихъ и политическихъ институтовъ Англіи и Франціи, сравненіе ихъ въ одинаковыя ступени соціально-политическаго развитія обѣихъ странъ. Сравнительная-же метода примѣняется къ изученію исторіи семейнаго права у древнихъ Римлянъ *Лакомбомъ* („La famielie dans la societe romaine", Paris, 1889.),—права собственности во всѣ эпохи ея раз-

---

1) Fustel de Coulange: „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France", Paris, 1875, 1 t., 301 p.

витія въ человѣчествѣ *Летурно* („L'evolution de la propriété", Paris, 1889),—институтовъ административнаго права Block'омъ (Dictionnaire de admin. francaise) и др .

Въ *Англіи* сравнительная метода была примѣнена впервые Тэйлоромъ, Лэббокомъ, Спенсеромъ и др учеными къ изученію примитивныхъ учрежденій. „Изслѣдованіе исторіи и принциповъ права и сравненіе законовъ различныхъ обществъ входитъ, по словамъ *Мэна*, въ кругъ обязанностей профессора законовѣдѣнія въ англійскихъ университетахъ" [1]). Самъ Мэнъ слѣдуетъ въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ по исторіи права (семьи, собственности, государства) у нѣкоторыхъ арійскихъ народовъ [2])—индійцевъ, римлянъ и англичанъ также сравнительно-историческому методу. „Слово „сравнительный" по отношенію къ законовѣдѣнію необходимо употреблять, говоритъ Мэнъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, въ томъ смыслѣ, какъ въ выраженіяхъ „сравнительная филологія и—миѳологія". Параллельныя явленія въ правѣ разсматриваются съ цѣлью доказать, если возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ относятся другъ къ другу въ порядкѣ исторической преемственности. Сравнительный методъ, который уже принесъ такіе изумительные результаты, не отличается въ нѣкоторыхъ своихъ приложеніяхъ отъ историческаго метода. Мы беремъ извѣстное число современныхъ фактовъ, идей и обычаевъ и заключаемъ о прошлой ихъ формѣ не только по историческимъ воспоминаніямъ, но и по тѣмъ образцамъ ея, которые не совсѣмъ вымерли и еще встрѣчаются на свѣтѣ" [3]). Мэнъ думаетъ, что результаты, получаемые путемъ приложенія сравнительнаго метода къ изученію права, не могутъ быть поставлены наравнѣ съ данными, до-

---

1—3) Мэнъ: „Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ", С.-Петербургъ, 1874, 1—3 стр.

2) „Древнее право", „Древнѣйшая Исторія Учрежденій", „Древній законъ и обычай" и др.

бываемыми сравнительной филологіей: „явленія человѣческаго общества, законы и правовыя идеи, мнѣнія и обычаи болѣе подчинены личному произволу, подвержены преобразованіямъ и шире затрогиваются внѣшними обстоятельствами, чѣмъ языкъ“ [1]). Этотъ послѣдній взглядъ Мэна на большую достовѣрность лингвистическихъ выводовъ сравнительно съ данными исторіи права, добываемыми при помощи сравнительной методы, совпадаетъ съ подобнымъ же воззрѣніемъ другаго извѣстнаго англійскаго историка-юриста, *Фримана.* Свои взгляды на сравнительный методъ, его сущность, задачу и способы приложенія его къ изученію всѣхъ соціальныхъ, особенно-же политическихъ учрежденій Фриманъ изложилъ въ сочиненіи „Сравнительная политика“, сдѣлавшемся до извѣстной степени основаніемъ современнаго ученія о методѣ и исторіи права. Методологическія воззрѣнія Фримана раздѣляются въ существенномъ нѣмецкими историками права (напр., Бернхёфтомъ, Колеромъ, Постомъ и др.) и, отчасти, русскими учеными, профессорами Сергѣевичемъ, Ковалевскимъ и Коркуновымъ. Послѣдніе, впрочемъ, не принимаютъ на вѣру всѣхъ мнѣній Фримана, подвергаютъ ихъ обстоятельной критикѣ и вносятъ въ его ученіе о методѣ существенныя поправки.

Фриманъ видитъ въ установленіи сравнительнаго метода изученія исторіи великую заслугу XIX вѣка. „Примѣненіе этого метода открыло, говоритъ онъ, его сторонникамъ новый міръ, но міръ не изолированный и замкнутый въ самомъ себѣ, а такой, въ которомъ эпохи, языки и народности, разсматривавшіяся до сихъ поръ совершенно отдѣльно, находятъ каждая свое мѣсто въ опредѣленномъ соотношеніи ко всѣмъ другимъ, какъ членамъ общаго первоначальнаго братства. Сравнительное изученіе устранило разъединеніе между срод-

---

1) Мэнъ: „Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ“, 1–4 стр.

ными народностями и языками, различіе между „древней“ и „новой исторіей“, „мертвыми“ и „живыми“ языками. Никакой языкъ, никакой періодъ исторіи не можетъ быть вполнѣ понятъ, изученіе ни одного изъ нихъ не можетъ представить полнаго интереса и дать всѣхъ возможныхъ результатовъ, если ихъ разсматривать совершенно отдѣльно, не обращая вниманія на ихъ отношенія къ другимъ языкамъ, другимъ періодамъ исторіи, которые вмѣстѣ съ ними образуютъ великое цѣлое человѣческой или, по крайней мѣрѣ, арійской и европейской исторіи. Исторія арійскихъ народовъ Европы, древнихъ и новыхъ, исторія ихъ языковъ, ихъ учрежденій и ихъ отношеній между собою образуетъ одинъ длинный рядъ причинъ и слѣдствій, изъ которыхъ ни одна часть не можетъ быть должнымъ образомъ понята, если ее разсматривать, какъ нѣчто, совершенно отдѣльное и чуждое другимъ частямъ“ [1]). Такая обширная сфера изслѣдованія требуетъ, конечно, отъ современнаго ученаго, употребляющаго сравнительный методъ при своихъ работахъ, всестороннихъ и глубокихъ знаній, которыя доступны лишь немногимъ. Но это не значитъ, что „доктрина о сравнительномъ методѣ безплодна“, неприложима къ практикѣ. „Никто не можетъ изучить исторію всѣхъ временъ и странъ по первымъ источникамъ, но изслѣдователь можетъ имѣть свою спеціальность, выбрать извѣстныя эпохи и страны для спеціальнаго и подробнаго изученія. Тотъ-же, кто является полнымъ знатокомъ періодовъ, составляющихъ его спеціальность, легко схватываетъ главныя черты и истинное значеніе и другихъ періодовъ, которыми онъ занимался лишь, какъ второстепеннымъ предметомъ и по второстепеннымъ же источникамъ“ [2]).

Разсматривая тѣ отрасли знанія, къ которымъ примѣ-

1—2) Фриманъ: „Сравнительная политика“, С.-Петербургъ, 1880, переводъ Коркунова, 1 и 197—201 стр.

няется теперь сравнительная метода: сравнительную филологію,—миѳологію и обществовѣдѣніе, Фриманъ находитъ, что эта метода даетъ безусловно вѣрные выводы въ первой наукѣ, приводитъ къ нимъ же и въ сравнительной миѳологіи, но уже съ помощью данныхъ сравнительной филологіи и, наконецъ, обѣ эти науки обезпечиваютъ такую же безошибочность выводовъ при сравнительномъ изслѣдованіи обычаевъ, обрядовъ, общественныхъ учрежденій и слѣдовъ стараго соціальнаго быта,—переживаній [1]) Фриманъ изучаетъ посредствомъ сравнительнаго метода не всѣ соціальныя явленія, а, что имѣетъ для насъ особенный интересъ, только политическія учрежденія, которыя и составляютъ у него предметъ „Сравнительной Политики",—„сравнительнаго изученія государственныхъ учрежденій и формъ правленія". Въ эту науку входитъ у Фримана „указаніе и сопоставленіе множества аналогій, замѣчаемыхъ между государственными учрежденіями значительно отдаленныхъ другъ отъ друга эпохъ и странъ". Фриманъ находитъ значительнымъ и разительнымъ „замѣчаемое между ними сходство въ ихъ формахъ правленія, политическомъ расчлененіи и распредѣленіи власти между различными сословіями и должностями". Но не однѣ только черты сходства въ политическихъ учрежденіяхъ у различныхъ народовъ составляютъ предметъ сравнительной политики: „проводя какую-нибудь аналогію или параллель, слѣдуетъ также внимательно останавливаться на чертахъ различія, которыя часто даютъ лучшее доказательство внутренняго сходства въ учрежденіяхъ". Такимъ образомъ, главной задачей сравнительнаго государствовѣдѣнія является отысканіе „сходствъ, существующихъ между государственными учрежденіями отдаленныхъ эпохъ и странъ, и классифицированіе предмета изученія сообразно вѣроятнымъ при-

---

1) Фриманъ, ibidem. 1—16 стр.

чинамъ такого сходства“ [1]). Фриманъ думаетъ, что причиной сходства въ политическихъ учрежденіяхъ у различныхъ народовъ можетъ быть, прежде всего, прямая передача ихъ изъ одной страны въ другую, которая совершается или путемъ перенесенія учрежденій, или же заимствованія, безсознательнаго или же сознательнаго (подражанія). Затѣмъ сходства въ политическихъ учрежденіяхъ могутъ быть объясняемы еще дѣйствіемъ общихъ причинъ, которыя ведутъ всегда къ одинаковымъ результатамъ, какъ бы ни было велико различіе времени и мѣста. Одни и тѣже условія общественной жизни, однѣ и тѣже потребности производятъ одинаковыя средства для ихъ удовлетворенія, создаютъ одинаковыя политическія учрежденія въ странѣ. Наконецъ, третій и послѣдній разрядъ аналогій въ политическихъ учрежденіяхъ у различныхъ народовъ Фриманъ объясняетъ общностью ихъ происхожденія. Эту послѣднюю причину сходствъ въ политическихъ учрежденіяхъ можно констатировать лишь въ томъ случаѣ, когда различные народы, которымъ принадлежатъ изслѣдуемыя учрежденія, отдѣлились другъ отъ друга уже въ историческое время, и когда на ряду съ сходствами въ политическихъ ихъ учрежденіяхъ замѣчаются аналогіи и въ ихъ языкѣ и миѳахъ. При наличности всѣхъ этихъ сходствъ у нѣсколькихъ народовъ возможно утверждать, что такіе народы составляли когда-то одну націю, что въ доисторическое время они уже имѣли извѣстныя политическія учрежденія, общіе принципы и преданія политической жизни, которые они сохранили послѣ своего разъединенія въ видѣ переживаній. Въ эту позднѣйшую пору самостоятельной, исторической жизни политическіе принципы и преданія, общіе всей семьѣ народовъ, развились у каждаго изъ нихъ въ опредѣленныя политиче-

---

1) Фриманъ, ibidem.

скія формы, представляющія собою своеобразныя особенности, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличающіяся чертами сходства, въ которыхъ можно признать ихъ общее происхожденіе [1]).

Въ послѣднихъ главахъ своего сочиненія Фриманъ занимается изученіемъ сходствъ третьей группы въ политическихъ учрежденіяхъ нѣкоторыхъ арійскихъ народностей, древнихъ грековъ, римлянъ и германцевъ,—„трехъ главныхъ народностей, которыя издавна занимали, по словамъ Фримана, первенствующее мѣсто среди человѣчества, были во всемъ первыми и исторія которыхъ составляетъ исторію человѣчества" [2]). Разсматривая древнія политическія учрежденія грековъ, римлянъ и германцевъ, Фриманъ находитъ у всѣхъ этихъ народовъ тѣ три основные элемента политическаго быта, которые существуютъ повсюду на примитивной ступени соціальнаго развитія народовъ и которые даютъ ключъ къ изслѣдованію политической ихъ организаціи. „Мы видимъ, говоритъ онъ, у древнихъ арійскихъ народностей зачатки монархіи, аристократіи и демократіи: *единаго главу* государства, управляющаго при содѣйствіи *совѣта старѣйшинъ* и преставляющаго всѣ особенно важныя дѣла на окончательное утвержденіе общаго *народнаго собранія*" [3]). Такимъ образомъ Фриманъ ограничиваетъ, подобно Мэну, сферу своего сравнительнаго изученія политическихъ учрежденій одпѣми арійскими народностями, хотя въ тоже время онъ и замѣчаетъ, что „мы находимъ также поразительныя сходства и въ политическихъ учрежденіяхъ народовъ неарійскаго происхожденія" [4]). Фриманъ затрудняется въ рѣшеніи вопроса о томъ, чему можно приписать сходства въ политическихъ учрежденіяхъ арійскихъ и неарійскихъ народностей, происходитъ ли они отъ дѣйствія одинаковыхъ причинъ, которыя приводятъ и къ одинаковымъ послѣдствіямъ, или же эти сходства

1, 2, 3 и 4) Фриманъ, ibidem, 16—23, 33—35, 37—43 стр,

составляютъ общее наслѣдіе всего человѣческаго рода? Также осторожно поступаетъ Фриманъ и при изученіи и объясненіи сходствъ политическихъ учрежденій у арійскихъ народностей единствомъ ихъ происхожденія: „только такое, общее имъ, политическое учрежденіе можно считать, говоритъ Фриманъ, унаслѣдованнымъ ими изъ общаго источника, какое имѣетъ и одно общее названіе". Но одинъ фактъ отсутствія сходства въ названіяхъ сходныхъ учрежденій не составляетъ еще, по его мнѣнію, доказательства въ пользу отсутствія сходства между учрежденіями въ силу ихъ общаго происхожденія Это сходство въ такомъ случаѣ можно вывести изъ общей природы ихъ политическихъ учрежденій, также какъ изъ языка, миѳологіи и ихъ обычаевъ [1]).

Взгляды Фримана на сравнительный методъ изслѣдованія политическихъ учрежденій раздѣляются нѣмецкимъ историкомъ права, *Бернхёфтомъ*, который также допускаетъ три причины аналогій въ юридическихъ учрежденіяхъ индоевропейскихъ народовъ и ставитъ на первомъ планѣ общность ихъ происхожденія, какъ главную, хотя и не единственную, причину сходныхъ въ нихъ чертъ. Бернхёфтъ допускаетъ, что извѣстную часть этихъ сходствъ можно объяснить рецепціей права однимъ народомъ у другаго и повторяемостью однѣхъ и тѣхъ-же ступеней развитія и потребностей у различныхъ европейскихъ народностей, которыя вызывали у нихъ одни и тѣже юридическія и политическія учрежденія. Послѣднею цѣлью сравнительной науки права является у Бернхёфта отысканіе общихъ законовъ развитія права и примѣненіе ихъ къ изученію исторіи отдѣльныхъ народовъ [2]). Съ точки зрѣнія такъ понимаемаго сравнительнаго метода Бернхёфтъ отыскиваетъ „Общія основанія правоваго развитія у индо-гер-

1) Фриманъ, ibidem, 37—43 стр.

2) Bernhöft: „Ueber Zweck und Mittel der vergleichenden Rechtswissenschaft" (Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft 1 B., 4—38 s).

манскихъ пародовъ", изслѣдуетъ у нихъ всѣ части права, гражданскаго и публичнаго, пользуясь, между прочимъ, данными сравнительной филологіи и миѳологіи [1]).

Профессоръ *В. И. Сергѣевичъ*, указывая на то, что въ современной исторіи права „сравненія сдѣлались даже какъ бы обязанностью всякаго изслѣдователя, отступленіе отъ которой навлекаетъ на него упрекъ въ отсталости" [2]), останавливается исключительно на взглядахъ Фримана на сравнительную методу и подвергаетъ ихъ обстоятельной критикѣ. По мнѣнію Сергѣевича нѣтъ никакой существенной разницы между явленіями первой и третьей категоріи у Фримана, то есть, между сходствами въ политическихъ учрежденіяхъ, объясняемыхъ имъ изъ передачи учрежденій однимъ народомъ другому и единства ихъ происхожденія: „если филологія констатировала, что греки, римляне и германцы одного происхожденія, отсюда слѣдуетъ, что, отдѣляясь изъ общаго имъ корня, они унесли съ собой не только общій языкъ и вѣрованія, но и тѣ общественныя и семейныя учрежденія, которыя имъ были свойственны" [3]). Слѣдовательно, профессоръ Сергѣевичъ отрицаетъ возможность объясненія какихъ-либо сходствъ въ политическихъ учрежденіяхъ индо-европейскихъ народовъ общностью ихъ происхожденія, подводитъ эти сходства подъ прямую передачу учрежденій. Но это отрицаніе не такъ рѣшительно, какъ кажется. Въ общихъ учрежденіяхъ древнихъ грековъ, римлянъ и германцевъ могутъ быть открыты, продолжаетъ Сергѣевичъ, слѣды древняго, доевропейскаго быта, но въ нихъ еще должны быть и новыя особенности, явившіяся результатомъ дальнѣйшаго развитія первоначальныхъ общественныхъ учрежденій. Общіе остатки древняго общественнаго быта можно объяснить, слѣдуя Фри-

---

1) Bernhöft: „Ueber die Grundlage der Rechtsentwicklung bei den indogermanischen Völkern" (Zeitschrift fur vergleich. Rechtswissenschaft, II B).

2—3) Сергѣевичъ: „Государство и право въ исторіи", 42—46 стр.

ману, общимъ наслѣдствомъ; новыя-же сходныя черты въ соціальныхъ учрежденіяхъ индо-европейскихъ народовъ можно отнести на счетъ вліянія новой обстановки, другихъ условій общественной жизни, иначе говоря, дѣйствія общихъ причинъ, приведшихъ къ сходнымъ результатамъ [1]). Сергѣевичъ думаетъ, что только сравнительная филологія въ состояніи рѣшать вопросы о племенномъ родствѣ народовъ и ихъ общемъ, доисторическомъ наслѣдствѣ, и что поэтому лишь тѣ изъ сходныхъ общественныхъ учрежденій у индо-европейскихъ народовъ можно считать остатками доевропейской старины, которыя имѣютъ одни и тѣже названія. общія всѣмъ родственнымъ народамъ. Профессоръ Сергѣевичъ подмѣчаетъ и противорѣчіе, вкравшееся во взгляды Фримана, который допускаетъ, что сходныя черты въ политическихъ учрежденіяхъ древнихъ грековъ, римлянъ и германцевъ встрѣчаются и у другихъ народовъ неарійскаго происхожденія и составляютъ, быть можетъ, общее наслѣдіе всего человѣческаго рода: „слѣдовательно, замѣчаетъ Сергѣевичъ, эти сходства могутъ возникнуть и помимо единства происхожденія, просто въ силу дѣйствія одинакихъ причинъ, ведущихъ и къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Общія съ греками, римлянами и германцами черты политическаго быта въ томъ видѣ, какъ ихъ обобщаетъ Фриманъ, можно найти даже у негровъ“ [2]).

Итакъ, профессоръ Сергѣевичъ не придаетъ особенно важнаго и самостоятельнаго значенія единству происхожденія, какъ главной и исключительной причинѣ сходныхъ чертъ въ общественныхъ учрежденіяхъ у различныхъ народовъ, и принимаетъ только двѣ причины, замѣчаемыхъ въ нихъ, сходствъ: 1) передачу учрежденій отъ одного народа другому въ разнообразныхъ ея формахъ и 2) дѣйствіе общихъ причинъ. Для того, чтобы открыть сходства перваго рода, нужно спеціальное историческое изслѣдованіе о взаимныхъ

1 – 2) Сергѣевичъ: ibidem, 46 – 47.

отношеніяхъ и вліяніи другъ на друга народовъ, въ учрежденіяхъ которыхъ есть такія сходства. Если же такое изслѣдованіе невозможно, то необходимо приписывать находимыя сходства дѣйствію общихъ причинъ. Сергѣевичъ придаетъ особенное значеніе этой послѣдней причинѣ сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ. „Ничто такъ не приводитъ къ убѣжденію въ существованіи общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ, какъ наблюденіе сходныхъ явленій у народовъ, которые развивались безъ малѣйшаго вліянія другъ на друга. Въ виду такихъ сходствъ съ необходимостью возникаетъ мысль о томъ, что ходъ исторіи не есть дѣло человѣческаго каприза, а условливается потребностями человѣческой природы, которая вездѣ едина и вездѣ, при другихъ равныхъ, приводитъ къ одинакимъ послѣдствіямъ“ [1]). Не можетъ быть случайно учрежденіе, которое встрѣчается у народовъ самаго разнообразнаго происхожденія. Профессоръ Сергѣевичъ настаиваетъ на расширеніи области сравненій, отъ которой зависитъ и большая степень достовѣрности выводовъ. „Сравненія не должны ограничиваться, говоритъ онъ, только одними родственными племенами (одними славянскими, германскими и т. д.): сравнительная метода указываетъ на сходства въ духѣ права, которыя могутъ идти рука объ руку съ значительнымъ различіемъ догмы и совершеннымъ отсутствіемъ источниковъ права. Но сравнительная метода можетъ пролить свѣтъ только на существующіе факты, а не открыть новые въ системѣ историческаго права, можетъ лишь обнаружить, что учрежденіе, получившее у одного народа полное свое развитіе, встрѣчается у другаго только въ зародышномъ состояніи. Сравнительная же метода можетъ привести къ открытію переживаній, тѣхъ обломковъ нѣкогда господствовавшихъ институтовъ, которые сохранились среди,

1) Сергѣевичъ, ibidem.

вытѣснившихъ ихъ, новыхъ общественныхъ учрежденій" [1]).

Сравненія должны направляться, по мнѣнію Сергѣевича, на сходныя черты въ однородныхъ институтахъ у различныхъ народовъ. Изъ различій же могутъ быть наблюдаемы только тѣ, которыя представляютъ собою „частныя несходства явленій, вообще сходныхъ". Подъ этими частными несходствами, „раскрывающими разнообразныя модификаціи, которымъ можетъ подвергаться человѣческая природа подъ вліяніемъ различія условій", почтенный профессоръ, можно думать, разумѣетъ національныя различія, на необходимость изслѣдованія которыхъ въ исторіи права онъ затѣмъ указываетъ. Національныя различія въ правѣ должны быть объясняемы, по мнѣнію Сергѣевича, изъ различія историческихъ условій общественной жизни того или другаго народа. Каждое національное право не исключительно въ своихъ особенностяхъ, которыя могутъ встрѣтиться и у другихъ народовъ: цѣли человѣческаго общежитія вездѣ одинаковы. Также и внѣшнія условія, въ которыхъ эти цѣли приходятъ къ своему осуществленію, представляютъ нерѣдко много общаго. Вслѣдствіе этого у различныхъ народовъ встрѣчаются однѣ и тѣже характеристическія черты быта [2]). Признавая національность въ правѣ, Сергѣевичъ не противъ и заимствованій въ правѣ: „заимствованія болѣе совершенныхъ формъ быта и права, если существо жизненныхъ отношеній допускаетъ ихъ примѣненіе, также полезно, какъ и заимствованіе полезныхъ ремеслъ, искусствъ, наукъ и изобрѣтеній". Возможность взаимныхъ вліяній и заимствованій другъ отъ друга, которыя при постоянномъ общеніи выводятъ народы изъ ихъ естественной замкнутости и односторонности, обусловливаетъ собою бо́льшее и скорѣйшее развитіе цивилизаціи у каждаго изъ нихъ. Конечно, заимствованія измѣняютъ до извѣстной степени исторически сложившійся народ-

1—2) Сергѣевичъ: ibidem, 48—49 и 51 стр.

ный бытъ, внося въ него новыя черты, но въ тоже время эти послѣднія сами видоизмѣняются подъ дѣйствіемъ народности. Вообще свободное усвоеніе чужаго въ силу убѣжденія въ его превосходствѣ не отрицаетъ національности; оно только обогащаетъ его нерѣдко тѣмъ, зародыши чего были и у ней самой. При оцѣнкѣ же заимствованій, какъ и вообще хода историческаго развитія, нужно прилагать мѣрку соотвѣтствія этихъ заимствованій съ требованіями человѣческой природы [1]).

Вопросъ о сравнительно-историческомъ изученіи права нашелъ дальнѣйшую обработку въ сочиненіи профессора *Ковалевскаго*: „Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права" (Москва. 1880 г.), гдѣ авторъ, прежде всего, вооружается противъ простаго сравненія законодательствъ народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Такія сравненія Ковалевскій находитъ совершенно безполезными потому, что „изъ факта случайнаго сходства или не менѣе возможнаго различія нельзя выводить ровно никакихъ научныхъ заключеній"; кромѣ того, подобныя сравненія и „опасны, такъ какъ принимая свое произвольное заключеніе за научный выводъ, легко временно навязать странѣ чуждые ея исторіи учрежденія и нравы" [2]). Примѣненіе къ исторіи права простаго сравненія или, какъ называетъ его Ковалевскій, „сопоставительнаго метода" можетъ привести, по его словамъ, къ той же непоправимой ошибкѣ, въ которую впалъ знаменитый Монтескье въ своемъ „De l'Esprit des loix", гдѣ авторъ постоянно сравниваетъ между собою такія разнородныя во всѣхъ отношеніяхъ страны, какъ Китай и Англія, Персія и Франція и проч.. Ковалевскій признаетъ научными только такія сравненія, которыя дѣлаются современными учеными по отношенію къ

1) Сергѣевичъ, ibidem, 51—55 стр.

2) Ковалевскій, назв. сочиненіе, 8 стр.

учрежденіямъ народовъ одной расы или же тѣхъ изъ нихъ, которые находятся на одинаковыхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Къ первой категоріи ученыхъ Ковалевскій относитъ Фримана и Сергѣевича [1]), ко второй—всѣхъ остальныхъ англійскихъ и нѣмецкихъ историковъ права. Ковалевскій подвергаетъ подробному разбору методологическія воззрѣнія Фримана прежде, чѣмъ высказать свой собственный взглядъ на „историко-сравнительный" методъ изученія общественныхъ явленій.

По мнѣнію Ковалевскаго, невозможно согласиться съ Фриманомъ, что сравнительная грамматика въ состояніи открыть предъ нами картину до европейскаго общественнаго быта арійцевъ, такъ какъ здѣсь она имѣетъ дѣло съ болѣе отвлеченными нравственными понятіями, нежели понятія, относящіяся къ матеріальному быту арійскихъ народовъ Эти послѣднія вполнѣ доступны изслѣдованію ихъ сравнительной филологіей. Невозможно утверждать также, продолжаетъ Ковалевскій, чтобы общественныя учрежденія арійскихъ народовъ были вынесены ими изъ первоначальнаго мѣста своего поселенія въ Азіи въ неприкосновенной чистотѣ, разъ фактъ этнографическаго смѣшенія народностей въ теченіи ихъ исторической жизни не подлежитъ никакому сомнѣнію. Первоначальныя учрежденія арійскихъ народностей могли даже исчезнуть совершенно подъ вліяніемъ измѣнившейся среды, въ которой они жили въ Европѣ [2]). Сходствамъ въ общественныхъ учрежденіяхъ у арійскихъ народностей, объясняемымъ Фриманомъ единствомъ ихъ происхожденія. Ковалевскій противопоставляетъ сходства „однохарактерныхъ съ арій-

---

1) Ковалевскій едва-ли правъ, поступая такъ: какъ мы видѣли, проф. Сергѣевичъ принимаетъ *двѣ* причины сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ сравниваемыхъ народовъ и отводитъ незначительное мѣсто для сравненій сходныхъ чертъ въ учрежденіяхъ, которыя могутъ быть объясняемы единствомъ происхожденія народовъ.

2) Ковалевскій, ibidem, 13—16 стр.

скими учрежденій у совершенно разноплеменныхъ съ ними народностей". которыя вытекаютъ изъ прохожденія ими одинаковыхъ стадій развитія. Такъ умѣренный образъ правленія, въ которомъ соединяются три элемента главныхъ формъ политическаго быта, не составляетъ общее достояніе лишь одной арійской семьи народовъ, какъ это утверждаетъ Фриманъ, а „встрѣчается въ томъ-же зародышномъ видѣ, что и у первобытныхъ аріевъ, у любого народа, живущаго родовымъ или общиннымъ бытомъ, хотя въ тоже время и неимѣющаго общаго съ арійцами происхожденія" [1]). Такимъ образомъ, заключаетъ Ковалевскій, причины сходствъ между учрежденіями разныхъ временъ, странъ и народовъ лежатъ или въ фактѣ прямого заимствованія или въ одинаковости общественныхъ условій. Источникъ этой послѣдней кроется, очевидно, „въ прохожденіи различными народами одинаковыхъ стадій общественнаго развитія,—обстоятельство, благодаря которому при несходствѣ въ цѣломъ рядѣ, исторіей опредѣляемыхъ, явленій два или болѣе сравниваемыхъ народа могутъ имѣть общія имъ формы быта нерѣдко на разстояніи тысячелѣтій и при полной разобщенности". Отсюда видно, что задача сравнительнаго метода сводится къ тому, чтобы, выдѣливши въ особую группу сходные у разныхъ народовъ на одинаковыхъ ступеняхъ ихъ развитія обычаи и учрежденія, дать тѣмъ самымъ матеріалъ для построенія исторіи прогрессивнаго развитія формъ общежитія и ихъ внѣшняго выраженія—права. Изучая въ историческомъ развитіи разнообразные институты у разноплеменныхъ народностей, историкъ-юристъ отмѣчаетъ тѣ изъ нихъ, которые своимъ существованіемъ свидѣтельствуютъ о господствѣ у разныхъ народовъ въ разныя времена однохарактерныхъ формъ общежитія. Въ тоже время онъ пытается выяснить причины по-

---

1) Ковалевскій, ibidem, 18 стр.

степенной замѣны однѣхъ формъ человѣческаго общежитія и однѣхъ нормъ права другими и возстановляетъ ходъ преемственнаго развитія обоихъ. Въ такомъ отыскиваніи сходныхъ чертъ общественныхъ учрежденій, изслѣдованіи и констатированіи одинаковыхъ стадій развитія у разноплеменныхъ народностей и ихъ постепенной и единообразной смѣны и заключается, по мнѣнію Ковалевскаго, задача дѣятельности современныхъ историковъ права. Ковалевскій думаетъ, что они должны сначала найти общій всѣмъ народамъ и потому нормальный ходъ ихъ общественнаго развитія и только потомъ приступить и къ выдѣленію чертъ различія между ними и объясненію причинъ отклоненія въ соціальной жизни того или другаго народа отъ этого нормальнаго хода ихъ развитія: черты различія въ общественныхъ учрежденіяхъ народностей нельзя отмѣтить и выяснить раньше предварительнаго разрѣшенія вопроса о нормальномъ ходѣ развитія у всѣхъ народовъ земли [1]).

Ограничивая такъ задачу сравнительнаго изученія права, Ковалевскій оговаривается, что такое его ограниченіе временное, что впослѣдствіи возможно приступить и къ изслѣдованію чертъ различія въ общественныхъ учрежденіяхъ и, притомъ, при помощи все того же сравнительнаго метода, какъ необходимаго пріема изученія исторіи права у каждаго народа [2]). Этотъ методъ открываетъ путь къ научному объясненію причинъ возникновенія того или другаго учрежденія въ исторіи изучаемаго права. Путемъ сравненія учрежденій у народовъ, стоящихъ на одной и той-же ступени развитія, историкъ-юристъ доходитъ до отысканія общихъ міровыхъ причинъ развитія тѣхъ или другихъ юридическихъ отношеній. Источникъ происхожденія для большинства явленій изучаемаго имъ права за исключеніемъ немногихъ нормъ, заим-

---

1 -2) Ковалевскій, ibidem, 20—21.

ствованныхъ у другихъ народовъ, такой изслѣдователь открываетъ въ вполнѣ реальномъ фактѣ постепеннаго осложненія исконной борьбы за существованіе прогрессивнымъ дифференцированіемъ общественныхъ группъ, выдѣленіемъ изъ родоваго и общиннаго союзовъ особаго религіознаго, военно-служилаго и ремесленно-торговаго классовъ, постепеннымъ развѣтвленіемъ правительственныхъ функцій и созданіемъ особыхъ органовъ для каждой изъ нихъ въ лицѣ народныхъ старѣйшинъ, *совѣтовъ* и собраній съ подчиненными имъ инстанціями. Наконецъ, въ тѣхъ юридическихъ явленіяхъ, которыя не входятъ въ двѣ первыя категоріи общественныхъ явленій, изучаемыхъ историкомъ-юристомъ, онъ долженъ видѣть „дѣйствительныя особенности правоваго развитія изучаемаго народа, источникъ которыхъ лежитъ частью въ, привитыхъ ему исторіей, психическихъ свойствахъ, частью же въ физическихъ условіямъ занимаемой ими страны" [1]).

Употребляемый въ такомъ видѣ сравнительный методъ можетъ привести къ научному объясненію ранѣе найденныхъ фактовъ въ исторіи права того или другаго народа, но онъ не можетъ открыть въ ней чего-либо новаго. Открытіе новыхъ фактовъ историко-юридическаго характера становится возможнымъ при помощи особыхъ спеціальныхъ пріемовъ въ изученіи исторіи права. Сюда относится констатированіе фактовъ *переживанія*,—обломковъ юридическаго прошлаго, которыхъ особенно много въ странѣ, гдѣ населеніе проводитъ уединенную жизнь [2]). Выводы, получаемые изученіемъ переживаній тогда только могутъ имѣть какое-либо научное значеніе, когда они оказываются въ строгомъ соотвѣтствіи съ данными исторіи права изучаемаго народа. Другой пріемъ, также приводящій къ открытію новыхъ фактовъ въ исторіи права, состоитъ въ изученіи всей суммы юридическихъ

1—2) Ковалевскій, ibidem, 25—27 и 32 - 35 стр.

отношеній народа въ извѣстный періодъ его развитія: это изученіе можетъ привести къ заключенію въ частности и объ одновременномъ характерѣ неупомянутаго въ памятникахъ института. Этотъ пріемъ обусловливается тѣсною и взаимною связью всѣхъ юридическихъ институтовъ у каждаго народа. Но и выводы, основанные на этомъ пріемѣ, могутъ считаться безспорными лишь въ томъ случаѣ, если они не будутъ противорѣчить всей суммѣ юридическихъ нормъ извѣстнаго народа въ данную эпоху его общественной жизни [1]), а также и даннымъ сравнительнаго языкознанія. Эта послѣдняя наука указываетъ на происхожденіе большинства словъ изъ повседневнаго быта отъ однихъ и тѣхъ же корней въ любомъ изъ арійскихъ языковъ и тѣмъ даетъ мѣрило древности понятій, выражаемыхъ этими словами. Сравнительное языкознаніе можетъ дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, принадлежатъ или нѣтъ термины, доселѣ служащіе для обозначенія семьи и ея составныхъ элементовъ, общины, отдѣльныхъ органовъ управленія, *королевскаго совѣта* и народнаго собранія и т. п., къ числу тѣхъ, происхожденіе которыхъ можетъ быть отнесено къ незапамятной древности [2]). На ряду съ филологичеккими данными изслѣдователь особенно древняго періода правоваго развитія долженъ быть знакомъ и съ миѳологическими сказаніями. „Народъ всегда рисуетъ бытъ своихъ боговъ чертами собственнаго быта и миѳологическія сказанія принадлежатъ вмѣстѣ съ языкомъ къ числу древнѣйшихъ достояній народа“ [3]). Ковалевскій предостерегаетъ изслѣдователей отъ излишней довѣрчивости при пользованіи миѳами у извѣстнаго народа арійской расы, такъ какъ многіе изъ нихъ чуждаго происхожденія, занесены къ арійцамъ съ Востока и содержатъ въ себѣ бытовыя особенности, свойственныя народамъ неарійской расы. Поэтому миѳо-

---

1, 2 и 3) Ковалевскій, ibidem, 25—27, 32—35, 38, 40 стр.

логическія сказанія арійскихъ народностей должны быть провѣряемы другими научными данными объ ихъ общественномъ бытѣ [1]).

Примѣненіе въ исторіи права всѣхъ этихъ научныхъ пріемовъ, указываемыхъ Каваленскимъ, можетъ привести къ истинно научнымъ выводамъ только при томъ условіи, если при одновременномъ обращеніи къ возможно большему числу пріемовъ и провѣрки выводовъ одного результатами другаго окажется полное совпаденіе или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе противорѣчій въ полученныхъ такимъ образомъ данныхъ [2]). Но всѣ вообще пріемы сравнительно-историческаго изученія права представляются только подспорьемъ къ научному изученію самыхъ памятниковъ законодательства и юридической практики, которое заключаетъ въ себѣ большія трудности и, между прочимъ, состоитъ въ тщательной критикѣ какъ самого текста памятниковъ, такъ и заключающагося въ текстѣ содержанія [3]).

Резюмируя все сказанное объ „историко-сравнительномъ“ методѣ права, Ковалевскій замѣчаетъ, что этотъ методъ можетъ быть употребляемъ, или какъ средство къ построенію естественной исторіи человѣческихъ обществъ, или-же какъ одинъ изъ пріемовъ изученія исторіи того или другаго права. Въ первомъ видѣ онъ долженъ быть примѣняемъ одновременно къ изученію самыхъ разнообразныхъ сторонъ общежитія, во второмъ сравнительный методъ приводитъ къ объясненію факта происхожденія тѣхъ или другихъ явленій юридическаго быта. Отъ сравнительнаго метода въ этомъ смыслѣ рѣзко отличаются тѣ различные научные пріемы, ко-

---

1) Ковалевскій упоминаетъ еще о народныхъ сказкахъ, пѣсняхъ, былинахъ, пословицахъ и поговоркахъ, археологическихъ раскопкахъ, въ которыхъ можно найти много характерныхъ чертъ древняго быта—семейной, экономической, моральной, эстетической, но всего менѣе—политической жизни народа.

2—3) Ковалевскій, ibidem, 40, 51 и 60 стр.

торые при одновременномъ ихъ примѣненіи и взаимной провѣркѣ обогащаютъ исторію права новыми фактами, какъ дополненіями къ матеріалу, заключающемуся въ прямыхъ источникахъ права, памятникахъ законодательства и юридической практики. Научное же изученіе этихъ послѣднихъ возможно опять подъ условіемъ примѣненія къ нимъ извѣстныхъ научныхъ пріемовъ [1]).

Профессоръ *Коркуновъ*, разсматривая вопросъ о сравнительномъ изученіи права, замѣчаетъ, что непосредственнымъ поводомъ къ правильной постановкѣ и рѣшенію этого вопроса послужили современные успѣхи исторіи культуры въ трудахъ Тэйлора, Лэббока, Моргана и др., которые основываются на сравнительномъ изученіи народнаго быта. Связь же между культурой и правомъ такая тѣсная, что мысль о примѣнимости къ изученію права такихъ же пріемовъ, что и къ изученію культуры, представляется сама собою. Коркуновъ готовъ примкнуть ко взгляду Фримана относительно возможности объяснять сходныя черты въ общественныхъ учрежденіяхъ арійскихъ народностей общностью ихъ происхожденія, а не одной только передачей учрежденій отъ одного народа къ другому и дѣйствіемъ одинакихъ условій общественнаго быта. „Отрицать самостоятельную основу сходствъ перваго рода, можно лишь, говоритъ Коркуновъ, отвергая вмѣстѣ съ тѣмъ возможность иного пути унаслѣдованія учрежденій родоначальника-народа, какъ только путемъ сознательнаго, произвольнаго подражанія“. Данныя современной психологіи говорятъ, напротивъ, въ пользу возможности несознательнаго, непроизвольнаго воспроизведенія учрежденій первоначальной родины въ силу факта психической наслѣдственности, достаточно установленнаго изслѣдованіями Гальтона и Рибо [2]). Этотъ-то законъ психической

---

1) Ковалевскій, ibidem, 69—71 стр.

2) Коркуновъ: „Лекціи по Энциклопедіи Права“ (Спб., 1883 г.), книга III, стр. 26—28.

наслѣдственности и можетъ служить изслѣдователю достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы признать за общностью происхожденія одинаковое значеніе причины сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ на ряду съ сознательнымъ подражаніемъ и дѣйствіемъ общихъ причинъ. Коркуновъ расширяетъ сферу примѣненія сравнительнаго изученія права, когда онъ утверждаетъ, вопреки мнѣнію Ковалевскаго, что при помощи данныхъ сравнительнаго языкознанія также возможно дойти до открытія новыхъ фактовъ въ области древняго права народовъ, какъ и ихъ матеріальнаго быта, хотя сдѣлать это въ сферѣ юридическихъ явленій и гораздо труднѣе, чѣмъ въ явленіяхъ матеріальной культуры народа [1]). Профессоръ Коркуновъ затрогиваетъ еще и тотъ вопросъ, должно-ли всякое сравненіе непремѣнно быть только историческимъ, то есть, сравненіемъ соотвѣтственныхъ историческихъ стадій въ развитіи права у различныхъ народовъ? Коркуновъ высказывается за возможно широкое распространеніе сравненій и на доисторическую эпоху общественной жизни. Нельзя отнимать у простаго сравненія, говоритъ онъ, всякое научное значеніе и относиться къ нему такъ презрительно, какъ это дѣлаетъ Ковалевскій, назвавшій такой родъ изученія права „сопоставительнымъ методомъ". Изъ того, что оно непригодно для изученія исторіи права, гдѣ безполезно сравненіе всевозможныхъ юридическихъ институтовъ, еще не слѣдуетъ, что оно вовсе не можетъ быть примѣнимо къ изученію права въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ идетъ рѣчь не о какомъ-либо генезисѣ или выясненіи законовъ развитія. Свою мысль о возможности пользоваться съ научными цѣлями простымъ сравненіемъ въ наукѣ исторіи права Коркуновъ иллюстрируетъ указаніемъ на цѣлый рядъ случаевъ изъ области физическихъ явленій, при изслѣдованіи

---

1) Коркуновъ, ibidem, 29—30 стр.

которыхъ (въ астрономіи, физикѣ, химіи, біологіи) сопоставительный методъ употребляется съ большимъ успѣхомъ. Тотъ же методъ примѣняется, замѣчаетъ Коркуновъ, и въ самой наукѣ исторіи права нѣмецкимъ ученымъ, *А. Постомъ* [1]), который дѣйствительно работаетъ уже давно надъ изслѣдованіемъ вопросовъ объ образованіи права въ примитивную эпоху жизни общества. Позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній о методологическихъ воззрѣніяхъ Поста, которыми мы и закончимъ изложеніе современнаго ученія о сравнительно-историческомъ методѣ.

При изслѣдованіи права Постъ ставитъ себѣ задачей изученіе „фактовъ этнической жизни независимо отъ ихъ исторической связи между собою". Въ противоположность историческому методу, изслѣдующему явленія общественной жизни у отдѣльныхъ народовъ съ точки зрѣнія ихъ развитія, „сравнительно-этнологическій" методъ Поста употребляется имъ для классификаціи и отысканія причинъ однородныхъ и сходныхъ этническихъ явленій, гдѣ бы и когда бы они не оказались существующими. Основаніемъ такого явнаго игнорированія національности въ образованіи права является у Поста тотъ фактъ, что у всѣхъ племенъ и народовъ находятся одни и тѣже этническія явленія: размноженіе, питаніе и взаимныя сношенія. Обычаи, воззрѣнія и учрежденія, вытекающіе отсюда, и составляютъ предметъ сравнительно-этнологическаго изслѣдованія, которое ведется такимъ образомъ на базисѣ повсюду и однообразно дѣйствующей человѣческой природы. Для Поста все равно, къ какому столѣтію или десятилѣтію принадлежитъ тотъ или другой, наблюдаемые имъ, обычай или учрежденіе: „хронологія имѣетъ значеніе, говоритъ Постъ, только для развитія въ отдѣльной этнической области, но не для всей области народной жиз-

---

1) Коркуновъ, ibidem.

ніи, въ которой всѣ ступени развитія лежатъ около другъ друга" [1]). Сравнительный методъ обращаетъ вниманіе на тѣ юридическія учрежденія въ соціальной жизни, которыя не составляютъ отличительныхъ особенностей опредѣленныхъ народовъ, а повторяются повсюду на землѣ и проходятъ извѣстныя, опредѣленныя ступени развитія. Сравнительно-этнологическій методъ восполняетъ въ этомъ случаѣ историческое изученіе права, при которомъ выясняется причинная связь юридическихъ воззрѣній, обычаевъ и учрежденій тамъ, гдѣ сохранились изъ различныхъ эпохъ народнаго развитія преданія и, соотвѣтствующіе имъ, правовые взгляды и институты; гдѣ же этихъ преданій еще нѣтъ, какъ напр., у народовъ, еще неимѣющихъ исторіи, тамъ историческій методъ безсиленъ. Въ этихъ случаяхъ можетъ помочь только сравнительный методъ, который оказывается здѣсь незамѣнимымъ [2]).

Въ такомъ видѣ представляется въ современной историко-юридической литературѣ вопросъ о сравнительно-историческомъ методѣ. Мы видѣли, на сколько взгляды о сущности этого метода и способѣ примѣненія его къ изученію исторіи права разнообразны, что, повидимому, если не подрываетъ окончательно практическое значеніе ученія о сравнительной методѣ, то во всякомъ случаѣ затрудняетъ приложеніе ея въ изслѣдованіяхъ по исторіи права. Въ дѣйствительности, однако, это различіе въ воззрѣніяхъ разныхъ ученыхъ на сравнительно-историческій методъ не такъ велико, взгляды ихъ не на столько разнорѣчивы и непримиримы другъ съ другомъ, чтобы дѣлали невозможнымъ употребленіе этого несомнѣнно научнаго и плодотворнаго по

---

1) A Post: „Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft auf vergleichend-ethnologischer Basis", Oldenburg, 1880, 12—18 s.

2) Derselber: „Einleitung in das Studium der ethnologischen Jurisprudenz", 1886, 24—27 s.

своимъ результатамъ способа изученія юридическихъ и политическихъ учрежденій въ современной исторіи права. Не смотря на тѣ контраверзы, которыя ведутъ между собою ученые о задачѣ и границахъ примѣненія сравнительно-историческаго метода, въ ихъ взглядахъ на него есть и много общаго, опредѣленнаго, пригоднаго для практическихъ цѣлей, изученія политическихъ, юридическихъ и вообще соціальныхъ институтовъ. Такъ всѣ, названные нами, ученые согласны въ безусловной необходимости приложенія сравнительно-историческаго метода къ изученію соціальныхъ и историко-юридическихъ учрежденій. Всѣ они также думаютъ, что непосредственной цѣлью такого изученія должны быть сходныя черты въ общественныхъ учрежденіяхъ, корень которыхъ лежитъ въ нѣсколькихъ причинахъ: по мнѣнію Сергѣевича и Ковалевскаго въ заимствованіяхъ (сознательныхъ) однимъ народомъ учрежденій у другаго и въ дѣйствіи общихъ причинъ на общественный бытъ народа, по взгляду Коркунова, кромѣ того, еще и въ единствѣ происхожденія различныхъ народовъ, а по воззрѣніямъ Фримана и Бернхöфта преимущественно въ этомъ послѣднемъ. Слѣдовательно, оставляя въ сторонѣ общность происхожденія, какъ сомнительную и спорную причину сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, мы имѣемъ на лицо двѣ остальныхъ причины сходствъ—заимствованіе и дѣйствіе общихъ причинъ, въ отысканіи которыхъ всѣ вышеназванные ученые признаютъ цѣль сравнительнаго изученія общественныхъ учрежденій. Кромѣ сходныхъ чертъ, Фриманъ, Сергѣевичъ и, отчасти, Ковалевскій считаютъ необходимымъ отмѣчать и черты различія, національныя особенности въ соціальномъ и правовомъ развитіи народовъ. Ковалевскій только отлагаетъ констатированіе чертъ различія на будущее время, утверждая, что въ настоящее время задача историка-юриста состоитъ лишь въ открытіи общаго всѣмъ народамъ, нормальнаго хода ихъ об-

щественнаго развитія. Что сравнительно-историческое изученіе права можетъ привести къ открытію общихъ законовъ въ развитіи юридическихъ учрежденій, одинаковыхъ стадій этого развитія, общихъ всѣмъ народамъ, это утверждаютъ, кромѣ Ковалевскаго, также Сергѣевичъ и Бернхӧфтъ. Общее между взглядами почти всѣхъ ученыхъ, исключая Фримана, Мэна и Поста, заключается еще и въ томъ, что всѣ они допускаютъ возможно широкое распространеніе сравнительной методы на всѣ племена и народы земли во всѣ періоды ихъ общественной жизни, а также и примитивную, доисторическую ея эпоху. Мэнъ и Фриманъ высказываются рѣшительно въ пользу изученія историческихъ стадій развитія общественныхъ учрежденій и, притомъ, у нѣкоторыхъ народовъ лишь индо-европейской расы. Постъ предпочитаетъ историческому изученію права сравнительное его изслѣдованіе у всѣхъ народовъ земли, не обращая вниманія на различіе между первобытною и историческою жизнью народовъ и разнообразіе историческихъ періодовъ ихъ общественнаго развитія.

Но, помимо всѣхъ, указанныхъ нами, сходныхъ чертъ въ методологическихъ воззрѣніяхъ современныхъ историковъ права, между ихъ взглядами можно найти, хотя и косвенно, еще одну общую черту, которая сближаетъ ихъ и тѣмъ расширяетъ сферу приложенія сравнительной методы и обусловливаетъ большую вѣрность заключеній при ея примѣненіи. Мы имѣемъ въ виду при этомъ единство происхожденія, относительно котораго ведутся такіе большіе споры между различными учеными. На самомъ дѣлѣ большинство изъ нихъ признаетъ за этой причиной сходствъ въ учрежденіяхъ извѣстное значеніе при сравнительномъ изученіи общественныхъ учрежденій. Не говоря уже о Фриманѣ, Бернхӧфтѣ и профессорѣ Коркуновѣ, который даже подыскиваетъ научное основаніе взгляду Фримана, тотъ же взглядъ на общ-

ность происхожденія, какъ самостоятельную причину сходствъ въ соціальныхъ институтахъ, раздѣляютъ и профессора Сергѣевичъ и Ковалевскій. Первый, какъ мы видѣли, прямо выдѣляетъ этого рода сходства въ особую группу явленій, которыя изслѣдуются сравнительной филологіей. Но этотъ взглядъ Сергѣевича получаетъ болѣе рельефную и законченную форму, когда онъ указываетъ на необходимость изученія національныхъ различій въ правовыхъ институтахъ у различныхъ народовъ, которую допускаетъ до извѣстной степени и Кавалевскій: считая обязательнымъ примѣненіе сравнительной методы къ національнымъ чертамъ различія учрежденій у разныхъ народовъ, оба почтенныхъ профессора тѣмъ самымъ признаютъ и важное вліяніе на образованіе общественныхъ учрежденій непроизвольнаго подражанія въ силу закона психической наслѣдственности. Дѣло въ томъ, что національность, возникающая изъ самыхъ разнообразныхъ условій общественной жизни народа, изъ ихъ взаимодѣйствія съ природой человѣка, представляетъ собою совокупность извѣстныхъ своеобразныхъ особенностей во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ [1]): этими особенными въ нихъ чертами и отличается обыкновенно соціальный строй одного народа отъ общественнаго быта другаго. Національныя различія, въ началѣ слабыя и едва замѣтныя, становятся опредѣленнѣе и рѣзче съ каждою послѣдующею ступенью развитія цивилизаціи общества, такъ что всѣ соціальныя учрежденія получаютъ, наконецъ, типическій характеръ. Такъ, напр., появились національные институты у различныхъ германскихъ, романскихъ и славянскихъ народовъ. Каждый народъ сохраняетъ свои особенности въ воззрѣніяхъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ въ теченіе всей своей исторіи, въ которой онѣ передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе во всей ихъ цѣлости, что, однако, не исключаетъ необходимыхъ заимство-

---

1) Сергѣевичъ: „Право и государство въ исторіи“, 50—54 стр.

ваній у другихъ народовъ, которыя „не уничтожаютъ народности, но сами, въ свою очередь, подвергаются ея вліянію“ [1]). Такъ образуется въ народной жизни безпрерывная передача, преемственность всей культуры народа, которая немыслима безъ невольнаго, безсознательнаго подражанія одними поколѣніями другимъ, имъ предшествующимъ, наслѣдственности психическихъ и физическихъ свойствъ, обычаевъ, нравовъ, воззрѣній и учрежденій, доказываемой современной наукой (опытной психологіей) [2]) и всей продолжительной исторіей всѣхъ европейскихъ народовъ. Путемъ безсознательнаго, механическаго подражанія, привычки, возникаетъ и развивается, между прочимъ, въ первобытномъ обществѣ обычное право, которымъ регулируются всѣ отношенія между членами общества, пока въ немъ не появится болѣе или менѣе организованная государственная власть съ своими законодательными нормами [3]).

Неразрывная связь между понятіемъ національности и закономъ психической наслѣдственности заставляетъ насъ признать извѣстную солидарность съ Фриманомъ Сергѣевича и Ковалевскаго во взглядѣ на общность происхожденія, какъ самостоятельную причину сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ. Конечно, нельзя согласиться съ Фриманомъ, что единство происхожденія есть главнѣйшая, если только не исключительная причина сходствъ въ соціальныхъ учрежденіяхъ. Самъ Фриманъ допускаетъ возможность дѣйствія и другихъ двухъ причинъ появленія этихъ сходствъ—передачи учрежденій и дѣйствія одинаковыхъ условій—и даже—существованія у другихъ народовъ однородныхъ съ арійскими учрежденій, которыя не могли сохранить, по справедливому

1) Сергѣевичъ, ibidem.

2) Представителями опытной (англійской) психологіи являются такіе извѣстные ученые, какъ Дарвинъ, Спенсеръ, Бэнъ, Дальтонъ и др.

3) Сергѣевичъ: „Опыты изслѣдованія обычнаго права“. Наблюдатель. 1882. 1 кн., 86 стр. и слѣд.

замѣчанію Сергѣевича и Ковалевскаго, свою первоначальную этнографическую чистоту въ послѣдующую самостоятельную жизнь арійцевъ въ мѣстахъ ихъ европейской осѣдлости при безпрерывныхъ столкновеніяхъ и смѣшеніи въ эпоху великаго переселенія народовъ и долго послѣ нея. Въ виду этихъ соображеній сходствамъ первой группы приходится отвести второстепенное мѣсто среди остальныхъ отыскиваемыхъ причинъ сходствъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, объяснять единствомъ происхожденія лишь тѣ древнія и сходныя между собою учрежденія, которыя носятъ одни и тѣже названія: такимъ путемъ, указаннымъ Сергѣевичемъ, будетъ найденъ твердый и опредѣленный масштабъ для выдѣленія сходныхъ чертъ этого рода изъ всѣхъ остальныхъ сходствъ въ учрежденіяхъ. Сравнительная трудность изученія общественныхъ институтовъ не должна служить препятствіемъ при этомъ примѣненіи къ ихъ изслѣдованію филологическаго пріема. Другія причины сходствъ въ учрежденіяхъ, указываемыя историками права,— передача учрежденій и дѣйствіе одинаковыхъ условій общественной жизни имѣютъ, по сравненію съ единствомъ происхожденія, болѣе точный и опредѣленный характеръ. Изслѣдовывать и отыскивать ихъ не такъ уже трудно и вполнѣ возможно, если только обратить вниманіе на взаимныя отношенія между народами, у которыхъ находятся на лицо сходныя учрежденія и изучить всю сумму историческихъ условій общественной ихъ жизни, слѣдствіемъ которыхъ являются эти учрежденія. По этому всѣ историки права принимаютъ безъ всякихъ колебаній передачу учрежденій и дѣйствіе общихъ условій, какъ вѣроятныя причины сходствъ при сравнительно-историческомъ изученіи права. Что же касается чертъ различія, которыя встрѣчаются въ учрежденіяхъ любого народа, уже вышедшаго изъ примитивной эпохи своей общественной жисни, то объясненія ихъ, понятно, нужно искать въ особенныхъ обстоятельствахъ всей истори-

ческой жизни различныхъ народовъ, откуда и вытекаетъ своеобразность ихъ общественныхъ учрежденій.

Область сравненій не должна ограничиваться только историческими стадіями общественнаго развитія различныхъ народовъ. Историкъ-юристъ не въ правѣ игнорировать примитивную эпоху общественной жизни, гдѣ впервые возникаютъ тѣ воззрѣнія, обычаи и учрежденія, которые впослѣдствіи, въ историческую пору народной жизни вырабатываются въ рядъ опредѣленныхъ соціальныхъ институтовъ. При изученіи примитивныхъ учрежденій вполнѣ примѣнимо простое сравненіе ихъ между собою у всѣхъ первобытныхъ обществъ, которыя еще не знаютъ исторіи, не начали жить историческою жизнью. При изслѣдованіи первобытнаго общества, которое начинаетъ только что складываться, не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо открытіи законовъ развитія, предполагающемъ длинный рядъ вѣковъ исторической жизни народовъ. Всѣ учрежденія примитивныхъ народностей (семейныя, имущественныя, политическія и др.) легко поддаются сравненію, такъ какъ всѣ они поразительно сходны между собою вслѣдствіе простоты, немногочисленности и однообразія элементарныхъ потребностей первобытнаго человѣка. Примитивныя учрежденія, принадлежащія обществамъ одинаковой, первоначальной ступени развитія, допускаютъ, слѣдовательно, лишь сравненіе сходныхъ чертъ въ нихъ, такъ какъ національныя ихъ особенности здѣсь отсутствуютъ. На необходимости приложенія сравнительной методы въ указанномъ нами видѣ настаиваетъ профессоръ Коркуновъ, который, какъ мы видѣли, категорически высказывается за распространеніе сравненій и на доисторическую эпоху общественной жизни: при ея изученіи не можетъ быть, по его словамъ, и рѣчи о выяснененіи законовъ развитія. Во всѣхъ многочисленныхъ работахъ А. Поста, которыя имѣетъ въ виду въ этомъ случаѣ Коркуновъ, употребляется авторомъ именно это простое срав-

неніе всѣхъ однородныхъ первобытныхъ учрежденій и ихъ переживаній у различныхъ историческихъ народностей и преимущественно въ первую стадію ихъ исторической жизни, тѣсно соприкасающуюся съ примитивной эпохой [1]) Всякій, кто внимательно прочтетъ сочиненія Поста по первобытному праву, убѣдится въ нашихъ словахъ объ ихъ содержаніи, а также и въ томъ, что его „сравнительно-этнологическій методъ“ не болѣе, какъ простое сравненіе, исключающее всякую мысль о преднамѣренномъ со стороны Поста игнорированіи „исторической связи“ общественныхъ явленій и учрежденій. Въ области исторической жизни народа при изученіи исторіи его учрежденій простое сравненіе не можетъ привести къ прочнымъ и несомнѣннымъ научнымъ выводамъ: историческія соціальныя явленія отличаются большою сложностью или многопричинностью, разнообразіемъ [2]) и измѣнчивостью вслѣдствіе того факта, что въ образованіи общественнаго устройства на высшихъ историческихъ ступеняхъ развитія цивилизаціи принимаетъ широкое участіе человѣческая личность во взаимодѣйствіи съ разнаго рода историческими условіями общественной жизни [3]). На разныхъ ступеняхъ соціальнаго развитія соотношеніе этихъ двухъ постоянныхъ факторовъ въ цивилизаціи общества бываетъ различно, что и выражается въ типическихъ особенностяхъ каждой ея эпохи. Извѣстное число и родъ потребностей человѣческой личности вызываютъ въ общественной жизни и соотвѣтствующія средства для ихъ удовлетворенія, — тѣ или другія общественныя учрежденія. Поэтому, зная состояніе общества въ данный періодъ его исторической жизни, мы можемъ составить опредѣленное понятіе объ особенностяхъ и степе-

---

1) См., напр., Post'a: Bausteine etc., Einleitung etc., „Africanische Jurisprudenz“, „Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familienrechts“ (1890) и др.

2) Д. С. Милль: „Логика“, II т., 451—458 стр. и сл.

3) Карѣевъ: „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“, Спб., 1890 г., 603 стр. и сл.

ни развитія соціальныхъ институтовъ изслѣдуемаго періода. Отсюда видно, что при изученіи всѣхъ общественныхъ учрежденій необходимо сравнивать между собою тѣ изъ нихъ, которыя находятся на однѣхъ и тѣхъ же ступеняхъ развитія у различныхъ народовъ: однѣ и тѣже потребности общества порождаютъ и одинаковыя, однородныя его учрежденія. Поэтому Ковалевскій совершенно правъ, отбрасывая, какъ безполезный и ненаучный, „сопоставительный методъ“, при которомъ сравниваются между собою народы и ихъ учрежденія на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія. Примѣръ Монтескьё, который употреблялъ такія сопоставленія разнородныхъ по степени цивилизаціи государствъ, долженъ служить предостереженіемъ каждому изслѣдователю исторіи общественныхъ учрежденій. Монтескье не могъ дойти до правильнаго понятія закона общественной жизни, предполагающаго наблюденіе надъ однородными соціальными явленіями, и внесъ въ общественную науку фаталистическое міровоззрѣніе, отрицаніе прогресса въ развитіи общественныхъ учрежденій [1]).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что сравнивать между собою нужно только однородные соціальные институты, которые находятся на однѣхъ и тѣхъ же ступеняхъ общественной жизни у различныхъ народовъ, обитающихъ въ разныхъ частяхъ земнаго шара и независимо другъ отъ друга. Сравненія подобнаго рода даютъ возможность наблюдателю открыть ***общія черты*** учрежденій при самыхъ разнообразныхъ, національныхъ ихъ особенностяхъ. Но одно такое сравненіе единовременныхъ состояній общественной жизни можетъ повести къ ошибочнымъ заключеніямъ относительно неразрывной связи учрежденій съ тѣми или другими условіями соціальной жизни. Изслѣдователь можетъ въ этомъ

---

1) См. ниже.

случаѣ приписать однѣмъ особенностямъ климата, почвы, географическаго расположенія страны, религіи и т. д. причину той или другой организаціи общественныхъ учрежденій, которая на самомъ дѣлѣ заключается въ своеобразныхъ особенностяхъ историческаго возраста изучаемыхъ націй [1]). Въ эту методологическую ошибку впалъ и Монтескье, который не только сравнивалъ между собою разнообразныя по своему развитію соціальныя учрежденія, но еще и бралъ ихъ въ одинъ только моментъ этого развитія, обращая исключительное вниманіе на тѣсную связь политическихъ институтовъ, которыми онъ преимущественно занимался въ „De l'Esprit des loix", съ климатомъ, почвой, религіей, торговлей, промышленностью и другими условіями общественной жизни. Монтескье ставилъ эти послѣднія въ постоянное и неизмѣнное соотношеніе съ основными политическими формами общественнаго быта и ихъ принципами, считалъ невозможнымъ существованіе различныхъ политическихъ типовъ внѣ этихъ условій и тѣмъ навлекъ на себя справедливый упрекъ въ отсталости, отрицаніи прогресса въ общественной жизни. Но въ тоже самое время Монтескье констатировалъ неоспоримую зависимость образованія политическихъ учрежденій отъ даннаго состоянія общества. Историкъ права долженъ остановиться на всемъ строѣ соціальной жизни у каждаго изъ сравниваемыхъ народовъ для того, чтобы уяснить себѣ общія черты юридическихъ и политическихъ учрежденій; но, чтобы понять и причины особенностей замѣчаемыхъ въ нихъ видоизмѣненій, онъ долженъ прибѣгнуть еще къ сравненіямъ послѣдовательныхъ стадій развитія общественныхъ учрежденій у каждаго изъ народовъ, составляющихъ объектъ изученія. Такимъ образомъ, „необходимо соединять статическое разсмотрѣніе соціальныхъ явленій

---

1) Сергѣевичъ: „Задача и метода государственныхъ наукъ", 207 стр.

съ динамическимъ и брать во вниманіе не только единовременныя состоянія каждаго изъ различныхъ общественныхъ элементовъ, но и прогрессивныя ихъ измѣненія" [1]).

Слѣдовательно, сравнительно-историческій методъ состоитъ въ наблюденіи послѣдовательныхъ измѣненій въ одинаковыхъ общественныхъ формахъ и учрежденіяхъ у различныхъ народовъ [2]). Посредствомъ этого метода возможно раскрыть законы, управляющіе соціальными явленіями. Такими законами, открытіе которыхъ принадлежитъ Огюсту Конту [3]), а разъясненіе ихъ важнаго значенія въ общественной наукѣ—Д. С. Миллю, являются законъ сосуществованія или солидарности общественныхъ явленій и законъ ихъ послѣдовательности. Сущность перваго соціальнаго закона состоитъ въ постоянномъ вліяніи и взаимодѣйствіи всѣхъ соціальныхъ явленій, результатомъ котораго бываетъ извѣстная гармонія между ними (consensus). Въ силу этого закона всѣ общественныя учрежденія даннаго періода соціальной жизни отличаются однородностью, проникнуты однимъ и тѣмъ же общимъ духомъ, который въ равной мѣрѣ замѣтенъ во всѣхъ сторонахъ общественной жизни, отражается на правахъ, понятіяхъ также, какъ юридическихъ и политическихъ институтахъ. Знакомый съ закономъ солидарности соціальныхъ явленій, историкъ-юристъ направляетъ свои усилія къ тому, чтобы подмѣтить посредствомъ сравненій извѣстныя *единообразія* въ соціальныхъ учрежденіяхъ изучаемыхъ народовъ, какъ результатъ такой гармоніи всѣхъ явленій ихъ обще-

1) Милль, ibidem, II, 507 стр.

2) Обозначеніе этого метода профессоромъ Ковалевскимъ „историко-сравнительнымъ" не измѣняетъ его сущности: оно имѣетъ цѣлью, какъ намъ кажется, только выставить особенную важность историческаго элемента при сравненіяхъ общественныхъ учрежденій, хотя примитивные институты допускаютъ только простое сравненіе, а не историческое.

3) Auguste Comte: „Cours de philosophie positive" (Paris, 1869), IV t., XLVIII, L и LI leçons.

ственной жизни, которая обусловливаетъ собою существованіе юридическихъ и политическихъ учрежденій, согласныхъ съ духомъ всего остальнаго соціальнаго быта. Изслѣдователь, открывая солидарность всѣхъ общественныхъ явленій въ данный періодъ исторіи общества, поневолѣ относится къ этому факту совершенно объективно, сознавая неизбѣжность такого взаимодѣйствія соціальныхъ феноменовъ, зависящаго отъ ихъ природы. Порядокъ изученія отдѣльныхъ общественныхъ учрежденій, напр. политическихъ, направляется поэтому въ ту сторону, чтобы открыть неразрывную связь ихъ съ народною моралью, религіей, экономической жизнью и другими сторонами общественнаго быта [1]) Законъ послѣдовательности соціальныхъ явленій вытекаетъ изъ необходимой и независящей отъ воли человѣка связи настоящаго состоянія общества съ прошедшимъ, пережитымъ имъ, бытомъ, изъ котораго и могутъ быть только объяснены всѣ послѣдующія, постепенныя въ немъ измѣненія. Послѣдовательныя видоизмѣненія соціальныхъ учрежденій понимаются въ смыслѣ постояннаго ихъ развитія, прогресса. Слово „прогрессъ" не означаетъ непремѣнно улучшеніе и стремленіе къ совершенствованію [2]), а лишь *различіе* между учрежденіями въ двѣ разныя, стоящія около другъ друга или даже отдаленныя, эпохи общественной жизни. Причемъ, это различіе тѣмъ больше, чѣмъ дальше онѣ отстоятъ другъ отъ друга. Но характеръ этихъ различій, все-таки, таковъ, что „за временными исключеніями общее стремленіе есть и будетъ стремленіе къ лучшему и счастливому состоянію" [3]). Обобщенія соціальныхъ явленій, достигаемыя сравнительно-исторической методой, имѣютъ характеръ эмпирическихъ законовъ, которыми можно объяснить только тѣ, однородныя и послѣдовательныя, соціальныя явленія, относительно которыхъ сдѣланы наблюденія [4]).

1, 2, 3 и 4) Милль, ibidem, II т., 491—497, ср. Сергѣевича: „Задача и метода государственныхъ наукъ", 185, 188 и 209 стр.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что задача сравнительно-историческаго метода въ изученіи общественныхъ учрежденій опредѣляется законами соціальныхъ явленій и состоитъ поэтому въ подмѣтѣ въ нихъ единообразій сосуществованія и послѣдовательности и обобщеній этихъ единообразій, иначе говоря, наблюденіи сходныхъ чертъ въ общественныхъ учрежденіяхъ на *разныхъ* ступеняхъ соціальнаго развитія различныхъ народовъ. Но разсматривая историческій ходъ развитія учрежденій у каждаго изъ нихъ, мы неизбѣжно наталкиваемся на черты различія между ними, на тѣ типическія особенности въ соціальныхъ институтахъ, которыя свойственны всякому народу и проявляются въ теченіе всей его исторіи, независимо отъ того, совершается или нѣтъ въ ней неуклонно и послѣдовательно развитіе всего общественнаго быта или его части къ лучшему. На національныя различія въ юридическихъ учрежденіяхъ, вытекающія изъ своеобразнаго у каждаго народа образованія права, обратила впервые вниманіе, какъ извѣстно, историческая школа права, которой принадлежитъ заслуга формулированія закона національности права. „Законы національнаго характера составляютъ, замѣчаетъ и послѣдователь О. Конта, Д. С. Милль, важный классъ соціологическихъ законовъ. Мнѣнія, чувства и привычки народа, хотя составляютъ результатъ общественнаго состоянія, которое имъ предшествуетъ, суть, однако, большею частью причины общественнаго состоянія, которое за ними слѣдуетъ; они представляютъ силу, которою образуются обычаи и законы, послѣдніе чрезъ прямое вліяніе общественнаго мнѣнія на управляющія власти, или чрезъ дѣйствіе, обнаруживаемое состояніемъ народнаго мнѣнія и чувства въ опредѣленіи формы правленія и въ образованіи характера правителей“ [1]).

---

1) Д. С. Милль, ibidem, 483—484 стр.

Само собою понятно, что то значеніе, какое сравнительно-историческая метода имѣетъ по отношенію къ изученію всѣхъ общественныхъ учрежденій, она сохраняетъ и при изслѣдованіи каждаго ихъ рода, а также и политическихъ учрежденій. Также и здѣсь историкъ-юристъ долженъ подмѣчать сходныя черты изучаемыхъ учрежденій у различныхъ народовъ на одинаковыхъ ступеняхъ ихъ развитія и въ тоже время останавливаться на различіяхъ политическихъ учрежденій, на сколько они вытекаютъ изъ ихъ прогресса въ смыслѣ улучшенія и національныхъ особенностей, выработавшихся въ процессѣ послѣдовательнаго развитія политическихъ учрежденій у каждаго народа. Но прежде, чѣмъ приступить къ изученію различій между ними, изслѣдователь долженъ имѣть дѣло съ примитивной эпохой въ общественной жизни изучаемыхъ народовъ, въ которой находятся основанія и первоначальная форма политическаго учрежденія, какъ источникъ если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, многихъ послѣдующихъ, историческихъ въ немъ видоизмѣненій. Сравненія между примитивными политическими учрежденіями у разныхъ народовъ возможны потому, что всѣ вообще первобытные юридическіе институты однообразны, поразительно сходны между собою вслѣдствіе одинаковости, простоты и немногочисленности первоначальныхъ потребностей у всѣхъ народовъ. Образцомъ такого, давно уже пережитаго европейскими народами, политическаго быта служатъ современныя первобытныя общества, дикія племена разныхъ частей свѣта: въ политическихъ учрежденіяхъ этихъ обществъ можно видѣть какъ бы воспроизведеніе, переживаніе своего рода, сохранившіяся черты изъ доисторической эпохи общественной жизни европейскихъ народовъ. Въ сферу изслѣдованія должны входить далѣе примитивныя историческія и политическія учрежденія не однѣхъ только родственныхъ народностей, но и всѣхъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ находятся сходныя съ

изучаемыми политическія учрежденія. „Сравнительный методъ, говоритъ профессоръ Карѣевъ, не стѣсняется ни временемъ, ни пространствомъ, что, конечно, не мѣшаетъ ему примѣняться къ фактамъ, относящимся къ опредѣленнымъ мѣстамъ и эпохамъ“ [1]). Само собою разумѣется, что при спеціальномъ изученіи всѣхъ политическихъ учрежденій или какого-либо одного изъ нихъ преслѣдуются тѣже общія цѣли, какъ и при сравнительно-историческомъ изслѣдованіи всѣхъ общественныхъ институтовъ, и употребляются одни и тѣже научные пріемы. Изслѣдователь обязанъ уяснить необходимую внутреннюю связь возникновенія и развитія даннаго политическаго учрежденія со всѣми, или, по крайней мѣрѣ, тѣми общественными условіями, отъ которыхъ зависитъ непосредственно появленіе и все дальнѣйшее образованіе учрежденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ историкъ-юристъ долженъ констатировать солидарность, гармонію политическаго учрежденія съ общественнымъ состояніемъ первоначальнаго и послѣдующаго періодовъ общественнаго развитія у всѣхъ изучаемыхъ народовъ или у одного того, который составляетъ центръ всего труда. Въ тоже время вниманіе ученаго наблюдателя должно быть обращено на причины тѣхъ прогрессивныхъ видоизмѣненій, которыя совершаются въ исторіи образованія изучаемаго учрежденія. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду и національныхъ особенностей въ развитіи политическаго учрежденія у различныхъ народовъ, особенно же у того изъ нихъ, чье учрежденіе служитъ непосредственнымъ предметомъ научнаго изслѣдованія. Рѣшеніе вопроса о томъ, чему нужно приписать общія, сходныя черты учрежденія, замѣчаемыя у всѣхъ народовъ,—единству-ли ихъ происхожденія, передачѣ учрежденій или же дѣйствію общихъ причинъ,—зависитъ отъ всесторонняго и глубокаго изученія народной жизни въ раз-

---

1) Карѣевъ: „Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока“, С.-Петерб., 1887 г., 18 стр.

ныя эпохи ея развитія у различныхъ націй, а также и полноты матеріала для такого обширнаго изслѣдованія извѣстнаго политическаго института. Мы уже знаемъ, что первая изъ указанныхъ причинъ наблюдаемыхъ сходствъ въ учрежденіяхъ—общность происхожденія различныхъ народовъ можетъ быть найдена посредствомъ филологическаго пріема, который примѣняется къ изученію первоначальной формы учрежденія въ древнѣйшую эпоху общественной жизни. Пріемъ миѳологическій и изученіе фактовъ переживанія являются уже болѣе сомнительными научными пріемами, приложеніе которыхъ къ изученію первой группы сходствъ въ политическихъ учрежденіяхъ требуетъ отъ изслѣдователя большой осторожности. Миѳы различныхъ народовъ не всегда принадлежатъ только имъ однимъ и часто заимствуются однимъ народомъ у другаго; кромѣ того, различные миѳы могутъ быть поняты и истолкованы совершенно произвольно. Для того же, чтобы отдѣлить въ новыхъ формахъ политическихъ учрежденій, что осталось отъ прежней, пережитой обществомъ, фазы ихъ развитія, необходимо основательнѣйшее знакомство со всей исторіей общественнаго быта извѣстнаго народа. Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, возможно-ли посредствомъ всѣхъ этихъ трехъ пріемовъ изученія исторіи права открыть новые въ ней факты, мы позволимъ себѣ замѣтить, что всѣ они не представляютъ собою чего-либо особеннаго, отличнаго отъ сравнительно-историческаго метода, какъ это утверждаетъ профессоръ Ковалевскій. Данныя сравнительнаго языкознанія и миѳологіи служатъ изслѣдователю древняго политическаго быта для *сравнительнаго же* изученія природы и происхожденія даннаго политическаго института и сужденія о сравнительной его старинѣ [1]). Съ той же сравнительно-исторической точки зрѣнія разсматриваются и фак-

---

1) Фриманъ, назв. сочиненіе, 4 и 9 стр.

ты переживанія политическихъ учрежденій у различныхъ народовъ, изъ которыхъ одинъ или нѣсколько народовъ могутъ заимствовать у другихъ пережитыя уже ими учрежденія. Что же касается того, извѣстныя сходныя политическія учрежденія заимствованы или же возникли у даннаго народа въ силу дѣйствія общихъ причинъ, то этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только тщательнымъ изученіемъ общественнаго и политическаго быта различныхъ народовъ, обладающихъ сходными учрежденіями, соотношеній между этими послѣдними и общественными классами, взаимнаго вліянія и историческаго процесса раздѣленія функцій власти между различными ея органами и созданія спеціальныхъ органовъ для каждой изъ нихъ [1]).

Послѣ всего сказаннаго нами здѣсь о сущности, значеніи и способахъ примѣненія сравнительно-исторической методы въ исторіи права едва ли нужно доказывать ея несомнѣнныя преимущества предъ чисто историческимъ методомъ. Достоинства сравнительно-историческаго метода такъ велики, что въ настоящее время ни одинъ авторъ сочиненія по исторіи права не можетъ обойтись безъ него, не рискуя навлечь на себя упрекъ въ отсталости, если только онъ прямо не ограничитъ сферу своего изслѣдованія однимъ положительнымъ правомъ даннаго народа. Конечно, и при работѣ надъ вопросомъ объ образованіи Государственнаго Совѣта при Александрѣ I-мъ можно было вести все дѣло изслѣдованія, доступнаго намъ, матеріала, архивнаго и литературнаго, при помощи одного историческаго метода. Но даже, слѣдуя этому узкому, одностороннему методу, мы должны были бы прослѣдить весь историческій процессъ образованія въ Россіи учрежденій, аналогичныхъ александровскому Государственному Совѣту. Нельзя же было ограничиться лишь одной

1) См. Ковалевскій, назв. соч., 25—26 стр.

эпохой Александра I-го, вырвать его Государственный Совѣтъ изъ исторіи высшаго управленія въ Россіи и игнорировать массу неоспоримыхъ фактовъ, доказывающихъ постепенное развитіе функцій этого учрежденія въ управленіи и въ связи съ различными условіями исторической жизни русскаго общества. Если-бы мы рѣшились, все-таки, держаться въ узкихъ рамкахъ историческаго метода, то и тогда мы не могли-бы миновать того, чтобы не сравнивать Государственный Совѣтъ Александра I-го съ аналогичными французскими и англійскими учрежденіями, по образцу которыхъ онъ будто-бы былъ созданъ въ Россіи, по словамъ противниковъ реформъ Александра I-го и графа Сперанскаго и въ числѣ ихъ знаменитаго Карамзина [1]). Чтобы рѣшить въ высшей степени важный вопросъ о томъ, былъ-ли Александровскій Совѣтъ 1801 г., особенно же 1810 г., лишь буквальнымъ сколкомъ съ Тайнаго англійскаго Совѣта XVIII вѣка и Государственнаго Совѣта временъ первой имперіи во Франціи, или же, напротивъ, это учрежденіе было продуктомъ предварительнаго историческаго процесса развитія высшаго управленія въ Россіи, а можетъ быть результатомъ обѣихъ этихъ причинъ, мы должны были обратиться какъ къ прошлой исторіи высшаго управленія Россіи, такъ и исторіи Государственнаго Совѣта во Франціи и Англіи. Отъ такого же необходимаго, вытекающаго изъ самой задачи труда, пользованія въ немъ сравнительно-историческимъ методомъ было недалеко и до болѣе широкаго его примѣненія къ исторіи другихъ иноземныхъ учрежденій, аналогичныхъ русскому Государственному Совѣту. Такое расширеніе употребленія сравнительной методы могло привести насъ къ обобщеніямъ, полезнымъ и для исторіи образованія этого послѣдняго. Предпосылая исторіи образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи до Александра I-го и особенно

---

1) Карамзинъ: „Записка о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“.

при немъ очеркъ совѣщательныхъ учрежденій [1]) на Западѣ Европы, мы исходили изъ той мысли, что „въ исторіи государственныхъ учрежденій должна быть воспроизведена картина постояннаго взаимодѣйствія между государствомъ и обществомъ, конституціей и администраціей страны, что въ ней изслѣдователь имѣетъ дѣло съ происхожденіемъ и развитіемъ государственнаго организма“ [2]) и что, слѣдовательно, исторія каждаго политическаго учрежденія неразрывно связана со всей предъидущей жизнью общества, взаимнымъ въ ней отношеніемъ между общественными классами и государственною властью. Желаніе обосновать научнымъ образомъ нашу попытку прослѣдить историческій процессъ образованія въ высшемъ управленіи Россіи совѣщательныхъ учрежденій до Александра I-го и связать генетически съ ними и съ исторіей общественныхъ (высшихъ) классовъ Государственный Совѣтъ при этомъ государѣ заставили насъ обратиться къ изученію съ помощью сравнительно-историческаго метода исторіи совѣщательныхъ учрежденій и на всемъ Западѣ Европы. Послѣ краткаго очерка совѣщательныхъ учрежденій въ древности, особенно въ Греціи и Римѣ, мы подробно останавливаемся, главнымъ образомъ, на исторіи Государственныхъ Совѣтовъ во Франціи и Англіи, которые могутъ служить въ нѣкоторомъ отношеніи образцами для характеристики исторіи развитія совѣщательныхъ учрежденій у романскихъ и германскихъ народностей. Изъ остальныхъ европейскихъ государствъ мы обращаемъ вниманіе на Швецію, откуда Петръ I-й заимствовалъ свой Сенатъ, а при Екатеринѣ II-й графъ Н. Панинъ взялъ свой проэктъ Государственнаго Со-

1) Мы употребляемъ терминъ „совѣщательный“, неисчерпывающій всего политическаго значенія въ исторіи совѣтовъ разныхъ наименованій, за неимѣніемъ лучшаго и по примѣру Г. Спенсера. См. его: „Развитіе политическихъ учрежденій“, V, VII и VIII главы.

2) Гнейстъ: „Исторія государственныхъ учрежденій Англіи“, пер. Венгерова, предисловіе, V—VI с.

вѣта, Пруссію и Австрію, гдѣ исторія Государственнаго Совѣта отличается исключительно монархическимъ характеромъ, и Венгрію и Венецію, въ которыхъ, наоборотъ, совѣщательныя учрежденія были орудіемъ могущественной власти аристократіи [1]). Заключеніемъ историческаго очерка западно-европейскихъ совѣтовъ служитъ краткое обозрѣніе ихъ въ исторіи славянскихъ государствъ: Чехіи или Богеміи, Сербіи, Болгаріи, Польши съ Литвой и у балтійскихъ славянъ.

Въ исторіи всѣхъ совѣщательныхъ учрежденій древности и новыхъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Франціи и Англіи, мы ограничиваемся главными ея моментами, тѣми фактическими данными, которыя указываютъ на связь исторіи и политическаго значенія совѣтовъ разныхъ названій съ политическою ролью, положеніемъ въ обществѣ высшихъ его классовъ и отношеніемъ къ нимъ монархической власти. Мы пытаемся намѣтить главныя фазы въ исторіи образованія совѣщательныхъ учрежденій на Западѣ, которыя повторяются и въ исторіи ихъ образованія въ Россіи, оканчивая эпохой Александра I-го, найти тѣ общія сходныя черты названныхъ учрежденій, которыя одинаково встрѣчаются и въ древности, и въ новое время и которыя позволяютъ поставить рядомъ совѣщательныя учрежденія различныхъ временъ и странъ, сходныя по своимъ функціямъ и соціально-политическому значенію, хотя и различныя по своимъ названіямъ, внѣшнимъ формамъ и національнымъ особенностямъ. Мы не имѣемъ намѣренія исчерпать и изслѣдовать подробно и вполнѣ основательнымъ образомъ исторію совѣщательныхъ учрежденій въ древнемъ и новомъ мірѣ. Подобная обширная и труднѣйшая работа потребовала бы слишкомъ много силъ и времени и отвлекла бы насъ далеко

---

1) Примѣчаніе. Относительно исторіи совѣтовъ въ остальныхъ западно-европейскихъ государствахъ (Даніи, Нидерландахъ и др.) мы ограничиваемся краткими замѣчаніями въ самомъ текстѣ или же въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

отъ главной цѣли нашего труда—представить исторію, изучить процессъ образованія совѣщательныхъ учрежденій въ Россіи, важнѣйшимъ и заключительнымъ моментомъ котораго является организація Государственнаго Совѣта при Александрѣ I-мъ. Поэтому послѣ болѣе или менѣе подробнаго изслѣдованія соціально-политическаго значенія совѣщательныхъ учрежденій на Западѣ Европы, въ удѣльный и московскій періоды русской исторіи и отъ Петра I-го до Александра I-го мы останавливаемся преимущественно на Государственномъ Совѣтѣ въ царствованіе Александра I-го. По отношенію къ этому центральному пункту нашей работы вся исторія совѣщательныхъ учрежденій не только на Западѣ Европы, но и у насъ въ Россіи—до Александра I-го имѣетъ въ нашей работѣ значеніе вступительнаго очерка, безъ котораго, однако, не можетъ быть понята и исторія совѣта при Александрѣ I-мъ. Весь планъ нашего изслѣдованія состоитъ въ слѣдующемъ. Послѣ введенія, въ которомъ заключается исторія иноземныхъ совѣщательныхъ учрежденій, въ первой главѣ сочиненія мы стараемся изслѣдовать возникновеніе и взаимныя отношенія монархической власти и высшаго сословія въ древней, московской Руси: отъ характера этихъ отношеній зависитъ политическая роль совѣщательныхъ учрежденій въ удѣльно-вѣчевую эпоху, московскомъ и императорскомъ періодѣ русской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы пытаемся указать здѣсь и въ послѣдующихъ главахъ на отдѣленіе высшаго управленія отъ мѣстнаго, образованіе перваго, раздѣленіе главныхъ функцій власти и взаимныя отношенія между учрежденіями различныхъ названій московскаго (боярской думой и приказами) и императорскаго періода (совѣтами, кабинетами, сенатомъ и др.). При изученіи образованія совѣта при Александрѣ I мы также останавливаемся на характеристикѣ общественнаго состоянія этой эпохи, личности государя и его ближайшихъ сотрудниковъ по преобразованію всего русскаго управленія, учрежденіи Непремѣннаго Совѣта и его

отношеніи къ вновь возникшимъ въ тоже время министерствамъ, комитету министровъ и къ сенату. Еще подробнѣе мы изслѣдуемъ образованіе Государственнаго Совѣта въ 1810—1825 г.: здѣсь мы предварительно приводимъ главныя основанія „Государственнаго Уложенія“ графа Сперанскаго, съ точки зрѣнія котораго можетъ быть только сдѣлана вѣрная оцѣнка „Образованія“ Совѣта въ 1810 году. Затѣмъ идетъ изложеніе самого учрежденія совѣта и разсмотрѣніе отношеній послѣдняго къ комитету министровъ, сенату и министерствамъ. Заключительной главой, гдѣ русскій Государственный Совѣтъ сравнивается съ аналогичными западно-европейскими учрежденіями, древняго и особенно новаго времени, заканчивается первый томъ нашего труда, выпускаемый нынѣ въ свѣтъ [1]).

Мы изложили подробно планъ нашей работы съ тою цѣлью, чтобы показать, какое мѣсто въ ней занимаетъ исторія иноземныхъ совѣщательныхъ учрежденій, которой отведено во всемъ сочиненіи (въ двухъ томахъ) не болѣе, если только не менѣе 4-й части всего содержанія. Мы не скрываемъ отъ себя всѣхъ трудностей при осуществленіи задуманнаго нами плана работы. Широта задачи, обширность матеріала и новизна въ примѣненіи мало разработаннаго сравнительнаго метода могутъ вовлечь насъ въ ошибки, естественныя въ подобномъ изслѣдованіи. Но мы принимаемся за свой трудъ съ глубокимъ убѣжденіемъ въ необходимости слѣдовать при своей работѣ сравнительно-историческому методу, главныя основанія котораго нами только что изложены. За употребленіе этого метода

1) Примѣчаніе. Значительная часть матеріала для 2-го тома, въ который должно войти обозрѣніе дѣятельности государственнаго совѣта при Екатеринѣ II, Павлѣ I и особенно Александрѣ I-мъ, авторъ имѣетъ уже подъ руками и въ настоящее время. Сюда относится, кромѣ Архива Государственнаго Совѣта Калачева и 1-го Полнаго Собранія Законовъ, еще упомянутые выше (IV—V стр.) акты, хранящіеся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, въ которыхъ, между прочимъ, находится драгоцѣнный матеріалъ для исторіи сената при Екатеринѣ II-й и Александрѣ I-мъ. Съ появленіемъ V тома Архива Государственнаго Совѣта закончится и собираніе авторомъ матеріала для 2-го тома.

во всѣхъ историко-юридическихъ работахъ раздаются и авторитетные голоса нашихъ извѣстныхъ историковъ-юристовъ. Нѣкоторые изъ нихъ высказываются прямо за изученіе всѣхъ высшихъ учрежденій русскаго государства съ значеніемъ совѣта въ генетической ихъ связи другъ съ другомъ, исторіей древне-русскаго, боярскаго сословія и новаго дворянскаго въ Россіи послѣ Петра I-го и аналогичными учрежденіями у другихъ народностей. Мы уже знакомы съ методологическими воззрѣніями профессора Сергѣевича, который въ своихъ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права" (1883 г.) указываетъ, между прочимъ, на неразрывную связь Боярской Думы съ Сенатомъ, Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и Государственнымъ Совѣтомъ Александра I-го (792—3 стр.). Профессоръ Романовичъ-Славатинскій замѣчаетъ, что въ исторіи права „сравнительный элементъ особенно важенъ потому, что своими сравненіями и противоположеніями онъ даетъ возможность выяснить осебенныя національныя черты изучаемаго института" [1]). Профессоръ Владимірскій-Будановъ, разсматривая высшія учрежденія Россіи, начиная съ Княжеской Думы и оканчивая Государственнымъ Совѣтомъ Александра I-го, замѣчаетъ, что въ Россіи „была постоянно сознаваема потребность высшихъ государственыхъ установленій, которой прежде удовлетворяла Дума, но для которой вовсе не былъ созданъ Сенатъ" [2]). Владимірскій-Будановъ указываетъ, между прочимъ, на генетическую связь между Княжеской Думой и Радой или Сенатомъ Великаго Князя Литовскаго, съ одной стороны, и Московской Думой—съ другой и видитъ во всѣхъ этихъ институтахъ „проявленіе того общаго типа учрежденій, который во всѣхъ госу-

---

1) Романовичъ-Славатинскій: „Система русскаго государственнаго права", 1886 г., часть I, предисловіе, III стр.

2) Владимірскій-Будановъ: „Обзоръ Исторіи Русскаго Права", 2 изд., 1888 г., стр. 234.

дарствахъ классической и новой Европы носитъ названіе *сената* или *совѣта*" [1]). Тотъ же ученый признаетъ, что „исторія учрежденій должна идти рука объ руку съ исторіей классовъ и сословій" [2]). Образцами такихъ изслѣдованій въ русской историко-юридической литературѣ служатъ труды профессора Градовскаго по исторіи мѣстнаго управленія, профессора Дитятина по исторіи городскаго управленія и—Ключевскаго о Боярской Думѣ. Сочиненіе же профессора Латкина о Земскихъ Соборахъ прямо основано на сравнительно-историческомъ методѣ, сравненіи русскихъ соборовъ съ аналогичными учрежденіями Запада.

Сообразно высказаннымъ нами задачамъ изслѣдованія, мы ограничиваемся употребленіемъ тѣхъ научныхъ пріемовъ сравнительной методы, которые подходятъ къ цѣли труда, гдѣ долженъ быть рѣшенъ вопросъ, національное или заимствованное учрежденіе Государственный Совѣтъ Александра I-го. Такъ какъ намъ при сравненіяхъ придется имѣть дѣло поэтому съ вопросомъ о передачѣ учрежденій и дѣйствіи одинаковыхъ условій, то филологическій и миѳологическій пріемъ и другіе способы открытія единства происхожденія, какъ причину сходствъ учрежденій, мы оставляемъ въ сторонѣ. Мы пользуемся данными сравнительной филологіи только при началѣ изученія древнѣйшихъ совѣщательныхъ учрежденій всѣхъ арійскихъ народностей. Миѳологическій же пріемъ мы примѣняемъ лишь, въ видѣ опыта, при изслѣдованіи совѣтовъ въ гомерической Греціи.

Мы уже указали выше (II—III стр.) на матеріалы для нашего сочиненія, архивные и литературные. Къ нимъ мы должны прибавить Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей и различные историческіе памятники (соч. Котошихина, Крижа-

---

1—2) В.-Буданова рецензія на сочиненія о Боярской Думѣ профессоровъ Загоскина и Ключевскаго въ „Сборникѣ государственныхъ знаній", 8 томъ, 124 и 108 стр.

нича, Сказанія князя Курбскаго и мн. другіе). Всѣ другія сочиненія по исторіи русскаго права и многочисленныя иностранныя изслѣдованія историко-юридическаго характера будутъ указаны нами въ своемъ мѣстѣ.

Въ заключеніе считаю своею пріятною обязанностью выразить глубочайшую благодарность: Его Высокопревосходительству, Г. Государственному Секретарю, Александру Александровичу *Половцеву* за благосклонное позволеніе мнѣ заниматься дѣлами въ Архивѣ Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи, Его Высокопревосходительству, Члену Государственнаго Совѣта и Директору Императорской Публичной Библіотеки, Аѳанасію Феодоровичу *Бычкову* за его помощь при моихъ занятіяхъ въ отдѣленіи рукописей И. П. Библіотеки, профессору С.-Петербургскаго университета, Василію Ивановичу *Сергѣевичу*, обязательно снабдившему меня одной изъ редакцій „Плана“ графа Сперанскаго, Димитрію Александровичу *Философову*, значительно облегчившему мои занятія дѣлами Комитета 6-го декабря 1826 года, и Директору Демидовскаго Юридическаго Лицея, Сергѣю Михайловичу *Шпилевскому* за его литературныя указанія для моей работы.

В. Щегловъ.

Ярославль.
Январь 1891 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Аристотель въ своей „Политикѣ" видитъ причину разнообразія политическихъ формъ въ различіи соціальныхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ государство, и разсматриваетъ основныя формы политическаго быта—монархію, аристократію и демократію въ связи съ участіемъ въ управленіи государствомъ одного лица, меньшинства или всѣхъ граждан[1]). Соединеніе всѣхъ трехъ элементовъ политическаго быта, хотя и съ нѣкоторымъ преобладаніемъ одного изъ нихъ надъ двумя остальными, Аристотель отмѣчаетъ въ современныхъ ему законодательствахъ Спарты, Крита и Карфагена[2]). Независимо отъ формы политическаго устройства въ каждомъ государствѣ обсужденіе государственныхъ вопросовъ и рѣшеніе спорныхъ дѣлъ принадлежитъ, по замѣчанію Аристотеля, особому сословію гражданъ, членамъ *совѣта*, который составляетъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ всякаго государства[3]). Въ тоже время каждая форма политическаго быта имѣетъ свои особенные институты. Такъ институтъ *совѣтниковъ* (πρόβουλοι) свойственъ аристократіи или, по терминологіи Аристотеля, олигархіи, какъ такой формѣ государства, въ управленіи дѣлами котораго участвуютъ „не просто наилучшіе люди, а въ какомъ-либо смыслѣ хорошіе, или богатые или же знатные въ силу рожденія, но не личнаго только достоинства, какъ основнаго элемента аристократіи"[4]). Съ такой именно точки на олигархію, какъ не-

1—4) Аристотель: „Политика" (переводъ Скворцова), стр.: 252, 136 и сл., 158—170, 258—271, 96—111, 122—194—6, 139, 255—267.

каженіе истинной аристократіи. Аристотель разсматриваетъ политическое устройство Лакедемона или Спарты. Такъ онъ не одобряетъ организацію спартанскаго *совѣта* или *сената*, —герусіи, члены которой „въ продолженіе всей своей жизни остаются властелинами въ обсужденіи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ“ [1]). Аристотель осуждаетъ также и Критянъ за то, что они предоставили геронтамъ, членамъ βουλή (совѣта), пожизненность и безотвѣтственность власти [2]). Наконецъ, олигархическій характеръ государственнаго устройства Карфагена Аристотель открываетъ въ томъ, что „пентархи, власть которыхъ простирается на многія и очень важныя дѣла, избираютъ не только сами себя, но и *совѣтъ ста*,—эту величайшую власть въ государствѣ“ [3]). Такимъ образомъ, Аристотель находитъ, что учрежденіе совѣта или сената неразлучно съ аристократической формой политическаго быта, въ которой онъ состоитъ изъ членовъ высшаго класса общества и пользуется высшею властью въ государствѣ, какъ это было и на самомъ дѣлѣ въ наблюдаемыхъ Аристотелемъ греческихъ государствахъ.

Къ такому же въ сущности взгляду на сенатъ, какъ учрежденіе преимущественно аристократическое, приходитъ и *Монтескье*, который думаетъ, что для сохраненія аристократическаго политическаго принципа (умѣренности) только сенатъ, какъ учрежденіе, долженъ пользоваться привиллегіями: сенаторы же должны довольствоваться простымъ уваженіемъ [4]). По мнѣнію Монтескье, дворянство—необходимая составная часть монархическаго государства, которое безъ него превращается въ деспотію: „point de monarque, point de noblesse; point de noblesse, point de monarque“, говоритъ Монтескье [5]). Дворянство играетъ въ монархіи роль посредствующаго органа вла-

1—3) Аристотель, ibidem, стр. 98, 105, 109—110.
4—5) Montesquieu: „De l'Esprit des loix“, t. I, 25, 91, 30 p.

сти при примѣненіи основныхъ законовъ государства [1]). Но признавая такое, повидимому, важное политическое значеніе за дворянскимъ сословіемъ въ монархическомъ государствѣ Монтескье не рѣшается сдѣлать изъ него „охранителя законовъ“, довѣрить ему „объявленіе о законахъ, когда они созданы монархомъ и напоминаніе о нихъ, когда законы забыты“. Монтескье укоряетъ даже дворянство въ невѣжествѣ, невниманіи и презрѣніи къ государственнымъ дѣламъ [2]). Не пользуется авторитетомъ въ глазахъ Монтескье и совѣтъ государя, который „выполняетъ волю монарха, но не въ состояніи охранять фундаментальные законы страны. Совѣтъ монарха не есть постоянное учрежденіе; онъ состоитъ изъ небольшаго числа лицъ, не обладаетъ въ достаточной степени довѣріемъ народа и, слѣдовательно, не можетъ помочь монарху въ трудныя времена и заставить народъ повиноваться ему“ [3]).

Сравнивая взгляды Аристотеля и Монтескье, мы замѣчаемъ сходство ихъ въ томъ, что оба эти знаменитыхъ писателя древняго и новаго времени смотрятъ на сенатъ, какъ на чисто аристократическое и потому самостоятельное политическое учрежденіе. Различіе между ними заключается въ томъ, что Монтескье отличаетъ отъ аристократіи, какъ высшей политической силы въ аристократическихъ государствахъ, дворянство, какъ необходимый, умѣряющій элементъ монархіи, гдѣ все рѣшается волею монарха. Органомъ его воли является совѣтъ государя, который, какъ случайное учрежденіе, отличается отъ сената—института прочнаго и постояннаго, обладающаго политическими правами. Члены дворянскаго сословія не имѣютъ самостоятельнаго значенія въ совѣтѣ, хотя въ тоже время они и должны слѣдить за примѣненіемъ основныхъ законовъ въ монархическомъ государ-

1—3) Montesquieu, ibidem, 33—34 p.

ствѣ. Это противорѣчіе въ воззрѣніяхъ Монтескье, какъ и явное недовѣріе къ административнымъ способностямъ дворянства объясняются политическими его стремленіями, которыми проникнуто все его знаменитое сочиненіе: „De l'Esprit des loix". Извѣстно, что Монтескье желалъ найти гарантіи политической свободы [1]) для своего отечества (Франціи) въ англійскихъ конституціонныхъ учрежденіяхъ [2]). Монтескье предлагалъ для достиженія этой цѣли перенести ихъ на континентъ Европы, гдѣ они должны были замѣнить господствующую въ XVIII столѣтіи неограниченную монархію, блестящимъ представителемъ которой во Франціи долго былъ Людовикъ XIV, оставившій абсолютную королевскую власть и своимъ преемникамъ. Французское дворянство, давно уже потерявшее всякое политическое значеніе, обратилось въ то время изъ должностнаго класса въ придворную свиту короля, жило и искало только его милостей, занималось дворцовыми интригами и не имѣло ни охоты, ни способностей къ занятіямъ государственными дѣлами [3]). Яркій контрастъ дворянству Франціи представляла англійская аристократія XVIII ст., пользовавшаяся всѣми правами власти и „охраняющая" основные законы страны [4]). Монтескье считалъ правленіе этой аристократіи образцовой, хотя въ XVIII вѣкѣ ея дѣятельность и отличалась въ сущности эгоистическимъ характеромъ [5]). Называя совѣтъ случайнымъ учрежденіемъ, зависящимъ только отъ воли короля, Монтескье имѣлъ въ виду также неограниченную абсолютную власть французскихъ королей, которые распоряжались произвольно во всѣхъ отрасляхъ управленія. Но на самомъ дѣлѣ французскій Государственный Совѣтъ во 2-й половинѣ XVIII столѣтія имѣлъ опредѣленную организацію, былъ постояннымъ

1—2) Montesqueiu: ibidem, XII livr., II chap. и XI livr., VI chap.

3) Ch. Louandre: „La noblesse française sous l'ancienne monarchie" Paris, 1880, 227 p. et suiv., Montesquieu, ibidem, I t., 266—7 p.

4—5) Гнейстъ, назв. соч., 794 и сл., 805—14 и 841—43 стр.

учрежденіемъ, въ которомъ произведены были важнѣйшія реформы въ администраціи королевства [1]).

Воззрѣнія Аристотеля и Монтескье на сенатъ, какъ аристократическое учрежденіе par excellence въ государствахъ, гдѣ высшій классъ общества, аристократія обладаетъ политическими правами, и взглядъ Монтескье на незначительную политическую роль дворянства и совѣтъ государя въ неограниченныхъ монархіяхъ соединены въ одно цѣлое у *Герберта Спенсера*. Подобно Аристотелю, Спенсеръ устанавливаетъ путемъ сравнительнаго изслѣдованія примитивныхъ учрежденій у различныхъ народовъ тѣсную связь между тремя основными формами политическаго быта общества — монархіей, аристократіей и демократіей и составомъ общества, различными общественными классами, участвующими во власти. Констатируя наличность въ каждомъ первобытномъ обществѣ абрисовъ тройственнаго политическаго дѣленія, на которые указываетъ, какъ мы видѣли, и Фриманъ относительно арійскихъ народовъ [2]), Спенсеръ находитъ зародыши демократіи въ народной массѣ, обыкновенно одобряющей или порицающей рѣшенія меньшинства—аристократіи и монарха—одного лица, выдающагося изъ среды остальныхъ какими-либо качествами,—опытнаго воина, стараго охотника и пр. [3]). Измѣненіе взаимныхъ отношеній между этими тремя составными элементами первоначальнаго политическаго быта происходитъ вслѣдствіе вліянія на него разнообразныхъ условій послѣдующей исторической жизни общества [4]), но всегда и вездѣ указанная связь между тремя политическими формами и, соотвѣтствующимъ каждой изъ нихъ, политическимъ преобладаніемъ всего народа, высшаго его клас-

---

1) См. ниже.

2) См. выше. Тройственность политическаго дѣленія свойственна, какъ увидимъ, первобытной эпохѣ общественной жизни всѣхъ народовъ.

3 - 4) Г. Спенсеръ: „Развитіе политическихъ учрежденій“, Спб., 1882, стр.: 91—92, 97—8, VI—IX гл.

са и одного лица остается одна и таже [1]). При „сложномъ политическомъ главенствѣ“, — соединеніи власти всего народа съ властью руководящаго меньшинства это послѣднее имѣетъ рѣшающій голосъ въ *совѣтѣ* или *сенатѣ*. Совѣтъ или сенатъ, какъ выраженіе власти выдающагося меньшинства въ государствахъ съ аристократическимъ характеромъ, явленіе общее какъ примитивнымъ ступенямъ общественной жизни, такъ и всему послѣдующему, историческому періоду его жизни [2]). Совершенно въ другомъ положеніи оказываются аристократическіе классы общества въ монархическихъ государствахъ. Совѣщательныя учрежденія здѣсь ничто иное, какъ военные совѣты, которые образовались въ виду, сильно чувствуемой въ первобытныхъ обществахъ, нужды въ обезпеченіи общей безопасности [3]). Совѣтъ вождей состоялъ сначала изъ способныхъ и опытныхъ воиновъ, которые затѣмъ стали отличаться отъ остальныхъ обширными поземельными владѣніями и, слѣдовательно, большимъ могуществомъ. Такъ организованный военный совѣтъ переходитъ со временемъ въ постоянный совѣщательный органъ, въ которомъ король, въ качествѣ правителя, первенствуетъ при обсужденіи общественныхъ дѣлъ въ широкомъ смыслѣ [4]). Въ совѣтахъ участвуютъ обыкновенно и представители духовенства, которое имѣло сначала большое вліяніе на всѣ общественныя дѣла [5]). Члены совѣта иногда пріобрѣтаютъ исключительное, независимое положеніе, благодаря своему богатству, полученному въ войнахъ, и тогда между ними и королемъ начинается борьба изъ за власти. Рѣшающимъ въ пользу короля моментомъ въ этой борьбѣ является вѣра въ божественное происхожденіе монархической власти и законъ наслѣдственнаго преемства престола. При отсутствіи этихъ двухъ условій аристократія беретъ перевѣсъ надъ монархической властью [6]).

1—6) Спенсеръ, ididem, стр.: 97—98, 157 и сл., 171—72, 184, 195, 201, 204, 208—210.

Въ первомъ случаѣ члены совѣта становятся простыми совѣтниками, назначаемыми королемъ, во второмъ монархическое государство превращается въ аристократическое, склоняется къ олигархіи [1]).

Спенсеръ, слѣдовательно, утверждаетъ, что всегда въ аристократическихъ государствахъ власть высшаго класса общества выражается въ сенатѣ, который иногда называется совѣтомъ. Послѣднее названіе, напротивъ, употребляется обыкновенно для обозначенія высшаго учрежденія въ монархическихъ государствахъ, гдѣ совѣтъ занимаетъ второстепенное мѣсто около короля, которому подчиняется и вся знать, богатая поземельными владѣніями. Спенсеръ указываетъ и на первоначальную причину появленія совѣтовъ въ монархіяхъ, какъ и характеръ и исходъ борьбы между королевской властью и аристократическимъ элементомъ примитивнаго общества, которые отражаются и на послѣдующей организаціи совѣщательныхъ учрежденій.

Сличая изложенные взгляды всѣхъ трехъ знаменитыхъ ученыхъ: Аристотеля, Монтескье и Спенсера, мы можемъ вывести изъ нихъ нѣсколько положеній, которыя послужатъ намъ научной гипотезой, исходной точкой нашего послѣдующаго изслѣдованія исторіи совѣщательныхъ учрежденій въ древности и новое время. Эти положенія слѣдующія:

I. Совѣщательныя учрежденія имѣютъ значеніе самостоятельныхъ политическихъ институтовъ тамъ, гдѣ власть принадлежитъ высшему классу общества — аристократіи [2]).

II. Напротивъ, *совѣты* находятся въ полной зависимости отъ главы государства въ неограниченныхъ монархіяхъ, гдѣ высшій классъ

---

1) Спенсеръ, ibidem, стр. 212—213.

2) Ср. Фриманъ, назв. соч., VI гл., 160 стр.

общества—дворянство не имѣетъ политическихъ правъ.

III. Первоначальные совѣты въ монархическихъ государствахъ—*военные совѣты.*

IV. Борьба изъ за власти между монархическимъ и аристократическимъ элементомъ общества и исходъ борьбы въ пользу того или другаго отражаются на измѣненіи *организаціи совѣтовъ*, которые становятся или просто совѣщательными учрежденіями при монархѣ, или же получаютъ значеніе органа власти аристократіи.

V. Совѣщательныя учрежденія въ аристократическихъ государствахъ называются преимущественно *сенатами*, а иногда и *совѣтами*, въ монархіяхъ же—это послѣднее названіе болѣе употребительно, лучше соотвѣтствуетъ ихъ положенію въ управленіи.

Что касается причинъ, при которыхъ происходятъ измѣненія въ первоначальныхъ отношеніяхъ между монархическимъ и аристократическимъ элементами и, сообразной съ этими измѣненіями, политической роли совѣтовъ, то, очевидно, эти причины не исчерпываются тѣми, которыя указаны Спенсеромъ. Все въ данномъ случаѣ зависитъ отъ тѣхъ особенныхъ условій исторической жизни народа, при которыхъ совершаются въ ней движенія въ пользу того или другаго элемента.

Посмотримъ теперь, какъ оправдываются на дѣлѣ, выставленные нами, тезисы, насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительная народная жизнь въ различныя эпохи ея развитія выводамъ виднѣйшихъ, всемірныхъ представителей науки о государствѣ.

Этнографическія данныя, сообщаемыя Вайтцемъ, Герлан-

домъ, Постомъ, Спенсеромъ, Липпертомъ и др. учеными относительно примитивнаго политическаго устройства различныхъ дикихъ племенъ во всѣхъ частяхъ свѣта, позволяютъ намъ утверждать, что уже въ эту первобытную эпоху начинаетъ возникать въ политическомъ быту рядъ явленій, отмѣченныхъ сравнительнымъ государствовѣдѣніемъ, какъ сходныя между собою. Такъ въ однихъ примитивныхъ обществахъ, гдѣ родовые старѣйшины достигли до выдающагося положенія въ обществѣ въ силу своего богатства, совпадающаго съ жречествомъ, и личныхъ качествъ высшимъ органомъ ихъ власти является сенатъ или совѣтъ, рѣшенія котораго обязательны для всѣхъ членовъ рода [1]). Въ обществахъ съ демократическимъ характеромъ правленія этотъ совѣтъ только особая правительственная коммиссія народнаго собранія для управленія важнѣйшими дѣлами [2]). Въ первобытныхъ же обществахъ съ монархическимъ типомъ политическаго быта монархъ бываетъ окруженъ совѣтомъ, значеніе котораго зависитъ отъ того, до какой степени развита монархическая власть въ такомъ обществѣ и какое положеніе занимаетъ въ немъ высшій его классъ. При незначительномъ развитіи этой власти аристократическій совѣтъ монарха пользуется большими политическими правами; въ противномъ случаѣ при наличности въ обществѣ дворянства онъ становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ монарха [3]). Наконецъ, въ примитивныхъ обществахъ съ преобладающимъ въ нихъ съ самаго начала монархическимъ элементомъ совѣты состоятъ изъ вождей, у которыхъ

---

1) Lippert: „Die Geschichte d. Menschheit“, II, 566 s., Post., Bausteine etc., 73, 136, 213 s., „Africanische Jurisprudenz“ (1887), I, 167—9 s., Waitz: „Anthropologie der Naturvölker“ (1859—65 и 1872), I, 514, II, 140, 142, 468, IV, 278, и VI (Waitz—Gerland), 165—170 s., Спенсеръ: „Развитіе политическихъ учрежденій“, 158 с. 2) Post, Bausteine etc., 135 и 213 s. 3) Waitz, I, 127, II, 145, 151, 159, 419, 468, IV, 71—74, 262, V, 139 и 151, VI, 186—194 и 202 s., Post: „African. Jurisprudenz“, I, 220—8, Спенсеръ: „Основанія соціологіи“, II, 585 с.

„глава государства ищетъ поддержки, а иногда въ важныхъ дѣлахъ и раздѣляетъ съ ними отвѣтственность“ [1]).

ВОСТОКЪ.

Сравнительно-историческое изученіе цивилизаціи *восточныхъ народовъ* даетъ мало данныхъ для исторіи совѣщательныхъ учрежденій, въ особенности для изслѣдованія строго аристократической ихъ формы. На Востокѣ сливались въ одно цѣлое всѣ элементы общественной жизни, все окрашивалось въ одинъ религіозный оттѣнокъ. Религія поглощала науку, искусство, право, государство, господствовала исключительно во всей общественной жизни [2]). Изъ среды общества выдѣлялось только одно сословіе жрецовъ, которые въ качествѣ представителей божества пользовались неслыханными послѣ того въ исторіи привиллегіями въ явный ущербъ всему остальному населенію. Но надъ жрецами, въ свою очередь, стояла абсолютная, деспотическая власть восточныхъ царей, произволъ которыхъ давалъ себя чувствовать во всей общественной жизни ощутительнымъ образомъ [3]). Сильно развитая, централизованная монархическая власть въ восточныхъ государствахъ была результатомъ безпрерывныхъ, ожесточенныхъ и разрушительныхъ войнъ, которыя характеризуютъ всю жизнь восточныхъ обществъ. „Международная исторія Востока есть, говоритъ Карѣевъ, исторія разрушенія городовъ, разрушенія странъ, истребленія, порабощенія, увода въ плѣнъ цѣлыхъ населеній“ [4]). Централизація власти, необходимая въ войнѣ, оставалась у восточныхъ правительствъ и въ мирныя времена, когда посредствомъ ея сдерживались въ еди-

---

1) Waitz, II, 145, Спенсеръ: „Развитіе полит. учрежденій“, 194 с., „Основанія соціологіи“, ibidem, Post, Bausteine, II, 140–142. 2) Блюнчли: „О правѣ на Востокѣ„ (двѣ лекціи во II т. „Юридич. Записокъ“ Рѣдкина. 3) Петровъ: „Лекціи по всемірной исторіи“ (1888—1890 г), т. I, 31 стр. 4) Карѣевъ: „Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока“, Спб., 1887 г., 28—31 стр.

ненін разнообразныя мелкія соціальныя группы: у полуцивилизованныхъ народовъ вождь побѣдитель и деспотическій король есть одно и тоже [1]). Царь на Востокѣ былъ верховнымъ жрецомъ, предъ которымъ преклонялось часто и духовенство наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ, массою безправныхъ и послушныхъ рабовъ царскаго произвола [2]). Такъ теократическій политическій деспотизмъ восточныхъ монарховъ дополнялся соціальнымъ порабощеніемъ массъ, обусловливающимся чрезвычайно слабымъ развитіемъ въ обществѣ идеи человѣческой личности [3]). Изъ среды культурнаго меньшинства въ восточномъ обществѣ, гдѣ господствовали религія и грубые, матеріальные интересы толпы, царь призывалъ себѣ на помощь при управленіи государствомъ лишь представителей жреческаго и иногда военнаго сословія. „Аристократія военная и гражданская исчезаютъ на Востокѣ, уничтоженныя или совершенно ослабленныя гнетомъ царской власти и жреческаго сословія“. Абсолютная власть восточнаго монарха ограничивается въ нѣкоторой степени только привиллегіями касты жрецовъ [4]). Ослабленіе или отсутствіе въ силу какихъ-либо причинъ религіознаго элемента или уменьшеніе власти восточныхъ царей влекли за собою и возникновеніе извѣстной самостоятельности высшаго класса общества, которая выражалась въ его участіи въ управленіи въ формѣ совѣта, какъ первенствующаго политическаго учрежденія.

Въ представителѣ хамитической расы, древнемъ *Египтѣ*, бывшемъ типомъ восточнаго теократическаго деспотизма, царь (фараонъ) имѣлъ абсолютную власть, произволъ которой ограничивался моральнымъ могуществомъ въ обществѣ богатыхъ и образованныхъ сословій, жреческаго и сословія воиновъ, члены которыхъ составляли при царѣ *совѣтъ*, не-

---

1—2) Спенсеръ: „Основанія соціологіи“, II т., 612, 613—16 стр. 3) Карѣевъ, ibidem. 4) Мэнъ: „Древнее право“, Спб., 1873, 9 стр.

имѣвшій большаго политическаго значенія [1]). Напротивъ, у другаго восточнаго народа семитической расы, ***Финикіянъ***, главными занятіями котораго были торговля и мореплаваніе, препятствовавшія развитію теократическаго деспотизма царей и касты жрецовъ, политическое устройство имѣло своеобразный типъ, отличный отъ другихъ восточныхъ государствъ [2]). Въ началѣ исторической жизни финикійскаго народа въ управленіи городами, которые составляли одинъ политическій союзъ, принимали дѣятельное участіе родовые старѣйшины. Они составляли въ каждомъ изъ финикійскихъ городовъ (Сидонѣ, Тирѣ и др.) ***сенаты*** или ***совѣты***, рѣшающіе самостоятельно всѣ политическія дѣла. Такъ въ Сидонѣ въ IV ст. до Р. Хр. сенатъ состоялъ изъ 500—600 такихъ старѣйшинъ. Во главѣ всѣхъ финикійскихъ городовъ стояли король и сенатъ или совѣтъ старѣйшинъ (герусія), мѣста которыхъ потомъ заступили представители торговой аристократіи, еще сильнѣе ограничившіе власть короля [3]). Важнѣйшей финикійской колоніей былъ *Карфагенъ*, основанный на сѣверо-западномъ берегу Африки за 880 лѣтъ до Р. Хр. богатыми и знатными фамиліями, выселившимися изъ Тира. Все управленіе принадлежало въ Карфагенѣ сначала совѣту изъ двухъ царей и 28 старѣйшинъ, ежегодно назначаемыхъ гражданами. Но совѣтъ геронтовъ недолго сохранилъ за собою всю полноту правительственной власти. Развитіе торговли Карфагена вызвало увеличеніе числа богатыхъ фамилій, скоро потребовавшихъ участія въ управленіи. Такъ возникъ второй сенатъ изъ 104 членовъ, который завѣдывалъ внутренними дѣлами государства въ то время,

---

1) L. v. Ranke: „Weltgeschichte“, I Theil (1881), 1 Abth., 40—41 s., Duncker: „Geschichte des Alterthums“, I B. (1855, Berlin), s. 89 und folg., Петровъ, назв. соч., I, 40—41 стр., Зайцевъ: „Древняя исторія Востока“ (Спб., 1879), 147 стр 2) Ranke, ibidem, 82 s. 3) Duncker, ibidem, 136, Петровъ, назв. соч., I, 68 стр.

какъ первому совѣту остались одни только внѣшнія дѣла. Во главѣ совѣта геронтовъ стоялъ одинъ изъ царей (rex sagatus); во главѣ же совѣта 104 стоялъ другой царь (rex togatus) [1]). Аристотель, который, какъ мы видѣли, считаетъ политическое устройство Карфагена олигархическимъ, одобряетъ организацію царской власти въ Карфагенѣ, гдѣ „царское достоинство не принадлежитъ одному и тому же роду, и цари назначаются изъ лучшаго рода скорѣе по выбору, чѣмъ по возрасту" [2]). Ежегодное назначеніе карфагенскихъ царей изъ различныхъ родовъ указываетъ на господство въ общественной и политической жизни Карфагена богатыхъ фамилій, аристократіи; совѣтъ же 104 былъ твердой опорой власти карфагенской олигархіи [3]). Онъ состоялъ изъ пожизненныхъ членовъ и имѣлъ право привлекать къ отвѣтственности наравнѣ съ полководцами и судьями и членовъ герусіи и даже наказывать ихъ смертью [4]). Моммзенъ, сравнивая совѣтъ 104 съ современнымъ ему римскимъ сенатомъ, называетъ ихъ оба аристократическими полицейскими учрежденіями. Различіе между ними онъ видитъ въ томъ, что римскій сенатъ представлялъ всю націю, между тѣмъ какъ сенатъ карфагенскій основывался на подозрительномъ контролѣ одного правительственнаго учрежденія надъ другимъ и представлялъ исключительно интересы знатныхъ фамилій [5]) Кромѣ двухъ сенатовъ, въ Карфагенѣ существовалъ еще, стоявшій надъ ними, также аристократическій совѣтъ десяти (decem principes), обладавшій высшимъ управленіемъ страны [6]).

Обращаемся къ *народамъ арійской расы*, съ которыми состоятъ въ племенномъ родствѣ и нѣкоторые восточные народы (индусы, персы и др.).

---

1) Аристотель: „Политика", 107—108 стр., Mommsen: „Römische Geschichte", 5 Antlage (1868, Berlin), I t., 2 Abtheil. 500—501 s. 2) Аристотель, ibidem. 3) Mommsen, ibidem. 4) Mommsen, 502 s. 5) Mommsen, ibidem, 506—7 s. 6) G. Bloch: „Les origines du senat romain", Paris, 1883, 5 и 201 p.

Мы уже знакомы со взглядомъ Фримана, что арійцы обладали съ перваго же момента своей общественной жизни всѣми тремя первичными элементами политическаго быта, что всѣми дѣлами управленія у нихъ завѣдывали короли съ совѣтами и народными собраніями [1]). Но извѣстно также, что зачатки всѣхъ трехъ формъ политическаго быта существуютъ у каждаго народа въ первобытную эпоху его жизни. Отсюда мы въ правѣ заключить, что совѣщательныя учрежденія свойственны всѣмъ арійскимъ народностямъ въ первоначальный періодъ ихъ общественной жизни, хотя они и не составляютъ исключительнаго ихъ достоянія. „Въ первобытномъ состояніи народовъ арійской расы можно подмѣтить, говоритъ Мэнъ, существованіе сельскаго *совѣта*, иногда обязаннаго отвѣтственностью предъ *всею группою поселянъ*, или непризнающаго такой отвѣтственности, иногда ослабляемаго властью *наслѣдственнаго начальника*, но никогда неутрачивающаго вполнѣ своего значенія. Изъ этого зародыша развились всѣ знаменитые законодательные органы въ мірѣ— аѳинская экклесія, римская комиція, сенатъ и императорская власть, также какъ и англійскій парламентъ" [2]). „Согласно съ древнимъ обычаемъ, существовавшимъ у различныхъ индогерманскихъ народовъ, короли, замѣчаетъ Бернхёфтъ, рѣшали дѣла, особенно судебныя, вмѣстѣ съ совѣтниками" [3]). Этими совѣтниками были главы семей и родовъ въ то время когда арійцы стали жить послѣ матріархальнаго быта въ патріархальномъ. Древніе арійцы селились небольшими деревнями, заключавшими въ себѣ роды (viç), во главѣ которыхъ стояли старѣйшины (viçpati) [4]). Сила кров-

---

1) Фриманъ: „Сравн. политика" и „Очеркъ развитія англійской конституціи" (Москва, 1880), 10—20 стр. 2) Мэнъ: „Древнѣйшая исторія учрежденій", Спб. 1876, 308 стр. 3) Bernhöft: „Uber die Grundlagen d. Rechtsentwicklung bei d. indogerman. Völkern", 305—308 s. 4) Pictet: „Des origines Indo-evropéennes", Paris, 1887, III t., 77—82 p., В. Миллеръ: „Очерки арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшей культурой", Москва, 1876 г., 42, 55—6 стр.; Шра-

ныхъ узъ и общеніе интересовъ вызывали необходимость собранія главнѣйшихъ членовъ клановъ, родоначальниковъ, ихъ *совѣта* (sabhâ) [1]. Предсѣдатель такого собранія (sabhâpati), окруженный родовыми старѣйшинами, управлялъ всѣми дѣлами общины [2]). Изъ среды тѣхъ же старѣйшинъ избирался и общій распорядитель дѣлами общины, царь [3]). Примитивный совѣтъ старѣйшинъ у индо-европейскихъ народовъ былъ родоначальникомъ позднѣйшихъ аналогичныхъ учрежденій—аѳинскаго βουλή, спартанской γερουσία и римскаго senatus. Всѣ эти учрежденія классическихъ народовъ имѣютъ общее происхожденіе, хотя ихъ названіе могло произойти, по замѣчанію Фримана, и отъ дѣйствія одинаковыхъ причинъ, именно того обстоятельства, что „въ древнемъ быту общества возрастъ уже предполагаетъ власть и наоборотъ“ [4]).

У древнихъ *индусовъ* во главѣ общества стояли двѣ касты—жрецы (брамины) и воины (кшатріи); изъ среды послѣднихъ происходили индійскіе цари, управлявшіе народомъ при помощи касты воиновъ и браминовъ [5]). Въ примитивную эпоху Ведъ цари были главами небольшихъ общинъ, но уже тогда власть ихъ оспаривалась воинственной, родовой аристократіей, которой удалось во многихъ мѣстахъ страны пріобрѣсти вліяніе на управленіе, „образовать *совѣты* племенныхъ царей въ мирное время и ихъ необходимую свиту при веденіи войнъ“ [6]). Въ историческій періодъ индійской общественной жизни, когда въ ней образовались вполнѣ касты, аристократія сохранила свою власть только у нѣкоторыхъ племенъ [7]); во главѣ государства стояли цари съ неограниченною деспотическою властью. Только одни брамины сохранили за собою право подавать царю совѣты въ дѣлахъ уп-

---

деръ: „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія“, Спб., 1886 г., 419 с., Bernhöft, ibidem, 270 s. 1) и 2) Pictet, Миллеръ, Шрадеръ и Bernhöft, ibidem 3) В. Миллеръ, 46—47 стр. 4) Фриманъ, „Политика“, 47 стр. 5) В. Миллеръ, 50 стр. 6—7) Duncker, II, 19 и 130 s.

равленія [1]). По древнѣйшимъ индійскимъ кодексамъ (Апастамбѣ) „царь долженъ былъ совѣтоваться съ своимъ домашнимъ жрецомъ при опредѣленіи наказаній“. По позднѣйшимъ (Ману) онъ долженъ наблюдать за сохраненіемъ кастоваго общественнаго устройства, выгоднаго однимъ браминамъ. По „Ману“ царь судитъ и управляетъ, „поддерживаемый руководительствомъ добрыхъ совѣтниковъ—браминовъ [2]).

У другаго восточнаго народа арійской расы—древнихъ *персовъ* цари въ началѣ были первыми между родовитыми вельможами [3]), но затѣмъ вслѣдствіе постоянныхъ войнъ царская власть сдѣлалась неограниченною. Впрочемъ, цари сохранили, по словамъ Геродота, древній обычай совѣтываться съ знатнѣйшими изъ персовъ [4]). Такъ Дарій Гистаспъ имѣлъ около себя родъ Государственнаго Совѣта, составленнаго изъ министровъ и придворныхъ, послушныхъ его волѣ [5]). Геродотъ же разсказываетъ, что Ксерксъ созвалъ предъ походомъ на Элладу, „достойнѣйшихъ персовъ въ чрезвычайное собраніе, чтобы выслушать ихъ мнѣніе и въ присутствіи всѣхъ ихъ высказать собственныя желанія“ [6]).

ГРЕЦІЯ.

Въ гомерическую эпоху общественной жизни древней *Греціи* мы встрѣчаемся съ совѣщательными учрежденіями, неимѣющими самостоятельнаго политическаго учрежденія при царяхъ—преемникахъ божественной власти Зевса. Во многихъ мѣстахъ „Иліады“ и „Одиссеи“ Гомера упоминается о совѣтахъ, собираемыхъ по разнымъ случаямъ разными гре-

---

1) Duncker, ibidem, 114 s, Bernhöft, ibidem, 306 s., 2) Мэнъ: „Древній законъ и обычай“, Москва, 1884, 29—30 с. 3) Петровъ, I, 88 с., 4 и 6) Геродотъ: „Исторія въ девяти книгахъ“, Москва, 1885 и 1885 г. (перев. Мищенка), I т., 278 и II т. 132 стр. 5) Зайцевъ, ibidem, 265 стр.

ческими царями, напр., Ахиллесомъ [1]) и Агамемнономъ, „составившимъ мудрый совѣтъ (βουλή) съ велеумными старѣйшинами [2]), вождями [3]) и ахейскими вельможами [4]). Сами боги у Гомера совѣщаются на Олимпѣ объ участи Трои, причемъ, воля Зевса рѣшаетъ все дѣло [5]). Совѣтомъ же боговъ начинается первая и пятая пѣсни „Одиссеи“ [6]). Сынъ Одиссея, Телемакъ созываетъ въ отсутствіи отца „на сонмище лѣповласыхъ ахеянъ, старцевъ“ (γέροντες) [7]). Въ странѣ Феаковъ, куда былъ выброшенъ моремъ Одиссей, царствовалъ Алкиной, который имѣлъ обычай совѣщаться съ первыми вельможами страны (βουλὰς βουλεύειν) [8]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Гомеромъ о характерѣ совѣтовъ при греческихъ царяхъ въ доисторическую эпоху (XI—X в. до Р. Хр.), согласны съ дѣйствительнымъ ихъ значеніемъ въ это время въ Греціи: власть царей имѣла здѣсь въ это время безусловный, неограниченный характеръ. Цари были въ одно и тоже время верховными жрецами, судьями, правителями и военачальниками [9]). Царь стоялъ во главѣ всего общества, изъ высшихъ классовъ котораго, благородныхъ родовъ онъ избиралъ себѣ сподвижниковъ въ войнѣ и помощниковъ въ управленіи [10]). Родовые старѣйшины, геронты (старики) образовали при царѣ *совѣтъ* въ мирное и военное время, члены котораго не обладали правами самостоятельной законодательной власти [11]). Но зародыши развитія аристократіи и ея правъ лежали уже въ самыхъ основаніяхъ перво-

---

1—5) Гомеръ: „Иліада“, Спб., 1823—25 г., пер. Мартынова, I т., 1 пѣснь, 11 стр. XIX п., 11 с. и сл., 2 п., 109 с., 2 т., IX п., 107 с. и сл., X п., 185 с. и сл., и 1 т., IV п., 244 с. и сл. 6—8) „Одиссея“, Спб., 1826—28 г., 1 т., I п., 7 с. и 5 п., 246 с., 2 п., 57 с. и сл., II т., VI п., 301 с. и VII п., 45—47; ср. Фримача: „Политика“, 131—132 с. 9) Ф. Куланжъ: „Древнее общество“, Спб., 1867, пер. Бабкина, 252—60 и сл. 10) Петровъ, и. с., I т., 107 с. 11) Curtius: „Griechische Geschichte“, Berlin, 1884, I, 123—133 s., Weber: „Allgemeine Weltgeschichte“, Leipzig, 1859, II t. 139 s., Ranke, I, 1, 163 s., Duncker, III, 437 и Зайцевъ: „Древняя исторія Запада“, Спб., 1882, 43 стр.

начальной общественной жизни древнихъ грековъ и ея послѣдующаго, историческаго развитія. У древнихъ грековъ, какъ и—римлянъ издавна существовали роды (γένοι, gentes), организація которыхъ была чисто аристократическая, основана на кровныхъ узахъ и первобытной религіи (культѣ предковъ)[1]). Возникновеніе городской жизни и превращеніе городовъ въ государства также должны были повлечь за собою паденіе монархіи и образованіе политической власти аристократіи: простая, патріархальная жизнь царя, управшаго на глазахъ всего народа и въ границахъ небольшаго пространства и несложныхъ городскихъ интересовъ, отнимала у власти царя ея религіозное обаяніе и увеличивала, наоборотъ, вліяніе въ обществѣ главъ отдѣльныхъ родовъ, особенно отличавшихся военными заслугами при переселеніяхъ и борьбѣ съ аборигенами странъ, захваченныхъ греками[2]). Была еще одна причина исчезновенія монархической власти въ древней Греціи. „По мѣрѣ того, какъ слабѣло понятіе о монархѣ въ смыслѣ священнаго лица и въ ряду наслѣдственныхъ государей стали встрѣчаться ничтожныя личности, царская власть, говоритъ Мэнъ, стала приходить въ упадокъ и была захвачена аристократіей, *совѣтомъ* старѣйшинъ, къ которымъ перешло право хранить законъ, слѣдить за его примѣненіемъ и отправлять юрисдикцію“[3]). Исторія застаетъ во всей Греціи, за исключеніемъ Спарты и Аргоса, аристократическую форму правленія, которая всюду вытѣснила монархію[4]). Послѣ побѣды надъ монархіей греческая аристократія закрѣпила свою власть особенной организаціей всѣхъ аристократическихъ родовъ, которая возникла почти одновременно въ Спартѣ, Аѳинахъ и другихъ мѣстахъ[5]). Не послѣдней причиной продолжительнаго и прочнаго господства

---

1) Ф. Куланжъ, ibidem, 141 с. и сл. 2) Фриманъ, ibidem, 99 и 145 с., 3) Мэнъ: „Древнее право“, 8—10 с., 4) Weber, II, 191 s., Зайцевъ, 44 стр. 5) Duncker, III, 585.

аристократіи въ древней Греціи было и то обстоятельство, что она дѣйствительно состояла изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ людей. Недаромъ Аристотель предпочиталъ такую аристократію другимъ формамъ политическаго быта и видѣлъ ея существенное свойство въ распредѣленіи государственныхъ должностей на основаніи только личнаго достоинства, а не рожденія, воспитанія или особенно богатства [1]). Власть меньшинства, основанную на этомъ послѣднемъ базисѣ, Аристотель называетъ олигархіей [2]). Такихъ олигархій было немало въ древне-греческихъ государствахъ, на что указываетъ, между прочимъ, институтъ тирановъ, которые должны были защищать интересы безправнаго большинства противъ произвола и насилій, угнетающаго его, меньшинства [3]). Не смотря на это, политическія привиллегіи греческой аристократіи, какъ впослѣдствіи и римской, были основаны на выдающихся военныхъ доблестяхъ и высокихъ качествахъ ума и характера. Въ одно и тоже время она соединяла въ себѣ преимущества жреческаго сословія, рыцарскаго званія, возвышенныхъ нравственныхъ качествъ, благороднаго настроенія и дѣятельности [4]).

Аристократическія начала развились особенно въ дорійскомъ племени, представительницей котораго въ древней Греціи была *Спарта*. Въ до историческую эпоху политическое ея устройство состояло изъ наслѣдственныхъ царей, которые управляли при помощи *совѣта 28 старыхъ*. Съ членами этого совѣта цари совѣщались во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, но они не были связаны мнѣніемъ совѣта, какъ и народнаго собранія (воиновъ) [5]). Только впослѣдствіи цари стали зависимыми отъ герусіи, членами которой въ Спартѣ были на самомъ дѣлѣ старѣйшіе по возрасту: только 60-ти-лѣтній

---

1 и 2) Аристотель, 165, 265 и 139 с. 3) Аристотель, 165 и 271, Ranke, I, 1, 190—191, Зайцевъ, 95 с. 4) Duncker, Ш, 586—589 с. 5) Janet: „Les Institutions sociales à Sparte“, Paris. 1880, 18—20 p.

спартанецъ могъ быть выбранъ въ сенатъ [1]). Рядомъ съ герусіей, какъ тѣснымъ аристократическимъ совѣтомъ, стояло собраніе аристократическаго демоса, которому принадлежалъ рѣшающій голосъ въ дѣлахъ, между тѣмъ какъ инпціатива законовъ исходила отъ царя и сената [2]). Царская власть въ Спартѣ принадлежала двумъ царямъ, происходящимъ изъ двухъ линій потомства Геракла [3]). Оба царя участвовали въ совѣщаніяхъ герусій, а въ ихъ отсутствіе права царской власти предоставлялись членамъ сената — родственникамъ царя [4]). Самое раздѣленіе власти между двумя царями имѣло своею цѣлью обезпечить полное господство аристократіи въ Спартѣ [5]), гдѣ думали, что „благосостояніе государства условливается взаимною враждою царей“ [6]). Уничтожить эту вражду, уравновѣсить власть и положить конецъ борьбѣ между царской властью и аристократіей — спартіатами, которые обладали огромными поземельными богатствами и политическими правами въ ущербъ остальному населенію, было задачей соціальной реформы *Ликурга* (IX в. до Р. Хр.), который началъ ее съ раздѣленія каждой изъ трехъ древнѣйшихъ трибъ Спарты на 30 объ, по десяти въ каждой. Главы всѣхъ объ составили совѣтъ старыхъ (герусію), который теперь сдѣлался постояннымъ учрежденіемъ. Президентами и руководителями герусіи стали цари, какъ представители двухъ царскихъ объ. Въ сущности вся власть принадлежала герусіи, то есть, аристократіи, которая самостоятельно рѣшала всѣ вопросы внутренней и внѣшней политики [7]). Геронты оставались пожизненными и безотвѣтственными членами сената, были „безсмѣнными властелинами въ обсужденіи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ“ [8]). Сила аристократіи въ государствѣ должна была увеличиваться еще

1) Зайцевъ, 80 с. 2) Ranke, I, 1, 179 s. 3 и 6) Аристотель, 90 с., прим.. и 99 с. 4) Геродотъ. II, 87 с. 5) Curtius, I, 173 s. 7) Curtius, I, 173—4, Duncker, III, 360—66 s. 8) Аристотель, 98 с., Петровъ, I, 127 с.

оттого, что Ликургъ установилъ, такъ называемыя, сисситіи (общіе столы), въ которыхъ обязаны были участвовать всѣ спартіаты, но могли являться только богатые [1]). Введенная въ Спартѣ тѣмъ же Ликургомъ безпримѣрная въ исторіи педагогическая и общественная дисциплина имѣла своею непосредственною цѣлью подготовку молодыхъ людей къ веденію войны и завоеваніямъ [2]), но также помогала и упроченію господства аристократіи. Исключительно аристократическій характеръ спартанскаго государства, какой она приняла послѣ реформы Ликурга, повидимому, долженъ былъ смягчиться введеннымъ во время Мессинскихъ войнъ (430—410 до Р. Хр.) эфоратомъ, который Аристотель считаетъ демократическимъ учрежденіемъ [3]). Но эфоры выходили изъ среды тѣхъ же спартіатовъ, аристократическаго демоса и въ одно и тоже время сдерживали злоупотребленія со стороны царей и представителей знатныхъ родовъ, опасныхъ для аристократіи [4]). Эфоры могли подтверждать или отбрасывать рѣшенія царя или герусіи, имѣли рѣшительное вліяніе на сношенія Спарты съ другими государствами и со временемъ пріобрѣли такую силу, что получили право судить и отправлять подъ стражу самихъ царей [5]). Эфорамъ была передана исполнительная власть, отнятая у царей. Въ числѣ пяти эфоры смѣнялись ежегодно и представляли могущественную власть въ государствѣ, подобную совѣту десяти въ средневѣковой Венеціи [6]). Такимъ образомъ, эфоратъ былъ только коммиссіей изъ среды самой аристократіи, которая ревниво наблюдала за сохраненіемъ всѣхъ политическихъ правъ въ рукахъ спартіатовъ [7]): эфоровъ выбирали богатые члены правящаго сословія, партія, пользовавшаяся въ данный мо-

---

1) Аристотель, 99—100 с. 2) Аристотель, 100-101 с., Ianet, 36 p., Спенсеръ: „Развитіе полит. учрежденій", 168 с., Петровъ, I, 128 и Зайцевъ, 79—81 с. 3) Аристотель, 96 с., Ianet 34 и 120—121 p. 4) Ranke, ibidem, 179 s., Duncker, IV, 365 s. 5) Duncker, ibidem, 370 s., Петровъ, I, 127 с. 6) Зайцевъ, 90—91 с. 7) Duncker, 372 s.

ментъ наибольшимъ политическимъ вліяніемъ [1]), такъ что эфоратъ не измѣнилъ существующаго аристократическаго характера политическаго устройства Спарты. Съ его введеніемъ не была уничтожена и герусія, политическое право которой было ограничено эфорами въ интересахъ правящаго же аристократическаго сословія—спартіатовъ.

Съ государственнымъ устройствомъ древней Спарты была сходна аристократическая конституція *Крита*, которая по преданію послужила даже образцомъ Ликургу при его реформахъ спартанскихъ учрежденій. Въ Критѣ, также какъ и Лакедемонѣ, центръ политической власти лежалъ въ герусіи, называвшейся *совѣтомъ* (βουλή). Геронты избирались въ Критѣ не изъ числа всѣхъ гражданъ, какъ въ Спартѣ, а только изъ космовъ—критскихъ эфоровъ. Эти же послѣдніе, въ свою очередь, были членами нѣкоторыхъ родовъ, такъ что критскій сенатъ имѣлъ еще болѣе аристократическій характеръ, нежели спартанская герусія. Также, какъ и въ Спартѣ, геронты въ Критѣ имѣли пожизненную власть и были неотвѣтственны за свои дѣйствія. Институтъ царской власти скоро исчезъ въ Критѣ; онъ былъ замѣненъ космами, которые могли сами отказываться отъ власти. Иногда же ихъ низвергали „могущественные граждане, нежелающіе подвергнуться какому-либо наказанію или же стремящіеся къ тому, чтобы самимъ захватить власть въ свои руки“ [2]). Такъ геронты оставались въ Критѣ полными и безконтрольными распорядителями судьбы всего населенія.

Не одни только политическія учрежденія дорійскихъ племенъ отличались въ древней Греціи аристократическимъ характеромъ. Также и іоническимъ племенамъ было не чуждо господство аристократіи въ общественной жизни и политическомъ ихъ быту. Такъ въ одной изъ іоническихъ колоній

---

1) Curtius, III В., 126 s. 2) Аристотель, 101—106 с.

въ Малой Азіи. *Эфесѣ* поземельная аристократія въ своей борьбѣ съ народомъ взяла надъ нимъ верхъ и сдѣлала свой *совѣтъ* (герусію) главнѣйшимъ политическимъ учрежденіемъ страны. Правительственный совѣтъ, состоявшій изъ 1000 человѣкъ изъ среды аристократіи, имѣлъ въ своихъ рукахъ законодательство, управленіе и судъ [1]). Центромъ поселеній іоническихъ племенъ въ Греціи была Аттика, гдѣ образовалось много независимыхъ общинъ. Населеніе этихъ общинъ раздѣлялось на три сословія: евпатридовъ, геомеровъ и деміурговъ. Евпатриды были родовой аристократіей, благороднымъ, привиллегированнымъ сословіемъ, которое господствовало въ общинахъ, составляло около короля *сенатъ* [2]) и высшее судебное учрежденіе—ареопагъ, гдѣ ихъ дѣятельность освящалась религіозной санкціей [3]). Власть евпатридовъ, проявлявшаяся въ границахъ отдѣльныхъ общинъ, должна была увеличиться послѣ того, какъ 12 изъ нихъ, болѣе значительныхъ по объему и населенію, составили одинъ политическій союзъ, главнымъ городомъ котораго сдѣлались *Аѳины*. Теперь евпатриды стали стремиться къ исключительному политическому господству надъ всей страной и уничтоженію монархической власти, съ представителями которой они должны были въ началѣ основанія союза совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ. [4]). Послѣ смерти Кодра царская власть была замѣнена институтомъ архонтовъ, которые избирались изъ рода Кодра евпатридами сначала пожизненно, а потомъ и на короткіе сроки и съ правомъ доступа въ это званіе членамъ всѣхъ благородныхъ родовъ [5]). Но даже и та сравнительно небольшая доля власти, которою обладали архонты, ограничивалась тѣмъ, что каждый изъ трехъ первыхъ архонтовъ избиралъ въ помощь себѣ при управленіи двухъ совѣтниковъ, которыхъ онъ могъ мѣнять по своей

1) Duncker, IV, 99—100 s. 2) Weber, II, 114 s., Зайцевъ, 113 с. 3) Ranke; ibidem. 184 s, 4) Curtius, I. 289 s 5) Weber, II, 219 s , Петровъ, 130 с.

волѣ [1]). Для еще большаго усиленія своей власти евпатриды ввели новое военное дѣленіе на навкратіи, во главѣ которыхъ стали пританы изъ евпатридовъ [2]). Всѣ пританы вмѣстѣ съ архонтами и главами (королями) четырехъ аристократическихъ корпорацій (филъ) составляли *совѣтъ*, въ которомъ въ важныхъ случаяхъ участвовали всѣ 360 главъ аристократическихъ родовъ [3]), входившихъ въ составъ 4 филъ или 12 фратрій [4]). Предсѣдательствующій въ совѣтѣ, архонтъ (эпонимъ) былъ уже не король, а только президентъ аристократическаго совѣта, какъ верховнаго, законодательнаго учрежденія страны [5]). При рѣшеніи судебныхъ дѣлъ въ совѣтѣ были предсѣдателями архонты—темостеты [6]). Благородные роды властвовали надъ остальнымъ низшимъ населеніемъ страны, которое издавна видѣло въ нихъ своихъ покровителей и защитниковъ (патроновъ), природное правительство [7]). Однако, эти патріархальныя отношенія между евпатридами и демосомъ не могли долго продолжаться при захватѣ первыми поземельныхъ владѣній въ странѣ, страшномъ обѣднеініи сельскихъ жителей, обратившихся въ крѣпостныхъ евпатридовъ (тетовъ), отказахъ въ правосудіи и чрезмѣрныхъ притѣсненіяхъ со стороны аристократіи. Демосъ потребовалъ у правительства писанныхъ законовъ, которые и были изданы архонтомъ *Дракономъ* (въ концѣ VIII ст. до Р. Хр.). Но Драконъ въ своихъ тесмахъ, въ которыхъ были преданы письменности положенія обычнаго права, только укрѣпилъ исключительное господство въ Аѳинахъ аристократическаго сословія, возвелъ въ общій и непреложный законъ всѣ ея необычайныя имущественныя и процессуальныя права, освятилъ всѣ ея насилія и злоупотребленія [8]). Положе-

1) Bernhöft: „Uber die Grundlagen d. Rechtsentwicklung bei d. indogerm. Völkern", 37 s. 2) Curtius, I, 293 s., Duncker, III, 525 s. 3) Duncker, 518 s. 4) Weber, II, 215 s. 5) Duncker, 523 s., Зайцевъ, 113 с. 6—7) Duncker, 524 s. 6 и 516 s. 8) Weber, ibidem, 221—222 s., Duncker, IV, 152—6 s., Петровъ 130 с., Зайцевъ, 114 с.

ніе массы низшихъ слоевъ аѳинскаго населенія ухудшилось, угнетеніе его олигархами и ихъ власть увеличились еще болѣе послѣ попытки одного изъ знатнѣйшихъ евпатридовъ, Килона, захватить въ свои руки власть [1]). Вспыхнувшее вслѣдъ затѣмъ народное возстаніе, грозившее политическимъ правамъ евпатридовъ, могло быть прекращено только реформами *Солона*, который съумѣлъ ими смягчить суровость управленія евпатридовъ [2]) и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить ихъ власть и ввести демократическій элементъ въ аѳинскую конституцію [3]).

Въ основаніе своихъ общественныхъ и политическихъ преобразованій Солонъ положилъ не прежній, родовой, а новый, тимократическій принципъ, раздѣливши все населеніе на четыре класса сообразно ихъ имуществу. Количествомъ имущества опредѣлялся доступъ ко всѣмъ высшимъ должностямъ: только три первыхъ класса платили прямыя подати и лишь изъ нихъ избирались лица, замѣщавшія высшія государственныя должности [4]). Благодаря тому обстоятельству, что ежегодные доходы съ поземельныхъ владѣній были масштабомъ способности къ отправленію должностей, евпатриды—крупные поземельные собственники въ странѣ—остались фактически попрежнему привиллегированнымъ и господствующимъ классомъ общества [5]). Преобладающее положеніе евпатридовъ въ государствѣ было обезпечено имъ Солономъ въ организаціи *совѣта* 400 (βουλή), который былъ введенъ Солономъ вмѣсто, уничтоженныхъ имъ, прежняго великаго совѣта изъ всѣхъ родовыхъ старѣйшинъ и малаго—изъ пританов и архонта [6]). Въ совѣтѣ 400, состоявшемъ изъ богатыхъ и знатныхъ гражданъ, сосредоточивалась законодательная власть и все управленіе. Безъ его предварительнаго согласія не могъ быть выполненъ ни одинъ законъ.

---

1) Ranke, ibidem, 185, Duncker, 156 s. 2) Фримант: „Политика", 184 с. 3) Ranke, 191—193 и Weber, II, 228 s. 4) Ranke, 190 s., Duncker, 192—3 s., Weber, 228 s. 5) Аристотель, 113 с., Weber, 229 s. 6) Duncker, 196 s.

Поэтому очередные пританы, избиравшіеся евпатридами, предлагали отъ имени совѣта народному собранію для санкціи, выработанные совѣтомъ, законопроэкты, и руководили всѣми преніями въ народныхъ собраніяхъ [1]). Совѣтъ 400 рѣдко собирался въ полномъ своемъ составѣ и текущими дѣлами обыкновенно завѣдывала его коммиссія изъ 100 членовъ, избиравшихся по очереди изъ каждой филы, слѣдовательно, представлявшая собою, малый совѣтъ [2]). Евпатриды сохранили свое вліяніе и въ третьемъ совѣтѣ—ареопагѣ, въ организаціи котораго Солономъ Аристотель видитъ олигархическій элементъ въ его конституціи [3]). Членами ареопага могли быть только, избиравшіеся изъ гражданъ перваго класса, архонты, которые безпорочно закончили свою годичную дѣятельность въ должности [4]). Ареопагъ былъ облеченъ чрезвычайными полномочіями, ставившими его выше всѣхъ учрежденій въ государствѣ. Онъ обладалъ высшею религіозною властью, наблюдалъ за правами, народными обычаями и воспитаніемъ, могъ привлекать къ отвѣтственности государственныхъ сановниковъ и отмѣнять рѣшенія народныхъ собраній. Причемъ, всѣ рѣшенія ареопага были безконтрольны и безапелляціонны [5]). Всѣ эти аристократическія начала конституціи Солона пустили такіе глубокіе корни въ Аѳинахъ, что надолго затормозили развитіе въ государствѣ демократическаго элемента. Поэтому, не смотря на расширеніе Клисѳеномъ права демоса на участіе въ законодательствѣ, управленіи и судѣ, аѳинская знать, и даже родовитая, продолжала пользоваться извѣстнымъ значеніемъ въ аѳинскомъ сенатѣ [6]). И послѣ реформъ Клисѳена архонты избирались изъ членовъ высшаго класса, которыми наполнялся ареопагъ [7]). Высшія государственныя должности занимались также знат-

1) Weber, 230 s., Duncker, IV, 197—8 s., Петровъ, 133 с. 2) Петровъ, ibidem. 3) Аристотель, 112 с. 4) Duncker, 193—4 и 213 s., 5) Ranke. 192 s., Weber, 232—33 s. Duncker, 214—218 s., Петровъ, ibidem. 6) Петровъ, 135 с. 7) Зайцевъ, 146—7 и 298 с.

ными людьми [1]). Периклъ отмѣнилъ право ареопага кассировать народныя рѣшенія и тѣмъ уничтожилъ послѣдній оплотъ власти аристократіи въ Аѳинахъ [2]), что не помѣшало, однако, племяннику Перикла, Алкивіаду предпринять съ знатными гражданами Аѳинъ попытку (въ 411 г. до Р. Хр.) возстановить въ нихъ олигархію, которая, впрочемъ, не долго здѣсь существовала [3]).

РИМЪ.

Исторія *Рима* имѣетъ много общаго съ исторіей древней Греціи въ первоначальныхъ основаніяхъ своего общественнаго и политическаго устройства. Главнымъ фундаментомъ римскаго civitas, какъ и греческаго государства, была семья, въ которой „родилось все право" древнихъ римлянъ [4]). Древне-римская семья была патріархальною, составляла прочно организованную соціальную группу съ опредѣленнымъ устройствомъ, своимъ главой и управленіемъ [5]). Власть главы семьи надъ ея членами была вполнѣ неограниченною, могущественной; его слово было для всѣхъ нихъ закономъ [6]): названіе pater было однозначущимъ съ словами rex, βασιλεύς, заключало въ себѣ не понятіе только родителя, а смыслъ могущественной власти, величаваго достоинства. Каждая семья имѣетъ своимъ начальникомъ какъ бы царя въ государствѣ; у нея есть свои законы, свое правосудіе, свой организованный строй [7]). Тѣмъ же характеромъ устройства отличались, образовавшіеся изъ семей, роды (gentes) и формы дальнѣйшаго развитія этихъ послѣднихъ—куріи и трибы. Такимъ образомъ, прежде образованія государст-

---

1) Зайцевъ, ibidem. 2) Ranke, 271—72 s., Петровъ, 136 с. 3) Ѳукидидъ: „Исторія пелопонезской войны въ восьми книгахъ", Москва, 1887 г., переводъ Мищенка, VIII кн., 47—97 с., Зайцевъ, 408—619 с. 4—5) Ф. Куланжъ: „Древнее общество", 117 и 121 с. 6) Мэнъ: „Древнее право", 97—99 с., Куланжъ, 124—30 с. 7) Куланжъ, 123 и 161 с.

ва у римлянъ возникло „большое подчиненіе въ предѣлахъ каждаго семейства“ и дальнѣйшихъ, болѣе сложныхъ его формахъ [1]). Каждая курія и триба управлялась вождемъ, совѣтомъ старѣйшинъ и народнымъ собраніемъ [2]). Всѣ эти три элемента примитивнаго политическаго быта существуютъ у римлянъ въ первоначальную, доисторическую эпоху общественной жизни отдѣльныхъ ея (трехъ) трибъ [3]). Но они же продолжаютъ оставаться въ Римѣ, въ отличіе отъ Греціи, и послѣ того, какъ изъ этихъ трибъ образовалось государство, а также и въ теченіе почти всей послѣдующей исторіи Рима. „Въ Римѣ, говоритъ Фриманъ, сохраняются въ теченіе всей его исторіи всѣ три власти, три первоначальныхъ элемента управленія: царская власть (въ видѣ сильной исполнительной власти консуловъ, трибуновъ, цензоровъ и другихъ магистратовъ), господство аристократіи (въ сенатѣ) и народа, который боролся не противъ уменьшенія власти сената и не желалъ его совершеннаго уничтоженія. Цѣлью народныхъ движеній было превращеніе сената въ учрежденіе, доступное всѣмъ гражданамъ“ [4]). Въ этомъ существованіи въ Римѣ всѣхъ трехъ политическихъ элементовъ, которое неоспоримо, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ первымъ двумъ періодамъ его политической исторіи: царскому и республиканскому, можно видѣть одну изъ причинъ того замѣчательнаго и своеобразнаго факта, что при всемъ несомнѣнно аристократическомъ характерѣ римской республики [5]) государственная власть въ ней распредѣлялась дѣйствительно между сенатомъ—органомъ могущественной римской аристократіи, народнымъ собраніемъ и раз-

---

1) Спенсеръ: „Развитіе политическихъ учрежденій“, 170—171 с. 2) Мэнъ, ibidem, 101 с., Куланжъ, 183—84 с. 3) Mommsen: „Römische Geschichte“, I, 26 s. 4) Фриманъ, 50—51 и 105 с. 5) Karlowa: „Römische Rechtsgeschichte“, Leipzig, 1885, I B., 373 s., Madwig: „Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staat“, Leipzig, 1881, I B., 216 s., Coulanges: „Institutions politiques de l'ancienne France“, 231, 241 p. et suiv., Montesquieu, Livr. II, Chap. III, 26—27 p. и Livr. V, Ch. VII, 12 p.

личными органами сильной исполнительной власти (консулами, трибунами и др.).

Въ царскій періодъ римской исторіи около царя стоялъ *сенатъ*, состоявшій изъ patres—главъ патриціанскихъ родовъ. Первенствующее значеніе patres или patricii въ римскомъ обществѣ обезпечивало имъ участіе въ публичныхъ дѣлахъ въ теченіе всей царской эпохи римской исторіи [1]). Это видно изъ самого названія римскаго senatus, членами котораго были только родовые старѣйшины (seniores),—patres, такъ что названія сенаторовъ и patres остались синонимами даже въ позднѣйшую, императорскую эпоху римской исторіи [2]). Только патриціи въ царскую эпоху пользовались, какъ первые граждане Рима, вполнѣ всѣми политическими правами [3]). Самый составъ сената увеличивался сообразно увеличенію числа патриціанскихъ родовъ. Такъ сначала, когда Римъ состоялъ изъ одной трибы (Ramnetes), въ сенатѣ было 100 членовъ, сообразно числу патриціанскихъ родовъ въ трибѣ; затѣмъ послѣ присоединенія трибы Тиціевъ число сенаторовъ увеличилось до 200 и, наконецъ, оно дошло до 300 послѣ сліянія третьей и послѣдней трибы (Luceres) съ двумя первыми [4]). Число сенаторовъ не увеличилось съ присоединеніемъ при Тарквиніи Древнемъ къ сенату, такъ называемыхъ, patres minorum gentium, которые были главами патриціанскихъ семей въ сосѣднихъ съ Римомъ латинской, сабинской и этрусской общинахъ, вошедшихъ въ составъ Рима [5]). Patres minorum gentium не были плебейскаго происхожденія:

---

1) Madwig, 73 s. 2) Willems: „Le senat de la respubiique romaine“, Paris, 1878 и 1883, I t., 2 и 26 p., Виллемсъ: „Римское государственное право“, Кіевъ, 1888—90 г., переводъ Бодянскаго, 1 вып., 26 с., Karlowa, I, 43 s., Mommsen, I, 77s., Bloch: „Les origines du senat romaine“, 105--106 и 109 p, Lippert, II t,, 569 s., Madwig, 74 s., Спенсеръ, 171 с. 3) Виллемсъ, I вып., 15 с, Фриманъ, 164 с. 4) Willems, I, 22 p., Bloch, 43 и 55 p., Madwig, I, 75—76 s. 5) Karlowa, 65 s., Willems, I t., 22—23 p, Madwig, 76—77 s., Filon: „Histoire du senat romaine“, Paris, 1850, 6—11 p.

плебеи сдѣлались членами сената во время республики вмѣстѣ съ допущеніемъ ихъ (въ V ст. до Р. Хр.) къ высшимъ, курульнымъ магистратурамъ [1]). Patres minorum gentium пополняли только вакантныя мѣста въ сенатѣ вслѣдствіе смерти и вообще уменьшенія числа первоначальныхъ сенаторовъ,— patres majorum gentium; поэтому первые скоро были поглощены послѣдними [2]). Выдающееся положеніе въ самомъ сенатѣ занимали главы 10 первоначальныхъ курій первой трибы Ramnes (decem principes), изъ которой сначала состоялъ только сенатъ: изъ среды этихъ представителей древнѣйшихъ родовъ избирался interrex [3]). Реформа царя Сервія Туллія увеличила и безъ того могущественную политическую роль патриціевъ въ царскую эпоху. Родовой принципъ, на которомъ были основаны до С. Туллія всѣ римскія общественныя учрежденія, былъ замѣненъ теперь, какъ въ Аѳинахъ при Солонѣ, тимократическимъ началомъ. Все населеніе Рима было раздѣлено С. Тулліемъ на 5 классовъ такимъ образомъ, что въ первый классъ вошли граждане съ наибольшимъ имуществомъ (цензомъ), ко второму были причислены обладающіе извѣстною, меньшею долею имущества и т. д. Каждый классъ раздѣлялся на центуріи, поставлявшія извѣстное количество войска и служившія для раскладки взносовъ въ пользу государства. Каждая центурія имѣла одинъ голосъ въ comitia centuriata. Такъ какъ къ первому классу были отнесены С. Тулліемъ граждане съ значительною поземельною собственностью, которая находилась въ рукахъ аристократіи [4]), то понятно, что съ реформой С. Туллія она получила большое вліяніе въ государствѣ. Это ея политическое вліяніе обезпечивалось еще и первенствомъ аристократіи въ comitia centuriata, потому что въ первомъ классѣ

---

1) Willems, ibid., 50 и 63 p. 2) Bloch, 210, 246—254 p. 3) Willems, I t., 23 p., Bloch, 198—206 и 288 p. 4) Madwig, I B., 82 и 89 s., Coulanges, ibid., 260 p., Виллемсъ, I вып., 66 с.

находилось большее количество центурій сравнительно съ остальными классами гражданъ [1]). Необходимо еще замѣтить, что сверхъ и выше всѣхъ центурій, входящихъ въ 5 классовъ, С. Туллій учредилъ еще 12 всадническихъ центурій, которыя вмѣстѣ съ 6 патриціанскими центуріями Тарквинія Приска заключали въ себѣ уважаемыхъ и богатыхъ гражданъ [2]). Эти 18 центурій составлялись изъ сенаторовъ безъ различія ихъ возраста. Такимъ образомъ, военная служба вмѣстѣ съ податною тяжестью была возложена С. Тулліемъ на богатыхъ и знатныхъ патриціевъ, которые были вознаграждены за это политическимъ вліяніемъ въ общественной жизни, преобладаніемъ въ сенатѣ [3]).

Впрочемъ, реформа С Туллія открывала доступъ въ ряды аристократіи и плебеямъ, но только богатымъ [4]), такъ что политическія права аристократіи не только оттого не уменьшались, но еще болѣе увеличивались съ расширеніемъ ея состава, что, впрочемъ, произошло уже въ позднѣйшую, республиканскую эпоху римской исторіи. Въ царскій же ея періодъ первое мѣсто въ обществѣ и государствѣ принадлежало патриціямъ, какъ свободнымъ и полноправнымъ гражданамъ, обладающимъ огромными богатствами и окруженнымъ массою, зависимыхъ отъ нихъ, кліентовъ [5]). Выраженіемъ первенствующей политической роли патриціевъ въ государствѣ былъ *сенатъ*, какъ постоянная и необходимая часть римскаго государственнаго организма, самостоятельное политическое учрежденіе, независящее отъ воли царя [6]). Права этого совѣта сначала родовыхъ старѣйшинъ, а потомъ богатыхъ и знатныхъ гражданъ основываются на томъ воззрѣніи, что власть надъ общиной принадлежитъ всѣмъ ея старѣйшинамъ, такъ что каждый членъ сената по праву есть

1) Madwig, 114 s., Виллемсъ, 66 с. 2) Naudet: „De la noblesse chez les Romains“. Paris, 1863, 33 p., Karlowa, 76 s., Madwig, 110—111 и 124 s., Bloch, 83 p. 3) Фриманъ, 47 с. 4) Naudet, 19 p. 5) Madwig, 79 s. 6) Willems, I t., 25 p., Karlowa, 41 s., Mommsen, 77—79 s., Madwig, 78 s.

также одинъ изъ „королей общины“. Поэтому римскій сенатъ представлялся грекамъ собраніемъ „королей“. Если умиралъ царь, не назначивъ себѣ преемника, члены совѣта заступаютъ его мѣсто и пользуются правами королевской власти [1]). Сенаторы назначали interrex'а, который былъ избираемъ ими изъ своей же среды [2]). Древній римскій царь избирался народомъ (въ куріатскихъ комиціяхъ), пользовался пожизненно и безотвѣтственно административною и исключительною властью [3]), имѣвшею неограниченный, божественный характеръ въ глазахъ всѣхъ гражданъ [4]). Rex былъ princeps'омъ сената и ему принадлежало lectio senatus,— избраніе царемъ членовъ сената изъ составленныхъ имъ сенаторскихъ списковъ. Отсюда патриціи, внесенные въ эти списки, назывались patres coscripti [5]). Сенатъ былъ въ одно и тоже время законодательнымъ учрежденіемъ и царскимъ совѣтомъ [6]). Какъ законодателю, сенату принадлежало право санкціи народныхъ постановленій—patrum auctoritas, которою онъ обладалъ въ теченіе царской эпохи и въ первые два вѣка и республиканской [7]). Санкціи сената обязательно подвергались всѣ законы, одобряемые народомъ въ куріатскихъ и центуріатскихъ комиціяхъ, и выборы магистратовъ, произведенные въ этихъ послѣднихъ [8]). Сенатъ охранялъ существующую аристократическую конституцію какъ противъ царя, такъ и народа; ему принадлежало рѣшительное veto во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ (при измѣненіи существующаго соціальнаго устройства, принятіи новыхъ гражданъ, объявленіи войны и др.) [9]) Само собою понятно, что сенатъ не допускалъ

---

1) Mommsen, 79—80 s. 2) Willems, II t., 12 и 30 p. 3) Виллемсъ, I вып., 16, 44—47 с. 4) Ф. Куланжъ: „Древняя община“, 252—260 с. 5) Willems, I, 37 p. и „Римское государ. право“, I вып., 206—207 с., Bloch, 206—207 p. Доказательства этого взгляда, противорѣчащаго традиціоннымъ возрѣніямъ на формулу „patres conscripti“, см. ниже, 6) Willems, II, 58 p. и „Римское государств. право“ I вып., 15 с. 7) Willems, II, 38—57, Karlowa, 46 s. 8) Willems, II t, 61—63 p., Filon, 12 p. 9) Mommsen, I, 80—81 s.

какого-либо нападенія на политическія права патриціевъ [1]). Patrum auctoritas сената была въ рукахъ патриціата противовѣсомъ вліянію плебеевъ въ комиціяхъ (куріатскихъ и центуріатскихъ) и обезпечивала ему рѣшительное преобладаніе въ общественной и политической жизни римлянъ въ царскую эпоху ихъ исторіи [2]). Сущность дѣла не измѣнялась оттого, что patrum auctoritas слѣдовала за народными рѣшеніями: сенатъ могъ одобрить или кассировать вотированный законъ и, чтобы избѣжать такого результата санкціи его сенатомъ, царь, а позднѣе магистраты, предлагавшіе законъ народному собранію, должны были предварительно подвергать проэктъ закона разсмотрѣнію сената. Такъ сенатъ былъ дѣйствительнымъ центромъ законодательной власти [3]), которая подкрѣплялась еще тѣмъ, что въ царскую эпоху и законодательная дѣятельность центуріатскихъ комицій, замѣнившихъ съ С. Туллія comitia curiata, совпадала съ патриціанской политикой [4]).

Сенатъ, слѣдовательно, былъ въ это время высшимъ и могущественнымъ учрежденіемъ въ государствѣ, пожизненными членами котораго были представители родовой и поземельной аристократіи [5]). Сенатъ являлся органомъ сильной политической ея власти, предъ которою склонялись остальные два политическихъ фактора римской общественной жизни—народъ и царь. Неограниченная въ принципѣ, власть послѣдняго выражалась въ совѣщательной функціи сената, которая блѣднѣла предъ законодательными его правами и поддерживалась, главнымъ образомъ, аналогичнымъ древнѣйшимъ римскимъ обычаемъ совѣтываться во всѣхъ важнѣйшихъ случахъ семейной и общественной жизни съ извѣстными, компетентными въ дѣлѣ лицами [6]). Можно думать, что самый этотъ обы-

1) Karlowa, 46—47. 2) Willems, II t., 58—59 p., Madwig, 88 s., Karlowa, ibidem, 3—4) Willems, II t., 61 p. и 68 p. 5) Спенсеръ: „Развитіе политич. учрежденій“, 172 с. 6) Mommsen: „Römisches Staatsrecht“, Leipzig, 1876, I B., 293 s., Willems, II t., 121 p.

чай имѣлъ нѣкоторую внутреннюю связь съ исконнымъ и продолжительнымъ господствомъ въ Римѣ аристократіи. Еще о Ромулѣ Діонисій Галикарнасскій разсказываетъ, что онъ возбудилъ ненависть патриціевъ тѣмъ, что осудилъ на смерть одного изъ знатныхъ преступниковъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись. Титъ Ливій также порицаетъ Тарквинія Приска за то, что онъ не спрашивалъ ни у кого совѣта при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ [1]). Въ силу традиціоннаго и обязательнаго для царя обычая совѣщаться объ административныхъ дѣлахъ съ патриціями сенатъ выступалъ въ роли только совѣщательнаго учрежденія при царѣ, который созывалъ его по мѣрѣ надобности и могъ слѣдовать или же отвергать совѣты сенаторовъ относительно тѣхъ или другихъ мѣръ въ управленіи [2]). Въ дѣйствительности, однако, мнѣнія сената оказывались во многихъ случаяхъ обязательными для короля, такъ какъ сенатъ имѣлъ право кассировать предложенія, внесенныя королемъ въ народныя собранія [3]). Сенатъ подавалъ царю совѣты по всѣмъ важнымъ дѣламъ,—религіознымъ, финансовымъ и иностраннымъ вопросамъ [4]), рѣшеніе которыхъ, такимъ образомъ, зависѣло въ сущности отъ сената же. Изъ этого права сената выражать свои мнѣнія царю въ административныхъ дѣлахъ вытекла вся полнота его власти въ позднѣйшую, республиканскую эпоху [5]).

Царская власть была уничтожена въ Римѣ въ 509 г. до Р. Хр., послѣ того, какъ послѣдній ея представитель, Тарквиній Гордый управлялъ самовластно безъ помощи патриціевъ и притѣснялъ народъ [6]). Сущность этого переворота состояла въ томъ, что административныя права царской власти и исполнительная власть царей были переданы двумъ консу-

---

1) Bernhöft, ibidem, 307 s. 2) Mommsen: „Romische Geschichte“, I B., I Abth. 82 s., Петровъ, 204 с. 3) Mommsen, ibidem, 81 s. 4) Willems, II t., 124 p., Filon, 13—15 p. 5) Mommsen, 82 s. 6) Ranke, II, 1, 35 s., Mommsen, 240 s., M. de la Croix: „Constitutions des principaux états de l'Europe“, Paris, 1793, I t., 3 p.

ламъ, ежегодно избираемымъ въ центуріатскихъ комиціяхъ изъ патриціевъ [1]): должность консуловъ принадлежала къ патриціанскимъ магистратурамъ, которымъ однимъ принадлежало jus auspiciorum [2]). Удвоеніе числа высшихъ представителей исполнительной власти и краткій годичный срокъ ихъ пребыванія въ должности обезпечили власть родовой аристократіи; консулы сдерживали другъ друга въ злоупотребленіяхъ властью и, кромѣ того, оба они могли быть по окончаніи срока своей службы привлечены къ отвѣтственности предъ народомъ за свои дѣйствія [3]). Отдѣльные консулы не были въ состояніи сопротивляться замкнутой фалангѣ патриціевъ, твердо отстаивавшихъ свои интересы [4]). Патриціи удерживали власть въ своихъ рукахъ еще и тѣмъ, что только изъ ихъ среды избирались interrex и диктаторы [5]). Низверженіе монархіи уменьшило права куріатскихъ комицій и, наоборотъ, расширило политическое значеніе комицій центуріатскихъ, въ которыхъ патриціи обладали большинствомъ голосовъ, какъ богатые поземельные владѣтели, имѣющіе въ comitia centuriata большее количество центурій [6]). Въ этихъ комиціяхъ разсматривались законопроэкты и уголовныя дѣла и избирались высшіе магистраты (консулы, преторы и цензоры) и, притомъ, преимущественно изъ кандидатовъ, представляемыхъ сенатомъ [7]). Въ рукахъ патриціевъ была магистратура и жреческая должность rex sacrificulus'a, замѣнившаго царя при исполненіи религіозныхъ церемоній, которыми сопровождались многіе акты дѣятельности органовъ публичной власти [8]). Наконецъ, и сенатъ остался исключительно патриціанскимъ корпусомъ въ теченіе всего перваго вѣка республики. Его политическое значеніе даже увеличилось

---

1) Karlowa, 861 s., Виллэмсъ: „Римское госуд. право", I в., 282 с. 2) Виллемсъ, ibidem, 262—263 с. 3) Karlowa, 86 s., Петровъ, 211 с. 4) Mommsen, 264 s., Karlowa, 97 s. 5) Karlowa, 91 s. 6) Mommsen, 258 и 267 s., Weber, III B., 71 s. 7) Madwig, 226—228 s., Weber, 72 s. 8) Willems, I t., 42—43 p.

вслѣдствіе того, что онъ былъ постояннымъ учрежденіемъ, состоящимъ изъ опытныхъ въ управленіи лицъ, между тѣмъ какъ консулы, смѣняемые ежегодно, не могли имѣть прочнаго вліянія на управленіе [1]). Въ продолженіе вѣковой борьбы между патриціями и плебеями (въ первомъ вѣкѣ республики) сенатъ всегда являлся органомъ патриціата, никогда не игралъ роли примирителя между партіями, что было бы неизбѣжно, если бы въ немъ были представители обѣихъ враждебныхъ политическихъ партій [2]).

Весь этотъ рядъ историческихъ данныхъ даетъ намъ право заключить, что уничтоженіе царской власти въ Римѣ не только не повело къ уменьшенію политическихъ правъ патриціата, но даже увеличило ихъ еще болѣе, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Самое изгнаніе римскихъ царей было дѣломъ патриціата, который не могъ допустить систематическаго разрушенія царями своего могущества. Плебеи ничего не выиграли отъ перемѣны формы правленія [3]). Даже плебейскіе трибуны, обязанные покровительствовать плебею противъ imperium патриціанскихъ консуловъ, не имѣли сначала доступа въ сенатъ, оставшійся исключительно патриціанскимъ до 400 г. до Р. Хр., когда впервые упоминается у Т. Ливія о первомъ сенаторѣ изъ плебеевъ [4]). Сенаторы же, избранные первыми консулами, Брутомъ и Валеріемъ, были не плебеи [5]), а младшіе члены всадническихъ центурій; эти juniores, также патриціи, должны были пополнить въ сенатѣ ряды стараго патриціата, начинающаго въ то время вымирать [6]). Все-таки, децемвиры (451—449 до Р. Хр.) были изъ патриціевъ, задумавшихъ воспользоваться децемвиратомъ для

1) Karlowa, 88 s. 2—3) Willems, 43—44 p. 4) Виллемсъ, 1 в., 206 с., Filon, 19 p. 5) Karlowa (90 s.), Mommsen (259 s.), Madwig (125 s.) и др. романисты думаютъ, что плебеи (conscripti) были допущены въ сенатъ при этихъ консулахъ, мнѣніе, опровергаемое рядомъ, приводимымъ здѣсь нами, данныхъ о патриціанскомъ характерѣ переворота 509 г. 6) Willems, I t., 48 p., Filon, 10, Bloch, ibidem.

уничтоженія консулата и трибуната, учрежденнаго въ 494 г. до Р. Хр. Попытка эта окончилась, однако, низверженіемъ децемвировъ и возстановленіемъ консульства и института народныхъ трибуновъ, которые получили съ этого времени право останавливать рѣшенія сената [1]). Но плебеи были допущены въ сенатъ только послѣ учрежденія военнаго трибуната въ 444 г. до Р. Хр., фактически съ 400 г., когда въ должность трибуновъ были избраны плебеи, сдѣлавшіеся въ силу этого факта членами сената [2]): осуществленіе курульныхъ магистратуръ (диктатуры, консульства, трибуната и др.) вело за собою право засѣдать въ сенатѣ и оставаться въ немъ и послѣ окончанія срока должности [3]). Но плебеи—трибуны, хотя и боролись съ патриціями за права плебса, въ тоже время не переставали поддерживать новую аристократію республиканской эпохи и сами обыкновенно принадлежали къ знати [4]).

На исторіи сената въ республиканскую эпоху, измѣненіяхъ его состава отражаются различные фазисы борьбы между патриціями и плебеями. Но сенатъ остается аристократическимъ почти до конца республики вслѣдствіе того, что въ обществѣ преобладаетъ высшій классъ, аристократія [5]). Эта послѣдняя постепенно теряетъ характеръ древняго родоваго, замкнутаго сословія (патриціата), допускаетъ въ свои ряды виднѣйшихъ и богатѣйшихъ представителей плебейской аристократіи [6]). Законныя политическія привиллегіи старинной знати не были уничтожены въ Римѣ, потому что послѣ того, какъ исчезли исключительныя привиллегіи стараго патриціата, въ Римѣ образовалась новая, служебная знать, которая смотрѣла на занятіе высшихъ государственыхъ должностей, какъ на свое неотъемлемое право [7]). Пожизненный

1) Karlowa, 103, Виллемсъ, I в., 299 с., Виллемсъ, I, 298—299 с., Петровъ, 214—215 с. 2—3) Willems: „Le Senat de le republique romaine“ I t., 60 и 49 p. 4) Coulanges, I t, 234 p. 5) См. ниже. 6) Петровъ, 213—217 с. 7) Фриманъ: „Сравнительная политика“, 165—167 с.

санъ сенатора для каждаго плебея, назначаемаго въ курульную должность, какъ и самое отправленіе обязанностей курульныхъ магистратовъ, сообщали блескъ всей плебейской фамиліи, которая дѣлалась благородною (nobilis), если ея члены послѣдовательно занимали такія высокія должности въ республикѣ. Этотъ новый классъ получилъ привиллегированное положеніе въ обществѣ, равное съ прежнею, родовитою знатью, послѣ допущенія плебса къ консульству (по Lex Licinia въ 367 г. до Р. Хр.) и другимъ высшимъ должностямъ республики (въ исходѣ IV ст. до Р. Хр.), полной политической равноправности плебса съ патриціями [1]). Вслѣдствіе тѣсной связи между членами, возникшаго вновь, общественнаго класса, взаимной помощи ихъ другъ другу, его богатства и обычнаго уваженія римскаго народа къ своей аристократіи рядъ такихъ благородныхъ фамилій образовалъ въ республикѣ благородное сословіе (Nobilitas, Optimates), обладающее важными политическими и многими почетными правами [2]). Nobiles слились съ патриціями (312—216 г. до Р. Хр.) въ нѣдрахъ самого сената [3]), гдѣ они заняли мѣста выше простыхъ сенаторовъ [4]). Ниже ordo senatorius, наслѣдственнаго и богатаго класса гражданъ, изъ котораго избирались высшіе магистраты, стоялъ ordo equester,—члены 18 всадническихъ центурій, изъ среды которыхъ во всю республиканскую эпоху избирались сенаторы для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ въ сенатѣ [5]). Ordo equester замыкалось аристократическое сословіе республики, обладавшее большими богатствами in agris publicis [6]). Въ образовавшейся такъ денежной и чиновничьей, патриціанско-плебейской аристократіи исчезли скоро всякіе поводы къ враждѣ, какъ только

---

1) Mommsen, I, 1, 308 s., Madwig, 185 p., Виллемсъ, I, 131—132 с. 2) Madwig, 186—187 s., Виллемсъ, I, 132—133 с. 3) Willems, I t., 129 и 282 p., Mommsen, 793—796 s., 4) Coulanges, 232 p. 5) Naudet, 41 p. et suiv., Willems, I t., 194—195 p. 6) Coulanges, 260—261 p.

произошло примиреніе сословій въ римской республикѣ (въ концѣ IV вѣка до Р. Хр. по законамъ Лицинія, Огульнія и Публилія) и интересы патриціевъ и плебеевъ сдѣлались общими. Новый привиллегированный классъ, служебная знать, возвысился теперь надъ массою народа, обладая политическими правами прежней родовой знати [1]). Сообразно такому выдающемуся значенію аристократіи въ періодъ республики сенатъ отличался преобладающимъ аристократическимъ характеромъ [2]). При всемъ своемъ, повидимому, скромномъ положеніи только вспомогательной корпораціи при магистратахъ (consilium publicum) сенатъ фактически занималъ высшее мѣсто въ управленіи республики, такъ что отъ него зависѣли и сами магистраты [3]). Раздѣленіе исполнительной власти между многими магистратами и краткій (годичный) срокъ отправленія ими своихъ должностныхъ обязанностей въ связи съ отвѣтственностью ихъ предъ народомъ должны были уменьшать политическое значеніе магистратуры и увеличивать, наоборотъ, роль въ управленіи сената, какъ постояннаго и многочисленнаго учрежденія, состоящаго изъ богатыхъ, вліятельныхъ въ обществѣ и заслуженныхъ лицъ, пожизненно отправляющихъ свою должность [4]). Большое значеніе въ государствѣ сената увеличивалось еще и тѣмъ, что онъ контролировалъ все управленіе и сохранялъ въ немъ единство [5]). Въ аристократическомъ составѣ сената въ эпоху римской республики можно видѣть причину необыкновеннаго дѣйствительнаго его политическаго значенія въ это время [6]) хотя de jure, онъ былъ только „совѣщательнымъ учрежденіемъ“ [7]). Отъ V до II в. до Р. Хр. вліяніе сената на государствен-

---

1) Karlowa, 341 s. 2) Karlowa, 373 s., Петровъ, 232—233 с. 3) Willems, II t., 226 p. et suiv., Karlowa, 373 s., Виллемсъ, I в., 234 с. 4) Madwig, 280—282 s., Willems, I t., 184—200 p., Filon, 32, 36 и 38 p. 5) Karlowa, 373 c. 6) Willems, II t., 237 p., Karlowa, ibidem, Weber, III, 69 s., Виллемсъ, I в., 234 с. 7) Виллемсъ, I в., 233 с.

ныя дѣла увеличивалось постепенно и съ начала II вѣка и до реформъ Гракховъ (133 г. до Р. Хр.), въ наиболѣе блестящій періодъ римской республики, когда Римъ сдѣлался всемірнымъ государствомъ, а nobilitas властвовала надъ всѣмъ управленіемъ [1]), сенатъ сталъ центромъ политическаго вліянія знати и всего государственнаго управленія. Сенату при республикѣ принадлежали обширныя права какъ относительно законодательства, такъ и управленія и даже суда [2]). Попрежнему сенатъ назначалъ изъ своей среды interrex'а [3]) и—диктатора, должность котораго возникла только при республикѣ [4]) и служила въ рукахъ аристократіи средствомъ противъ демократіи [5]). Участіе сената въ законодательствѣ выражалось въ patrum auctoritas, которая до начала IV ст. до Р. Хр. была санкціей законовъ, вотированныхъ въ куріатскихъ, центуріатскихъ и трибутскихъ комиціяхъ, плебисцитовъ и выборовъ магистратовъ въ послѣднихъ, а въ 359 г. по lex Publicia и въ 292 г. по lex Maenia сдѣлалась предварительною по отношенію къ законамъ и выборамъ [6]). Но эта реформа, имѣвшая, повидимому, демократическій характеръ, была въ сущности полезна для расширенія политическаго вліянія сената, который теперь разсматривалъ предварительно всѣ законодательные проэкты и листы кандидатовъ въ магистраты, такъ что безъ согласія сената не могъ быть предложенъ консуломъ или трибуномъ народу въ комиціяхъ ни одинъ законъ и не могъ быть избранъ въ центуріатскихъ комиціяхъ ни одинъ магистратъ [7]). Lex Hortensia (286 г. до Р. Хр.) уничтожилъ patrum auctoritas для плебисцитовъ и трибутскихъ законовъ, но оставилъ ее для куріатскихъ и центуріатскихъ законовъ и выборовъ въ центуріатскихъ комиціяхъ, хотя по

---

1) Willems, I t, 303, 307 p. 2) Mommsen, I, 320 s. 3) Willems, II, 20 p. et suiv. 4) Mommsen, I, 1, 320 s., Willems 239 p. et suiv, Виллемсъ, I вып., 289 с. 5) Зайцевъ, 566 с. 6) Willems, II, 69—72, 83 и 85 р. 7) Madwig, 296—297 s., Mommsen, 320 s., Willems, 73—74 p.

общему правилу и послѣ этого времени законопроэкты до предложенія народу были вносимы ихъ авторами въ сенатъ [1]). Въ послѣдніе три вѣка республики patrum auctoritas сливается съ senatusconsultum, предшествующимъ выборамъ магистратовъ и изданію законовъ [2]). Юридическое освобожденіе плебисцитовъ и трибутскихъ законовъ изъ подъ дѣйствія предварительной patrum auctoritas сената открыло въ римскомъ управленіи широкую дорогу дуализму, который былъ погубенъ для римской республи: плебисциты сдѣлались въ рукахъ трибуновъ могущественнымъ оружіемъ противъ традиціонныхъ правъ сената, вопреки волѣ котораго они нерѣдко (въ II в. до Р. Хр.) управляли римскимъ государствомъ [3]). Впрочемъ, сенатъ имѣлъ въ рукахъ цѣлый рядъ средствъ для устраненія законопроэктовъ, внесенныхъ въ народное собраніе безъ его предварительнаго согласія [4]). Въ особенныхъ случаяхъ, напримѣръ при угрожающихъ государству опасностяхъ, сенату принадлежала экстраординарная власть, неограниченная никакими законами [5]). Сенатъ имѣлъ также право кассировать въ извѣстныхъ случаяхъ законы, отрѣшать гражданъ отъ обязательнаго повиновенія имъ, ограничивать дѣятельность магистратовъ или даже совсѣмъ прекращать ее [6]).

Сенатъ не былъ въ послѣдніе три вѣка республики de jure законодательнымъ учрежденіемъ: senatusconsult'ы не имѣли силы законовъ, были только мнѣніями сената, исполненіе которыхъ зависѣло отъ imperium et potestas магистратовъ [7]). За то высшіе магистраты не могли управлять государствомъ безъ содѣйствія сената: mos majorum предписывалъ имъ совѣщаться съ сенатомъ во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ и собразоваться съ мнѣніемъ сената въ своей административной дѣятельности (въ религіозныхъ

1—2) Willems, 92 p. et suiv., Виллемсъ, I в., 198—201 с. 3) Willems, II, 103 p. 4) Mommsen, ibidem. 5) Madwig, 301 s. 6) Karlowa, 377 s., Madwig, 303—304 s., Willems, II, 116—117 p. 7) Willems. 114—115 p.

дѣлахъ, финансовыхъ, публичныхъ работахъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлахъ, иностранныхъ, военныхъ, дѣлахъ колоній и провинцій)[1]). Обширность и полнота административной власти вознаграждали сенатъ за потерю его непосредственнаго вліянія на законодательство: сенатъ былъ при республикѣ дѣйствительнымъ центромъ всего управленія, между тѣмъ какъ высшіе магистраты (консулы, диктаторы, префекты и др.) обыкновенно довольствовались почетнымъ мѣстомъ президента въ сенатѣ (princips'a) и на самомъ дѣлѣ были только его коммиссарами, органами сената въ исполненіи senatusconsult'овъ[2]). Вліяніе сената простиралось на дѣятельность магистратовъ даже и тогда, когда они дѣйствовали въ провинціяхъ, повидимому, совершенно самостоятельно. Сенатъ обыкновенно отправлялъ своихъ членовъ для наблюденія за дѣятельностью полководцевъ, которые обязаны были слѣдовать мнѣнію сенатскихъ депутатовъ. Провинціальные магистраты также должны были въ важныхъ случаяхъ приглашать для совѣщаній всѣхъ лицъ сенатскаго званія, находящихся въ провинціяхъ[3]). Сенатъ оставался даже до II в. до Х. Хр. цитаделью аристократическихъ фамилій (оптиматовъ), которыя раздѣлили между собою важнѣйшія должности въ государствѣ, пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ для ослабленія правъ народнаго собранія и стремились къ тому, чтобы овладѣть всею властью и сдѣлать изъ римскаго государства настоящую олигархію[4]). Такъ послѣ длиннаго ряда ожесточенныхъ столкновеній между аристократіей и народомъ во 2-й половинѣ II вѣка (при народныхъ трибунахъ: Гракхахъ и Сатуриинѣ) въ диктаторство Суллы аристократическая партія взяла верхъ надъ демократическими элементами обще-

---

1) Willems, „Senat de la republique romaine", II, livr. III, 121—712 p., Madwig, 286—296 s., Mommsen, 321 s., Karlowa, 373—377 s., Filon, 25—27 p. 2) Mommsen: „Romische Geschichte" I, 1, 321 s. 3) Mommsen: Romische Staatsrecht", I B., 298 и 301 s. 4) Filon, 42—43 p., Петровъ, I, 234 c.

ства. Сулла, желая обезпечить перевѣсъ въ управленіи оптиматамъ, возстановилъ patrum auctoritas сената, уничтоженную lex Hortensia [1]). Торжество аристократической партіи было упрочено Суллой изданіемъ корнеліевыхъ законовъ, (88 г. до Р. Хр.), по которымъ въ сенатѣ были сосредоточены все законодательство, администрація, судопроизводство и военная власть [2]). Но уже въ 70 г. до Р. Хр. плебисциты и законы трибутскихъ комицій по lex Licinia Pompeia опять стали предлагаться и вотироваться въ народныхъ собраніяхъ безъ согласія и даже вопреки мнѣнію сената [3]). Вмѣстѣ съ упадкомъ общественнаго и политическаго вліянія аристократіи послѣ смерти Суллы въ римской республикѣ начинаетъ увеличиваться политическая власть отдѣльныхъ полководцевъ, которая при Юліи Цезарѣ достигаетъ такого преобладающаго значенія, что предъ нимъ должны были преклониться весь народъ, магистраты и сенатъ съ составляющими его аристократами. Цезарь сдѣлался всемогущимъ въ государствѣ и низвелъ сенатъ на степень простого совѣта, покорнаго велѣніямъ своего повелителя, которому самъ же уничтоженный сенатъ поднесъ послѣ побѣды надъ республиканцами титулъ неотвѣтственнаго и пожизненнаго диктатора [4]). Старая, олигаргическая партія пала на поляхъ Фарсальскихъ (48 г. до Р. Хр.) и ея побѣдитель, Цезарь основалъ вмѣсто нея новое, чисто монархическое дворянство, вполнѣ зависѣвшее отъ демократическаго монарха и политически совершенно ничтожное [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Цезарь ввелъ въ сенатъ массу лицъ военнаго сословія и чрезмѣрно увеличилъ число сенаторовъ (до 900) [6]). Изъ прежняго аристократическаго учрежденія, бывшаго представителемъ интересовъ знати, сенатъ

---

1) Ranke, II, 2, 104—10', 132 s. und folg., Willems, II, 104--105 p. 2) Madwig, 218 s., Mommsen: „Romische Geschichte“, II, 352—354 и 362 s., Filon, 47—48 p., Петровъ, I, 240 c. 3) Willems, Madwig, ibidem. 4) Willems, II, 721—739 p., Filon, 52 p., Ranke, ibidem, 313—314 s , Петровъ, 249—250 c. 5) Mommsen, III B., 486—487 s. 6) Filon, 53 p., Mommsen. 488 s.

сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Цезаря, превратился въ чисто совѣщательное при немъ учрежденіе, похожее по формѣ на царскій совѣтъ старой монархіи, но только необладающее законодательными правами сената при древне-римскихъ царяхъ [1]). Однако, аристократическія традиціи были еще слишкомъ живы въ римскомъ народѣ, привыкшемъ издавна видѣть въ сенатѣ органъ аристократіи и всесильнаго распорядителя судьбою Рима. Цезарь не рѣшился уничтожить совсѣмъ старую аристократію и даже самъ создалъ нѣсколько новыхъ патриціанскихъ фамилій [2]). Диктаторъ не отнялъ у сената и всѣхъ его привиллегій; такъ онъ оставилъ ему право суда надъ сенаторами и членами всадническаго сословія [3]). Но эти мѣры не могли возвратить прежняго политическаго авторитета ни римской аристократіи, ни ея органу—сенату, трепетавшихъ за свою участь предъ могущественнымъ Цезаремъ. Сенатъ остался такимъ же безсильнымъ учрежденіемъ и въ періодъ втораго тріумвирата, и только во время отсутствія изъ Рима Антонія и борьбы его съ Октавіаномъ сенатъ на короткое время занялъ прежнее, первенствующее мѣсто въ управленіи [4]).

Побѣда Октавія надъ Антоніемъ (при Акціумѣ въ 32 г. до Р. Хр.) положила начало новой эпохѣ въ исторіи римскаго государства—***римской имперіи***. Первые три вѣка ея (до конца III ст. послѣ Р. Хр.) извѣстны подъ именемъ принципата, характерною чертою котораго было видимое внѣшнее сохраненіе политическихъ учрежденій республики при вполнѣ абсолютной власти princeps'овъ сената, отъ Августа и до Діоклетіана (284 г. по Р. Хр.) [5]). Во главѣ общества вмѣсто вымирающаго нобилитета за время принципата и въ продолженіе всего остальнаго періода имперіи стояло сена-

1) Mommsen, ibidem. 2) Mommsen, ibidem, Filon, ibidem. 3) Filon, ibidem. 4) Willems, II, 743—745, 751—757 и 765 p. 5) Madwig, 526—528 s., Karlowa, 822 s, Петровъ 257 с.

торское сословіе, возникшее легально при Августѣ; изъ этого сословія преимущественно выходили члены сената [1]) Вторую ступень соціальной лѣстницы занимало сословіе всадниковъ, принадлежавшее также къ аристократіи [2]). Члены этого сословія были избранною частью гражданъ, богатые люди, надѣленные политическими правами. Сословіе всадниковъ при имперіи составляло родъ рыцарской знати, аристократической по своимъ наслѣдственнымъ привиллегіямъ [3]). Рангъ и титулы сенаторскаго и всадническаго сословія передавались по наслѣдству; ихъ права сообщались даже семьямъ обоихъ сословій. Princeps или императоръ назначалъ высшихъ магистратовъ и въ числѣ ихъ членовъ сената изъ среды названныхъ высшихъ классовъ, въ семьяхъ которыхъ магистратуры были почти наслѣдственны. Управленіе провинціями имперіи и арміей было также сохранено за знатью,—сенаторами и всадниками [4]). Члены сенаторскаго сословія имѣли сенаторскій рангъ, не состоя членами сената, и въ IV в. по Р. Хр., когда всадническое сословіе почти исчезло, остался только одинъ родъ знати—сенаторское сословіе, которое было до конца имперіи представителемъ крупнаго поземельнаго владѣнія въ странѣ. Эта поземельная аристократія не была равнодушна къ политическимъ дѣламъ, отъ которыхъ она и не была удаляема римскими императорами, управлявшими государствомъ при ея посредствѣ [5]). Но политическія права этой аристократіи императорской эпохи римской исторіи рѣзко отличались отъ ея независимаго и самостоятельнаго положенія въ римскомъ республиканскомъ обществѣ. Признаніе за нею извѣстной доли участія въ управленіи всецѣло зависитъ теперь отъ милости и усмотрѣнія сначала принцепса, а потомъ императора. При всемъ ка-

---

1—2) Виллемсъ, II в., 455—458 и 448 с. 3) Naudet, 65—95 p., Виллемсъ, II в., 447—462 с. 4) Coulanges, ibidem, 238—241 и 270 p. 5) Karlowa, 525 s., Coulanges, 245—246, 260 и 271 p.

жущемся сохраненіи республиканскихъ учрежденій во время принципата, когда видимымъ источникомъ власти были народъ и сенатъ, поручавшіе высшее управленіе государствомъ уважаемому и богатому гражданину—принцепсу, въ государствѣ фактически господствовала только воля этого послѣдняго и оно было чисто монархическимъ [1]). Исходной точкой развитія власти принцепса и императора былъ все тотъ же исконный принципъ римскаго публичнаго права, по которому авторитетъ главы государства былъ делегаціей абсолютной власти римскаго народа и государства. Этотъ принципъ проявлялся одинаково во всѣ періоды римской исторіи: въ царскій, республиканскій и императорскій; различіе было только въ формѣ его выраженія, въ томъ, что въ царскую эпоху исполнительная власть принадлежала царю, при республикѣ—многочисленнымъ магистратамъ, а при имперіи—одному лицу [2]). Но римская имперія развивается еще изъ фактическаго состоянія, изъ чувствуемой всѣмъ обществомъ необходимости крѣпкой, центральной исполнительной власти и, благодаря своему военному характеру, превращается въ абсолютную монархію уже во время принципата. Такъ называемый lex de imperio (при Веспасіанѣ) надѣляетъ принцепса исключительными правами въ сферѣ военной, административной и судебной власти [3]), но не вручаетъ ему прямо власть законодательную [4]), которая во время принципата была отнята у комицій и передана сенату [5]). Послѣдній становится, повидимому, главнымъ, центральнымъ учрежденіемъ въ имперіи. При Августѣ и Тиберіи сенатъ дѣлается „законодательной палатой римской имперіи“. Senatusconcult'ы получаютъ силу закона и имѣютъ отношеніе ко всѣмъ отраслямъ управленія, центральнаго и провинціальнаго. Сенатъ обладаетъ

1) Madwig, 527—530 s. 2) Coulanges, 66—75 p. 3) Karlowa, 496—500 s., Ranke, III, 1, 240—241 s. 4) Coulanges, 73—78 p., Filon, 80 p. 5) Виллемсъ, II в., 515 с.

правомъ отмѣнять прежніе законы и становится также высшимъ избирательнымъ собраніемъ [1]); ему жалуются разныя другія привиллегіи и иммунитеты. Тиберій даетъ сенату послѣ уничтоженія избирательныхъ комицій право назначать магистратовъ [2]). Въ сенатѣ разсматриваются всѣ дѣла, публичныя и частныя [3]).

Такимъ образомъ, въ теченіе всего перваго вѣка принципата и въ началѣ втораго сенатъ обладалъ всѣми правами власти и былъ необходимымъ ближайшимъ помощникомъ princeps'а въ управленіи государствомъ [4]). Такое вліятельное и почетное положеніе сената обращало на себя вниманіе многихъ римскихъ и новѣйшихъ писателей, въ глазахъ которыхъ онъ былъ „публичнымъ совѣтомъ имперіи". Такъ по словамъ Тацита, „сенаторы и всадники послѣ убійства Гальбы и во время усобицы между Оттономъ и Вителліемъ были не чужды участія въ государственныхъ дѣлахъ" [5]). Юрисконсульты не перестаютъ разсматривать сенатъ, какъ истинный источникъ законодательства [6]). Сами принцепсы относились къ сенату съ полнымъ уваженіемъ, присутствовали часто при его засѣданіяхъ въ качествѣ простыхъ членовъ и выдавали свою власть за порученіе отъ сената [7]). Августъ дѣлалъ все въ государствѣ именемъ сената и народа и называлъ себя только princeps'омъ сената [8]). При Тиберіи центръ управленія лежитъ въ сенатѣ, который имѣлъ при немъ право облекать въ легальную форму волю princeps'а. При Веспасіанѣ, не смотря на lex de imperio, сенатъ былъ признанъ, какъ самостоятельная сила въ управленіи. Нерва и Тацитъ были избраны сенатомъ въ принцепсы. Цезарь Пробъ называетъ сенатъ „господиномъ міра" и признаетъ за нимъ высшій по-

1) Karlowa, 518 s., Виллемсъ, II, 525—526 с. 2) Тацитъ: „Лѣтопись" (II т. сочиненій Тацита, пер. Модестова, Спб., 1887 г.), I кн. гл., 15. 3) Filon, 61—67 p. 4) Madwig, 561 s. 5) Тацитъ: „Исторіи" (I т. сочиненій), I кн., 50 гл. 6) Coulanges, 241 p. 7) Filon, 64 p. 8) Петровъ, 255 с.

литическій авторитетъ. Антонинъ вышелъ изъ среды самого сената и относился къ сенаторамъ, какъ и его предшественники, Траянъ и Гадріанъ, съ необычайнымъ уваженіемъ [1]). Но при всѣхъ этихъ знакахъ высокаго политическаго значенія сената во время принципата всѣ его права имѣли измѣнчивый, случайный характеръ, зависѣли отъ благосклонности къ нему принцепсовъ, или точнѣе, отъ лицемѣрной ихъ политики, желанія прикрыть республиканскими формами свои властолюбивыя стремленія къ неограниченной власти [2]). Съ этою цѣлью принцепсы выдавали сенатъ за представителя народа и надѣляли его разными функціями власти, которая въ сущности принадлежала имъ самимъ [3]). Фактически сенатъ былъ только органомъ воли принцепса и составлялся изъ лицъ, ему угодныхъ. Между компетенціей сената и принцепса не было проведено никакихъ границъ и предложенія принцепсовъ въ сенатѣ (orationes) не встрѣчали здѣсь никакого противодѣйствія. На ряду съ senatusconsult'ами съ законодательной силой получаютъ скоро важное значеніе эдикты, а потомъ constitutiones principum, которые съ середины II ст. оттѣсняютъ на задній планъ законодательныя рѣшенія сената. Принцепсы постоянно вмѣшиваются въ судебную дѣятельность сената [4]), не говоря уже объ административной его власти, которая цѣликомъ перешла къ принцепсу [5]). Необходимо еще замѣтить, что видимая полнота власти сената въ эпоху принципата не вяжется совершенно съ тѣмъ постояннымъ страхомъ, унизительнымъ раболѣпствомъ и лестью, какую сенатъ выказывалъ при всякомъ удобномъ случаѣ предъ принцепсами (Тиберіемъ, Нерономъ и др.) [6]).

---

1) Ranke, II, 1, стр.: 65, 241, 274, 289, 297, 299, 459 и 462, Filon, 65—85 и 98—99 p. 2) Петровъ, 254—260 с. 3) Karlowa, 491—494 и 518 s. 4) Madwig, 561 s., Виллемсъ, II в., 526 с. 5) Виллемсъ, 530, 653—656 с. 6) Тацитъ: „Лѣтопись“, I кн., 2, 7, 11 и 14 гл., III кн., 17—18 гл., 41, 51 и 65 гл., IV кн., 72 гл., XIV кн., 12 гл., XV кн., 23 гл.; „Исторія“, I кн., 45 гл., III кн., 37 гл.

Многіе принцепсы (Неронъ, Домиціанъ и др.) не считаютъ нужнымъ скрывать, что они ставятъ свою волю выше сената, или же относились къ нему прямо съ ненавистью, презрѣніемъ и поступали въ разныхъ дѣлахъ, какъ было имъ угодно [1]). По мѣрѣ увеличенія власти принцепсовъ шло ослабленіе и власти сената, пока наконецъ въ концѣ IV в. онъ не потерялъ всякое значеніе въ общемъ управленіи государствомъ и сдѣлался муниципальнымъ учрежденіемъ города Рима [2]).

Паденіе политическаго значенія сената, какъ аристократическаго института, находившееся въ связи съ постепеннымъ усиленіемъ монархической власти въ римскомъ государствѣ, шло рука объ руку съ возвышеніемъ въ немъ совѣта принцепса (consilium principis), который появился въ первый же моментъ образованія принципата, при Августѣ [3]). Принцепсы воспользовались для учрежденія такого совѣта, какъ необходимаго органа для осуществленія ихъ воли, традиціоннымъ римскимъ обычаемъ магистратовъ спрашивать въ важныхъ дѣлахъ мнѣнія у компетентныхъ совѣтниковъ [4]). Consilium principis начинаетъ пріобрѣтать большую важность въ управленіи вмѣстѣ съ развитіемъ власти принцепсовъ, и изъ учрежденія, въ которомъ разсматривались сначала одни частныя дѣла, становится потомъ мѣстомъ, гдѣ разрѣшаются и различные трудные вопросы о примѣненіи и толкованіи законовъ. Какъ интерпретаторъ законовъ и высшій регуляторъ правильнаго хода судопроизводства, совѣтъ принцепса занимаетъ самостоятельное мѣсто около сената, возвышается потомъ надъ нимъ и замѣняетъ сенатъ вполнѣ въ тотъ моментъ, когда принципатъ превращается формаль-

1) Ranke, 259, 373, 346, Coulanges, 242 p. 2) Willems, Senat, II, 688 p., Madwig, 574 s., Filon, 103—104 p. 3) Cuq: „Le conseil des empereurs d'Auguste á Dioclétien", Paris, 1884, 311 p., Karlowa, 546 s., Madwig, 571 s., Filon, 60 p. 4) Mommsen: „Romische Staatsrecht", II, 2, 948, Cuq, 315, Karlowa, ibidem.

но въ имперію и императоръ дѣлается единственнымъ источникомъ всякой справедливости и законодательства (въ концѣ IV в., при Константинѣ Великомъ). Принцепсы, а потомъ императоры предпочитали совѣтъ, составленный изъ лицъ, имъ преданныхъ, сенату—собранію людей, болѣе или менѣе самостоятельныхъ и независимыхъ отъ нихъ, и явно стремились къ тому, чтобы замѣнить сенатъ своимъ совѣтомъ, къ которому должны были перейти все вліяніе и права сената [1]). Но это намѣреніе принцепсовъ не могло осуществиться сразу, а только постепенно, вмѣстѣ съ упроченіемъ правъ монархической власти въ римскомъ государствѣ. Consilium principis получилъ опредѣленную организацію при *Гадріанѣ* (117—138 по Р. Хр.), когда управленіе всемірнымъ римскимъ государствомъ сдѣлало необходимымъ созданіе массы чиновниковъ и въ лицѣ императора сконцентрировалась вся судебная власть [2]). Августъ же управлялъ съ помощью сената, который по его желанію выбиралъ на полгода пять членовъ изъ своей среды, обязанныхъ вмѣстѣ съ нѣкоторымъ числомъ магистратовъ состоять при принцепсѣ для доставленія его законодательныхъ предложеній сенату [3]). Роль въ управленіи послѣдняго уменьшилась значительно вслѣдствіе учрежденія такой постоянной коммиссіи, въ которой каждый законопроэктъ былъ тщательно обрабатываемъ и уже принятъ наиболѣе вліятельными членами сената, входящими въ составъ коммиссіи [4]). Въ послѣдніе годы правленія Августа были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ составѣ и функціяхъ совѣта. Въ него вошли, кромѣ его сына, внуковъ, консуловъ, 20 членовъ сената, назначенныхъ на годъ по жребію, и граждане, опредѣляемые въ совѣтъ принцепсомъ. Рѣшенія этого, по выраженію Моммзена, „тѣснаго совѣта“ [5]) имѣли силу

1) Cuq, 314—316 p. 2) Karlowa, 546 s., Filon, 83 p., Mommsen, 949 s., Cuq, 317 p., Ranke, III, 1, 289 s. 3) Mommsen, 865 s., Filon, 61 p 4) Cuq, 3 8 p., Karlowa, 523 s. 5) Mommsen, ibidem.

рѣшеній цѣлаго сената [1]) и были для него обязательны [2]). Cons. principis сдѣлался, такимъ образомъ, постояннымъ учрежденіемъ при Августѣ, который „началъ стягивать къ себѣ права сената, правительственныхъ лицъ, и законы, не встрѣчая ни въ комъ себѣ противодѣйствія“ [3]). Тиберій организовалъ постоянный совѣтъ, въ который были призваны, кромѣ его друзей, 20 высокопоставленныхъ лицъ изъ сословія сенаторовъ и всадниковъ [4]). При Калигулѣ cons. principis не существовалъ, вслѣдствіе чего сенатъ пріобрѣлъ большое вліяніе на управленіе, хотя его положеніе и было неопредѣленно и шатко при этомъ „капризномъ и жестокомъ“ принцепсѣ [5]). Cons. principis былъ снова возстановленъ при Клавдіи и по предложеніямъ совѣта были вотированы въ сенатѣ нѣкоторые едикты и senatusconsult'ы. Душою совѣта при Неронѣ былъ философъ Сенека, и изъ совѣта исходила въ это время иниціатива всякихъ правительственныхъ мѣръ [6]). Домиціанъ, составляя совѣтъ изъ большаго числа сенаторовъ и высшихъ магистратовъ изъ сословія всадниковъ, желалъ найти въ немъ опору противъ вліянія сената, который скоро сталъ только дрожать и безмолствовать предъ своенравнымъ повелителемъ. При Траянѣ cons. principis пріобрѣлъ такую важность, какой онъ не имѣлъ еще до сихъ поръ: считалось за особенную честь быть его членомъ. Рѣшеніями совѣта руководствовались въ своей дѣятельности магистраты; совѣтъ былъ особенно занятъ важными въ то время дѣлами о преслѣдованіи и объ осужденіи христіанъ [7]).

Такимъ образомъ, отъ Августа и до Гадріана въ римской имперіи существовало болѣе или менѣе постоянное совѣщательное учрежденіе при принцепсахъ съ извѣстными функціями; такой „тѣсный совѣтъ“ ихъ былъ отличенъ отъ случайнаго

---

1) Madwig, 570—571 s. 2) Cuq, 319 p. 3) Тацитъ: „Лѣтопись“, I кн., 2 гл. 4) Mommsen, 866 s., Madwig, ibidem, 5) Cuq, 320, Filon, 69, 6—7) Cuq, 320—326 p.

собранія фаворитовъ принцепсовъ по отдѣльнымъ случаямъ [1]). Со времени Гадріана въ основаніи cons. principis были положены опредѣленныя начала организаціи, которыя развиваются впослѣдствіи. Гадріанъ, проводившій большую часть своего времени въ путешествіяхъ по римскимъ провинціямъ, бралъ съ собою обыкновенно нѣкоторое число сенаторовъ, которые и были его ближайшими совѣтниками въ дѣлахъ управленія. При Гадріанѣ же въ совѣтъ былъ введенъ новый элементъ,— ученые юристы, которые дѣлались ординарными членами совѣта послѣ предварительнаго одобренія ихъ сенатомъ. Группируя въ своемъ совѣтѣ знаменитыхъ юрисконсультовъ своего времени, Гадріанъ тѣмъ самымъ обезпечивалъ cons. principis, какъ органу монархической власти принцепса, высшую рѣшающую роль въ спорныхъ судебныхъ дѣлахъ и въ однообразномъ способѣ примѣненія законовъ во всей имперіи [2]). Въ cons. principis Гадріана входили почти всѣ дѣла управленія. Сенатъ собирался при немъ для выбора магистратовъ или въ экстраординарныхъ случаяхъ. Сенатъ, между прочимъ, одобрилъ при Гадріанѣ edictum perpetuum, выработанный въ cons. principis его членами,—извѣстными юрисконсультами— Сальвіемъ Юліаномъ и Сервіемъ Корниліемъ [3]). Этотъ эдиктъ, установившій однообразный и неизмѣнный порядокъ судопроизводства для дѣятельности городскаго претора, ограничилъ его права и расширилъ сферу вліянія совѣта на законодательство имперіи [4]). Антонинъ Благочестивый не рѣшалъ ни одного дѣла безъ предварительнаго совѣщанія съ членами cons. principis, который продолжаетъ оставаться центромъ всего управленія и при Маркѣ Авреліѣ [5]). При Септиміѣ Северѣ принципатъ превращается въ абсолютное и военное управленіе государствомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ политическій авторитетъ сенаторскаго сословія и его органа—

1) Mommsen, ibidem, 866 s. 2—3) Cuq, 328—341 p. 4) Cuq, ibidem, Filon, ibidem. 5) Cuq, 339 p. et suiv., Filon, 86 p.

сената падаетъ окончательно. Вмѣсто него во главѣ управленія стоитъ cons. principis, который при Северѣ завѣдуетъ всѣми дѣлами управленія. Члены его—знаменитые юрисконсульты Папиніанъ, Ульпіанъ и др.—избираются императоромъ внѣ сената и пользуются привиллегіями, которыхъ не имѣютъ члены сената. Orationes principis въ сенатѣ получаютъ теперь характеръ предписаній и повелѣній принцепса [1]). Царствованіе Септимія Севера представляетъ блестящую эпоху въ исторіи совѣта, издавшаго, между прочимъ, правила для дѣятельности чиновниковъ въ имперіи. Александръ Северъ расширилъ составъ совѣта, который дѣлается при немъ совѣтомъ всей имперіи. Въ совѣтѣ засѣдаютъ 70 членовъ, въ числѣ которыхъ 20 юрисконсультовъ [2]). Совѣтъ рѣшалъ почти всѣ дѣла по управленію государствомъ [3]). Каждый изъ его членовъ долженъ былъ напередъ мотивировать свое мнѣніе [4]).

Помимо указанныхъ измѣненій въ организаціи и компетенціи consilium principis при различныхъ принцепсахъ, въ немъ постепенно сложились опредѣленныя, типическія черты устройства за время отъ Гадріана (117—138 г.) и до Діоклетіана (284—304 г.). Совѣтъ принцепса состоялъ за это время изъ постоянныхъ членовъ—юрисконсультовъ, которые занимались одними дѣлами совѣта, и временныхъ членовъ, засѣдающихъ въ немъ въ силу своей должности или по какимъ-либо другимъ основаніямъ. Такое различіе между членами совѣта установилось не ранѣе конца II в. по Р. Хр. Изъ постоянныхъ членовъ совѣта высшій ихъ классъ—consiliarii Augusti были назначаемы на неопредѣленное время, получали со времени Септимія Севера опредѣленное содержаніе и были въ числѣ придворныхъ чиновъ принцепса. Временными членами совѣта были высшія должностныя лица въ

1) Cuq, 344—345 p., Filon, 89—91 p., Петровъ, 265 с. 2) Cuq, 346 p., Mommsen, 866 s. 3) Filon, 95 p. 4) Ranke, 388 s.

государствѣ (оба префекта, консулы, преторы), присутствующія ex officio въ совѣтѣ, ближайшіе родственники принцепса, сенаторы высшихъ ранговъ и придворные чины изъ сословія всадниковъ, которые иногда играли важную роль въ совѣтѣ (напр., при Септиміи Северѣ) [1]). Предварительная подготовка дѣлъ для рѣшенія совѣта и сообщеніе послѣднихъ заинтересованнымъ сторонамъ лежали на обязанности секретарей (principales officiorum), которые назначались сначала изъ рабовъ или отпущенныхъ на волю, а потомъ (съ Гадріана) изъ римскихъ всадниковъ и, наконецъ, изъ гражданскихъ чиновниковъ [2]). Каждое отдѣленіе канцеляріи совѣта, на которыя она была раздѣлена, занималось только извѣстными дѣлами, судебными и административными, откуда объясняются и ихъ различныя названія [3]) Засѣданія совѣта происходили сначала публично, а потомъ въ особой залѣ дворца принцепса. Избранные члены совѣта сопровождали его въ путешествіяхъ [4]). Былъ установленъ опредѣленный порядокъ доклада дѣлъ въ совѣтѣ и рѣшенія ихъ здѣсь въ присутствіи принцепса или же однимъ имъ по докладу одного изъ секретарей. Инціатива и рѣшающій голосъ въ дѣлахъ всякаго рода, предлагаемыхъ принцепсомъ на разсмотрѣніе совѣта, принадлежали только ему одному. Cons. principis приготовлялъ законопроэкты, которые принцепсъ или его представитель (Quaestor) въ силу jus relationis принцепса вносили въ сенатъ для аппробаціи. Эти предложенія принцепса сенату (orationes) обыкновенно предрѣшали содержаніе, основанныхъ на нихъ, senatusconsult'овъ и со II в. совершенно ихъ замѣнили [5]). Въ *рескриптахъ*, приготовляе-

---

1) Cuq, 347—360 p., Mommsen, 949—950 s., Karlowa, 546 s., Madwig, 572 s., Виллемсъ, II в., 548 с. 2) Cuq, 361—362 p. 3) Примѣчаніе. Четыре изъ нихъ (a libellis, a studiis, a cognitionibus et ab epistolis) были назначены для административныхъ дѣлъ; два отдѣленія (a rationibus et a memoria) для судебныхъ. 4) Cuq, 402—407 p., Madwig, 571, Mommsen, ibidem. 5) Cuq, 424 p., Madwig, 563 s., Виллемсъ, II, 526 с.

мыхъ совѣтомъ, опредѣлялись принцепсомъ правила интерпретаціи и приложенія законовъ. Совѣтъ занимался разсмотрѣніемъ только наиболѣе важныхъ и трудныхъ для разрѣшенія административныхъ вопросовъ. Начиная съ Гадріана, рескрипты касались самыхъ разнообразныхъ интересовъ и предметовъ управленія (правъ семейственныхъ, имущественныхъ, наслѣдственныхъ и процессуальныхъ) и, между прочимъ, имѣли своей цѣлью распространить дѣйствіе римскаго права во всѣхъ провинціяхъ [1]).

Декреты—третій видъ актовъ дѣятельности cons. principis—относились къ судебнымъ дѣламъ, преимущественно уголовнымъ, для которыхъ совѣтъ былъ обыкновенно апелляціонной инстанціей; но иногда онъ разрѣшалъ ихъ и въ первой инстанціи. Декреты, какъ и рескрипты, часто имѣли силу закона въ отношеніи ко всѣмъ аналогичнымъ случаямъ. Наконецъ, совѣтъ приготовлялъ *эдикты*—правила относительно дѣятельности провинціальныхъ магистратовъ и другихъ чиновниковъ и всеобщія распоряженія по разнымъ отраслямъ управленія [2]). Эдикты, декреты и рескрипты входили въ понятіе constitutio principis (права его толковать законы) [3]).

Со времени Діоклетіана и особенно Константина Великаго (IV в.), когда окончательно образовалась неограниченная монархическая власть римскаго императора, почти исчезаетъ участіе сената въ общемъ управленіи государствомъ и consilium principis, принявшій теперь новое названіе—consistorium principis, sacrum consistorium сталъ вполнѣ совѣщательнымъ учрежденіемъ при императорѣ, высшимъ политическимъ институтомъ. Совѣтъ замѣнилъ теперь совершенно сенатъ, который превратился въ муниципальное учрежденіе города Рима, сохранивши только на нѣкоторое время значеніе высшаго судебнаго учрежденія имперіи [4]). Въ числѣ

---

1) Cuq, 427—440 p. 2) Cuq, 441—456 p. 3) Виллемсъ, II, 492—493 стр.
4) Петровъ, 284 с.

постоянныхъ членовъ государственнаго совѣта первое мѣсто занимаютъ illustres et spectabiles—высшіе чиновники имперіи и двора [1]). Кромѣ ординарныхъ совѣтниковъ, были еще экстраординарные. Вслѣдствіе увеличенія дѣлъ канцелярія совѣта была расширена при Діоклетіанѣ; начальники ея отдѣленій (magistri scriniorum) были назначаемы императоромъ и подчинены vicarius a consiliis sacris. Эта послѣдняя должность была создана Діоклетіаномъ съ цѣлью ослабить власть praefectus praetorio, бывшаго опаснымъ соперникомъ императорской власти, и возвысить значеніе придворныхъ должностей на счетъ публичныхъ [2]). Кругъ полномочій совѣта не былъ опредѣленъ точно: онъ долженъ былъ подавать мнѣнія по всѣмъ вопросамъ, которые угодно было императору предложить на его обсужденіе. Государственный совѣтъ принималъ участіе въ законодательной власти, равно какъ и въ административной и судебной. Въ sacrum consistorium происходили совѣщанія о вновь издаваемыхъ законахъ, которые изготовлялись въ императорскомъ кабинетѣ и редактировались въ канцеляріи совѣта. Consistorium principis помогалъ императору въ отправленіи суда и особенно въ дѣлахъ общаго управленія государствомъ. Каждое общее положеніе, высказываемое здѣсь императоромъ, получало силу закона. Императоръ руководилъ преніями въ совѣтѣ и ему же принадлежалъ рѣшающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ [3]).

Германскія племена.

Первоначальное политическое устройство *древнихъ германцевъ*, основавшихъ новыя государства на развалинахъ римской имперіи, заключало въ себѣ въ эпоху Тацита (1 в. по

---

1) Filon, 101 p. 2) Cuq, 462, 470, 503 p., Karlowa, 475, 477, 848—849 s., Виллемсъ, II в., 670 с. 3) Cuq, 490—502 p., Karlowa, 848—850 s., Filon, 100—101 p., Madwig, 573—574 и 589 s., Виллемсъ, II в., 656, 667, 670—672 s., Петровъ, 274 с.

Р. Хр.) тѣже три основныхъ элемента политическаго быта, какіе находятся у всѣхъ народовъ на примитивной ступени ихъ соціальнаго быта. „Германцы, говоритъ Тацитъ, выбираютъ своихъ царей по *благородству происхожденія*, предводителей по храбрости. И цари не имѣютъ неограниченной или произвольной власти, и предводители у нихъ больше по примѣру, по уваженію, которымъ они пользуются, чѣмъ по власти [1]). О дѣлахъ меньшей важности имѣютъ совѣщанія князья; они предварительно обсуждаютъ и всѣ важныя дѣла, которыя рѣшаются въ народныхъ собраніяхъ. Здѣсь выслушивается царь или князь въ мѣру своихъ лѣтъ, своего благородства, военной славы и краснорѣчія, причемъ, больше имѣетъ значенія сила убѣжденія, чѣмъ право приказанія“ [2]). Въ народныхъ собраніяхъ выбираются князья, которые чинятъ судъ по округамъ и деревнямъ. При каждомъ изъ нихъ находится по сту засѣдателей отъ народа для совѣта и для приданія законной силы приговору [3]). Особенная знатность рода или большія заслуги отцевъ сообщаютъ достоинство вождя даже очень молодымъ людямъ, которые поступаютъ въ свиту другихъ вождей болѣе зрѣлаго возраста и уже давно испытанныхъ. Къ такимъ вождямъ посылаются посольства, имъ приносятся подарки и часто одна слава ихъ рѣшаетъ войну. Свита придаетъ вождямъ важность и могущество, „почетъ въ мирное время и охрану на войнѣ“. Поэтому и вожди соревнуютъ о томъ, чтобы имѣть наиболѣе многочисленную и храбрую свиту, которая имѣетъ свои степени по рѣшенію того, при комъ она состоитъ. Во главѣ всего народа стоятъ знатные (nobiles) [4]).

Изъ этихъ словъ Тацита о составѣ древне-германскаго соціально-политическаго быта видно, что высшій классъ народа составляли знатные роды, которые отличались отъ ос-

1—4) Тацитъ: „Германія“ (1 т. соч.), главы: 7, 11, 12, 13 и 25.

тальной массы населенія благородствомъ происхожденія. богатствомъ и выдающимися личными качествами. Изъ среды этой родовитой и почетной аристократіи—адалинговъ избирались князья (principes)—главы округовъ и деревень (pagi et vici), а также у нѣкоторыхъ племенъ [1]) и короли (конунги), власть которыхъ не была неограниченной. также какъ и власть principes. Отправленіе обязанностей этими послѣдними происходило при помощи *совѣта ста* (centini), состоящаго изъ главъ отдѣльныхъ семей, которые ограничивали власть principes. Король не могъ дѣйствовать безъ народнаго собранія, рѣшенія котораго подготовлялись принцепсами, и имѣлъ значеніе представителя племеннаго единства, цѣлой общины. Королевская власть ограничивалась до извѣстной степени могущественными вождями (duces), избиравшимися изъ среды princeps'овъ и окруженными большой свитой. и жреческимъ сословіемъ, которое обладало правомъ наказанія и распоряжалось ауспиціями, необходимыми во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ [2]). Наконецъ, въ народныхъ собраніяхъ мнѣніе царя имѣло только нравственный авторитетъ. Народъ также не разсуждалъ въ собраніяхъ и только отвергалъ или принималъ предложенія короля или князей [3]). Слѣдовательно, аристократія у древнихъ германцевъ пользовалась de facto значительными политическими преимуществами, передававшимися по наслѣдству и выражавшимися въ составленіи совѣта при главахъ округовъ и деревень и ихъ преобладающемъ вліяніи на рѣшеніе дѣлъ въ народныхъ собраніяхъ [4]). Эти

1—3) Тацитъ, ibidem, 42 и 43 гл., 7 и 11 гл., „Лѣтопись“, XI кн., 16—17 гл. 4) Maurer: „Ueber das Wesen des ältesten Adels der deutschen Stämme“, München, 1846, 6—18 s., Waitz: „Deutsche Verfassungsgeschichte“, Kiel, 1865, I B., 171, 191, 194, 204, 208—210, 212, 219—223, 240 u. folg., Savigny: „Beitrag zur Rechtsgeschichte d. Adels in neueren Europa“ (Vermischte Schriften, 4 B., Berlin, 1850), 6—8 s., Coulanges, 291—300 p. Фриманъ: „Политика“, 106—108 с., Lippert, ibidəm, 566 s., Bernhöft, Uber Grundlage etc., 308 s.

привиллегіи германскихъ адалинговъ не сообщали, однако, имъ характеръ вполнѣ замкнутаго сословія, изолированнаго отъ остальной массы „свободнорожденныхъ“ германцевъ [1]); онѣ не отнимали у первобытнаго германскаго государства основнаго, демократическаго характера, который составлялъ его главную черту [2]). Въ эпоху переселенія народовъ и вскорѣ послѣ нея (IV—V ст. по Р. Хр.) мы находимъ у различныхъ германскихъ племенъ подъ различными названіями одно и тоже аристократическое сословіе, пользовавшееся нѣкоторыми почетными преимуществами предъ остальными сословіями (высшимъ вергельдомъ и др.) [3]). Благородные роды находятся и у такихъ германскихъ племенъ, которые не имѣли королевской власти, бывшей уже во времена Тацита исключеніемъ [4]). Гдѣ же она снова возникаетъ въ эту эпоху завоеваній германскими племенами обширныхъ земель, тамъ короли происходятъ изъ аристократическихъ родовъ [5]). Развитіе королевской власти вело здѣсь за собою, прежде всего, устраненіе народа отъ участія въ управленіи, въ которомъ затѣмъ прекращалась и самостоятельная роль аристократіи, лишенной королемъ политическихъ ея правъ [6]). Теперь только служба королю, интересамъ его власти могла обезпечить членамъ старой, родовой аристократіи нѣкоторыя отличія, которыя, однако, раздѣляютъ съ ними и лица другихъ сословій, также вступающихъ въ службу къ королю [7]). Короли вознаграждали заслуги новаго, служилаго, монархическаго дворянства пожалованіемъ поземельными участками и должно-

1) Maurer, ibidem, Петровъ, 270 с. Schaeffner: „Geschichte d. Rechtsverfassung Frankreichs“, Berlin, 1845, 2 B., I Abth., 214—215 s., 2) Waitz. I, 202 s., Coulanges, 2-9 p., Maurer, 17 s., Schaeffner, 141 s., II. Пелидовъ: „Обзоръ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ древне-германскому государственному устройству“, Казань, 1868, 50 с. 3) Maurer, 22—198 s, Savigny, 22—46 s., Waitz, II B., 292 s., Schaeffner, 215—216 s. 4) Maurer, 198—200 s., Waitz, I B., 282 s. und folg., Фриманъ, ibidem, 5 п 7) Maurer, 201—205 и 209 s., 6) Waitz, I B., 307—308, II B., 280 s.

стями. Зерномъ этого дворянства была свита, дружина германскихъ королей (antrustiones), съ которой они дѣлили всѣ свои труды, опасности и славу и которая состояла изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, въ томъ числѣ и членовъ старыхъ аристократическихъ родовъ [1]). Свита короля выдѣлялась изъ среды народа вслѣдствіе своего близкаго, служебнаго отношенія къ королю, который обезпечивалъ ея членамъ за это защиту ихъ личности и имущества, матеріальное благосостояніе и вліяніе на жизнь государства. Дружинники были естественными *совѣтниками* короля, пользующимися его особеннымъ довѣріемъ и полнымъ уваженіемъ въ народѣ [2]). Изъ богатыхъ, знатныхъ и вліятельныхъ дружинниковъ германскихъ королей образовалась впослѣдствіи, благодаря своеобразнымъ условіямъ соціальной жизни германскихъ племенъ послѣ завоеванія ими римской имперіи, могущественная феодальная аристократія въ различныхъ западно-европейскихъ государствахъ [3]), а также и во *Франціи*, извѣстной до заселенія ея германцами подъ именемъ Галліи.

ФРАНЦІЯ.

Все первоначальное населеніе *Галліи* распадалось на два привиллегированныхъ сословія, свѣтскую и духовную аристократію,—всадниковъ и друидовъ—и остальную массу простаго народа, неимѣющую никакихъ политическихъ правъ и лишь незначительныя гражданскія. Въ рукахъ свѣтской знати кельтовъ сосредоточивалась и сохранялась навсегда вся поземельная собственность, переходъ части которой къ новымъ владѣтелямъ былъ почти невозможенъ. Все кресть-

1) Maurer, 76—88 s., Waitz, I B., 369—370 s., II B., 263 s, und folg., Savigny, 49—51 s., Coulanges, 511—512 p., Фриманъ, 168 с. 2) Maurer, 214—216 s., Петровъ: „Лекціи по всемірной исторіи“, средніе вѣка, т. II, 29 с. 3) Savigny, 53 s., Фриманъ, 169 с.

янское безземельное населеніе страны находилось поэтому въ полнѣйшей зависимости отъ богатой и могущественной, поземельной, свѣтской аристократіи, главнымъ занятіемъ которой была война. Изъ среды ея выдѣлялись сильные представители отдѣльныхъ фамилій, окруженные собственной свитой. Жреческое сословіе—друиды—было издавно прочно организовано въ Галліи и подчинено одному лицу. Въ древнѣйшее время ея исторіи друиды господствовали надъ всей страной безраздѣльно: тогда имъ повиновались и короли, и всадники, и весь народъ. Но и послѣ того, какъ исчезло у кельтовъ это неограниченное могущество друидовъ, послѣдніе сохранили за собою много разныхъ привиллегій. Такъ они были освобождены отъ уплаты податей, избирали магистратовъ, имѣли судебную власть, были посредниками въ международныхъ отношеніяхъ и обладали страшнымъ для всѣхъ правомъ отлученія отъ религіознаго общенія всякаго, кто только не желалъ подчиняться ихъ предписаніямъ. Свѣтская знать и друиды вмѣстѣ властвовали надъ Галліей, распадавшейся на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ. Въ каждомъ изъ нихъ они составляли высшее правительственное учрежденіе—*сенатъ*, рѣшенія котораго въ дѣлахъ войны и мира исполнялись особымъ лицомъ, избираемымъ сенатомъ и имѣвшимъ почти королевскія полномочія (фергобретомъ). При началѣ войны всѣ члены благородныхъ родовъ собирались въ особый совѣтъ, на которомъ должны были присутствовать подъ страхомъ смертной казни за неявку всѣ способные носить оружіе. Такимъ образомъ, политическое устройство Галліи въ эпоху Цезаря (I в. до Р. Хр.) было аристократическимъ, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ Галліи отдѣльнымъ родовымъ старѣйшинамъ и сильнѣйшимъ предводителямъ (principes) удалось основать монархіи [1]).

1) Schaeffner, I B., 1 Abth., 2—[illegible] s., Warnkönig: „Französische Staatsgeschichte", Basel, 1846, I B., 37—41 s., Coulanges, 4—13 и 21 p., Louandre, 7—8 p.

После завоеванія Галліи римлянами въ ней, какъ и другихъ римскихъ провинціяхъ, образовалось, сходное съ римской знатью, сословіе сенаторовъ и всадниковъ, въ которое вошли всѣ аристократическія фамиліи Галліи [1]). Эта новая аристократія приняла главное участіе въ управленіи галльскими городами, представлявшими собой маленькія республики, которыя были подчинены власти римскихъ императоровъ. Управленіе каждымъ городомъ сосредоточивалось въ куріи или *сенатѣ*, членами котораго были представители древней кельтической знати, обладавшіе крупною поземельною собственностью [2]). Сенатъ имѣлъ административную и судебную власть и нѣкоторую часть и законодательной, самъ обнародывалъ свои рѣшенія и декреты. Сенатъ былъ независимымъ отъ римскаго центральнаго правительства политическимъ институтомъ, въ который обязательно вступали всѣ наиболѣе богатые члены аристократическихъ фамилій. Рѣшенія сената выполнялись его предсѣдателями (duumviri) [3]).

После завоеванія Галліи германскими племенами, сначала Вестготами и Бургундами, а потомъ Франками [4]) при первой династіи Меровинговъ и первыхъ Каролингахъ власть короля была неограниченной [5]), пока продолжались завоеванія, при которыхъ требовалось безусловное подчиненіе вождю всего войска. Скорому образованію аристократическаго класса во Франціи V—VIII в. препятствовала разнородность элементовъ, изъ которыхъ состоялъ высшій классъ общества,— стараго-римской знати и новаго-германской [6]). Первый шагъ къ ихъ сліянію былъ сдѣланъ тѣмъ, что знатные римляне (convivae regis) были уравнены въ вергельдѣ съ знатными

1) Coulanges, 244—245, 252—253 p., 2) Schaeffner, ibidem, 25 s., Waitz, II B, 291 s., Coulanges, 132 p. 3) Coulanges, 125—129 p., Schaeffner, ibid., 25—38, Warnkönig, I, 50—51 s., Dufau, I t., 16 p., Гизо: „Исторія цивилизація во Франціи, 1877—1881, I т., 37—40 с. 4) Петровъ, II, 21 с. 5) Warnkönig, 122—123 и 131—132 s. 6) Louandre, 9 p.

германцами (antrustiones)[1]). Антрустіоны занимали у франковъ такое же положеніе, какое выпадало на долю высшихъ чиновниковъ двора (графовъ, бароновъ и др.), также служившихъ королю и обязанныхъ ему особенною вѣрностью, какъ и антрустіоны. Члены высшаго класса носятъ у франковъ различныя названія, которыя указываютъ на разныя степени ихъ знатности. Такъ лица, занимавшія высшее мѣсто въ управленіи, назывались primi, priores, majores, potentes; majores natu отличались родовитостью своего происхожденія, seniores были полководцы и вообще знатные люди, leudes—люди, служившіе при дворѣ или въ войскѣ и получавшіе отъ короля за свою службу вмѣсто жалованья поземельные участки. Къ знати же причислялись придворные и государственные чины (герцоги, графы, domestici и др.) и высшіе члены духовенства. Наконецъ, въ ряды франкской аристократіи входятъ всѣ крупные поземельные собственники страны, особенно же тѣ изъ нихъ, которые имѣли въ числѣ своихъ предковъ кого-либо изъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ. Сохранился также въ Галліи послѣ покоренія ея германцами и титулъ римскаго сенатора, которымъ многіе владѣли въ VI столѣтіи по праву рожденія[2]). Высшій классъ франкскаго общества, состоявшій изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, не имѣлъ притязаній быть родовой аристократіей, которая исчезла у германцевъ въ тревожную эпоху бурныхъ завоеваній ими разныхъ частей римской имперіи (I—III в. по Р. Хр.). Преданія о политическомъ значеніи этой аристократіи, были, однако, такъ еще живы въ народѣ, что всѣ памятники времени Меровинговъ (напр. сочиненія Григ. Турскаго) полны свѣдѣніями о благородныхъ, происходящихъ отъ знат-

---

1) Maurer, 75—76 s., Savigny, 28 s. 2) Warnkönig, 131 s., Waitz, II, 273—288, Maurer, 92—93 s., Louandre, 15—20 p., Coulanges, 514, 517—519 p., Savigny, 34—35 s., Schaeffner, 220—221 s., Петровъ, II т., 29 стр.

ныхъ и уважаемыхъ предковъ [1]). Изъ среды такихъ благородныхъ родовъ избирались самою же знатью многіе франкскіе короли [2]). Впрочемъ, въ франкскомъ обществѣ были на лицо элементы полнаго образованія аристократическаго сословія, пользовавшагося при Меровингахъ извѣстными привиллегіями скорѣе въ силу своего политическаго положенія, быть можетъ, преданія, нежели по праву [3]). Такими элементами были: возрастающее богатство отдѣльныхъ фамилій въ средѣ франковъ, служебныя отношенія къ королю дружинниковъ, вліяніе на важныя государственныя дѣла лицъ, занимающихъ высшія должности, свѣтскія и духовныя, въ государствѣ, развивающееся въ обществѣ уваженіе къ отдѣльнымъ благороднымъ фамиліямъ, естественный переходъ должностныхъ функцій отъ отцовъ къ сыновьямъ, охотно поощряемый королями, и, наконецъ, покровительство и защита, какую оказывали бѣднымъ людямъ богатыя и сильныя фамиліи [4]). Постепенному усиленію политическаго вліянія аристократіи содѣйствовала слабость королевской власти при послѣднихъ, ничтожныхъ Меровингахъ и Каролингахъ [5]) и безпрерывное развитіе феодализма въ франкской монархіи, который сложился здѣсь окончательно къ концу IX вѣка. Уже при первыхъ Меровингахъ новая служебная аристократія начинаетъ заявлять о своемъ правѣ на участіе въ управленіи государствомъ какъ при дворѣ королей, такъ и въ общихъ собраніяхъ всѣхъ франковъ. Лица, занимающія высшія должности при дворѣ и въ государствѣ,—герцоги, графы и вообще optimates считаютъ своимъ правомъ подавать свои мнѣнія королю въ дѣлахъ управленія и образуютъ *совѣтъ* короля [6]); нѣкоторые изъ его членовъ прямо называются его

1) Coulanges, 513—514 p. и 519—520 s., Waitz, II, 297 s. 2) Maurer, 93—100, M. Cohen de Vinkenhoff: „Histoire de l'origine et les institutions de la noblesse de France“, Paris, 1856, 17 p. 3) Waitz, 295—299, Warnkönig, ibidem, 4) Waitz, 300 s., Coulanges, 520 p. 5) Cohen de Winkenhoff, 16 p. 6) Waitz, II, 429—431 s., H. Нелидовъ: „Юридическія и политическія основанія государственной службы“, Ярославль, 1874, 162—163 с.

совѣтниками [1]). Король не рѣшаетъ ни одного дѣла, не жалуетъ никакихъ привиллегій, не издаетъ ни одного правительственнаго акта безъ дѣятельнаго участія этихъ своихъ совѣтниковъ—оптиматовъ (герцоговъ, графовъ, бароновъ, епископовъ) и разныхъ придворныхъ чиновъ, референдаріевъ и др. [2]). Большой государственный совѣтъ соприкасается съ народными собраніями франковъ [3]). Необходимо замѣтить, что народныя собранія древнихъ германцевъ сохранились у Вестготовъ и Бургундовъ послѣ завоеванія ими Галліи, но они не имѣли у нихъ никакого политическаго значенія. Законодательная власть принадлежала у нихъ королю и его *совѣту*, въ которомъ optimates играли незначительную роль [4]). Также и у Франковъ, вытѣснившихъ изъ Галліи Вестготовъ и и Бургундовъ послѣ кратковременнаго ихъ здѣсь владычества, удержались первоначальныя народныя собранія, извѣстныя подъ именемъ мартовскихъ полей; на нихъ обязаны были являться всѣ германцы—воины, разсѣянные по всей странѣ: франкская знать состояла сначала преимущественно изъ воиновъ [5]). На мартовскихъ собраніяхъ короли производили смотръ своему войску. Здѣсь же происходили совѣщанія о будущихъ походахъ, взаимныхъ сношеніяхъ франковъ съ сосѣдними государствами, новыхъ законахъ и другихъ дѣлахъ управленія [6]). Народъ на мартовскихъ собраніяхъ не пользовался никакими самостоятельными, политическими правами, а выполнялъ только, налагаемыя королемъ, обязанности [7]). Впрочемъ, въ упадкѣ народныхъ собраній съ преобладающимъ демократическимъ характеромъ были виноваты,

---

1) Waitz, 432 s. 2) Vidaillan: „Histoire des conseils du roi“, Paris, 1856, I t., 1—16 p., Dufau, I t., 20 p. 3) Waitz, II B., 651 s. 4) Schaeffner, I Abth., 142—143 s., Schmidt: „Geschichte von Frankreichs“, Hamburg, 1835, I B., 86 s. 5) Etienne Pasquier: „Les recherches de la France“, Paris, MDCXXXXIII, 754 p. 6) Warnkönig, 146 s., Dufau, I, 33 p., Louandre, 23 p., Огюстенъ Тьерн: „Разсказы о временахъ Меровинговъ“, Спб., 1864, 25—117 с. 7) Waitz, II, 530 s.

отчасти, и сами германцы, которыхъ еще Тацитъ укорялъ въ томъ, что „они не собирались въ одно время и постоянно запаздывали“ являться въ народныя собранія [1]). Теперь же франки, если бы и хотѣли, то, все-таки, не могли бы являться всѣ въ мартовскія собранія вслѣдствіе того, что они все болѣе и болѣе разселялись по странѣ и находились между собой въ безпрерывныхъ раздорахъ [2]). Къ тому же въ военныхъ собраніяхъ меровингской эпохи должны были принимать особенное участіе только тѣ изъ нихъ, которые обладали достаточными средствами для своего вооруженія и содержанія въ непріятельской странѣ въ случаѣ войны. Отсюда же вытекало естественное вліяніе въ этихъ собраніяхъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, которые принадлежали къ высшему классу населенія [3]).

Такимъ образомъ, мартовскія собранія франковъ не были съ самого начала возникновенія ихъ государства въ Галліи истинными народными собраніями. Въ нихъ всѣ дѣла рѣшались сначала франкскими королями, имѣвшими на первыхъ порахъ сильное вліяніе на управленіе [4]), а потомъ они превратились въ аристократическія собранія, *совѣты* знати, вліятельныхъ членовъ аристократіи [5]) (placita, concilia, synodus, Reichstagen). Король совѣщался на нихъ съ свѣтскою и духовною знатью о всѣхъ важныхъ дѣлахъ управленія, причемъ оптиматы получаютъ рѣшительный голосъ и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы обезпечить свои интересы, хотя бы и во вредъ королевской власти [6]). Сами Меровинги,

---

1) Тацитъ: „Германія“, II гл. 2) Schaeffner, 144 s., Waitz, 538 s., Schmidt, 80 s. 3) Schaeffner, 144—145 s., Waitz, 526 s., Тьерп, 25 с. 4) Waitz, II, 649—652 s. 5) Schaeffner, 145 s., Waitz, 502 и 542 s., Warnkönig, 147 s., Schmidt, 83 s., Cohen de Vinkenhoff, 7—9 p., Louandre, 24 p., Dufau, I, 34 p., Фриманъ: „Политика“, 143 с., Glasson: „Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et juridiaeres de l'Angleterre“, Paris, 1882—1883, I t., 76 p. 6) Waitz, 503, 543 и 690—691 s., Schaeffner, Dufau, Louandre, ibidem, Петровъ, 22 с.

преслѣдуя въ управленіи лишь свои частно-владѣльческіе интересы [1]), вступали съ этою цѣлью въ разныя сдѣлки съ знатью, которая съумѣла соблюсти свои выгоды при такихъ добровольныхъ уступкахъ власти со стороны высшихъ ея представителей въ странѣ. Короли раздавали своимъ приближеннымъ разнаго рода подарки, особенно же земли, которыхъ было такъ много въ распоряженіи франкскихъ вождей при завоеваніи Галліи. Герцоги, графы, епископы и др. знатныя лица получали отъ королей вмѣстѣ съ землями право иммунитета,—независимаго отъ короля, самостоятельнаго суда надъ населеніемъ пожалованныхъ имъ земель [2]) Такъ Меровинги подготовляли себѣ совершенную зависимость отъ аристократіи, которая дала почувствовать свою силу первымъ же Меровингамъ. Такъ Хильдерикъ (459 г.) былъ свергнутъ знатью съ престола за то, что онъ оскорбилъ нѣсколько лицъ изъ ея среды [3]). Знать Нейстріи и Австразіи,—этнографическаго и политическаго дѣленія Галліи V—VIII в., принимала самое дѣятельное участіе въ раздорахъ между знаменитой Фредегондой, женой Гильперика, короля Нейстріи, и ея соперницей, Брунегильдой, женой Зигберта, короля Австразіи [4]). Такъ „важнѣйшіе вожди и богатые владѣльцы“ участвовали въ *совѣтѣ* (Mallberg), гдѣ Орлеанскій король, Гонтранъ разбиралъ дѣло своего брата—Гильперика, обвиняемаго Зигбертомъ отъ имени Брунегильды въ умышленномъ убійствѣ ея сестры, Галесвинты [5]). Судъ изъ народныхъ же старѣйшинъ разбиралъ и мирилъ самого Гонтрана съ Гильперикомъ [6]). Послѣ вѣроломнаго убіенія Зигберта собраніе австразійскихъ поземельныхъ владѣтелей и воиновъ провозгласило королемъ Австразіи малолѣтняго сына Зигберта, Гильдеберта II, причемъ совѣтъ изъ вельможъ и епископовъ принялъ правленіе

---

1) Waitz, 671—677 s, 2) Waitz, 674—676 s., Lenandre, 21 p. 3) Cohen de Vinkenhoff, 22—23 p. 4) Waitz, 680—681 s. 5—6) Тьери, 25—28 и 198 с.

государствомъ отъ его имени[1]) и удержалъ его за собою, не смотря на протестъ со стороны Брунегильды[2]). Послѣ смерти Гильперика знать Нейстріи и Австразіи, заключившая между собою союзъ, получила право назначать королей по своему усмотрѣнію[3]). Въ VI—VII столѣтіяхъ политическая сила франкской знати увеличилась параллельно съ упадкомъ значенія народныхъ собраній еще вслѣдствіе того, что къ свѣтской аристократіи присоединились на соборахъ члены высшаго духовенства Франціи. На этихъ соборахъ, гдѣ свѣтскіе вельможи (majores) и высшее духовенство отдѣляются отъ остальной массы свободныхъ франковъ (minores), аристократія присвоиваетъ себѣ мало помалу рѣшеніе всѣхъ публичныхъ дѣлъ. Соборы знати образуютъ при особѣ короля родъ королевскаго *совѣта*[4]). На одномъ изъ подобныхъ собраній представителей свѣтской и духовной знати въ Парижѣ (въ 615 г.) король Клотаръ II особымъ актомъ обезпечилъ независимость и самостоятельность всей франкской аристократіи и расширилъ значительно имущественныя и политическія ея права[5]). Съ этого времени нѣкоторыя аристократическія фамиліи становятся болѣе могущественными, такъ какъ за ними были укрѣплены ихъ обширныя поземельныя владѣнія и высшія государственныя должности, занимаемыя отдѣльными ихъ членами. Аристократія получаетъ неоспоримое право рѣшать въ своихъ *совѣтахъ* важнѣйшія государственныя дѣла, между тѣмъ какъ королевская власть Меровинговъ падаетъ все ниже и ниже. Сынъ Клотара II, Дагобертъ былъ послѣднимъ изъ Меровинговъ, управлявшимъ нѣсколько лѣтъ съ достаточной силой и энергіей, но и онъ былъ въ зависимости отъ аристократіи, для которой онъ создалъ нѣсколько новыхъ должностей въ управленіи и не могъ править го-

---

1) Cohen de Vinkenhoff, 34 p., Тьери, 56 с. 2) Тьери, 84—85 с. 3) Waitz, II, 124—125 s., Cohen de Vinkenhoft, 35—36 p. 4) Cohen de Vinkenhoff, 31—32 p. 5) Waitz, 543, 684—690 s., Cohen de Vinkenhoff, 42 p.

сударствомъ безъ ея помощи [1]. Со времени Дагоберта собранія всѣхъ вельможъ королевства дѣлаются все чаще, замѣняютъ собой мартовскія народныя и церковныя собранія и принимаютъ форму придворныхъ совѣтовъ, въ которыхъ воля знати рѣшаетъ всѣ дѣла управленія [2]. Теперь во главѣ всего управленія и аристократіи становится майордомъ, бывшій сначала однимъ изъ первыхъ domestic'овъ короля Кловиса, учредившаго должность майордома, быть можетъ, по примѣру византійскихъ императоровъ [3]. Майордомы управляли сначала дворцомъ, контролировали употребленіе королевскихъ доходовъ и раздавали королевскіе подарки,—поземельныя владѣнія членамъ аристократіи; вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства майордомъ пріобрѣлъ сильное вліяніе на положеніе аристократіи въ странѣ. Поэтому-то она постаралась добыть отъ королей согласіе на ея участіе въ назначеніи майордомовъ, изъ которыхъ аристократія желала сдѣлать защитниковъ своихъ интересовъ [4]. Такъ майордомъ сталъ представителемъ при дворѣ короля и безъ того могущественной аристократіи [5]. Особенная близость майордомовъ къ королевскому двору, а нѣкоторыхъ изъ нихъ и къ королевамъ (Брунегильдѣ и Фредегондѣ), господство частно-владѣльческихъ взглядовъ въ меровингскую эпоху франкской монархіи, энергическія стремленія къ независимости отъ королевской власти франкской аристократіи, находившей опору своимъ притязаніямъ въ развивающемся феодализмѣ и въ слабыхъ и неспособныхъ къ управленію Меровингахъ, и неоднократная опека майордомовъ надъ малолѣтними королями [6], —всѣ эти обстоятельства возвысили майордомовъ на степень не только главныхъ королевскихъ совѣтниковъ [7], но и пол-

1) Waitz, 691 s., Cohen de Vinkenhoff., 44 p. 2) Waitz, 545—546 s. 3) E. Pasquier, 102 p., Vidaillan, I t., 3 p. 4) Waitz, 416—426 s. 5) Waitz, 692 s., Гизо, ibidem, II т., 65 с. 6) Waitz, 2?2 s., Louandre, 20 p., Cohen de Vinkenhoff, 41 p. et suiv. 7) Vidaillan, I, 8 p., Schmidt, I, 84 s., Waitz, 421 s.

ныхъ распорядителей судьбой всего государства и самой аристократіи [1]). Майордомъ теперь рѣшаетъ отъ имени короля всѣ важныя государственныя дѣла, раздаетъ должности, оказываетъ знатнымъ всякаго рода милости, однимъ словомъ, управляетъ всѣмъ государствомъ въ то время, какъ Меровинги, лишенные всякаго значенія въ государствѣ, „пребываютъ погруженными въ одни удовольствія“ [2]). Цѣлый рядъ австразійскихъ майордомовъ (Пипинъ Старшій и —Герпстальскій, Карлъ Мартеллъ и Пипинъ Короткій), бывшихъ въ одно и тоже время крупными землевладѣльцами, верховными вождями войска и неограниченными распорядителями королевской власти въ домѣ Меровинговъ, совершенно ослабили и, наконецъ, уничтожили эту власть франкскихъ королей первой династіи [3]). Пипинъ Короткій собираетъ (въ 752 г.) свѣтскихъ вельможъ и высшее духовенство, представляетъ имъ доказательства бездѣятельности и ничтожества послѣдняго Меровинга, Хильдерига III, и тутъ же напоминаетъ и о заслугахъ своего дома, который теперь возводится въ его лицѣ знатью на престолъ франкскаго королевства [4]).

Возвышеніе Пипина Короткаго въ короли франковъ не встрѣтило никакихъ препятствій со стороны аристократіи, такъ какъ аристократическій режимъ при всемъ своемъ преобладаніи во всей общественной жизни франковъ еще не имѣлъ въ это время (VIII ст.) необходимой устойчивости и правильности своей организаціи [5]). Аристократія видѣла въ переходѣ королевской власти къ Пипину даже свое торжество надъ Меровингами [6]). Пипинъ началъ свое царствованіе тѣмъ, что отнялъ у майрдома всѣ необычайныя его права, вредныя для новой династіи, и низвелъ его на прежнюю степень на-

---

1) Cohen de Vinkenhoff, 47—55 p. 2) Pasquier, 103 p., Schaeffner, 160 s., Waitz, 693—694 s., Dufau, I, 35—36 p. Cohen, 47 et suiv. 3) Vidaillan, 9 p., Cohen, 49—56 p., Гизо, II, 65 с. 4) Cohen, 57 p. 5) Гизо, I, 61 с. 6) Cohen, 63 p., Louandre, 25, 27 p.

чальника королевскаго дворца [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая ослабить силу могущественной франкской аристократіи, Пипинъ надѣлилъ духовенство богатствомъ и разными привиллегіями. Высшіе члены духовенства вытѣснили оптиматовъ изъ собраній знати—рейхстаговъ, изчезнувшихъ было при Карлѣ Мартеллѣ и возстановленныхъ снова Пипиномъ [2]). Преемникомъ Пипина былъ его сынъ, знаменитый *Карлъ Великій*, который стремился ввести въ управленіе франкской имперіи извѣстный порядокъ и обосновать его на идеѣ всемогущества верховной власти и государственнаго единства [3]). Аристократія должна была признать все величіе этой геніальной попытки Карла въ эпоху всеобщей дезорганизаціи въ Западной Европѣ (въ VIII в.), особенно при видѣ неутомимой и безпрерывной дѣятельности самого императора. Обезсиленная до нѣкоторой степени при предшественникахъ Карла, свѣтская знать собирается по его призыву около императора для участія въ управленіи государствомъ, въ изданіи капитулярій, входитъ въ *совѣтъ* при королѣ [4]). За это Карлъ возвратилъ свѣтской аристократіи ея прежнія политическія права, уменьшивши въ тоже время привиллегіи высшаго духовенства [5]). Отъ времени Карла Великаго сохранилось письмо Реймскаго Архіепископа, Гинкмара, который воспроизводитъ въ немъ описаніе управленія имперіей Карла Великаго, составленное аббатомъ Адальбертомъ, дядей и однимъ изъ первыхъ совѣтниковъ Карла. Согласно этому описанію, при немъ существовало различіе между дворцовой администраціей и управленіемъ всего государства. Высшіе изъ дворцовыхъ чиновниковъ и представители свѣтской и духовной аристократіи составляли при императорѣ его *совѣтъ*

---

1) Jean du Tillet: „Recueil des rois de France; leur couronne et maison“, Paris, MDLXXXVI, 266 p. 2) Vidaillan, 18 p., Cohen, 58—63 p., Schaeffner, 145 c., Louandre, 24 p. 3) Петровъ, 27 с. 4) Vidaillan, 21 p. 5) Schaeffner, 145—146 s., Cohen, 64—67 p., Louandre, ibidem.

(consilium, senatus). Одна часть совѣтниковъ жила при дворѣ постоянно; другая призывалась для рѣшенія особенно важныхъ дѣлъ. Отъ всѣхъ совѣтниковъ требовались особенно высокія нравственныя качества: набожность, преданность императору и обществу, благо которыхъ они должны были ставить выше своего собственнаго, мудрость и др. [1]). Управленіе всѣмъ государствомъ сосредоточивалось въ общихъ собраніяхъ знатныхъ лицъ имперіи, духовныхъ и свѣтскихъ (majores, seniores), и всѣхъ мелкихъ поземельныхъ владѣльцевъ, свободныхъ франковъ (minores, populus). Впрочемъ, такой многочисленный составъ имѣли только майскія собранія, на которыхъ происходили совѣщанія о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ на текущій годъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Въ разрѣшеніи дѣлъ на этихъ собраніяхъ участвовали лишь знатныя лица обоихъ сословій,—герцоги, графы, епископы и др. Остальная масса присутствующихъ (minores) только выслушивала рѣшенія вельможъ [2]). Второе общее собраніе, происходившее обыкновенно осенью, носило еще болѣе замкнутый, аристократическій характеръ. Оно составлялось изъ избранныхъ лицъ, уважаемыхъ членовъ всей знати, которые разсматривали здѣсь важнѣйшія дѣла и приготовляли предварительныя рѣшенія для майскихъ собраній, до наступленія которыхъ они обыкновенно сохранялись въ тайнѣ [3]). Такимъ образомъ, Карлъ Великій, соблюдая старый германскій обычай, по которому дѣла о народныхъ интересахъ рѣшались не волею отдѣльныхъ лицъ, а народными же собраніями [4]). созывалъ, однако, въ эти собранія (весеннія и осеннія) и предоставлялъ въ нихъ перевѣсъ свѣтской и духовной аристократіи. Самъ

1) Waitz, III B., 412, 418, 441—445 s., Vidaillan, 26—27 p., Aucoc: „Le Conseil d'Etat", Paris, 1876, 26—27 p.; Regnault: „Histoire de Conseil d'Etat", 8—9 p., Нелидовъ, ibidem, 178—179 c. 2) Vidaillan, 27, 46—47 p., Cohen, 7—10 p., Warnkönig, 147—148 s., Waitz, III, 464 s., Гизо, II, 83—86 c. 3) Waitz, 464—465 s., 485 u. folg., Schaeffner, 146 s., Dufau, 39—40 p., Glasson, I, 77 p., Warnkönig и Vidaillan, ibidem. 4) Waitz, III, 499—500 s.

Карлъ былъ „центромъ и душой этихъ собраній“ [1]), но аристократическій составъ совѣтовъ, важность ихъ функцій и опредѣленные сроки созванія знати въ эти совѣты—все это показываетъ, что Карлъ уважалъ аристократію, какъ могущественную силу въ государствѣ, признавая ея права на законодательство и администрацію страны [2]). Члены большихъ собраній были majores—герцоги, графы и вся высшая знать; minores были мелкіе поземельные владѣльцы и королевскіе чиновники, но не простой народъ [3]). Чтобы сдержать въ границахъ закона дѣятельность знати, Карлъ ввелъ институтъ missi dominici и—rachimburg'овъ [4]). Посмертныя распоряженія Карла относительно престолонаслѣдія и частнаго имущества императора были сдѣланы имъ въ присутствіи графовъ, епископовъ и др. лицъ, причемъ, этотъ актъ долженъ былъ имѣть силу и для неприсутствовавшихъ въ собраніи постоянныхъ членовъ совѣта императора [5]).

При слабыхъ преемникахъ Карла Великаго (768—814) сила аристократіи растетъ по мѣрѣ того, какъ развивается въ германскихъ племенахъ феодализмъ. Основанія феодализма были положены еще при Меровингахъ, когда происходили завоеванія германскими племенами разныхъ частей римской имперіи. Германскія вожди были окружены притомъ свитой, (antrustiones, leudes, fideles), члены которой составляли ихъ войско и совѣтъ. Вожди, а впослѣдствіи короли раздавали отдѣльные поземельные участки (бенефиціи) членамъ своей дружины въ видѣ вознагражденія за ихъ службу [6]). Въ тоже время нужда въ защитѣ, которая представлялась первою необходимостью въ эту пору неопредѣленности и неустойчивости

1) Гизо, II, 86 с., Waitz, 491, 504 s. 2) Chéruel: „Histoire de l'administration monarchique en France“, Paris, 1855, preface, XLIII p. 3) Pico: „Histoire des états généraux“, Paris, 1872, I t., introd., 11 p. 4) Montesquieu: „De l'esprit des loix“, XXXI livr., chap. XVIII. 5) Vidaillan, 24 p., Cohen, 67—68 p., 6) Montesquieu, Livr., XXX, chap. XXV, Schaeffner, 174—176 s., Осокинъ: „Исторія среднихъ вѣковъ“, Казань, 1888, I т., 177 с.

всего общественнаго порядка, заставляла отдѣльныхъ свободныхъ лицъ прибѣгать къ королю, который обезпечивалъ имъ свой mundium или commendatio, связанное съ бенефиціями [1]). Изъ такихъ отношеній вождя, а потомъ короля къ членамъ его свиты развились вассальныя отношенія владѣтелей, пожалованныхъ вождемъ или королемъ, поземельныхъ участковъ къ нему, какъ верховному ихъ собственнику—сюзерену [2]). Вассалы были обязаны, кромѣ вѣрности своему сюзерену, защищать его отъ враговъ и нести въ его пользу извѣстныя повинности. Скоро, однако, сюзеренъ сталъ жаловать своимъ вассаламъ вмѣстѣ съ поземельными участками право иммунитета—судебную и вообще верховную власть надъ населеніемъ пожалованныхъ земель [3]). Число королевскихъ вассаловъ увеличивается вслѣдствіе появившагося среди аллодіальныхъ владѣльцевъ обычая превращать свои поземельные участки въ зависимыя отъ короля ленныя владѣнія: этотъ обычай возникъ изъ того, что аллодіальные собственники видѣли всѣ выгоды вассальныхъ отношеній къ королю, обезпечивающихъ вассаламъ политическую самостоятельность, защиту ихъ личности и собственности отъ насилій, обычныхъ въ феодальную эпоху [4]). Съ другой стороны, каждый изъ крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ сталъ раздавать, по примѣру короля, отдѣльные участки своихъ земель въ пользованіе свободнымъ людямъ, охотно поступавшимъ къ нимъ на службу, и принимать подъ свою защиту аллодіальныхъ собственниковъ. Съ теченіемъ времени инфеодація распространилась

---

1) Waitz, IV B., 199—200, 213, 216—217 s., Осокинъ, I, 181—182 с. 2) Примѣчаніе. На образованіе европейскаго феодализма произвели извѣстное вліяніе какъ аналогичные римскіе юридическіе институты (колонатъ, эмфитевзисъ и ager limitaneus), такъ и сильное развитіе идеи о свободѣ личности у древнихъ германцевъ (Schaeffner, I, 156—170 s.; см. Виноградова: „Происхожденіе феодализма у Лонгобардовъ", Ж. М. Н. П., 1880 г.). 3) Waitz, IV, 243 s., Schaeffner, 185 s., Петровъ, II, 30 с. 4) Осокинъ, 180—181 с.

на самыя функціи государственной власти: раздачѣ въ временное пользованіе подверглись различныя государственныя должности, на которыя короли смотрѣли также съ частновладѣльческой точки зрѣнія и поэтому отдавали ихъ въ ленъ или даже прямо продавали ихъ, какъ предметъ собственности. что особенно было развито во Франціи [1]). Владѣніе поземельными участками, бывшее сначала временнымъ, превращалось потомъ въ пожизненное и, наконецъ, дѣлалось наслѣдственнымъ въ фамиліи феодальнаго владѣльца [2]). Такъ образовалась во Франціи и во всѣхъ средневѣковыхъ государствахъ Западной Европы феодальная система землевладѣнія, которая послужила основаніемъ продолжительнаго политическаго въ нихъ могущества феодальной аристократіи. Въ пору сильнѣйшаго развитія во Франціи феодализма (въ X—XII ст.) вся страна распалась на массу мелкихъ, независимыхъ другъ отъ друга государствъ, во главѣ которыхъ стояли феодальные сеньоры различныхъ названій и должностныхъ ранговъ, но съ одинаковыми правами верховной власти (суверенитета) [3]). Каждый сеньоръ имѣлъ свой дворъ съ болѣе или менѣе многочисленнымъ штатомъ придворныхъ чиновъ разныхъ наименованій. Высшіе придворные чиновники вмѣстѣ съ высшими вассалами сеньора составляли его *совѣтъ*, который завѣдывалъ администраціей и судомъ во всемъ поземельномъ владѣніи сеньора и для его вассаловъ былъ судомъ пэровъ [4]). Такъ при дворѣ французскаго короля существовалъ до образованія самостоятельности и независимости королевской власти отъ феодаловъ королевскій *совѣтъ* (curia regis, cours pléniers, parliamentum, magnum consilium), въ которомъ король совѣщался о дѣлахъ всего королевства съ духовными и свѣтскими феодалами [5]). На

1) Schaeffner, II, 321—324 s., Chéruel, ibidem. 2) Schaeffner, 180 s., Cohen, 69 и 76 p., Lauandre, 26—27 p., Осокинъ, 179 с. 3) Schaeffner, II B, 169 s., Warnkönig, 240 s. 4) Schaeffner, II, 185—186 s. 5) Warnkönig, I, 209 s.

исторіи этого французскаго королевскаго совѣта отъ времени Карла Великаго и до побѣды королевской власти надъ феодалами при Филиппѣ IV Красивомъ отражается взаимное отношеніе политическихъ правъ феодальной аристократіи и короля, преобладаніе первой надъ послѣднимъ, которое уменьшается вмѣстѣ съ усиленіемъ королевской власти на счетъ феодальныхъ сеньоровъ.

Сынъ Карла Великаго, *Людовикъ Благочестивый* (814—840 г.) не рѣшался предпринимать ничего важнаго безъ согласія вельможъ, составлявшихъ при немъ постоянный *совѣтъ* [1]): власть знати имѣла въ его глазахъ такой же священный характеръ, какъ и его собственная, королевская власть [2]). Людовикъ былъ низведенъ съ престола аристократіей, избравшей на его мѣсто сына Людовика, Лотара [3]). Вліяніе знати на государственныя дѣла увеличивается еще болѣе при Карлѣ Лысомъ (875—877), при которомъ Франція (Нейстрія) становится самостоятельнымъ государствомъ (по Верденскому договору въ 843 г.). При немъ окончательно была установлена наслѣдственность феодальныхъ леновъ [4]). Законы при Карлѣ появлялись съ согласія знати и нерѣдко составлялись въ собраніи епископовъ и нѣсколькихъ вельможъ въ отсутствіе короля [5]). Карлъ былъ на столько безсиленъ, что обращался къ самимъ сеньорамъ съ просьбою подавить возникшіе въ ихъ земляхъ безпорядки [6]). Права на корону Франціи сына Карла, *Людовика Косноязычнаго* (877—879) были признаны въ общемъ собраніи феодальныхъ сеньоровъ и ихъ вассаловъ только послѣ того, какъ они убѣдились въ полномъ его ничтожествѣ. Многіе изъ могущественныхъ феодаловъ объявили себя совершенно независимыми отъ короля. Аристократія идетъ еще дальше, начинаетъ сама распоряжаться трономъ фран-

---

1) Vidaillan, I, 33 p. 2) Waitz, III, 202 и 499 s., Cohen, 72 p. 3) Schaeffner, I, 87 s., Cohen, ibidem. 4) Vidaillan, 41 p., Cohen, 76 p., Гизо, II, 152—153 с. 5) Vidaillan, 36—37 p. 6) Гизо, III, 74 с.

цузскихъ королей [1]), объявляя узурпаторами тѣхъ изъ нихъ, которые вступали на престолъ безъ выбора и одобренія ихъ всей знатью [2]). *Карлъ Простой* (898—922) былъ подъ полной опекой одного изъ своихъ незнатныхъ совѣтниковъ, Гаганона, ненавидимаго аристократіей, которая возмутилась противъ короля и погубила его [3]). Людовикъ Заморскій съ своими сыновьями, Лотаромъ и Людовикомъ V Ничтожнымъ и внукомъ, Карломъ IV, были послѣдними Каролингами, находившимися вполнѣ въ рукахъ аристократіи, которая избрала (въ 987 г.) королемъ Франціи сына графа Гуго Великаго, сильнѣйшаго сеньора въ странѣ, *Гуго Капета*, основателя третьей королевской династіи во Франціи,—Капетинговъ [4]). Избирая Гуго Капета королемъ Франціи, аристократія надѣялась, что онъ лучше другихъ сильнѣйшихъ сеньоровъ охранитъ ея интересы [5]). Въ эту пору политическое могущество французской аристократіи достигло апогея своего развитія [6]) Въ рукахъ феодальныхъ сеньоровъ, разрушившихъ и замѣнившихъ собою имперію Карла Великаго [7]), было все управленіе государствомъ. Центромъ ея политическаго вліянія былъ королевскій *совѣтъ*, съ которымъ скоро слились и общія (майскія) собранія знати: здѣсь собирались для совѣщаній и рѣшенія дѣлъ управленія всѣ могущественные свѣтскіе вассалы короля, также какъ и разные чины королевскаго двора [8]). Такъ уже въ пору сильнѣйшаго вліянія въ государствѣ феодальной аристократіи въ ея средѣ появилось служилое дворянство, зависѣвшее отъ короля. Въ средніе вѣка во Франціи было, слѣдовательно, два вида знати. Первою была феодальная, родовая знать (noblesse naissance, feodale), обладавшая всѣми правами суверенитета (напр. правомъ чеканить монету, вести частныя

---

1) Louandre, 27 p. 2) Cohen, 77—79 p. 3) Vidaillan, 43 p., Cohen, 95 p. 4) Schaeffner, I, 91 s., Vidaillan, 54 p., Cohen, 98—101 p. 5) Louandre, 28 p. 6) Schaeffner, I, 88 s, Cohen, 101 p., Гизо, III, 74—76 c. 7) Гизо, II, 162—163 c. 8) Du Tillet, 255—256 p., Vidaillan, 81—82 p., Cohen, 97 p.

войны между собою и друг.), массою сеньоральныхъ правъ, связанныхъ съ владѣніемъ феодальными поземельными участками и, кромѣ того, личными привиллегіями, принадлежащими вообще всей знати (фискальными, юридическими и военными)[1]). Другой родъ знати,—монархическое дворянство (noblesse par lettres, noblesse de robe)—образовался королевскимъ пожалованіемъ и давалъ его членамъ нѣкоторыя сословныя права[2]). Сюда принадлежали цѣлый чиновничій персоналъ дворцовыхъ и государственныхъ сановниковъ и въ числѣ ихъ члены королевскаго совѣта[3]). Въ рядахъ этого чиновнаго дворянства Капетинги нашли усердныхъ помощниковъ въ своей борьбѣ съ могущественными феодалами, начатой уже первыми королями третьей династіи. Изъ числа высшихъ свѣтскихъ коронныхъ чиновъ Капетинги стали назначать первыхъ членовъ королевскаго совѣта: пэры Франціи, свѣтскіе и духовные, и непосредственные вассалы королевскихъ доменовъ заняли въ совѣтѣ второе мѣсто рядомъ съ клерками, какъ только Капетинги почувствовали свою силу въ государствѣ. Самыя мѣста членовъ въ совѣтѣ сдѣлались послѣ того временными, замѣщаемыми по волѣ короля[4]). Прежде, однако, чѣмъ Капетинги стали самостоятельно распоряжаться въ своемъ совѣтѣ и государствѣ, они должны были выдержать продолжительную и упорную борьбу съ феодалами всѣхъ степеней, особенно же высшими изъ нихъ, къ которымъ перешла цѣликомъ при послѣднихъ Каролингахъ вся центральная власть[5]).

При первыхъ Капетингахъ монархическая власть была еще слаба[6]); знать обладаетъ вполнѣ всѣми правами власти: она издаетъ законы, управляетъ всѣмъ и судитъ[7]). Гуго

---

1) Cohen, 29 p. et suiv., Louandre, 57, 81 p. et suiv. 2) Schaeffner, II, 350—352 p. 3) Louandre, 34 p. 4) Dareste de la Chavanne: „Histoire de l'administration en France“, Paris, 1848, I t., 62—63 p. 5) Vidaillan, 55 p., Гизо, III, 206—207 c. 6) Glasson, II, 153 p. и III, 72 p. 7) Louandre, 280 p.

Капетъ не могъ и мечтать о томъ, чтобы ослабить эту могущественную силу аристократіи въ государствѣ. Поэтому онъ поспѣшилъ объявить себя королемъ, заручившись согласіемъ сосѣднихъ съ его владѣніями сѣверныхъ феодальныхъ сеньоровъ Франціи и не дожидаясь того, пока его избраніе будетъ одобрено южными, болѣе сильными феодалами, поддерживавшими его соперника [1]). Феодальные сеньоры, впрочемъ, и не тревожились тѣмъ, что Г. Капетъ завладѣлъ французской короной: титулъ короля не доставилъ ему никакой дѣйствительной власти. Предки новаго короля никогда не были королями или императорами и самъ Г. Капетъ вышелъ изъ рядовъ тѣхъ же феодальныхъ сеньоровъ [2]), хотя и былъ сильнѣйшимъ между ними. Чтобы пріобрѣсти себѣ нѣкоторое вліяніе среди феодаловъ, Г. Капетъ вступилъ въ союзъ съ духовенствомъ, которое поспѣшило распространить ту мысль, что Капетъ былъ преемникомъ власти Каролинговъ [3]). Г. Капетъ съумѣлъ извлечь для себя нѣкоторую пользу изъ самого факта чрезмѣрной раздробленности и многочисленности феодальныхъ владѣній въ странѣ: онъ назначилъ въ число членовъ своего совѣта сеньоровъ своего домена и своихъ придворныхъ, между тѣмъ какъ другіе сильнѣйшіе сеньоры пребывали въ своихъ владѣніяхъ и поэтому теряли вліяніе на управленіе королевскими землями [4]). При преемникахъ Гуго Капета: Робертѣ, Генрихѣ I и Филиппѣ I королевскій совѣтъ состоялъ изъ сильнѣйшихъ феодаловъ, прелатовъ, а также изъ придворныхъ чиновъ [5]), которые замѣняютъ здѣсь иногда важныхъ сеньоровъ. Всѣ эти короли ничего не сдѣлали для увеличенія своей власти и ослабленія феодализма, который усилился даже еще болѣе при *Филиппѣ* [6]). Первые Капетинги добились только верховной власти

1) Schaeffner, II, 4—5 s., Cohen, 110 p., 2) Гизо, III, 208 с. 3) Гизо, ibidem, 209—210 с. 4) Vidaillan, 57 p. 5) Aucoc, 27 p. 6) Vidaillan, 57—59 p., Cohen, 111—113 p.

въ границахъ своей территоріи; по отношенію же къ сеньорамъ они были не только не сильнѣе, но иногда слабѣе ихъ и должны были признавать въ нихъ самостоятельныхъ государей [1]). Всѣ они были только по имени наслѣдниками престола Карла Великаго и не могли сдѣлаться дѣйствительными королями всей Франціи [2]). Съ начала XII вѣка, времени ***Людовика Толстаго***, сына Филиппа I, начинается новая эпоха медленнаго, постепеннаго усиленія королевской власти Капетинговъ. По словамъ аббата Сугерія, знаменитаго совѣтника и біографа Людовика, послѣдній „при всякомъ удобномъ случаѣ старался съ мужественнымъ постоянствомъ слѣдить за государственнымъ управленіемъ, усмирять непокорныхъ и подчинять себѣ всевозможными средствами всѣ замки, прославившіеся угнетеніемъ“ [3]). Людовикъ признаетъ и уважаетъ независимость феодальныхъ господъ, не рѣшаетъ безъ нихъ ни одного административнаго дѣла [4]), но въ тоже время онъ ставитъ свою власть выше ихъ власти, предоставляетъ себѣ право заботиться о возстановленіи порядка и справедливости и защитѣ слабыхъ противъ сильныхъ. Онъ первый изъ Капетинговъ протестуетъ противъ абсолютистическихъ стремленій феодаловъ, заставляетъ ихъ признать его верховную власть и начинаетъ изъ за этого войну съ однимъ изъ феодаловъ, неявившимся въ совѣтъ короля по его приглашенію. Въ усмиреніи непокорнаго феодала королю помогаютъ крестьяне церковныхъ доменовъ, вооруженные духовенствомъ [5]). Къ неожиданной помощи королю противъ феодаловъ со стороны народа и церкви присоединились еще крестовые походы, подѣйствовавшіе разрушительно на феодализмъ. Многіе сеньоры, нуждаясь въ деньгахъ на дорогу, продавали свои земли крестьянамъ и, не имѣя средствъ воз-

---

1) Schaeffner, II, 6 s. 2—3) Гизо, III, 214 и 217 с. 4) Regnault, 104 p. 5) Vidaillan, 60—63 s., Louandre, 28 p., Гизо, III, 217—220 с.

вратиться во Францію, поселялись навсегда въ Палестинѣ. Нѣкоторые изъ феодаловъ брали необходимыя для далекаго похода деньги у аббатовъ или лицъ низшаго сословія подъ залогъ своихъ леновъ. Кредиторы сеньоровъ, пользуясь неопредѣленностью срока заклада ихъ земель, присвоивали сеньоральныя земли себѣ въ полную собственность и дѣлались полезными королю въ борьбѣ его съ феодалами. Сами короли—Людовикъ Толстый и Филиппъ Августъ—спѣшили также воспользоваться отсутствіемъ феодаловъ и гибелью многихъ изъ нихъ въ крестовыхъ походахъ, чтобы подъ разными предлогами объявить ихъ домены королевскими [1]). Людовикъ не дозволялъ дальнѣйшаго дробленія своихъ поземельныхъ владѣній, заставляя своихъ вассаловъ признавать его верховную власть [2]) и защищая ихъ отъ оскорбленій сеньоровъ [3]). При сынѣ Людовика Толстаго, *Людовикѣ Юномъ*,—„одномъ изъ самыхъ слабыхъ и безпорядочныхъ государей Франціи, чуждыхъ идеѣ общаго блага“ [4])—развитіе королевской власти во Франціи на нѣкоторое время пріостановилось [5]). Всѣми публичными дѣлами завѣдывало при немъ собраніе епископовъ и сеньоровъ [6]). Филиппъ Августъ (1180—1223) стремился сдѣлать королевское правительство центромъ власти въ отношеніи къ крупнымъ баронамъ [7]). Въ этомъ случаѣ большую помощь оказала Филиппу его побѣда надъ англійскимъ королемъ, Іоанномъ Безземельнымъ, который былъ вассаломъ короля Франціи: по приговору суда пэровъ Франціи, осудившаго его на смерть, всѣ французскія владѣнія І. Безземельнаго были конфискованы въ пользу его сюзерена,—французскаго короля. Тріумфъ Филиппа надъ англійскимъ королемъ доставилъ ему рѣшительный перевѣсъ надъ другими сильными французскими феодалами, которые теперь должны

---

1) Vidaillan, 60 p., Cohen, 117—126 p., Louandre, 169 p. 2) Louandre, 281 p. 3) Cohen, 170 p. 4) Гизо, III, 220 с. 5) Vidaillan, 54 p. 6) Regnault. 105 p. 7) Гизо, ibidem, 237 с.

были признать свою зависимость отъ короны [1]). Со времени Филиппа судъ 12 королевскихъ пэровъ сталъ служить цѣлямъ централизаціонной политики французскихъ королей [2]), между тѣмъ какъ до него онъ былъ полезенъ лишь феодальнымъ землевладѣльцамъ.

Относительно времени образованія суда пэровъ, игравшаго такую важную роль въ процессѣ развитія политической силы сначала феодаловъ, а потомъ королевской власти во Франціи, существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія въ французской литературѣ. Долгое время господствовалъ въ ней взглядъ, что уже Карлъ Великій имѣлъ 12 пэровъ. Но Tillet справедливо замѣчаетъ по поводу этого мнѣнія, что пэрія, предполагающая наслѣдственность леновъ, не могла возникнуть при Карлѣ Великомъ, когда лены еще не были наслѣдственными [3]). Самъ Tillet приписываетъ образованіе пэріи Людовику Юному, который создалъ 12 пэровъ для своего коронованія [4]). Pasquier, напротивъ, утверждаетъ, что институтъ 12 пэровъ появился еще при Гуго Капетѣ [5]). Но если бы принять эти воззрѣнія, то тогда пришлось бы, по словамъ Schaeffner'a, допустить, что при Г. Капетѣ были вассалами короны многіе могущественные феодалы Франціи (герцогъ Бургундскій, Нормандскій, графъ Фландрскій и др.), которые сдѣлались пэрами французской монархіи гораздо позже. Кромѣ того, со взглядомъ Pasquier нельзя примирить того факта, что членами королевскаго суда пэровъ являлись далеко не сильные духовные вассалы, которые никогда не были вассалами французской короны, а только герцогства Франціи [6]). Тѣже самыя возраженія могутъ быть приведены и противъ мнѣнія Cohen'a, что наслѣдственная пэрія была создана Карломъ Простымъ въ 900 г. [7]),—эпоху еще болѣе

---

1) Vidaillan, 69 p., Cohen, 183—184 p. 2) Cheruel: I, 11—12 p. 3—4) Tillet, 252—253 p. 5) Pasquier, 95 p. 6) Schaeffner, II, 2 Abth., 342—343 s., cp. Vidaillan, I, 68 p. 7) Cohen, 88—89 p.

раннюю, нежели время возшествія на французскій престолъ Гуго Капета и Людовика Юнаго. Тотъ же Cohen замѣчаетъ, хотя и вопреки себѣ, что пэрія такого же древняго происхожденія, какъ и монархія [1]). На самомъ дѣлѣ право каждаго сеньора быть судимымъ равными ему въ феодальной іерархіи должностными лицами можетъ быть поставлено въ связь съ древнѣйшимъ германскимъ юридическимъ воззрѣніемъ, что каждый германецъ долженъ быть судимъ по закону своего племени [2]). Это воззрѣніе нашло полное примѣненіе при возникновеніи феодализма, однимъ изъ основныхъ принциповъ котораго было, съ одной стороны, рѣзкое различіе между сословіями и феодалами разныхъ ступеней феодальной іерархіи и, съ другой, совершенное равенство всѣхъ феодаловъ каждой изъ этихъ ступеней (герцоговъ, графовъ, бароновъ и т. д.). Такъ въ каждой сеньоріи возникъ судъ сеньора надъ каждымъ преступнымъ его вассаломъ въ присутствіи этихъ послѣднихъ, какъ ему равныхъ [3]). Институтъ пэровъ получилъ въ наслѣдственности леновъ твердую опору для дальнѣйшаго своего развитія, окончательнымъ результатомъ котораго было признаніе достоинства пэра за всѣми даже незначительными феодальными землевладѣльцами [4]). Пэры должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы король не лишалъ произвольно чести, свободы и жизни кого-либо изъ членовъ аристократіи. Ихъ привиллегіей было право быть судимыми только равными себѣ въ случаяхъ неповиновенія королю или подозрѣніи въ недобросовѣстности [5]). Такимъ образомъ, институтъ пэровъ освящалъ образовавшуюся постепенно сложную и многочисленную іерархію феодаловъ и закрѣплялъ за ними всѣ права власти, превративши короля только въ наминальнаго главу всего феодальнаго государства [6]). При Капетингахъ пэрами были вассалы первой сеньоріи во Фран-

---

1) Cohen, ibidem. 2) Dufau, I, 51 p. 3) Cheruel, I, 11 p., Vidaillan, ibid., Cohen, 89 p., Louandre, 110 p. 4) Cohen, ibidem, 5—6) Cohen, 89—92 p.

ціи,—королевской (герцогства Иль-де-Франсъ). Пэры короля, знатнѣйшіе феодальные сеньоры избирали его очень долго при Каролингахъ и спачала и при Капетингахъ. Король не могъ ничего сдѣлать въ государствѣ безъ совѣта и содѣйствія знатнѣйшихъ пэровъ [1]). Съ увеличеніемъ королевскаго могущества должно было падать политическое значеніе сильнѣйшихъ феодаловъ, которые переходили въ число вассаловъ короля, сравнивались съ простыми баронами—вассалами королевскаго домена [2]). Изъ главныхъ бароновъ королевскаго домена и высшихъ дворцовыхъ чиновниковъ былъ составленъ Ф. Августомъ судъ 12 пэровъ Франціи, который долженъ былъ судить Іоанна Безземельнаго [3]). Cour des pairs по идеѣ его организаціи былъ строго отличенъ отъ королевскаго совѣта (curia regis), съ которымъ онъ, однако, слился впослѣдствіи (при Людовикѣ IX) въ одно учрежденіе—парламентъ [4]). Еще въ началѣ XII столѣтія (при Людовикѣ Толстомъ) королевскій совѣтъ нерѣдко разбиралъ взаимныя жалобы вассаловъ разныхъ сеньоровъ; но въ то время совѣтъ не имѣлъ еще опредѣленнаго состава и компетенціи [5]). При Филиппѣ Августѣ, при которомъ королевская власть пріобрѣла извѣстную силу, curia regis наполняется вассалами короля, придворными чиновниками и юристами, проповѣдывавшими римскую идею о всемогуществѣ монархической власти [6]). Должность королевскаго совѣтника дѣлается теперь высокой и значительной во всемъ государствѣ [7]). Въ совѣтъ короля вносятся дѣла, подлежащія суду пэровъ, не смотря на ихъ энергичные протесты, оказывавшіеся безплодными при постепенно возрастающей силѣ Ф. Августа. Королевскій совѣтъ становится высшимъ судебнымъ и административнымъ учрежденіемъ и ко-

---

1) Dareste, I, 90 p., Cheruel, I, introd, LII—LIV p., Cohen, 89 p., Louandre, 112 p. 2) Dufau, 54—55 p, Dareste, ibidem. 3) Schaeffner, II, 344 s., Dareste, 89 p., Vidaillan, Louandre, ibidem. 4—5) Schaeffner, 345 und 383—384 s. 6) Vidaillan, 69—70 p., Schaeffner, 389 s., 7) Regnault, 10 p.

роль издаетъ въ немъ рядъ замѣчательныхъ ордонансовъ [1]). Ф. Августъ пытался освободить королевскую власть отъ тормозившаго ея дальнѣйшее развитіе вліянія духовенства, отнять у феодаловъ значительныя, занимаемыя ими, должности въ государствѣ [2]), отдѣлить королевскую власть отъ феодальной и возвысить её на счетъ послѣдней [3]).

Людовикъ IX Святой (1226 — 1270) держался, повидимому, того взгляда, что ни одинъ французскій король не можетъ пренебрегать совѣтомъ вельможъ [4]), которые дѣйствительно помогали ему въ рѣшеніи многихъ правительственныхъ дѣлъ [5]) и, между прочимъ, не позволили ему возвратить англійской коронѣ земель во Франціи, конфискованныхъ Ф. Августомъ [6]). Но на самомъ дѣлѣ Людовикъ продолжалъ неуклонно дѣло постепеннаго разрушенія власти феодаловъ и заставилъ ихъ признать полную независимость отъ нихъ королевской власти [7]). Дѣятельными помощниками Людовику въ этомъ случаѣ были юрисконсульты, стремившіеся распространить дѣйствіе королевской власти на цѣлый рядъ судебныхъ казусовъ, рѣшавшихся до сихъ поръ феодалами (cas rojaux) [8]). Послѣдовательно проведенная идея королевскаго мира повела къ совершенному уничтоженію суверенной юрисдикціи сеньоровъ,—одного изъ существенныхъ фундаментовъ феодализма [9]). Людовикъ создалъ аналогичный учрежденію missi dominici Карла Великаго особый институтъ слѣдователей (enquesteurs), обязанностью которыхъ было выслушивать жалобы на графовъ, виконтовъ и другихъ феодальныхъ судей королевства и лишать ихъ должности при явно несправедливомъ рѣшеніи дѣлъ [10]). Enquesteurs были членами королевскаго совѣта [11]). Вмѣстѣ

---

1) Cheruel, II, 20—21 p., Vidaillan, 66 p. 2) Dareste, I, 61 p. 3) Гизо, III, 236—241 с., Louandre, 281 p. 4) Cohen, 189 p. 5) Гизо, 252 с. 6) Regnault, 107—108 p. 7) Cheruel, I, 24 p., Cohen, 188 p., 8) Vidaillan, 74—75 p., Dufau, I, 55 p., Louandre, 281 p. 9) Schaeffner, II, 266 s. 10) Pradier-Fodére: „Precis de droit administratif“, Paris, 1872, 474 p., Marie Haas: „Administration de la France“, Paris, 1861, II, 357 p. 11) Vidaillan, I, 83 p.

съ судебною властью короля возрастала и его законодательная власть [1]). При Людовикѣ IX было присоединено къ коронѣ значительное число леновъ какъ имъ самимъ, такъ и въ малолѣтство Людовика его матерью, Бланкой Кастильской, пользовавшейся всякимъ случаемъ для усиленія королевскаго авторитета [2]). Органомъ этого послѣдняго былъ королевскій совѣтъ, который теперь съ увеличеніемъ количества дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію королевской власти, начинаетъ раздѣляться на нѣсколько учрежденій, завѣдующихъ отдѣльными частями управленія. Та часть совѣта, которая занималась судебными дѣлами, сохраняетъ долго названіе curia regis и парламента. Затѣмъ изъ curia regis выдѣляется счетная палата, какъ высшее финансовое учрежденіе и собственно государственный совѣтъ [3]). Различіе между всѣми этими частями совѣта было, однако, очень неопредѣленно, такъ какъ члены различныхъ отдѣленій безразлично присутствовали въ каждомъ изъ нихъ и компетенція ихъ устанавливается только впослѣдствіи [4]). Въ эпоху Людовика IX преобладаетъ названіе королевскаго совѣта парламентомъ [5]), который дѣлается при немъ центромъ монархической администраціи по всѣмъ ея отраслямъ. Сборники его постановленій (Olim) дѣлаются основаніемъ для дѣятельности королевскихъ чиновниковъ въ провинціяхъ [6]). Знатные вассалы и епископы рѣдко присутствовали въ совѣтѣ Людовика IX, между тѣмъ какъ легисты становятся постоянными его членами [7]). Юристы, участіе которыхъ въ рѣшеніяхъ совѣта и развитіи королевской власти дѣлается замѣтнымъ со времени Филиппа Августа и Людовика IX, вышли изъ среды буржуазіи, которая развилась къ этому времени на столько,

---

1) Гизо, III, 260—262 с. 2) Cheruel, I, 23—24 p., Cohen, 185—188 p., Marie-Haas, ibidem, Гизо, 249—250 с. 3) Schaeffner, II, 384 s. 4) Schaeffner, ibidem. 5) Vidaillan. 74 p., Schaeffner, ibidem, 6) Cheruel, I, 26—27 p. Vidaillan, 75—80 p. 7) Vidaillan, 84 p.

что стала обращать на себя вниманіе королей. Депутаты городовъ начинаютъ при Людовикѣ IX присутствовать даже въ совѣтѣ [1]). *Филиппъ III* (1270—1285), сынъ Людовика IX, продолжалъ работу своего отца: королевская власть не только сохранила свою силу, но и пріобрѣла еще большее политическое значеніе. Король въ своемъ совѣтѣ разрѣшаетъ политическія, финансовыя, судебныя и административныя дѣла всего королевства, въ которомъ феодальные суды падаютъ все болѣе и болѣе [2]). Наконецъ, ***Филиппъ IV Красивый*** (1285—1314) сообщаетъ королевской власти неограниченный, деспотическій характеръ. Король примѣняетъ на дѣлѣ тѣ идеи римскаго права о величіи и всемогуществѣ императорской власти, которыя ревностно проводятся легистами въ парламентѣ и королевскими чиновниками во всѣхъ провинціяхъ [3]). Филиппъ IV отнимаетъ у феодаловъ право чеканить монету, облагаетъ ихъ принудительнымъ налогомъ и позволяетъ держать гарнизоны только въ пограничныхъ земляхъ [4]). Къ королю же переходитъ и вся законодательная власть феодаловъ [5]). Большинство указовъ, которыми король властно регламентируетъ до мельчайшихъ подробностей всю жизнь гражданъ [6]), исходятъ отъ одного короля, который не считаетъ нужнымъ спрашивать совѣта и согласія бароновъ и другихъ крупныхъ ленныхъ землевладѣльцевъ. Филиппъ IV дѣйствуетъ совершенно независимо отъ феодальной аристократіи, совѣщается только съ лицами, имъ самимъ избранными въ его королевскій *совѣтъ* [7]). Сильное развитіе централизаціи при Филиппѣ IV повело къ непомѣрному увеличенію количества дѣлъ, которыми долженъ былъ заниматься королевскій совѣтъ. Вслѣдствіе этого при

---

1) Pico: „Hist. des états généraux“, I t, introd., 16—19 p. 2) Vidaillan, 85—88 p., Cohen, 199 p. 3) Schaeffner, II, 270 s., Гизо, III, 270 с. 4) Dufau, I, 56—57 p, Louandre, 282 p. 5) Schaeffner, ibidem. 6) Гизо, 272—277 и 281 с. 7) Гизо, 278 с.

Филиппѣ IV была произведена въ образованіи совѣта коренная реформа, начало которой положено было, впрочемъ, еще Людовикомъ IX [1]). Филиппъ раздѣлилъ ордонансомъ 1302 г. совѣтъ на три части: большой или тѣсный совѣтъ (Grand, etroit conseil), парламентъ и счетную палату. Большой совѣтъ былъ составленъ изъ обыкновенныхъ членовъ совѣта и дополненъ, назначенными королемъ, знатными лицами, наиболѣе выдающимися своими заслугами государству. Большой совѣтъ былъ назначенъ для составленія законовъ и рѣшенія важнѣйшихъ политическихъ дѣлъ, финансовыхъ и административныхъ [2]). Большой же совѣтъ разсматривалъ и судебныя дѣла, которыя не могъ разрѣшить парламентъ или которыми почему-либо интересовался самъ король [3]). Тѣмъ же королевскимъ ордонансомъ 1302 г. (article 7) было признано за всѣми подданными короля право жаловаться королевскому совѣту въ случаѣ неправильнаго рѣшенія парламента [4]). Парламентъ, составленный изъ бароновъ и въ особенности же легистовъ, которымъ было наиболѣе доступно знаніе римскаго и обычнаго французскаго права, назначался спеціально для рѣшенія однихъ только судебныхъ дѣлъ [5]). Засѣданія парламента происходили въ опредѣленные сроки въ Парижѣ. Парламентъ имѣлъ три отдѣленія (enquêtes, requêtes et grand chambre); къ его составу принадлежали бывшіе феодальные суды въ Нормандіи, Шампаньи и Тулузѣ [6]). Когда въ парламентѣ засѣдали пэры, онъ превращался въ судъ пэровъ [7]). Такимъ образомъ, въ началѣ XIV столѣтія французскій (парижскій) парламентъ получаетъ характеръ преимущественно высшаго судебнаго учрежденія въ противоположность госу-

---

1) Aucoc, 28 p. 2) Tillet, 307—308 p., Vidaillan, 93—99 p, Cheruel, I, 53 p, Dareste de la Chavanne I, 61 p., Warnkönig, I, 395 и 396 s. 3) Warnkönig, ibidem. 4) Laferrière: „Cours de droit public et administratif“, Paris, 1854, 178 p., Pradier-Foedére, 474 p. 5) Tillet, 308 p. 6) Vidaillan, 100—102 p., Cheruel, 53—54 p, Cohen, 216—217 p. 7) Dufau, 59 p,

дарственному совѣту, какъ институту съ преобладающимъ политическимъ и административнымъ значеніемъ. При Филиппѣ IV компетенція обоихъ учрежденій не была точно опредѣлена и каждое изъ нихъ стремилось взять верхъ надъ своимъ соперникомъ въ управленіи [1]). Въ счетной палатѣ централизовалось управленіе финансами королевства [2]). При разсмотрѣніи законодательныхъ реформъ и рѣшеніи важнѣйшихъ частныхъ дѣлъ члены парламента и счетной палаты призывались для совѣщанія въ большой совѣтъ короля, причемъ говорилось, что король засѣдаетъ въ полномъ или общемъ совѣтѣ [3]).

Государственный совѣтъ, осуществлявшій идею верховной королевской власти и ея могущества, предъ которымъ безмолвно склонялись всѣ феодальные сеньоры, сдѣлалъ очень многое для достиженія этой цѣли энергической дѣятельности Филиппа IV. Послѣдній стремился къ полной и окончательной побѣдѣ королевской власти надъ феодализмомъ и властолюбивыми притязаніями папства, и въ этомъ торжествѣ надъ соперниками должно было помочь Филиппу третье сословіе, все важное соціальное значеніе котораго было признано уже предшественниками Филиппа IV, Филиппомъ Августомъ и Людовикомъ IX. Со времени Филиппа IV третье сословіе (tiers êtat) начинаетъ принимать участіе въ политической жизни Франціи [4]), оказывать сильное вліяніе на организацію государственнаго совѣта, его роль въ управленіи, и играетъ роль посредника въ взаимныхъ отношеніяхъ между монархической властью и аристократіей. Политическое значеніе этой послѣдней съуживается постепенно по мѣрѣ развитія сословныхъ собраній во Франціи (États Gênêraux), въ которыхъ знать занимаетъ первое мѣсто, какъ высшее сословіе въ государствѣ. Политическіе ея идеалы оказываются

---

1) Schaeffner, II, 325 s. 2) Chéruel, 55 p., Vidaillan, 103 p. 3) Aucoc, 29 p., Vidaillan, ibidem. 4) Vidaillan, 106 p.

слишкомъ узкими, ограниченными, эгоистичными. Свѣтская аристократія готова защищать независимость короля и Франціи противъ властолюбивыхъ притязаній папы Бонифація VIII и враговъ отечества. Во всемъ остальномъ она рѣдко согласна съ другими сословіями, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда затрогиваются ея привиллегіи. Каждый разъ, какъ собирались État Gênêraux, депутаты аристократіи заботились только о томъ, чтобы во что бы то ни стало отстаивать исключительные интересы знати. хотя бы и во вредъ остальному обществу [1]). Признавая политическія права за третьимъ сословіемъ, короли думали найти въ немъ опору для усиленія своего политическаго авторитета и противодѣйствія эгоистическимъ стремленіямъ аристократіи [2]). Филиппъ IV созывалъ депутатовъ третьяго сословія вмѣстѣ съ баронами и сановниками королевства лишь въ особенно важныхъ случаяхъ, когда ему нужна была поддержка его подданныхъ въ борьбѣ съ Бонифаціемъ VIII (1302 г.) и при рѣшеніи процесса о Тампліерахъ (1308 г.), финансовая помощь для похода во Фландрію (1314) и—при обсужденіи другихъ важнѣйшихъ административныхъ мѣръ [3]). Въ первомъ же собраніи Генеральныхъ Штатовъ (1302 г.) при Филиппѣ IV была провозглашена имъ полная самостоятельность и независимость королевской власти [4]), противъ которой напрасно борется послѣ Филиппа феодальная аристократія. воспользовавшаяся для преслѣдованія своихъ личныхъ цѣлей слабостью преемниковъ Филиппа и внутренними междоусобіями при короляхъ Іоаннѣ и Карлѣ VI и VII. Тотчасъ послѣ смерти Филиппа IV при его сынѣ, *Людовикѣ X Упрямомъ* (1314—1316) и *Филиппѣ V Доломъ* (1316—1322) началась реакція противъ деспотизма королевской власти, которая должна была сдѣлать нѣ-

---

1) Louandre, 265 et 267 p. 2) Cohen, 206 p. 3) Pico, I t., 21—31 p., Cohen, 203—204 et 216 p., Dufau, 10 p, Гизо, III, 278—280 стр. 4) Pico, 22 p.

которыя уступки въ пользу феодальной аристократіи [1]). Король, однако, пользуется всѣми правами власти при содѣйствіи своего совѣта [2]): со времени Филиппа IV французскіе короли вполнѣ сознавали всю необходимость „имѣть около себя такой совѣтъ, при посредствѣ котораго они могли бы управлять королевствомъ для его пользы" [3]). Совѣтъ этотъ состоялъ изъ членовъ парламента, принцевъ крови, знатныхъ сеньоровъ, высшихъ членовъ духовенства, выдающихся въ управленіи лицъ и депутатовъ третьяго сословія [4]). Функціи совѣтника, имѣвшія характеръ временнаго порученія, были совмѣстимы со всякою другою публичною должностью [5]), хотя Филиппъ Валуа и предпринялъ извѣстныя мѣры для того, чтобы сдѣлать постоянными нѣкоторыя въ немъ должности (maitres des requêtes) [6]). Совѣтъ долженъ былъ собираться въ опредѣленные сроки и разсматривать „состояніе королевскаго дома и казначейства, чтобы исправлять то, что нужно" [7]). Кромѣ высшей администраціи, совѣту поручаются спорныя судебныя дѣла и въ немъ устанавливается порядокъ дѣлопроизводства [8]). При Филиппѣ Долгомъ возникаетъ, развившееся впослѣдствіи, различіе между тѣснымъ, обыкновеннымъ совѣтомъ, гдѣ разбирались незначительныя текущія дѣла, и большимъ совѣтомъ, вѣдающимъ болѣе важные административные, судебные и финансовые, вопросы [9]). Тотъ же король опредѣлилъ до извѣстной степени компетентность и порядокъ дѣлъ въ парламентѣ и счетной палатѣ [10]). Организованный въ такомъ видѣ, королевскій совѣтъ продолжаетъ функціонировать при *Карлѣ IV Красивомъ* (1322—1328), при которомъ феодалы не стави-

1) Cohen, 220—222 p., Гизо, III, 287—292 с. 2) Vidaillan, 109—114 p. 3) Pasquier, 77 p. 4) Vidaillan, 117 p., Pasquier, ibidem, Dareste, 66 p., Regnault, 13—14 p., Warnkönig, 393 s., Pradier-Foedéré, 474—475 p. 5) Dareste, 65 p. 6) Regnault, 15 p. 7) Tillet, 307 p, Vidaillan, 118 p. 8) Chéruel, 60 p, Tillet, ibidem, 9) Vidaillan, 119 и 123 p, Regnault, 151 p. 10) Vidaillan, 120—121 p.

ли препятствій королевской администраціи и суду. Различіе между обыкновеннымъ и большимъ совѣтомъ, сохранившееся при Карлѣ IV [1]), остается и при *Филиппѣ VI* (1328—1350), при которомъ обыкновенный совѣтъ называется еще секретнымъ совѣтомъ [2]) и завѣдуетъ финансами королевства [3]). Въ большомъ совѣтѣ былъ изданъ, между прочимъ, Филиппомъ VI ордонансъ (въ 1330 г.), которымъ дозволялось многимъ феодаламъ вести попрежнему частныя войны между собою,— фактъ, указывающій на то, что феодализмъ въ эту эпоху развитія королевской власти былъ еще силенъ. При Филиппѣ же VI встрѣчаются случаи, когда совѣтъ засѣдаетъ, какъ судъ пэровъ [4]). Знать при немъ требовала даже полнаго возстановленія своихъ феодальныхъ привиллегіей, съ чѣмъ также успѣшно боролся королевскій совѣтъ [5]). Совѣтъ разсматриваетъ всѣ дѣла управленія; рядомъ съ нимъ дѣйствуютъ, опредѣленно организованные совѣтомъ, счетная палата и парламентъ, въ которомъ увеличивается значеніе легистовъ [6]). Парламентъ долженъ былъ, между прочимъ, вести спеціальный и точный регистръ всѣхъ королевскихъ ордонансовъ, издаваемыхъ въ государственномъ совѣтѣ [7]). Такъ было положено начало тому знаменитому праву внесенія въ регистры парламента всѣхъ королевскихъ указовъ (droit de enregistrement), изъ котораго произошла политическая самостоятельность французскихъ парламентовъ и борьба ихъ за нее съ королевскимъ совѣтомъ и авторитетомъ.

Такимъ образомъ, въ XIV столѣтіи, когда королевская власть значительно развилась во Франціи, королевскій совѣтъ сталъ прочно организованнымъ институтомъ съ опредѣленнымъ составомъ и функціями [8]). Государственный Со-

---

1) Vidaillan, 124—125 p. 2) Vidaillan, 129 и 141 p. 3) Noel Valois: „Le conseil du roi aux XIV, XV et XVI siècles", Paris, 1888, 7 p. 4 и 7) Vidaillan, 135 p. 5) Chéruel, 67 p. 6) Vidaillan, 142 p., Chéruel, 69 p. 8) Aucoc, 34—35 p.

вѣтъ обладалъ высшею властью въ управленіи, подавалъ мнѣнія по различнымъ административнымъ вопросамъ, принималъ тѣ или другія рѣшенія; но ни его совѣты, ни предлагаемыя имъ мѣры не были обязательны для короля, власть котораго была безгранична въ эту эпоху [1]). Члены совѣта часто сопровождали короля въ его путешествіяхъ по странѣ, что сильно вредило правильному теченію дѣлъ, особенно же судебныхъ. Отчасти поэтому возрастаетъ значеніе парламента, засѣданія котораго дѣлаются постоянными въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ (Парижѣ) [2]). Роль совѣта, и безъ того значительная, увеличивается еще болѣе въ случаѣ отсутствія короля изъ государства, его болѣзни или плѣна: въ такихъ особенныхъ случаяхъ совѣтъ получалъ рѣшительное вліяніе на всѣ дѣла управленія и пріобрѣталъ въ немъ необыкновенную важность [3]). Положеніе совѣта въ управленіи придавало ему такую чрезвычайную силу, что États Généraux пытаются, начиная съ царствованія короля *Іоанна* (1350—1364), нѣсколько разъ измѣнить его составъ и ввести въ совѣтъ депутатовъ отъ буржуазіи [4]). Такъ Генеральные Штаты, созванные Іоанномъ въ 1355 году при началѣ войны съ Англіей, предложили королю въ числѣ необходимыхъ реформъ въ управленіи удалить изъ совѣта „злыхъ совѣтниковъ и избрать мудрыхъ изъ среды высшаго духовенства, благородныхъ и буржуазіи“. Составленный такъ совѣтъ долженъ былъ стать во главѣ управленія и сдѣлаться центромъ и рычагомъ всѣхъ въ немъ реформъ и, прежде всего, преобразовать счетную палату и парламентъ [5]). Ордонансомъ 1355 г., изданнымъ въ совѣтѣ, былъ опредѣленъ цѣлый рядъ мѣръ преимущественно финансоваго характера, которыя были необходимы при тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ. Разстройство и безпорядки въ финансовомъ управле-

1) N. Valois, 3 p.; Vidaillan, 143 p. 2) Pico, I t., 108 p.; N. Valois, ibid
3) Valois, ibidem, 4) Aucoc, 36 p. 5) Pico, I, 92—99 p, N. Valois, 16—22 p.

ніи страны были такъ велики, что совѣтъ самъ предложилъ ввести необходимый контроль за употребленіемъ суммъ, вотированныхъ Генеральными Штатами [1]). Король въ совѣтѣ пожаловалъ разныя привиллегіи городамъ, ассигновавшимъ въ провинціальныхъ штатахъ большія суммы для веденія войны [2]).

Въ бурное время плѣна Іоанна и регентства его сына, Карла V, État Gênêraux, во главѣ которыхъ стали энергичные представители буржуазіи. Стефанъ Марсель и Робертъ Кокъ, предприняли полную реформу всѣхъ административныхъ учрежденій, а также и государственнаго совѣта, причемъ королевская власть должна была согласиться на всѣ предлагаемыя Штатами мѣры [3]). Штаты, однако, не думали уничтожить совершенно совѣтъ, необходимость котораго въ управленіи, какъ и королевской власти во Франціи, была сознаваема здѣсь даже въ эту пору внутреннихъ раздоровъ, господства третьяго сословія въ государствѣ и временнаго ослабленія королевской власти [4]). Штаты ограничились только избраніемъ въ совѣтъ извѣстнаго числа депутатовъ отъ третьяго сословія [5]). Реформа коснулась болѣе измѣненій въ составѣ совѣта, а не самого учрежденія королевскаго совѣта [6]), который сохраняетъ свой обычный монархическій характеръ, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ отыскапіи необходимыхъ средствъ для окончанія войны, а послѣ нея—въ принятіи мѣръ къ умиротворенію страны, развитію благосостоянія населенія и увеличенію королевскаго авторитета [7]). Даже въ слабое царствованіе Іоанна совѣтъ былъ во главѣ управленія страной: ордонансами 1355 и 1359 гг. было опредѣлено, что только совѣтъ имѣетъ право издавать всякія постановленія и правила и раздавать привиллегіи, и что рѣше-

---

1 и 2) Vidaillan, 148 p., 143—147 p. 3) N. Valois, 61—66 p, Chéruel, I 73—74 p., Vidaillan, 152—156 p. 4) Vidaillan, 160 p., Chéruel, ibidem. 5 и 6) Valois, 47—49 и 17 p. 7) Vidaillan, 152—172 p.

нія совѣта имѣютъ силу закона во всѣхъ провинціяхъ государства [1]). При королѣ же Іоаннѣ была разграничена сфера дѣятельности совѣта и парламента и было запрещено членамъ послѣдняго присутствовать въ совѣтѣ, въ которомъ были сосредоточены одни лишь административныя дѣла [2]). Карлъ V (1364—1380) составлялъ совѣтъ и созывалъ его членовъ въ засѣданія по своему произволу [3]): въ совѣтѣ при немъ епископы преобладали надъ графами и баронами, такъ какъ они были болѣе свѣдующими людьми въ администраціи и судѣ [4]).

Въ продолжительное царствованіе *Карла VI* (1380—1422) королевская власть и вся Франція пережили самую тяжелую пору своей исторіи. Въ малолѣтство короля государствомъ управлялъ совѣтъ, составленный изъ принцевъ крови, изъ которыхъ каждый добивался первенства въ управленіи [5]). Тяжелая болѣзнь (съумашествіе) Карла VI была причиной того факта, что въ управленіи господствовали попеременно различныя политическія партіи, сдѣлавшія совѣтъ ареной своей борьбы и пораженія. Побѣда одной изъ нихъ надъ остальными вела къ наполненію совѣта сторонниками господствующей партіи, пораженіе которой было сигналомъ и замѣны ея въ совѣтѣ приверженцами противной партіи—побѣдительницы [6]). Такъ сначала управляла Франціей партія принца Бургонскаго (1411—12), причемъ членами совѣта были свѣтскіе сеньоры; затѣмъ (1413—18) власть переходитъ къ партіи герцога Орлеанскаго (арманьяковъ) и въ совѣтѣ берутъ верхъ прелаты [7]). Авторитетъ королевской власти ослаблялся все болѣе и болѣе по мѣрѣ увеличенія внутреннихъ раздоровъ въ странѣ, пока, наконецъ, Франціей не

---

1) Laferriere, I, 479—480 p., Pradier-Foedéré, 475 p. 2) Regnault, 110 p. 3) N. Valcis, 73 p. 4) Regnault, 17 p. 5) Valois, 79—92 p, Vidaillan, 177—179 p. 6) Pasquier, 78 p., Valois, 122 123 p. 7) Vidaillan, 191 и 204 p., Valois, 130—131 p.

завладѣлъ англійскій король, Генрихъ V, и королевская власть очутилась въ такомъ же положеніи, въ какомъ она была въ первое время существованія монархіи во Франціи [1]). Но въ тоже самое время, когда во Франціи установился „родъ мятежной олигархіи“ [2]), совѣтъ не только не потерялъ своего прежняго высокаго значенія въ управленіи государствомъ, но сдѣлался даже единственнымъ центральнымъ политическимъ учрежденіемъ, такъ что попасть въ число его членовъ стало высшею честолюбивой цѣлью представителей всѣхъ политическихъ партій. Вслѣдствіе этого число членовъ совѣта сдѣлалось такъ велико, что Карлъ VI въ одинъ изъ свѣтлыхъ промежутковъ своей болѣзни рѣшился ограничить его составъ нѣкоторыми принцами крови (дядями короля), высшими сыновниками въ государствѣ (канцлеромъ и констаблемъ), 15 простыми членами, нѣсколькими maîtres des requêtes и клерками [3]). Это и было сдѣлано ордонансомъ 1413 г. (ord. cobochienne), увеличившимъ, кромѣ того, централизацію во всемъ управленіи [4]) Не смотря, впрочемъ, на борьбу и раздоры различныхъ политическихъ партій при Карлѣ VI, овладѣвавшихъ совѣтомъ поперемѣнно, въ немъ самомъ всегда былъ въ это критическое время политической жизни Франціи элементъ до извѣстной степени неизмѣнный и устойчивый,—люди, которыхъ не коснулись мѣры, принимаемыя для очищенія состава совѣта отъ всякаго рода „интригановъ, паразитовъ и креатуръ различныхъ политическихъ партій“ [5]). Это были лица, пріобрѣтшія большую опытность въ управленіи государствомъ и способныя сообщить единство всей администраціи и уваженіе къ ея традиціямъ,—высшіе сановники, назначенные въ совѣтъ Карломъ VI еще въ па-

1) Vidaillan, 214—221 p. 2) Valois, 105 p. 3) Pico, I, 271—272 p., Regnault, 17—18, 46 p., Aucoc, 37—38 p. 4) Dareste, I, 66 p., Chéruel 89 p., Vidaillan, 205 p. 5) Valois, 103 p., Regnault, ibidem.

чалѣ своего царствованія, когда онъ былъ вполнѣ здоровъ [1]). При всѣхъ волненіяхъ въ странѣ въ организаціи совѣта были произведены нѣкоторыя измѣненія Карломъ VI, при которомъ большой совѣтъ стоитъ выше совѣта тѣснаго или секретнаго и парламента. „И если прежде употребляли выраженіе, что король засѣдаетъ въ парламентѣ, когда онъ въ торжественные дни созывалъ принцевъ и прелатовъ для рѣшенія какихъ-либо спорныхъ случаевъ, то теперь стали говорить, что король засѣдаетъ въ большомъ совѣтѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему угодно“ [2]). Отношенія между совѣтомъ и парламентомъ, однако, не были еще точно опредѣлены въ это время и часто члены совѣта являются въ парламентъ для того, чтобы узнать мнѣніе опытныхъ юристовъ при рѣшеніи тѣхъ или другихъ спорныхъ дѣлъ. Самъ совѣтъ вмѣшивается также въ судебную сферу вѣдомства парламента, который, въ свою очередь, заявляетъ претензіи на рѣшеніе административныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію совѣта [3]). Карлъ VI ограничилъ число членовъ совѣта, которые могутъ засѣдать въ парламентѣ съ правомъ совѣщательнаго голоса, принцами крови и прелатами Франціи [4]). Совѣтъ при Карлѣ VI обнаруживалъ большую дѣятельность въ разрѣшеніи массы различныхъ вопросовъ по юстиціи, финансамъ, администраціи и особенно церковнымъ дѣламъ [5]).

При *Карлѣ VII* (1422—1461) королевская власть, пережившая критическій моментъ своей исторіи, снова пріобрѣтаетъ утраченныя было ею обширныя права въ управленіи [6]). Феодальные сеньоры, пользовавшіеся внутренними безпорядками въ странѣ для увеличенія своихъ политическихъ правъ и сеньоральныхъ привиллегій, должны были признать теперь

---

1) Valois, 99—103, 105, 137—138 p. 2) Pasquier, 77 p. 3) Schaeffner, II, 325 s. 4) Tillet, 301 p. 5—6) Vidaillan, назв. соч., I t., 182 p. et suiv., 230, 245—247 p.

суверенитетъ короля [1]). Послѣдняя опора феодализма — судъ пэровъ преклонился предъ верховною властью короля [2]). Совѣтъ Карла VII состоялъ изъ тѣхъ принцевъ крови, которые пользовались довѣріемъ короля, и большаго числа простыхъ сеньоровъ, епископовъ и даже незнатныхъ лицъ, опытныхъ въ рѣшеніи всякаго рода административныхъ дѣлъ [3]). Совѣтъ предпринялъ цѣлый рядъ реформъ и, между прочимъ, строго ограничилъ компетентность счетной палаты и парламента, который былъ подчиненъ совѣту и въ его организаціи произведены многія улучшенія въ интересахъ правосудія [4]). Въ большомъ совѣтѣ издана была при Карлѣ VII знаменитая прагматическая санкція, которою были признаны независимость галликанской церкви отъ папскаго престола и подчиненіе ея королю [5]). *Людовикъ XI* (1461—1483) продолжалъ вести борьбу съ феодалами, которые организовали „лигу общественнаго благосостоянія“ (въ 1464—65 г.) съ тою цѣлью, чтобы подчинить себѣ короля, отнять у него въ свою пользу власть [6]). Феодализмъ былъ еще силенъ во Франціи въ XV вѣкѣ: Людовикъ долженъ былъ согласиться на то, чтобы надѣлить членовъ лиги — феодаловъ — многими важными правами и увеличить ихъ феодальныя поземельныя владѣнія [7]). Герцогъ Бургундскій, — одинъ изъ сильнѣйшихъ феодаловъ, приписываетъ Людовику собственныя условія мира, унизительныя для королевской власти [8]). Но и самъ Людовикъ не пренебрегалъ никакими средствами для того, чтобы унизить знать: онъ старался быть справедливымъ и милостивымъ, но при случаѣ употреблялъ силу и хитрость и пользовался взаимной враждой феодаловъ [9]). Борьба Людовика съ феодализмомъ заканчивается полной его побѣдой надъ

---

1) Chéruel, 95 p., Louandre, 282 p., Vidaillan, 235 p. 2, 4, 6—9) Vidaillan, ibidem, 261, 260, 250—254, 275, 278, 290, 282, 294, 283—285, 274 и 293 p. 3) Valois, 144—160 p., Chéruel, 109 p. 5) Chéruel, 104—105 p., Vidaillan, ibid.

противниками [1]), въ которой значительную долю успѣха доставилъ королю его совѣтъ, помогавшій всѣми мѣрами усиленію королевской власти на счетъ феодаловъ [2]). При Людовикѣ XI увеличивается контингентъ новаго монархическаго дворянства, создаваемаго королевскими указами [3]). Людовикъ поставилъ парижскій парламентъ выше провинціальныхъ парламентовъ, сдѣлалъ несмѣняемыми его членовъ, передалъ ему всѣ дѣла суда пэровъ, но въ тоже время потребовалъ, чтобы рѣшенія парламента были согласны съ его волей [4]). Централизація всего управленія въ совѣтѣ вызвала при Людовикѣ XI раздѣленіе его на три секціи: первая занималась политическими и высшими административными дѣлами, вторая спорными финансовыми, третья же только судебными. Въ особенныхъ случаяхъ всѣ секціи совѣта собирались въ одно собраніе, куда приглашались иногда и всѣ члены парламента [5]). При Людовикѣ почти исчезаетъ различіе между большимъ и обыкновеннымъ или тѣснымъ совѣтомъ; въ послѣднемъ рѣшаются болѣе важныя дѣла, чѣмъ въ первомъ. Иногда же обсужденіе и разрѣшеніе важнѣйшихъ административныхъ вопросовъ поручается королемъ отдѣльнымъ членамъ совѣта, назначаемымъ ad hoc королемъ [6]). Самъ Людовикъ XI такъ высоко ставилъ совѣтъ въ управленіи государствомъ, что, умирая, завѣщалъ своему сыну, Карлу VIII, управлять Франціей съ помощью совѣта изъ принцевъ крови, значительныхъ сеньоровъ, бароновъ, рыцарей, мудрыхъ и благородныхъ лицъ, отличающихся преданностью престолу [7]).

Царствованіе *Карла VIII* (1483—1498) открывается новой феодальной реакціей противъ королевской власти.

---

1) Chéruel, 112—114 p., Vidaillan, 296—297, 303, 305, 316—317 p. 2) Vidaillan, ibidem, 291—292 p. 3) Dareste, I, 96—97, 100, et suiv. 4) Chéruel, 116—117 p., Vidaillan, 272, 286 p. 5) Dareste, 66 p. 6 и 7) Vidaillan, 267—300, 317 p. et suiv.

Герцоги Орлеанскій и Бурбонскій, пользуясь малолѣтствомъ короля, пытаются захватить въ свои руки все управленіе государствомъ. Съ этою цѣлью они наполнили совѣтъ своими креатурами и потребовали отъ него немедленнаго созванія Генеральныхъ Штатовъ, которые и собрались въ Турѣ (въ 1483 г.) [1]). Многочисленная въ нихъ партія сторонниковъ принцевъ настаивала на томъ, чтобы въ теченіе малолѣтства короля управленіе государствомъ было ввѣрено принцамъ, какъ легитимнымъ опекунамъ короля. Но противъ такого предложенія возсталъ одинъ изъ депутатовъ, сенешаль Бургундіи, Филиппъ По, краснорѣчиво доказавшій собранію, что сами Штаты имѣютъ право распоряжаться назначеніемъ опекуновъ и образованіемъ совѣта [2]). Тогда принцы предложили Штатамъ составить совѣтъ изъ людей честныхъ и опытныхъ, которые могли бы принести пользу своею дѣятельностью всему народу [3]). Штаты обратили вниманіе еще на тотъ существенный недостатокъ королевскаго совѣта, который заключался въ присвоеніи имъ себѣ исключительной юрисдикціи по дѣламъ, касающимся интересовъ казны. Совѣтъ не былъ лишенъ правъ этой юрисдикціи, ставящей его выше парламента: Штаты только потребовали, чтобы во главѣ совѣта стоялъ канцлеръ, было опредѣлено число членовъ совѣта изъ опытныхъ юристовъ и извѣстная часть ихъ состояла изъ представителей отдѣльныхъ провинцій Франціи [4]). Совѣтъ долженъ былъ вѣдать политическія дѣла, юстицію, коммерцію и заботиться обо всемъ внутреннемъ благосостояніи государства [5]). Но вопреки желаніямъ Штатовъ, совѣтъ былъ оставленъ въ прежнемъ преимущественно аристократическомъ составѣ [6]) и управленіе имъ было поручено Штатами королевскимъ принцамъ, которые могли дополнять со-

---

1) Vidaillan, 331—332 p. 2) Pico, I t, 410—413 p., Vidaillan, 343 p. 3) Vidaillan, 336 p. 4) Pasquier, 78 p., Pico, I, 452—453 p. 5) Regnault, 19 p. 6) N. Valois, 162—163, 417 (примѣч.).

вѣтъ по своему усмотрѣнію: въ него вошли только десять депутатовъ, избранныхъ Штатами [1]). Генеральные Штаты признали за королемъ абсолютную власть и предоставили опеку надъ малолѣтнимъ королемъ энергичной его сестрѣ, регентшѣ, Аннѣ Божо, правившей Франціей и совѣтомъ въ строго монархическомъ духѣ [2]). Изъ совѣта исчезаютъ постепенно, не смотря на протесты предъ парламентомъ, герцоги Орлеанскій и Алансонскій и графъ Ангулемскій съ своими сторонниками и онъ наполняется юристами и финансистами изъ среды третьяго сословія, преданными королевской власти [3]). При дѣятельной помощи совѣта регентша вела постоянную и ожесточенную борьбу съ феодалами и съумѣла присоединить къ коронѣ нѣсколько крупныхъ феодальныхъ леновъ (Провансъ, Бретань) [4]).

При *Карлѣ VIII* была произведена крупная реформа въ организаціи совѣта, которая была вызвана увеличеніемъ числа провинціальныхъ парламентовъ и чрезмѣрнымъ расширеніемъ судебныхъ функцій большаго совѣта, присвоившаго себѣ право обсуждать судебныя дѣла, уже рѣшенныя парламентомъ и перенесенныя сторонами въ совѣтъ (evocations) [5]). Чтобы установить правильность въ ходѣ судопроизводства, большой совѣтъ образованъ, какъ высшій суверенный судъ, стоящій рядомъ съ парламентомъ, какъ высшимъ учрежденіемъ по обыкновеннымъ судебнымъ дѣламъ. Большой совѣтъ былъ составленъ подъ предсѣдательствомъ короля или въ его отсутствіе канцлера изъ 17 членовъ, изъ которыхъ сначала функціонировала въ теченіе трехъ мѣсяцевъ одна половина, а потомъ и другая, призываемая канцлеромъ на такое же время. Члены совѣта, отправляющіе свои въ немъ обязанности, были постоянною частью совѣта,

1) Pico, 418 и 421 p., Vidaillan, 346 p. 2) Chéruel, 126—127 p. 3) Valois, 166—174 p., Pico, 420—421 p. 4) Vidaillan, 364—374 p. 5) Schaeffner, II, 325 s., Chéruel, 129 p.

ординарными его членами (conseillers ordinaires), между тѣмъ какъ тѣ изъ нихъ, которые въ данный триместръ не участвовали въ его засѣданіяхъ, разсматривались, какъ временные члены совѣта (conseillers extraordinaires). Большой совѣтъ обладалъ специальной и исключительной юрисдикціей, разрѣшалъ всѣ споры о церковныхъ бенефиціяхъ, покрывавшихъ тогда большую часть Франціи, устанавливалъ правила судопроизводства и вѣдалъ вообще всякаго рода спорныя судебныя дѣла. Въ государственномъ совѣтѣ сосредоточивалось все законодательство и все высшее управленіе страны [1]). Образованіе совѣта при Карлѣ VIII дѣлается основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ въ немъ измѣненій при преемникахъ Карла. При этомъ государѣ произошло образованіе придворной знати (noblesse de cour), указывавшее на торжество монархическаго начала во Франціи. Послѣ неудавшихся домогательствъ феодаловъ предъ Генеральными Штатами 1783 г., требованій отъ нихъ разнаго рода исключительныхъ привиллегій феодалы поневолѣ становятся подъ защиту королевской власти, вступаютъ въ придворную свиту короля, превращаются въ военное и придворное дворянство [2]). Постепенный упадокъ политическаго значенія феодальной аристократіи, терявшей свои лены въ борьбѣ съ королевской властью и въ ея пользу, соприкосновеніе съ блестящей цивилизаціей южныхъ европейскихъ странъ, знакомой феодаламъ еще со времени крестовыхъ походовъ, принудили ихъ оставить свои замки, переселиться въ Парижъ, поступить въ личную службу къ королю и членамъ его семьи и ожидать отъ нихъ всякихъ милостей [3]). Феодаламъ, ряды которыхъ пополняются теперь новымъ, создаваемымъ королемъ, дворянствомъ, остаются только нѣкоторыя почетныя привиллегіи, жалуемыя имъ ко-

---

1) Pasquier, 79 p., Pico, I, 453 p , Aucoc, 36—37 p., Laferrière, I, 180 p., Chéruel, 129 p., Vidaillan, 379—383 p., Schaeffner, 326 s., Warnkönig, 517 s. 2) Pico, I, 517—521, 522—527 p. 3) Chéruel, 130 p., Louandre, 227—228 p.

ролемъ взамѣнъ отнятыхъ у нихъ политическихъ правъ. Владѣющіе такими исключительными привиллегіями, дворяне упорно отстаиваютъ ихъ, замыкаются въ изолированный отъ всего народа общественный классъ, члены котораго смотрятъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ на всю остальную массу населенія, хотя въ тоже время сами и не пренебрегаютъ никакими средствами для того, чтобы заслужить расположеніе и милости у короля [1]).

При *Людовикѣ XII* (1498—1515) организація Государственнаго Совѣта, данная ему Карломъ VIII, была только дополнена такимъ образомъ, что число совѣтниковъ было увеличено до 20, причемъ сохранено различіе между ординарными и экстраординарными членами совѣта. Въ большомъ совѣтѣ, поставленномъ ниже парламента [2]), не могъ засѣдать ни одинъ членъ Государственнаго Совѣта, и первому были присвоены тотъ же авторитетъ и прерогативы, какъ и другимъ суверенным судамъ [3]). Такое смѣшеніе судебной власти большаго совѣта съ аналогичными функціями другихъ суверенныхъ судовъ и особенно парламента ослабляло значеніе совѣта въ управленіи и увеличивало и безъ того сильную власть парламента, упорно отстаивавшаго присвоенное имъ себѣ окончательно въ XV столѣтіи право вмѣшиваться во все управленіе государствомъ. Подъ предлогомъ заботы о благѣ общества парламентъ сталъ требовать въ это время, чтобы всѣ законы и административныя распоряженія были доводимы до его свѣдѣнія, вносились въ его регистры прежде ихъ исполненія [4]). Король и его совѣтъ отказывали въ этой, ничѣмъ неоправдываемой, привиллегіи. Отсюда—цѣлый рядъ столкновеній между ними и парламен-

---

1) Dareste, I, 101—102 p, Louandre, 230 p. et suiv., 283 p. 2) Schaeffner, 415 s. 3) Pasquier, 79 p., Chéruel. 136 p., Vidaillan, 388 p. 4) Schaeffner, 401—402 s.

тами, тормозившихъ все управленіе и сильно подрывавшихъ авторитетъ королевской власти во Франціи.

Людовикъ XII не дѣлаетъ различія между большимъ совѣтомъ и собственно Государственнымъ Совѣтомъ, какъ это видно изъ того, что многія административныя дѣла разсматривались въ большомъ совѣтѣ [1]). Но Государственный Совѣтъ стоитъ при немъ во главѣ всего управленія и юстиціи и распоряжается всѣми суверенными судами и самимъ парламентомъ, который видитъ себя вынужденнымъ повиноваться совѣту, не смотря на свое сопротивленіе [2]). При *Францискѣ I* (1515—1547) королевская власть во Франціи дѣлается абсолютною въ полномъ смыслѣ этого слова: отъ нея зависятъ духовенство, дворянство и всѣ должностныя лица, судьбой которыхъ король распоряжается совершенно безконтрольно. „Tel est notre plaisir“—такова обыкновенная заключительная формула ордонансовъ Франциска I [3]). Государственными дѣлами при немъ начинаютъ завѣдывать государственные секретари, подѣлившіе между собою для управленія всю Францію и Европу [4]). При Францискѣ большой совѣтъ былъ соединенъ съ парламентомъ и Государственнымъ Совѣтомъ; этому новому высшему учрежденію должны были подчиняться всѣ суверенные суды. Отсюда произошло сильное скопленіе въ совѣтѣ судебныхъ дѣлъ и страшный безпорядокъ во всемъ управленіи [5]). „Тѣ члены совѣта, которые были знакомы съ финансами государства, не знали часто юстиціи, вслѣдствіе чего уменьшался въ совѣтѣ королевскій авторитетъ“ [6]). Впрочемъ, изъ этого единаго совѣта выдѣляется Францискомъ его частный, тѣсный совѣтъ, который постоянно окружаетъ особу короля во дворцѣ и созывается имъ для рѣшенія различныхъ дѣлъ“ [7]). *Генрихъ II*

8

1 и 2) Vidaillan, 391—407, 403 p. 3) Warnkönig, I, 510 s. 4) Chéruel, I, 146—147 p. 5) Pasquier, 79 p., Dareste, 66 p., Schaeffner, ?26 s. 6) Tillet, 10—311 p. 7) Pasquier, 80 p., ср. Vidaillan, 429—430 p.

(1547—1549) при своемъ возшествіи на престолъ рѣшился немедленно преобразовать совѣтъ, устранить смѣшеніе въ немъ дѣлъ и уменьшить большое количество членовъ, изъ которыхъ „лица, отличающіяся наибольшимъ авторитетомъ, брали перевѣсъ надъ остальными при рѣшеніи дѣлъ“ [1]). Для избѣжанія этихъ неудобствъ совѣтъ долженъ былъ собираться два раза въ день: утромъ для обсужденія политическихъ дѣлъ и финансовыхъ вопросовъ и вечеромъ для выслушиванія донесеній государственныхъ секретарей. Многочисленный составъ совѣта мѣнялся, смотря по роду дѣлъ, которыя подлежали его рѣшенію [2]). Члены частнаго совѣта засѣдали въ парламентахъ и большомъ совѣтѣ [3]), полномочія котораго были сильно расширены Генрихомъ; maitres des rêquêtes докладывали въ немъ по всѣмъ отраслямъ администраціи [4]), такъ что смѣшеніе функцій обоихъ совѣтовъ было полное. *Францискъ II* (1559—1560) исключилъ изъ вѣдомства частнаго совѣта, гдѣ членами при немъ были принцы и знатные сеньоры, всѣ процессы и учредилъ conseillers des affairs для общаго управленія государствомъ [5]).

Въ малолѣтство *Карла IX* (1560—1574) феодальная аристократія сдѣлала новую и также безплодную попытку захватить власть въ свои руки: неоднократныя ея пораженія королевскою властью въ союзѣ съ третьимъ сословіемъ еще не обезоружили феодаловъ, которые, повидимому, не могли освоиться вполнѣ съ своимъ почетнымъ, но зависимымъ отъ короля положеніемъ въ государствѣ [6]). Властолюбивыя притязанія сеньоровъ встрѣтили и на этотъ разъ сильное противодѣйствіе со стороны представителей третьяго сословія въ États Génêraux (1560), настаивавшихъ на непосредственномъ подчиненіи вассаловъ сеньоровъ королевской власти

---

1) Aucoc, 38 p. 2) Chéruel, I, 176 p., Aucoc, 39, 45 p., Dareste, 66—67 p., Warnkönig, 517 p., Vidaillan, II, 6 p. 3—4) Vidaillan, 28—29, 20—21 p. 5) Pasquier, 80 p. 6) Pico, II t., 261 p., Warnkönig, I, 553 s.

и энергично возставшихъ противъ исключительныхъ привилегій знати [1]). Въ собраніи Штатовъ (1561) было избрано въ совѣтъ извѣстное число лицъ отъ третьяго сословія [2]). Но совѣтъ остался въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ еще въ 1560 г. регентшей, Екатериной Медичи: въ немъ засѣдали принцы крови, кардиналы, высшіе сановники государства и прежніе члены совѣта [3]). Е. Медичи властно распоряжалась всѣмъ государствомъ и пользовалась помощью совѣта въ своемъ преслѣдованіи гугенотовъ [4]). Частный совѣтъ занимался общими государственными и частными дѣлами [5]). Число судебныхъ дѣлъ въ большомъ совѣтѣ сдѣлалось въ это время такъ велико, что депутаты третьяго сословія просили (въ 1560 г.) уничтожить исключительную юрисдикцію этого высшаго суда, какъ и другихъ суверенныхъ судовъ, и передать ихъ функцію обыкновеннымъ судамъ. Поэтому орлеанскій ордонансъ, редактированный знаменитымъ канцлеромъ Опиталемъ, ограничиваетъ юрисдикцію большаго совѣта тѣми дѣлами, которыя были ему указаны при первоначальномъ образованіи [6]). Е. Медичи управляла государствомъ и совѣтомъ и послѣ того, какъ Карлъ IX достигъ совершеннолѣтія [7]). Карлъ ограничилъ число членовъ частнаго совѣта 20-ю [8]), но число ихъ увеличилось скоро непомѣрно, благодаря тому, что назначеніе въ частный совѣтъ короля считалось особеннымъ отличіемъ [9]). Главную роль въ этомъ совѣтѣ играли conseillers des affaires [10]). Частный совѣтъ, однако, только выслушивалъ предложенія о разныхъ вопросахъ управленія, разсуждалъ о нихъ, но самъ не дѣлалъ самостоятельныхъ рѣшеній, не имѣлъ права толковать законы, а только напоминалъ о необходимости ихъ уваженія и исполненія [11]). Частный совѣтъ коро-

1—2) Pico, 262—276 p., Vidaillan, 64—65 p. 3) Pico, 72 p., Vidaillan, 56, 67 p. 4) Valois, 183—184 p., Vidaillan, II, 74 p. 5) Vidaillan, 56 p. 6) Vidaillan, II, 61 p. 7) Valois, 212 p. 8) Aucoc, 40 p. 9) Pasquier, 80 p. 10—11) Valois, 178, 199—200, 208 p.

ля ничего не выигрывалъ и оттого, что его члены имѣли совѣщательный голосъ въ парижскомъ парламентѣ [1]), который постоянно относился враждебно къ совѣту и старался всѣми мѣрами парализовать его дѣятельность [2]).

Частный совѣтъ короля *Генриха III* (1575—1589) отличается отъ Государственнаго Совѣта [3]), который вѣдаетъ финансовое и провинціальное управленіе [4]), между тѣмъ какъ частный совѣтъ занимается дѣлами юстиціи, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя принадлежатъ обыкновеннымъ судамъ [5]). Это опредѣленіе правъ различныхъ секцій совѣта оставляетъ въ сторонѣ однородную съ дѣятельностью частнаго совѣта функцію большаго совѣта. Слабость правительства, многочисленность состава всего совѣта и участіе его въ религіозныхъ волненіяхъ послужили причиной безпорядковъ и разстройства въ дѣятельности совѣта [6]). Въ числѣ его членовъ мы замѣчаемъ небольшое количество феодальныхъ сеньоровъ, которые окружали постоянно короля и надѣялись при безпрерывныхъ внутреннихъ раздорахъ снова вернуть потерянные феодальные лены и свою независимость отъ короны [7]). Интересы государства были такъ далеки отъ французскаго дворянства XVI столѣтія, что при *Генрихѣ IV* (1589—1610) извѣстный его министръ, Сюлли предложилъ назначить въ государственный совѣтъ нѣсколько человѣкъ изъ военной знати для того, чтобы развить въ ней наклонность къ занятіямъ публичными дѣлами [8]), тяжесть которыхъ дворянство желало свалить на буржуазію, оставляя за собой только высшія, почетныя и болѣе выгодныя мѣста въ управленіи [9]). Генрихъ отклонилъ предложеніе Сюлли, опасаясь „амбиціонныхъ происковъ и интригъ людей, виновныхъ въ

---

1) Pasquier, ibidem, Vidaillan, 62—63, 69 p. 2) Vidaillan, ibidem. 3) Valois 213 p., Chéruel, I, 226 p., Pasquier, ibidem. 4) Aucoc, 45 p. 5) Vidaillan, 85 p. 6) Valois, 214—218 p., Aucoc, 40 p., Chéruel, II, appendice, 348, 354 p. 7) Pico, III, 41—49 p. 8) Aucoc, 41 p. 9) Louandre, 269 p.

гражданскихъ смутахъ и лишенныхъ духа независимости, подчиненныхъ королевской власти“ [1]). При Генрихѣ IV появляются рядомъ съ Государственнымъ Совѣтомъ новыя отдѣленія королевскаго совѣта: финансовый совѣтъ и отчетный совѣтъ, возникшіе по предложенію Генеральныхъ Штатовъ въ 1596 г., которые желали ввести контроль въ расходованіи государственныхъ доходовъ [2]). Вновь образованный также частный совѣтъ (conseil des parties) долженъ былъ разсматривать сомнительныя дѣла другихъ совѣтовъ [3]). Наконецъ, промышленный совѣтъ имѣлъ своей задачей развитіе въ странѣ промышленности [4]). Такое разнообразіе секцій совѣта при Генрихѣ IV указываетъ на сильное развитіе въ ту пору во Франціи дѣятельности королевской власти, давшей народу могущественное, умѣренное и счастливое управленіе [5]). Впрочемъ, Генрихъ предпочиталъ управлять государствомъ не столько съ помощью учрежденій, сколько отдѣльныхъ лицъ,— совѣтниковъ, опытныхъ въ управленіи и судѣ. Изъ числа этихъ королевскихъ совѣтниковъ выдавался административный и финансовый геній—Сюлли, руководившій всѣми дѣлами въ королевскомъ совѣтѣ—органѣ королевской власти [6]) и всемъ управленіи [7]).

Королевская власть во Франціи достигаетъ еще большей степени могущества и силы при *Людовикѣ XIII* (1610—1643), благодаря особенно тому обстоятельству, что во главѣ управленія при этомъ монархѣ стоитъ знаменитый кардиналъ *Ришелье.* Чтобы достигнуть подчиненія всего государства королевскому авторитету, Ришелье ввелъ въ управленіе административную централизацію и сдѣлалъ изъ Государственнаго Совѣта разсадникъ чиновниковъ, способныхъ

1) Pico, III, 320 p., Dareste, I; 67—68 p., Aucoc, ibidem. 2) Pico, III, 292 p., Vidaillan, II, 113 p. 3) Vidaillan, 114 p., Aucoc, 46—49 p. 4) Regnault, 112 p., Chéruel, I, 250 p. 5) Pico, 338 p., Vidaillan, 114—117 p. 6) Stein: „Vollzieende Gewalt“, 189 s. 7) Chéruel, 348, 351 p., Valois, 224 p., Vidaillan, 118, 122 p.

скоро и безпрекословно выполнять въ провинціяхъ волю неограниченнаго монарха [1]). На пути къ этой цѣли Ришелье пришлось столкнуться съ традиціонными и властолюбивыми стремленіями французской аристократіи, которая не замедлила, по своему обычаю, воспользоваться малолѣтствомъ короля для того, что бызаявить о своемъ намѣреніи преобразовать государственное управленіе и королевскій совѣтъ въ своихъ интересахъ [2]). Выражая высокомѣрно свое полное презрѣніе къ буржуазіи, знать называетъ себя „правой рукой королевской юстиціи, поддержкой короны и непобѣдимой государственной силой“ [3]) и, ссылаясь на свою родовую честь, предъявляетъ королю на Генеральныхъ Штатахъ 1614 года и собраніи нотаблей въ 1627 году цѣлый рядъ требованій и жалобъ на свое унизительное положеніе въ государствѣ. Депутаты дворянства рисуютъ мрачными красками картину паденія всего сословія, его обѣднѣнія и систематическаго устраненія изъ администраціи, суда, финансоваго управленія и королевскаго совѣта. Дворянство хочетъ сохранить за собою монополію въ военной службѣ, занять всѣ придворныя должности, высшія и низшія, мѣста посланниковъ при иностранныхъ дворахъ и даже низшіе административные посты въ провинціяхъ. Оно требуетъ, чтобы однимъ дворянамъ было предоставлено право наполнить флотъ и финансовое вѣдомство. Дворяне желаютъ получить сразу всѣ титулы, должности и исключительно съ цѣлью обогащенія всего сословія и обезпеченія его привиллегированнаго положенія въ обществѣ: дворянство настаиваетъ на томъ, чтобы третьему сословію было запрещено пріобрѣтать дворянскія земли и чтобы были организованы учебныя заведенія, доступныя только лицамъ дворянскаго сословія [4]). Знать добивается настойчиво права быть одной около короля, подавать ему совѣты въ

1) Pico, IV, 164 p., Vidaillan, 145 p. et suiv., Chéruel, I, 286 p. 2) Vidaillan, 134—135 p. 3) Louandre, 269—270 p., 4) Pico, IV, 150—152 p.

дѣлахъ управленія, служить и защищать его. Она открыто стремится къ тому, чтобы получить монополію на всѣ государственныя должности и лишить третье сословіе того вліянія на управленіе, которое принадлежало ему въ эту эпоху [1]). До самаго конца XVIII вѣка французское дворянство упорно стоитъ за сохраненіе своихъ феодальныхъ привиллегій и уклоняется отъ всякой общественной службы въ провинціяхъ, неприносящей большаго дохода [2]).

Противъ этихъ исключительныхъ, сословныхъ притязаній французскаго дворянства, которое готово было снова въ 1614 году вступить изъ за нихъ и изъ за своей политической независимости въ борьбу съ королевскою властью, Ришелье предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣвшихъ своею цѣлью поставить знатнѣйшихъ сеньоровъ въ невозможность вредить королевской власти и заставить ихъ подчиниться ея приказаніямъ въ интересахъ общаго блага. Съ этою цѣлью были немедленно подавлены вспыхнувшія было возстанія феодаловъ, запрещены дуэли между ними, разрушены многіе феодальные замки и вмѣсто губернаторовъ въ провинціяхъ, избираемыхъ среди высшаго дворянства, были назначены королевскіе интенданты, неуклонно и послѣдовательно проводившіе всюду централистическую политику Ришелье [3]). Такъ развитіе королевской власти во Франціи идетъ рука объ руку съ паденіемъ феодальныхъ институтовъ, политическихъ правъ знатныхъ сеньоровъ [4]), которые дѣлаются простыми куртизанами [5]) и теряютъ всякое вліяніе въ управленіи и королевскомъ совѣтѣ, ставшемъ послушнымъ орудіемъ монархическаго абсолютизма французскихъ королей. Поэтому организація совѣта составляла предметъ особенной заботливости Ришелье. Въ 1615 году появился регламентъ о по-

1) Pico, 276, 447—448 p. 2) Тэнъ: „Происхожденіе современной Франціи“, 27 и 43 стр. 3) Pico, IV, 161—163 p., Louandre, 225 p. 4) Pico, ibidem, 274 p. 5) Vidaillan, II, 145 p.

вой организаціи королевскаго совѣта [1]), за изданіемъ котораго вскорѣ (въ 1617 г.) послѣдовало собраніе нотаблей, гдѣ вопросъ объ устройствѣ совѣта обсуждался долго и обстоятельно. Министры Людовика XIII и нотабли рѣшительно отказались составить королевскій совѣтъ изъ однихъ принцевъ и высшихъ сановниковъ государства, не желая допускать господства аристократіи въ управленіи, опасность котораго была не разъ уже испытана во Франціи въ переходныя, критическія минуты политической ея исторіи. Нотабли указывали на необходимость избирать членовъ совѣта изъ различныхъ сословій и высшихъ должностныхъ лицъ государства, обсуждали правила внутренняго хода дѣлъ въ совѣтѣ и точнаго разграниченія его компетентности отъ круга дѣлъ парламента и другихъ суверенныхъ судовъ и, наконецъ, опредѣлили число секцій совѣта [2]).

Результатомъ работъ собранія нотаблей надъ организаціей совѣта и королевскихъ ордонансовъ 1627 и 1630 г.г., дополняющихъ регламентъ 1615 г., было образованіе совѣта, какъ центральнаго института въ управленіи, обладающаго извѣстными опредѣленными правами въ отличіе отъ парламента и другихъ высшихъ учрежденій въ государствѣ. До сихъ поръ совѣтъ былъ составленъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: постоянныхъ членовъ совѣта и случайныхъ—принцевъ, членовъ парламента, епископовъ, посланниковъ, причемъ часто случайные члены занимали мѣсто въ совѣтѣ выше постоянныхъ его членовъ. Теперь всѣ члены совѣта были раздѣлены на три класса: ординарныхъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ круглый годъ, и семестральныхъ, одна часть которыхъ пребывала въ совѣтѣ полгода, а другая являлась туда только на четыре мѣсяца. Въ совѣтѣ же присутствуютъ maitres de rêquêtes съ совѣщательнымъ правомъ

1) Aucoc, 50 p. 2) Pico, III, 422—427 p.

голоса о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ они докладываютъ. Дѣла, подлежавшія обсужденію совѣта, распредѣлялись между нѣсколькими его секціями, засѣдавшими въ опредѣленные дни недѣли. Первая секція называлась собственно государственнымъ совѣтомъ (conseil d'Etat), который занимался финансовыми вопросами и спеціально налогами. Другое отдѣленіе совѣта (conseil des finances) обсуждало также финансовыя дѣла, но только спорныя. Совѣтъ депешъ или дѣлъ (conseil dépêches ou des affaires) имѣлъ съ 1622 года два отдѣленія, въ которыхъ докладывались донесенія губернаторовъ провинцій и другихъ представителей центральной административной власти о дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. Частный совѣтъ (conseil privè et des parties) разсматривалъ жалобы на рѣшенія суверенныхъ судовъ (evecations), разрѣшалъ дѣла о столкновеніяхъ между парламентами и устанавливалъ процессуальныя правила. Частный совѣтъ, въ свою очередь раздѣлялся на два отдѣленія: conseil de grande direction et petite direction. Въ первое вносились для рѣшенія спорныя финансовыя дѣла, во второмъ же разсматривались вопросы финансовой администраціи. Кромѣ всѣхъ этихъ совѣтовъ, былъ еще пятый—секретный совѣтъ или кабинетъ (conseil secret ou de cabinet), составленный изъ знатнѣйшихъ лицъ въ государствѣ для занятій особенно важными дѣлами. Наконецъ, необходимо еще упомянуть о коммерческомъ совѣтѣ и военномъ совѣтѣ; послѣдній состоялъ изъ принцевъ, маршаловъ и другихъ высшихъ военныхъ должностныхъ лицъ и завѣдывалъ военными дѣлами и высшимъ надзоромъ надъ состояніемъ финансовъ [1]). Рядомъ со всѣми этими совѣтами продолжалъ существовать и большой совѣтъ съ своей исключительной юрисдикціей, обширными правами относительно разрѣшенія многочисленныхъ спорныхъ случа-

1) Regnault, 157 p., Chéruel, I, 288—290 p., Aucoc, 50—52 p, Vidaillan, 126, 139 p., Pico, ibidem

евъ въ сферѣ суда и управленія [1]). Компетенція большаго и частнаго совѣта и порядокъ разрѣшенія дѣлъ въ нихъ были одинаковы [2]). Большая запутанность замѣчается также въ распредѣленіи дѣлъ и между остальными совѣтами. Такъ вообще финансовыми дѣлами занимались Государственный Совѣтъ, финансовый, частный и военный совѣты; спорные финансовые вопросы разрѣшались финансовымъ и частнымъ совѣтомъ. Сфера же вѣдомства секретнаго совѣта была совершенно неопредѣленна. Смѣшеніе функцій въ совѣтахъ и другихъ высшихъ учрежденіяхъ увеличивалось еще вслѣдствіе настойчивыхъ претензій парижскаго парламента „распоряжаться государственнымъ управленіемъ, требовать отчетовъ отъ административныхъ учрежденій и препятствовать исполненію королевскихъ ордонансовъ“ [3]). Такое хаотическое состояніе высшей администраціи при Людовикѣ XIII, сліяніе функцій, административныхъ и судебныхъ, въ разныхъ секціяхъ совѣта и парламентѣ вполнѣ опровергаютъ мнѣніе Regnault, что при этомъ монархѣ во Франціи было точно установлено въ высшемъ управленіи раздѣленіе между управленіемъ и судомъ [4]). Вѣрнѣе сказать, что въ это время были намѣчены и до нѣкоторой степени опредѣлены главныя отрасли управленія, которыми завѣдывалъ совѣтъ въ одной или нѣсколькихъ изъ своихъ секцій. Въ совѣтѣ Людовика XIII легисты и вообще свѣтскія лица преобладали надъ представителями дворянства и духовенства, къ которымъ королевская власть при явной ихъ оппозиціи ея развитію естественно не могла оказывать большаго довѣрія [5]).

Въ лицѣ *Людовика XIV* (1643—1715) королевская власть окончательно побѣдила всякое сопротивленіе ея могуществу въ государствѣ со стороны феодальной аристо-

1) Schaeffner, II, 416 s., Vidaillan, 125, 139 p. 2) Schaeffner, 328 s. 3) Vidaillan, II, 156—157 p. 4) Regnault, 110 p. 5) Aucoc, 41 p.

кратіи. Послѣдняя еще разъ попыталась въ малолѣтство короля возвратить себѣ самостоятельную роль въ управленіи. Но Фронда,—„этотъ послѣдній вздохъ феодальной оппозиціи королевской власти“ [1])—пала, побѣжденная кардиналомъ Мазарини [2]), а вслѣдъ за этимъ произошло и полное подчиненіе аристократіи неограниченной власти Людовика XIV. Теперь во Франціи осталась одна только придворная знать, чуждая всякихъ политическихъ стремленій, и занятая лишь придворными интригами и безпрерывной борьбой изъ за королевскихъ милостей [3]). Главу Фронды, принца Конде съ его партизанами поддерживали парламенты, которые стремились сдѣлаться учрежденіями, независимыми отъ королевской власти и подчинить ея дѣятельность своему контролю. Во время регентства Анны Австрійской и Мазарини парижскій парламентъ соединился съ большимъ совѣтомъ и податной палатой и всѣ эти учрежденія заявили свое право преобразовать все управленіе государствомъ и упорно настаивали на немъ при всемъ сопротивленіи королевскаго совѣта и Мазарини [4]). Взошедши на престолъ, Людовикъ заставилъ парижскій парламентъ признать королевскій авторитетъ: парламентъ долженъ былъ самъ въ королевскомъ засѣданіи (lit de justice) внести въ свои регистры королевскій ордонансъ, запрещавшій ему „принимать участіе въ общихъ дѣлахъ государства, финансовомъ управленіи и предпринимать что-либо противъ тѣхъ, кому довѣрена королемъ вся администрація государствомъ“ [5]). При Людовикѣ XIV совѣтъ получилъ окончательную организацію, основаніемъ которой послужило его устройство при Людовикѣ XIII. Людовикъ XIV провозглашаетъ высшій авторитетъ въ управленіи королевскаго совѣта, который получаетъ право верховнаго надзора

---

1) Chéruel, II t., 21 p. 2) Vidaillan, II, 181 p., Chéruel, 41 p. 3) L'uandre, 225—226, 236 p. 4) Vidaillan, 168—173 p., Chéruel, ibidem. 5) Vidaillan, 178 p.

надъ ходомъ всей администраціи и суда въ королевствѣ [1]). Ордонансами 1644, 1656 и особенно 1673 годовъ были опредѣлены точно и подробно составъ государственнаго совѣта, его компетентность и весь ходъ въ немъ дѣлъ. Совѣтъ состоитъ изъ министровъ, высшихъ государственныхъ сановниковъ, ординарныхъ членовъ, семестровыхъ государственныхъ секретарей, интендантовъ и докладчиковъ (maitres des rèquêtes) и не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла другихъ высшихъ административныхъ учрежденій (1 и 76 article ordon. 1673 г.) [2]). Людовикъ XIV систематически устранялъ отъ управленія и участія въ совѣтѣ родовитую знать, съ которой онъ „не желалъ раздѣлять власть и возбуждать въ ней напрасныя надежды на самостоятельную роль въ государствѣ“ [3]). Въ числѣ членовъ Государственнаго Совѣта были при Людовикѣ три министра и между ними знаменитый Кольберъ. Государственный Совѣтъ, называемый также совѣтомъ для иностранныхъ дѣлъ и высшимъ совѣтомъ, завѣдывалъ военными дѣлами, иностранной политикой и разрѣшеніемъ столкновеній между главными администраторами. Рядомъ съ Государственнымъ Совѣтомъ существовали: совѣтъ денегъ, въ которомъ разбирались финансовыя дѣла и вообще дѣла внутренняго управленія, финансовый совѣтъ въ двухъ отдѣленіяхъ, которому было поручено управленіе королевскими доменами, частный совѣтъ, разсматривавшій многочисленныя спорныя судебныя дѣла въ апелляціонной и кассаціонной инстанціи, коммерческій совѣтъ, военный и большой совѣтъ съ его прежней исключительной юрисдикціей. При Людовикѣ же XIV возникли: совѣтъ для управленія флотомъ (conseil de marine), суверенный совѣтъ въ Эльзасѣ, присоединенномъ къ Франціи по Вестфальскому

---

1) Vidaillan, 184, 189 p., Chéruel, I, 349, II, 119 p., Laferrière, 181—182 p. 2) Vidaillan, 194—205 p., Warnkönig, I, 519 s. 3) Chéruel, II, 117—118 p.

миру, совѣтъ для обсужденія дѣлъ о морскихъ призахъ (conseil des prises), совѣтъ по религіознымъ дѣламъ (conseil de conscience)[1]). Изъ всѣхъ этихъ совѣтовъ, въ которыхъ, очевидно, сосредоточивались главныя функціи управленія, особенно важнымъ значеніемъ пользовался Государственный Совѣтъ, представлявшій собою высшее административное учрежденіе въ государствѣ. Частный совѣтъ былъ центромъ внутренняго управленія; въ немъ собирались члены всѣхъ секцій совѣта, и положеніе ихъ здѣсь опредѣляло всѣ взаимныя отношенія членовъ совѣта, ихъ рангъ и роль каждаго изъ нихъ въ отдѣльныхъ секціяхъ совѣта[2]). Выдающееся значеніе частнаго совѣта среди другихъ совѣтовъ было результатомъ сильнѣйшаго развитія въ странѣ центральной администраціи, которая присвоила себѣ право подчинять своему контролю дѣятельность всѣхъ обыкновенныхъ и высшихъ суверенныхъ судовъ (ordon. 1661 г.) и разрѣшать всѣ столкновенія между правами государства и частныхъ лицъ[3]). Поэтому частный совѣтъ разбиралъ въ послѣдней инстанціи всѣ спорныя дѣла, относящіяся „къ охраненію законовъ, исполненію ордонансовъ и судебному порядку, установленному королемъ“[4]). Такимъ образомъ „частный совѣтъ, контролируемый единственно несмѣняемыми и склонными къ произволу парламентами, вѣрно отражалъ въ своихъ рѣшеніяхъ абсолютизмъ королевской власти“[5]). Министры сами рѣшали въ совѣтѣ монарха спорныя дѣла съ неизбѣжнымъ пристрастіемъ, противорѣчащимъ хладнокровію, необходимому для судьи[6]). Въ частномъ совѣтѣ судъ соединялся съ законодательствомъ и управленіемъ[7]).

---

1) Regnault, 157—160 p., Aucoc, 52-58 p., Dareste, I, 68—69 p, Chéruel, I, 219, II, 50 p., Vidaillan, 180—181, 189, 223—224, 229—230, 237—238 p., Schaeffner, II, 326—328 s. 2) Aucoc, 57 p., Dareste, Schaeffner, ibidem. 3) Stein: „Vollz. Gewalt“, 190 s. 4) Aucoc, 57—58 p. 5) Regnault, 112—113 p. 6—7) Montesquieu: „De l'Esprit des loix“, livr. VI, chap. VI et livr. XI, chap. VI.

Не смотря на большое количество и разнообразіе совѣтовъ при Людовикѣ XIV, въ нихъ не вошли нѣкоторыя отрасли управленія и текущія дѣла, которыя поручались отдѣльнымъ государственнымъ секретарямъ, бывшимъ въ тоже время и членами различныхъ секцій совѣта. Maîtres des rêquêtes участвовали также во всѣхъ отдѣленіяхъ совѣта и парламентѣ [1]). Они были непосредственными агентами королевской власти и входили во всѣ детали управленія [2]). Секціи совѣта не имѣли характера совѣтовъ при отдѣльныхъ министрахъ, которые сами были только ихъ членами: въ отдѣленіяхъ совѣта редактировались законодательные акты, разрѣшались вопросы высшей администраціи и административной юрисдикціи для всего королевства [3]). Въ продолжительное царствованіе Людовика XIV королевскій совѣтъ, вліяніе котораго на управленіе становится особенно замѣтнымъ еще со времени Генриха IV, проявилъ необыкновенную дѣятельность во всѣхъ сферахъ управленія. Такъ при прямомъ содѣйствіи совѣта былъ преобразованъ судебный процессъ (1667 г.), издано нѣсколько кодексовъ: уголовный (1669—70), коммерческій (1673) и морской (1681 г.) и были произведены многочисленныя экономическія и соціальныя реформы. Совѣтъ упорядочилъ финансовую часть въ управленіи, заботился о развитіи земледѣлія и промышленности и наблюдалъ надъ дѣятельностью интендантовъ, въ рукахъ которыхъ находилось все провинціальное управленіе. Наконецъ, совѣтъ же разсматривалъ конфликты между парламентомъ и секціями совѣта: conseil des dêpêches и conseil des finances по административнымъ и финансовымъ дѣламъ и разрѣшалъ всѣ столкновенія между органами судебной и административной власти и отдѣльными лицами и администраціей [4]).

1) Schaeffner, II, 329 s., Warnkönig, 521—523 s. 2) Chéruel, II, 121 p. 3) Aucoc, 56 p. 4) Vidaillan, II, 178 p. et suiv., 188 p. et suiv., 206, 213, 223, 235—240 p., Aucoc, 80—84 p.

Всѣ эти обширныя и разнообразныя функціи управленія распредѣлялись по разнымъ секціямъ совѣта безъ всякой почти системы, такъ что въ этомъ отношеніи совѣтъ Людовика XIV мало отличается отъ совѣта Людовика XIII. Однѣ и тѣже задачи управленія разрѣшались въ различныхъ отдѣленіяхъ совѣта. Финансами занимался conseil des dépêches и conseil des finances; внутреннимъ управленіемъ— conseil d'Etat и опять conseil des dépêches. Военныя дѣла входили и въ военный совѣтъ, и въ Государственный. Административная же юрисдикція составляла предметъ вѣдомства даже трехъ отдѣленій совѣта: Государственнаго, частнаго и большаго совѣта. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить однородныя отрасли управленія въ одной секціи совѣта, часто онѣ поручались въ завѣдываніе нѣсколькимъ отдѣльнымъ совѣтамъ. Такъ развитіе торговли относилось къ компетенціи коммерческаго совѣта, морскія дѣла—призоваго совѣта, религіозныя—conseil de conscience. И надъ всѣми этими многочисленными совѣтами, ничѣмъ между собою несвязанными, стоялъ фактически частный совѣтъ, компетентность котораго была гораздо незначительнѣе, нежели сфера вѣдомства собственнаго Государственнаго Совѣта (conseil d'État), гдѣ обсуждались важнѣйшія государственныя дѣла.

При *Людовикѣ XV* (1715—1774) и *Людовикѣ XVI* (1774—1791) организація совѣта сохранилась почти въ томъ же видѣ, какъ и при ихъ предшественникахъ. Въ послѣднія два царствованія XVIII вѣка были сдѣланы лишь нѣкоторыя дополненія въ совѣтѣ Людовика XIV. Такъ при регентѣ, герцогѣ Филиппѣ Орлеанскомъ было организовано (въ 1715 г.) вмѣсто Государственнаго Совѣта два новыхъ: совѣтъ для внутреннихъ дѣлъ королевства и—для иностранныхъ сношеній государства. Всѣ остальныя секціи совѣта остались въ прежнемъ числѣ и видѣ. Но регентъ не замедлилъ убѣдиться въ неудобствахъ для государственнаго управ-

ленія отъ такого большаго числа совѣтовъ, которые „болѣе разсуждали, чѣмъ рѣшали, постоянно ссорились между собою и стремились только къ тому, чтобы вытѣснить другъ друга изъ управленія, а не идти согласно по направленію къ одной и той же цѣли“ [1]). Поэтому были уничтожены финансовый, морской и коммерческій совѣты и вмѣсто нихъ учреждены совѣщательныя коммиссіи при совѣтѣ. Особенно былъ важенъ для упорядоченія дѣлъ административной юрисдикціи въ совѣтахъ: государственномъ, большомъ и частномъ регламентъ 1738 г. о порядкѣ дѣлопроизводства въ спорныхъ судебныхъ дѣлахъ. Этимъ регламентомъ дѣятельности совѣта въ этой области управленія былъ приданъ характеръ правильности и законности [2]). Составъ большаго совѣта былъ увеличенъ, опредѣлены точно его права и его юрисдикція сдѣлалась даровою. При столкновеніи правительства съ парижскимъ парламентомъ, когда послѣдній пріостановилъ свои засѣданія, большой совѣтъ былъ превращенъ (въ 1771 г.) въ парламентъ [3]). Вскорѣ, однако, большой совѣтъ былъ возстановленъ въ прежнемъ его видѣ и остался съ своимъ прежнимъ значеніемъ до конца царствованія Людовика XVI. Въ 1787 году былъ снова образованъ conseil royal des finances et du commerce, составленный изъ высшихъ сановниковъ государства. Наконецъ, въ 1789 году слились въ одно учрежденіе Государственнаго Совѣта главныя его секціи: conseil d'État, conseil des dêpêches et conseil des finances et du commerce. Въ компетентность такъ образованнаго совѣта вошли: назначенія на всѣ государственныя должности, магистратура, иностранныя дѣла, война, флотъ, финансы и управленіе королевскимъ дворцомъ [4]).

Такимъ образомъ, наканунѣ революціи и, послѣдовав-

1) Vidaillan, 272 p. 2) Stein, ibidem, Vidaillan, 288-289 p., Regnault, 160 p. 3) Vidaillan, 321, 328 p. 4) Aucoc, 85—86 p., Vidaillan, 338, 366, 382—383 p.

шаго за нею, паденія королевской власти во Франціи во главѣ всего управленія страной стоялъ, какъ высшій и непосредственный органъ этой власти, Государственный Совѣтъ, раздѣленный на пять секцій: иностранныхъ дѣлъ, депешъ, финансовъ, коммерціи и частный совѣтъ съ большимъ числомъ всякаго рода коммиссій при отдѣльныхъ секціяхъ, ординарныхъ и экстраординарныхъ. Совѣтъ обладалъ высшими правами власти: правомъ законодательства, управленія и суда [1]). Государственный Совѣтъ отражалъ на себѣ то полное смѣшеніе, которое господствовало во всей французской администраціи предъ 1789 годомъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ отрасляхъ администраціи, центральной и мѣстной, и въ сферѣ юстиціи конкуррировалъ съ большимъ совѣтомъ, податной счетной палатой и особенно парламентами, которые обезсиливали совѣтъ своей постоянной и систематической оппозиціей противъ всѣхъ актовъ его дѣятельности [2]). „Государственный Совѣтъ былъ вмѣстѣ: верховный судъ, высшій административный трибуналъ, правительственный совѣтъ, проэктирующій и обсуждающій большую часть законовъ, назначающій и распредѣляющій налоги и, наконецъ, высшій административный совѣтъ, устанавливающій общія правила для руководства въ дѣятельности агентовъ правительства“ [3]). Власть и высшее, руководящее значеніе совѣта въ центральномъ управленіи постепенно падаетъ вмѣстѣ съ ослабленіемъ королевской власти. Законы 1789 г. (15—20 октября) и 1790 г. (6—11 сентября) отнимаютъ у королевскаго совѣта право издавать самостоятельныя рѣшенія и подчиняютъ его административную юрисдикцію рѣшенію директоровъ департаментовъ. Въ 1890 году (27 ноября—1 дек.)

---

1) Aucoc, 80—84 p., Ducrocq: „Cours de droit administratif“, Paris, 1874, I t., 46 p., Laferrière, 181—182 p., Vidaillan, 397 p. 2) Vivien: „Etudes administratives“, Paris, 1852, I t., 89—90 p. 3) Токвиль: „Старый порядокъ и революція“, Спб., 1861, 35 стр.

былъ уничтоженъ частный совѣтъ и дѣла его были переданы кассаціонному трибуналу. Наконецъ, по закону 1791 г. (27 апрѣля) Государственный Совѣтъ былъ слитъ съ совѣтомъ министровъ, въ которомъ король былъ предсѣдателемъ. Этотъ новый совѣтъ долженъ былъ разсматривать иностранныя и военныя дѣла, устранять затрудненія въ исполненіи рѣшеній административныхъ учрежденій, разсуждать о способахъ уничтоженія неправильныхъ ихъ актовъ и разрѣшать вопросы о компетентности министерствъ и департаментовъ. Совѣтъ министровъ могъ давать свое согласіе или отказывать въ немъ по отношенію къ декретамъ законодательнаго корпуса. Государственные секретари и maîtres de rêquêtes были уничтожены въ совѣтѣ [1]). При директоріи совѣтъ министровъ совершенно исчезаетъ, такъ какъ по 151 статьѣ конституціи 1795 г. „министры не составляютъ совѣта“ [2]).

Основаніемъ конституціи 13 дек. 1799 года (22 фримера VIII г. республики) былъ проэктъ, составленный знаменитымъ аббатомъ Сійесомъ. Исходя изъ того принципа, что „власть идетъ сверху, а довѣріе снизу“, Сійесъ думалъ организовать всѣ правительственныя учрежденія и должности посредствомъ сложной системы выборовъ (сначала по спискамъ общиннымъ, потомъ департаментскимъ и, наконецъ, національнымъ спискамъ выборныхъ). Центральная власть должна была раздѣляться между законодательнымъ корпусомъ, трибунатомъ и государственнымъ совѣтомъ. Послѣдній былъ поставленъ возлѣ правительства для составленія законовъ, проэкты которыхъ онъ представлялъ законодательному корпусу и посредствомъ трехъ своихъ членовъ защищалъ ихъ предъ трибунатомъ, если послѣдній отвергалъ новый законъ. Кромѣ того, государственный совѣтъ

1) Aucoc, 87 –88 p., Regnault, 113 p., Blanche-Ymbert: „Dictionnaire général d'administration“, Paris, 1884, 597 p., Maurice Block: „Dictionnaire de l'administration française“, Paris, 1877, 584 p., 2) Dufau, I, 162 p.

долженъ былъ пополнять законы инструкціями и правилами, необходимыми для ихъ исполненія. Законодательный корпусъ имѣлъ право только принимать или отвергать законопроэкты, предложенные государственнымъ совѣтомъ. Выше всѣхъ этихъ учрежденій стоялъ сенатъ, который былъ уполномоченъ уничтожать всякій законъ, который казался ему противнымъ конституціи. Сенатъ имѣлъ еще право избирать членовъ всѣхъ законодательныхъ собраній и своихъ собственныхъ изъ народныхъ списковъ выборныхъ и могъ еще „поглощать“ (absorber) всякаго избирателя и гражданина, вреднаго республикѣ,—избирать его въ сенаторы. Главою исполнительной власти являлся „Великій Избиратель“, котораго самого избиралъ сенатъ. Великій Избиратель долженъ былъ представлять государство въ внѣшнихъ сношеніяхъ и подписывать международные трактаты. Его именемъ совершается правосудіе въ странѣ, обнародуются законы и приводятся въ исполненіе административныя распоряженія. Великій Избиратель назначаетъ двухъ высшихъ послѣ себя агентовъ исполнительной власти: консула мира и — войны, которые, въ свою очередь, назначаютъ министровъ. Эти послѣдніе, наконецъ, избираютъ изъ выборныхъ списковъ другія власти и съ ихъ помощью ведутъ всѣ государственныя дѣла [1]).

Сійесъ желалъ соединить въ конституціи всѣ главные элементы политическаго быта, всѣ три главныя формы правленія (монархію, аристократію и демократію) и въ тоже время уничтожить возможность злоупотребленій властью цѣлымъ рядомъ предосторожностей. Съ этою цѣлью Сійесъ передалъ все государственное управленіе цѣлой группѣ учрежденій, представлявшихъ собою страшно сложный механизмъ, въ которомъ народъ превращался въ безсвязную толпу ав-

1) А. Тьеръ: „Исторія консульства и имперіи во Франціи“, Спб., переводъ Конк. 1840, 1-я кн., 51—59 стр., Weber, XIV B., 82—83 s.

томатовъ, а сами правительственныя учрежденія не имѣли никакой власти. Каждая изъ главныхъ ея функцій была раздѣлена между нѣсколькими учрежденіями, изъ которыхъ одни мѣшали другимъ въ проявленіи всякой самостоятельности. Такъ составленіе законовъ было довѣрено государственному совѣту, трибунату и законодательному корпусу. Но первый только предлагалъ законы, второй лишь обсуждалъ ихъ, а третій молчаливо рѣшалъ, принять законопроэктъ или отвергнуть его. Самъ сенатъ не принималъ никакого участія въ законодательствѣ, ограничиваясь только уничтоженіемъ законовъ, противныхъ конституціи. Но въ тоже время сенатъ назначалъ главу исполнительной власти и, въ случаѣ нужды, „поглощалъ“ его. Исполнительная власть, въ свою очередь, ослаблялась раздѣленіемъ ея между Великимъ Избирателемъ, консулами, министрами и другими должностными лицами. Великій Избиратель былъ избирательнымъ королемъ, окруженнымъ внѣшнимъ и пышнымъ блескомъ высшаго представителя власти въ странѣ, но лишеннымъ дѣйствительнаго вліянія на управленіе. Въ этой системѣ зависящихъ и взаимно ограничивающихъ другъ друга учрежденій сенатъ долженъ былъ получить рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими учрежденіями при первомъ же опытѣ осуществленія законопроэкта. Сенатъ сталъ бы по своему произволу назначать Великаго Избирателя и членовъ всѣхъ высшихъ государственныхъ учрежденій, „поглощая“ ихъ въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія его власти. Въ концѣ концовъ сенатъ превратился бы въ родъ венеціанской аристократіи, которая и послужила Сіейесу при составленіи его конституціоннаго проэкта [1]).

Конституція Сіейеса, на которой видны слѣды несомнѣн-

---

1) Тьеръ, ibidem, 62—63 с. Мы изложили подробно законопроэктъ Сіейеса потому, что взгляды Сіейеса отразились на „Государственномъ Уложеніи“ графа Сперанскаго, съ которымъ намъ придется имѣть дѣло впослѣдствіи.

наго вліянія на автора теоріи раздѣленія властей Монтескье и англійской конституціи, была принята въ особой законодательной коммиссіи въ томъ, что касается составленія разнаго рода списковъ чиновниковъ и раздѣленія законодательной власти между тремя учрежденіями: государственнымъ совѣтомъ, трибунатомъ и законодательнымъ корпусомъ. Существенныя измѣненія въ законопроэктѣ Сійеса были сдѣланы въ организаціи исполнительной власти,—правъ сената и совѣта. Вмѣсто Великаго Избирателя, котораго генералъ Бонапарте назвалъ „безкровною тѣнью короля-тунеядца", исполнительная власть была вручена тремъ консуламъ, изъ которыхъ первый (Наполеонъ) былъ надѣленъ важнѣйшими правами власти и, между прочимъ, правомъ назначать и отрѣшать отъ должности членовъ государственнаго совѣта, который сдѣлался частью исполнительной власти (41 ст. конституціи 1799 г.)[1]). Сенатъ могъ избирать своихъ членовъ только изъ числа трехъ кандидатовъ, предложенныхъ консуломъ, законодательнымъ корпусомъ и трибунатомъ (16 ст.). Сенатъ могъ уничтожать всѣ акты, противные конституціи, хотя и предложенные ему трибунатомъ и администраціей (21 ст.)[2]). По 52 ст. конституціи „Государственный Совѣтъ былъ обязанъ составлять проэкты законовъ и регламентовъ публичной администраціи и разрѣшать въ ней затрудненія". 53 статья опредѣляетъ, что три члена совѣта должны защищать предъ законодательнымъ корпусомъ отъ имени правительства проэкты законовъ. 75 статья предоставила государственному совѣту право рѣшать вопросы о возбужденіи отвѣтственности предъ обыкновенными судами всѣхъ агентовъ управленія, начиная съ министровъ[3]). 4 нивоза VIII года республики государственный совѣтъ былъ раздѣленъ на пять секцій: законодательства, гражданскаго и

1, 2 и 3) Dufau, I, 190, 188, 191 и 191 p.

уголовнаго, войны, флота и внутреннихъ дѣлъ. Въ каждой изъ этихъ секцій составлялись проэкты законовъ и регламенты, относящіеся къ ихъ компетенціи. Послѣ ихъ составленія въ отдѣленіяхъ совѣта всѣ его члены собирались для окончательнаго редактированія законопроэктовъ и регламентовъ въ одно общее собраніе, въ которомъ предсѣдательствовалъ первый консулъ. Совѣтъ былъ составленъ консульскимъ распоряженіемъ 5—6 нивоза VIII года изъ 30—40 членовъ и ему было предписано представлять и защищать проэкты законовъ, кромѣ законодательнаго корпуса, еще и предъ трибунатомъ. Государственный Совѣтъ обязанъ былъ разъяснять смыслъ законовъ, если законопроэктъ былъ возвращенъ ему обратно консулами, и разрѣшать споры между администраціей и судами, а также всѣ вопросы административной юстиціи, разсмотрѣнные предварительно министрами. 7 фруктидора VIII г. члены совѣта были раздѣлены на двѣ категоріи: ординарныхъ и экстраординарныхъ членовъ. Званіе экстраординарнаго государственнаго совѣтника было только титуломъ, который не обязывалъ его участвовать въ обсужденіи дѣлъ въ совѣтѣ. Между ординарными его членами было нѣсколько лицъ, занимавшихъ высокіе посты въ управленіи, въ разныхъ спеціальныхъ его отрасляхъ, на которыя было обращено особенное вниманіе правительства (въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, государственномъ казначействѣ и др.). Такіе члены совѣта не участвовали въ работахъ секцій совѣта; нѣкоторые же изъ нихъ не были причислены ни къ одной изъ его секцій. Senatusconsult'омъ 18 фруктидора X года (1802 г.) было дано министрамъ, обладавшимъ совѣщательнымъ голосомъ въ совѣтѣ, право вотированія при рѣшеніи дѣлъ въ совѣтѣ. Въ томъ же году компетенція совѣта по закону 18 жерминаля была расширена тѣмъ, что ему было поручено разбирать жалобы о злоупотребленіяхъ въ сферѣ церковнаго управленія. Органи-

ческимъ senatusconsult'омъ того же года (18 термидора) было увеличено число государственныхъ секретарей и членовъ совѣта. 19 жерминаля XI года республики (1803 г.) къ ординарнымъ членамъ совѣта были присоединены въ качествѣ ихъ помощниковъ аудиторы, которые должны были служить связью между министрами и членами совѣта и пріучаться въ немъ къ веденію важнѣйшихъ дѣлъ [1]).

Такимъ образомъ, во время консульства во Франціи Государственный Совѣтъ представлялъ собою высшее правительственное учрежденіе въ государствѣ, причисленное къ исполнительной власти и надѣленное обширными правами въ области собственно администраціи и ея отношенія къ суду и гражданамъ и въ сферѣ законодательства. На Государственномъ Совѣтѣ лежала обязанность инниціативы и редакціи законовъ, представленіе и защита ихъ предъ законодательнымъ корпусомъ и трибунатомъ, интерпретація прежнихъ законовъ, получающая силу новыхъ законовъ послѣ ея утвержденія главой государства, и обсужденіе важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ внутренняго и внѣшняго управленія [2]). Такъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ эпоху консульства были разрѣшены многіе вопросы по церковному и финансовому управленію, публичному воспитанію и разсмотрѣны проэкты разныхъ трактатовъ съ различными иностранными государствами [3]). Члены совѣта пользовались высшимъ вліяніемъ въ управленіи по сравненію съ сенаторами. Государственный Совѣтъ стоялъ надъ отдѣльными министрами, которые должны были подчиняться его постановленіямъ въ силу рѣшенія большинства членовъ совѣта [4]). Значеніе Государственнаго Совѣта въ управленіи государствомъ уве-

---

1) Aucoc, 89—93 p., Regnault, 56—60 p., Laferriére, 182—183 p., Dufau, 205, 67 и 69 p., Stein, 191 s., Тьеръ, 2-я кн., 87 с. 2) Regnault, 118 p., Aucoc, 90 p., Тьеръ, 2-я кн., 88 с. 3) Regnault, 114—121 p. 4) Laferriére, 184 p., Pradier-Foedéré, 476 p.

личилось еще болѣе, когда въ 1804 году была возстановлена во Франціи монархическая власть,—появилась первая имперія съ Наполеономъ I во главѣ. Въ силу органическаго senatusconsult'а 28 флореаля XII г. (18 мая 1804 г.), довѣрившаго управленіе республикой императору французовъ, Наполеону Бонапарте, Государственный Совѣтъ былъ раздѣленъ на шесть секцій: законодательную секцію, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, войны, флота и коммерціи. Совѣтъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ императора изъ важнѣйшихъ сановниковъ государства: великаго избирателя, архиканцлера имперіи, государственнаго архиканцлера, архиказначея, коннетабля, великаго адмирала и ординарныхъ и экстраординарныхъ членовъ совѣта. Каждый изъ высшихъ сановниковъ—членовъ совѣта—имѣетъ свои особенныя обязанности. Такъ великій избиратель долженъ былъ присутствовать при присягѣ и аудіенціяхъ у императора членовъ всѣхъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, предсѣдательствуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ сенатѣ и проч. Архиканцлеръ имперіи и архиказначей предсѣдательствуютъ въ соединенныхъ секціяхъ Государственнаго Совѣта, смотря по роду дѣлъ и проч. [1]). Членъ совѣта, имя котораго было вносимо въ списки ординарныхъ членовъ совѣта въ продолженіи пяти лѣтъ, дѣлался пожизненнымъ его членомъ. Если кого-либо изъ членовъ совѣта, ординарныхъ или экстраординарныхъ, не окажется на листѣ членовъ Государственнаго Совѣта, то такой членъ считается отставнымъ, но сохраняетъ за собою $^1/_3$ содержанія, присвоеннаго членамъ совѣта. Титулъ и права членовъ Государственнаго Совѣта могутъ быть отняты только по рѣшенію высшаго императорскаго суда, приговорившаго виновнаго къ тѣлесному или по-

---

1) Senatusconsulte organique 28 floreal an 12, articles: 76, 36, 37, 39, 40, 42, 75, 77 и 95 (Dufau, I, 214—224 p.).

зорному наказанію (77 art.). При разсмотрѣніи проэктовъ закона или регламентовъ публичной администраціи обязательно присутствіе ²/₃ ординарныхъ членовъ совѣта. Въ обыкновенныхъ же его засѣданіяхъ должно быть не менѣе 25 членовъ (75 art.). Въ 1804 году былъ организованъ высшій судебный трибуналъ, въ которомъ участвовали 6 президентовъ секцій совѣта и 14 его членовъ; въ компетентность этого суда входило принятіе мѣръ для охраненія безопасности личности императора и всѣхъ гражданъ въ государствѣ, разсмотрѣніе произвольныхъ актовъ дѣятельности министровъ и ихъ агентовъ и обсужденіе дѣлъ о преступленіяхъ членовъ императорской фамиліи и высшихъ государственныхъ сановниковъ [1]).

Декретомъ 11 іюня 1806 года Государственному Совѣту были поручены дѣла высшей административной полиціи; въ совѣтѣ въ присутствіи императора долженъ былъ быть изслѣдуемъ образъ дѣйствій органовъ власти. Государственный Совѣтъ могъ призвать обвиняемаго въ свое засѣданіе, разспросить его и назначить, въ случаѣ виновности, съ одобренія императора то или другое дисциплинарное наказаніе или даже исключить его изъ государственной службы. Въ совѣтѣ былъ снова возстановленъ институтъ maîtres de rêquêtes, функція которыхъ была совмѣстна съ обязанностями по другимъ должностямъ, имъ довѣреннымъ (4, 10 art.). Maîtres des rêquêtes обладали правомъ доклада въ совѣтѣ по дѣламъ административной юстиціи (32 art.). Шесть maîtres des rêquêtes съ такимъ же числомъ аудиторовъ составляли при совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи коммиссію, которая должна была приготовлять донесенія совѣту обо всѣхъ дѣлахъ административной юстиціи. Государственный Совѣтъ постановляетъ свои рѣшенія по этимъ дѣламъ по докладу

---

1) Dufau, I t., 210, 214—216, 222—224 p.

золоту, завѣса крашенинная. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. Одежда на престолѣ камкасейная, Евангеліе печатное въ десть окрыто камкасеею, Евангелисты серебряные чеканные, крестъ на престолѣ обложенъ серебромъ золоченъ, покровъ на престолѣ камкасея цвѣтная, опушка киндякъ зеленой. За престоломъ: образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Петръ и Павелъ, убрусецъ по кіоту шелковой цвѣтной. На жертвенникѣ одежда выбойчатая. Сосуды церковные оловяные, воздухъ отласъ червчатой, крестъ, трость и копіе, и подписи шиты золотомъ и серебромъ, опушка тафта зеленая, покровцы отласъ червчатой, кресты шиты золотомъ, опушка тафта зеленая, другіе покровцы и воздухъ тафта червчатая, опушка тафта брусничная.

Книгъ: Уставъ полной, Евангеліе толковое недѣльное, Апостолъ, 2 Пролога въ годъ, Шестодневъ на осмь гласовъ, Треоди постная и цвѣтная, 2 Треѳолоя съ Сентября на шесть мѣсяцевъ, книга Ефремъ Сиринъ. А тѣ книги въ десть старой печати. Служебникъ, Святцы съ тропари и съ кондаки, Псалтырь налойная, Минея общая, Минея мѣсяцъ Октябрь, житіе Святителя Николая, Часовникъ. А тѣ книги въ полдесть старой печати. Да новой печати: Псалтырь со вослѣдованіемъ въ десть, Служебникъ въ пол десть, Псалтырь налойная въ четверть.

Ризы камчатыя цвѣтныя, оплечье шито золотомъ и серебромъ, опушка киндяшкая, подризникъ киндяшной лимонной, оплечье и поручи бархателные, опушка кумачная, патрахель камка индѣйская, опушка киндякъ зеленой, пугвицы оловяныя, поручи отласъ червчатой, опушка тафта желтая, пуговицы оловяныя; ризы полотняныя бѣлыя, оплечье выбойчатое, опушка кумачная, патрахель бархатъ рытой червчатой, опушка тафта зеленая ветха, пугвицы оловяныя, 2 кадила, укропникъ, чаша водосвятная мѣдная, блюдо оловяное.

Церковь Благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба древяная теплая съ трапезою объ одной главѣ, а въ ней: образъ Благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба обложенъ серебромъ золоченъ, вѣнцы серебряные рѣзные золочены, цаты серебряныя, ожерелица жемчужныя низаныя, пелена киндяшная червчатая, свѣча поставная восковая, надсвѣшникъ жестяной. Образъ Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла, да Благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба писаны по золоту. Образъ Пречистыя Богородицы Владимерскія въ кіотѣ писанъ по золоту, убрусецъ и ожерелейцо жемчужное, въ прикладѣ 4 креста серебряныхъ, да у Превѣчнаго Младенца ожерелейцо жемчужное; въ прикладѣ 2 креста. Царскія двери со Святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. Деисусъ 13 иконъ. Паликадило мѣдное о 6 шанданахъ, кисть шелковая. На престолѣ: одежда крашенинная, Евангеліе писмяное окрыто

бархатомъ червчатымъ ветхое, Евангелисты мѣдные, крестъ обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ, другой крестъ мѣдной литой. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Святителя Николая; у Пречистыя Богородицы вѣнцы и цата серебряные басемного дѣла золочены; у Святителя Николая вѣнецъ басемного дѣла золоченъ. У царскихъ дверей завѣса и на жертвенникѣ одежда крашенинная.

Колоколница деревяная, на ней 6 колоколовъ: благовѣстной колоколъ 9 пудъ, 6 гривенокъ, другой 6 пудъ. 4 гривенки, 2 колокола вѣсу въ нихъ 7 пудъ безъ чтв., въ 2 зазвонныхъ полтора пуда.

А по сказкѣ попа Ивана и прихожанъ Гараски Потапова съ товарищи церковное строеніе образы и книги, и ризы, и колокола приходскихъ людей.

А у тѣхъ церквей кладбище отъ Большія проѣзжія дороги огорожено заборомъ. На Святыхъ Воротѣхъ Образъ Всемилостивѣйшаго Спаса въ Деисусѣ на одной дцкѣ, на другой странѣ на той же дцкѣ Образъ Спасовъ Нерукотворенный со Святыми. Вдоль кладбища по воротамъ 43 саж. безъ трети, по другую сторону отъ огородовъ 27 саж. безъ полъ трети, поперегъ къ Московской дорогѣ 25 саж., въ другомъ концѣ за алтарями въ тужъ сторону 19 саж. съ полусаж.

Государева жалованья годовыя руги по прежнимъ книгамъ попу 2 р. да за воскъ 4 алт. съ д., хлѣба 7 чтв. съ осьминою ржи, овса тожъ, да на просвиры чтв. съ четверк. ржи.

Дв. попа Ивана Яковлева да дьячка Тишки Сергѣева, въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ писанъ дв. попа Якова на посадской землѣ, а нынѣ тотъ дворъ попа съ дьячкомъ розгороженъ по поламъ, вдоль попова двора и огорода 45 саж. безъ чтв., поперегъ 8 саж. безъ чтв., въ заднемъ концѣ въ огородѣ 11 саж. безъ трети. А дьячкова Тишкина двора и огорода длиннику и поперешнику тожъ, что̀ и попова Иванова двора. А государево жалованье денги и хлѣбъ емлютъ и церковнымъ доходомъ владѣютъ они межъ себя по крѣпостямъ.

Церковь Николая Чудотворца, что̀ на Сухомъ пруду, древяная съ трапезою въ предѣлѣ Козмы и Даміана; а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Святителя Николая въ кіотѣ, вѣнецъ и цата серебряные басемнаго дѣла золочены, убрусецъ полотняной. Образъ Распятія Господа и Спаса Нашего Іисуса Христа со Страстми въ кіотѣ, пелена дороги желтые, крестъ нашито круживо золотное, опушка киндякъ красной, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Двери царскія съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по золоту. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. Завѣса у царскихъ дверей крашенинная.

На престолѣ: одежда кутня полосатая, Евангеліе печатное въ десть окрыто бархатомъ червчатымъ, Евангелисты серебряные золочены, крестъ благословящей обложенъ серебромъ золоченъ съ каменемъ, покровъ выбойчатой ветхъ. За престоломъ: образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ образъ Святителя Николая, убрусецъ по иконѣ полотняной. Сосуды церковные оловяные, воздухъ отласъ золотной ветхъ, опушка выбойчатая, покровцы отласъ червчатой, опушка камка зеленая. Одежда на жертвенникѣ крашенинная ветха, кадило, укропникъ, чаша водосвятная мѣдные. Деисусовъ въ первомъ тяблѣ 13 иконъ, въ другомъ тяблѣ Празниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 12 иконъ, въ третьемъ тяблѣ Пророковъ 11 иконъ. Паликадило неболшое мѣдное о 5 шанданѣхъ, кисть шелковая.

Въ предѣлѣ образъ Козмы и Доміана въ кіотѣ, вѣнцы и цаты рѣзные серебряные золочены, убрусецъ полотняной, пелена тафта лазоревая, крестъ нашитъ кружево золотное, опушка дороги зеленые. Царскія двери со Святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ, завѣса крашенинная. На престолѣ одежда выбойчатая, покровъ крашенинной ветхъ. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Казанскія, на другой странѣ Козмы и Доміана, убрусецъ полотняной.

Церковь Іоанна Богослова древяная шатровая теплая съ трапезою, а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Іоанна Богослова съ житіемъ, обложенъ серебромъ золоченъ, вѣнецъ съ короною и цата рѣзные серебряные золочены съ каменемъ, ожерелейцо низаное жемчужное, въ прикладѣ 3 креста серебряные, пелена выбойчатая, опушка киндяшная, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Святителя Николая, вѣнцы и цата серебряные басемнаго дѣла золочены съ каменемъ, пелена камкасея цвѣтная, опушка киндякъ лазоревой, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. На лѣвой странѣ образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, вѣнцы и цаты серебряные басемного дѣла золочены, ожерелейца низаныя жемчужныя, пелена крашенинная, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Софеи Премудрости Божіи въ кіотѣ писанъ на золотѣ, вѣнцы серебряны золочены, убрусецъ полотняной; пелена объярь червчатая, крестъ нашитъ круживо золотное, опушка дороги желтые, насвѣшникъ деревяной писаной. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ, завѣса крашенинная. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. На престолѣ: одежда камка зеленая, покровъ крашенинной, крестъ обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ. За престоломъ: образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Входъ во Еросалимъ, убрусецъ полотняной. Надъ царскими

двери образъ Спаса Нерукотвореннаго въ кіотѣ рѣзномъ. Деисусовъ 12 иконъ. Паликадилцо неболшое мѣдное о 6 шанданцахъ, кисть шелковая.

Книгъ: Евангеліе толковое недѣльное, Апостолъ, Псалтырь со вослѣдованіемъ, Псалтырь налойная, Шестодневъ, Минея общая съ Празники, Прологъ съ Сентября мѣсяца на полгода, Треоди постная и цвѣтная, Потребникъ, Трефолой съ Марта на три мѣсяца. А тѣ книги въ десть старой печати. Служебникъ въ полдесть, житіе Святителя Николая, Служебникъ новой печати въ полдесть, книга Іоанна Богослова писмяная въ полдесть, Псалтырь со вослѣдованіемъ въ полдесть писмяная ветха, Часовникъ, Ермолой пѣвчей.

Ризы тафта лазоревая, оплечье бархатъ золотной, опушка дороги полосатыя, подризникъ дороги желтыя, оплечье кутня полосатая, патрахель бархатъ персидской, опушка отласъ червчатой, пугвицы оловяныя, ризы кумашныя вишневыя, оплечье камка рудожелтая. опушка киндякъ лазоревой, поясъ служебной шелковой, ризы и подризникъ полотняные ветхи.

Колоколница деревяная рублена, на ней 4 колокола, вѣсу въ нихъ 13 подъ 2 чтв.

Кладбище у тѣхъ церквей огорожено заборомъ, на воротахъ образъ Спасовъ въ Деисусѣ на одной дцкѣ. Вдоль того кладбища отъ переулка по Московской дорогѣ 28 саж. съ полусаженью, поперегъ 18 саж. Да старого кладбища за Троицкимъ ручьемъ вдоль 30 саж., поперегъ 22 саж. А государева жалованья годовые руги по прежнимъ книгамъ попу 3 р., за воскъ 25 алт., хлѣба 10 чтв. ржи, овса тожъ; да на просвиры 2 чтв., съ полуосминою.

Дв. попа Михайла, у негожъ сынъ Ганька 7 лѣтъ, вдоль дв. и огорода 36 саж. съ полусаж., въ заднемъ концѣ въ огородѣ 14 саж. съ третью. И сверхъ писцовыхъ книгъ прибыло 16 саж. съ полусаж. съ чтв. и ту лишнюю посадскую землю велѣно ему очистить.

Церковь Рождество Пресвятыя Богородицы да въ предѣлѣ Святителя Николая, что на Пескахъ, деревянная о дву главахъ, а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Рождество Богородицы обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ, вѣнцы рѣзные серебряные золочены, убрусецъ полотняной, пелена тафта алая, опушка тафта зеленая, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Царскія двери со Святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ, завѣса полотняная. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе въ полдесть писмяное, Евангелисты мѣдные, крестъ писаной, покровъ дороги двоелишныя, опушка дороги зеленыя. За престоломъ образъ: Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Святителя Николая, по иконѣ убрусецъ полотняной. Сосуды церковные деревяные, воз-

духъ и покровцы дорогилные зеленые ветхи. На жертвенникѣ одежда крашенинная. Кадило мѣдное чеканное.

Да въ предѣлѣ образъ Святителя Николая въ кіотѣ, обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ, вѣнцы и цаты рѣзные серебряные золочены. Въ прикладѣ крестъ, Распятіе Господне вырѣзано на древѣ, обложенъ серебромъ, да 15 крестовъ серебряныхъ двѣ чети ефимошныя да левокъ, а по кіоту писаны Святителя Николая чудеса, пелена тафта червчатая, крестъ, трость и копіе и подписи шиты золотомъ, опушка дороги желтые, свѣча поставная восковая писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Петра и Алексѣя и Іоны Филипа Московскихъ Чудотворцовъ. Образъ Стрѣтеніе Господне. Образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, убрусецъ полотняной, пелена выбойчатая, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Казанскія Богородицы. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ, завѣса крашенинная. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе новой печати въ полдесть обложено бархатомъ зеленымъ, Евангелисты серебряные басемного дѣла золочены, крестъ писанъ обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ съ каменемъ, покровъ кумашной. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Святителя Николая, убрусецъ полотняной. Сосуды церковные деревяные, воздухъ и покровцы камкасейные желтые, чаша водосвятная, кадило, укропникъ мѣдные. Деисусовъ въ первомъ тяблѣ 15 иконъ, въ другомъ тяблѣ Празниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 14 иконъ, въ третьемъ тяблѣ Пророковъ 12 иконъ, а передъ ними подсвѣщники деревяные. Надъ Деисусы образъ Отечество въ кіотѣ. Паликадило мѣдное о 12 шанданахъ, кисть шелковая, другое паликадилцо небольшое мѣдное жъ о 10 шанданѣхъ.

Церковь Сошествіе Святаго Духа древяная теплая съ трапезою о дву главахъ, въ ней: мѣстной образъ Сшествіе Святаго Духа. Двери царскія съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ, завѣса крашенинная. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе писмяное въ десть, Евангелисты мѣдные, крестъ благословящей, покровъ выбойчатой. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Владимерскія, по другую страну Святителя Николая убрусецъ полотняной. На жертвенникѣ одежда выбойчатая. Деисусовъ въ тяблѣ 9 иконъ.

Книгъ: три Апостола, Минея общая съ Празники, Часословъ, Шестодневъ, Треоди постная и цвѣтная, все въ десть старой печати, Полъуставъ писмяной, Потребникъ новой мелкой печати въ четь, Треѳолой въ полдесть новой печати, Псалтырь налойная, Служебникъ новой печати, Канопикъ въ четь, Минея мѣсяцъ Мартъ писмяная; житіе Святителя Николая, все въ полдесть. Служебникъ

печатной въ четь, Ермолой пѣвчей, Прологъ съ Сентября на четь года писмяной въ полдесть.

Ризы полотняныя, оплечье бархатъ червчатой ветхи, патрахель камкасейная, поручи бархатные, другіе выбойчатые, пугвицы оловянныя.

Колоколница на столбѣ, на ней 4 колокола, вѣсу въ нихъ 6 пудъ безъ чтв. Кладбища у той церкви 13 саж., поперегъ по алтарямъ тоже. А около кладбища посадская порозжая земля.

Государева жалованія по прежнимъ писцовымъ книгамъ годовыя руги: попу—2 р. да за воскъ 8 ал. 2 д., хлѣба 8 чтв. ржи, овса тожъ; дьячку—6 чтв. ржи, овса тожъ., да просвирницѣ чтв. съ полуосминою ржи.

Дв. попа Михайла Лаврентьева, у него сынъ Ивашко 7 лѣтъ, вдоль 20 саж., поперегъ 10 саж. Дв. дьячка Сенки Андреева, вдоль двора и огорода 2 саж. безъ полтрети, поперегъ 10 саж., вдоль въ заднемъ концѣ въ огородѣ 13 саж. Съ нимъ живетъ отецъ его б. Андрюшка Прохоровъ, у него сынъ Сенька 2 лѣтъ.

Церковь Великомученицы Поросковеи, нареченныя Пятницы, что̀ на Лужѣ, деревянная клѣтцки объ одной главѣ; а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Спасовъ, въ моленіи Святители Николай и Іоаннъ Милостивый, да преподобные отцы Паисей и Касіанъ Углецкіе Чудотворцы. Образъ Великомученицы Параскове съ житіемъ въ кіотѣ, вѣнецъ съ короною и съ каменемъ и цата рѣзные серебряные, убрусецъ и ожерелейцо низаное жемчужное, въ убрусѣ камень смазень, около его 4 зернышка жемчужныя кафимскія, по ней убрусецъ бѣлой, пелена отласъ лазоревой, крестъ, трость и копіе шиты золотомъ. Образъ Іоанна Воинственника, пелена дорогилная желтая, крестъ, трость и копіе и подписи шиты золотомъ, передъ ними 2 свѣчи поставныя деревяныя писаныя. Образъ Пречистыя Богородицы, а въ моленіи Ростовскіе Чудотворцы. На налоѣ: образъ Воскресенія Христова, образъ Великомученицы Параскове съ житіемъ, обложенъ серебромъ золоченъ, у нихъ пелена отласъ червчатой. Крестъ, трость и копіе, и подписи шиты золотомъ, опушка дорогилная двоеличная. Двери царскія съ Евангелисты писаны по золоту, сѣнь и столбцы по вохрѣ. Образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія въ кіотѣ писанъ по золоту, по ней убрусецъ дороги червчатыя, пелена отласъ червчатой, опушка дороги рудожелтыя, въ срединѣ вышитъ образъ Пречистыя Богородицы съ превѣчнымъ Младенцомъ, другая пелена тафта зеленая, опушка выбойчатая, свѣча поставная деревяная писана. Образъ Тихона Чудотворца обложенъ серебромъ басемнаго дѣла золоченъ. Въ прикладѣ 10 крестовъ серебряныхъ. Образъ Отечество, въ моленіи Углецкіе Чудотворцы, свѣча поставная деревяная писана. Деисусовъ въ первомъ тяблѣ 17 иконъ, въ

другомъ тяблѣ Празниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 12 иконъ, въ третьемъ тяблѣ Пророковъ 11 иконъ. Паликадило мѣдное о 6 шанданѣхъ. У царскихъ дверей завѣса крашенинная. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе новой печати въ полдесть окрыто отласомъ червчатымъ, Евангелисты серебряные рѣзные золочены, крестъ обложенъ серебромъ золоченъ, ширинка миткалинная шита золотомъ и серебромъ накищена золотомъ, покровъ выбойчатой. За престоломъ: образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Распятіе Господне, по ней убрусецъ полотняной. Сосуды церковные оловяные, воздухъ и покровцы отласъ лазоревой, опушка дороги червчатыя, кресты шиты золотомъ, пелена отласъ лазоревой, крестъ, трость и копіе, и подписи шиты золотомъ. На жертвенникѣ одежда выбойчатая, 2 чаши водосвятныя, кадило, укропникъ, ковшъ мѣдные, блюдо да подсвѣшники оловяные.

Въ трапезѣ образъ Втораго Христова Пришествія писанъ на золотѣ.

Въ паперти надъ дверми Деисусъ въ кіотѣ.

Книги: Евангеліе толковое недѣльное, Апостолъ старой печати въ десть, 2 Треоди постная и цвѣтная, 2 Октая на осмь гласовъ, Прологи во весь годъ, Петребникъ, Псалтырь со вослѣдованіемъ, Псалтырь налойная въ полдесть, Часословъ въ четь, Служебникъ въ полдесть, а всѣ тѣ книги новой печати.

Ризы дороги рудожелтыя, оплечье объяри цвѣтныя, опушка тафта черная, подризникъ тафтяной, оплечье камка лазоревая, патрахель обьярь золотная травчатая, пугвицы мѣдныя, двои поручи бархатъ рытой червчатой по зеленой землѣ, пугвицы мѣдныя, поясъ служебной шелковой, ризы киндякъ вишневой, оплечье камка двоелишная, подризникъ полотняной бѣлой, оплечье киндякъ лазоревой, патрахель кумачная вишневая, пугвицы оловяныя.

Колокольница на столбѣ, на ней 4 колокола, вѣсу въ нихъ 3 пуда, 23 гривенки.

А у той церкви кладбища до проѣзжего переулка до Владычна двора 21 саж. съ полусаженью, въ другую сторону по олтарямъ отъ проѣзжія улицы къ Воскресенскому пустырю 40 саж.

А государева жалованья годовыя руги попу 3 р., за воскъ 20 алт. 5 д., хлѣба 5 чтв. ржи, овса тожъ. А писана та руга къ той церкви по грамотамъ великаго государя изъ Приказу Болшаго Дворца за приписью дьяка Андрея Силина 166 года.

Да у той жъ церкви домовой дв. митрополита Іоны Ростовскаго и Ярославскаго, вдоль двора его и огорода 26 саж. безъ чтв., поперегъ 20 саж. Дв. попа Петра Титова, у него дѣти: Петрушка 10, Ѳедка 6 лѣтъ, вдоль дв. и огорода 20 саж., поперегъ 8 саж., въ заднемъ концѣ въ огородѣ 9 саж. съ полусаж.

Церковь Ильи Пророка холодная древяная клѣт-

цки объ одной главѣ, а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Святаго Пророка Иліи, вѣнецъ и цата серебряные рѣзные золочены. Въ прикладѣ 3 креста серебряныхъ, убрусецъ полотняной, свѣча поставная восковая писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Святаго Праведнаго Іова. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны на празелени. Образъ Живоначальныя Троицы, по ней убрусецъ полотняной, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Пречистыя Богородицы Корсунскія. Деисусы въ первомъ тяблѣ 11 иконъ, въ другомъ — Празниковъ Господскихъ и Богородичныхъ 14 иконъ. Паликадилцо мѣдное о 6 шанданцахъ, кисть шелковая. Завѣса у царскихъ дверей крашенинная. Одежда на престолѣ выбойчатая, Евангеліе писмяное окрыто бархателью, Евангелисты мѣдные, крестъ писаной, покровъ бархатной ветхъ. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія, на другой странѣ Святителя Николая, убрусецъ полотняной; сосуды церковные оловяные, воздухъ отласъ червчатой, крестъ и копіе, и трость, и подписи шиты золотомъ, покровцы камка цвѣтная. Ризы дорогилныя двоеличныя, оплечье отласъ золотной, подризникъ полотняной, патрахель отласъ травчатой ветхъ, пугвицы мѣдныя, поручи изуѳи зеленой, пугвицы оловяныя; ризы полотняныя, оплечье кутняное ветхи, патрахель камкасейная, чаша водосвятная, кадило, укропникъ мѣдные.

Церковь Живоночальныя Троицы теплая клѣцки, на ней два креста, да въ предѣлѣ мучениковъ Христовыхъ Мины и Виктора, и Викентія, а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Живоначальныя Троицы, двери царскія со Святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ, завѣса крашенинная. На престолѣ одежда и покровцы выбойчатые. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Святителя Николая. На жертвенникѣ одежда выбойчатая, кадило мѣдное. Въ предѣлѣ образъ Святыхъ мучениковъ Мины и Виктора и Викентія. Царскія двери со Святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. На престолѣ и на жертвенникѣ одежды выбойчатыя, покровъ крашенинной, Деисусовъ 15 иконъ. Книгъ: Евангеліе толковое недѣльное, два Октая на осмь гласовъ, Треоди постная и цвѣтная, Треѳолой въ годъ, Минея Іюль мѣсяцъ, Апостолъ, Псалтырь со вослѣдованіемъ, а тѣ книги въ десть старой печати, Минея общая въ полдесть, Служебникъ новой печати, Полууставье писмяное, Треоди постная и цвѣтная писмяныя все въ полдесть. Да вкладъ вдового попа Михайла Кирилова, что служилъ на Москвѣ за Пречистенскими вороты у Воскресенія Старого, крестъ благословящей съ мощми обложенъ серебромъ чеканнаго дѣла золоченъ.

Ризы камка цвѣтная, оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату, опушка дороги полосатыя, подризникъ дороги червчатыя, оплечье отласъ цвѣтной, патрахель и поручи объярь

золотныя по черной землѣ, опушка кутня желтые, пугвицы оловяныя, поясъ служебной шелковой.

Колокольница, на ней 6 колоколовъ вѣсомъ 17 пудъ съ чтв.

А по сказкѣ попа и прихожанъ, строеніе той церкви образы и книги, и ризы, и колокола прежнихъ священниковъ и прихожанъ.

А государева жалованія годовой руги попу — 2 р., за воскъ 4 ал. съ деньгою, хлѣба 10 чтв. ржи, овса тожъ, да на просвиры 2 чтв. ржи. У церкви кладбища вдоль отъ попова двора къ огородамъ и съ вымѣнною посадскою землею, которая вымѣнена на церковную землю, 34 саж. съ половиною, поперегъ противъ олтарей 23 съ половиною. А подлѣ попова дв. поперегъ 36 саж. съ половиною да по конецъ вымѣнной земли позади посадскихъ огородовъ вдоль 6 саж., поперегъ 5 саж., по другую сторону возлѣ посадскихъ людей Ивашки Строгача, вдоль 31 саж. да противъ олтарей мѣсто поповское церковное, вдоль 11 саж. безъ полтрети, поперегъ 8 саж.

Да у той же церкви дв. попа Гаврила Макарова на посадской вымѣнной землѣ, у него сынъ Илюшка 10 лѣтъ, вдоль двора и огорода 25 саж., поперегъ по улицѣ 14 саж., въ огородѣ въ заднемъ концѣ 8 саж. съ полусаж.

Церковь Нерукотвореннаго Спасова Образа въ предѣлѣ Симеона Столпника древяная клѣцки съ трапезою о двушатровыхъ главахъ, а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Спаса Нерукотвореннаго обложенъ серебромъ золоченъ, вѣнецъ и цата чеканнаго дѣла золочены, по обѣ стороны обнизаны жемчюгомъ, на цатѣ крестъ золотъ, укрѣпленъ въ гнѣздѣ; въ прикладѣ два креста аспидные въ серебрѣ золочены съ жемчюгомъ, два креста серебряныхъ: одинъ съ финихтомъ и съ жемчюги, ожерелье жемчюжное. У Ангеловъ вѣнцы чеканнаго дѣла золочены, въ срединѣ межъ чудесъ окладъ рѣзной золоченъ, около чудесъ окладъ басемного дѣла, въ чудесѣхъ вѣнцы рѣзные серебряные золочены, пелена на ней Спасовъ образъ Нерукотвореннаго, убрусецъ и вѣнецъ и у Ангеловъ вѣнцы и по краямъ тропарь и кондакъ шиты золотомъ и серебромъ по червчатому отласу, у Спасова образъ вѣнецъ и цаты и подписи и у Ангеловъ вѣнцы обнизаны жемчюгомъ, другая пелена дороги въ шехматъ розныхъ цвѣтовъ, опушка дороги зеленыя, передъ Спасовымъ образомъ лампада мѣдная. Образъ Пречистыя Богородицы Неопалимыя Купины обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ, у Богородицы и у Превѣчнаго Младенца вѣнцы серебряные чеканного дѣла золоченъ съ каменемъ. Въ прикладѣ 6 крестовъ серебряныхъ складни, на нихъ писано Отечество, обложены серебромъ, пелена отласъ лазоревой, крестъ, трость и копіе шиты золотомъ и серебромъ, опушка дороги червчатыя, свѣча поставная деревяная писана. Двери цар-

скія съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ, на нихъ 7 вѣнцовъ рѣзные золочены. На сѣверныхъ дверяхъ писано Бытіе о Аксіотѣ. У царскихъ дверей завѣса крашенинная. На престолѣ одежда выбойчатая, пелена камчатая, крестъ нашитъ кружево золотное кованое, Евангеліе въ десть печатное, по обрѣзу золотомъ и Евангелисты и вся дцка обложена серебромъ чеканного дѣла золочена, около Спасова образа межъ Евангелисты 8 каменей смазней, исподняя дцка окрыта бархатомъ червчатымъ, науголники и средина, и застешки серебряные рѣзные золочены, крестъ обложенъ серебромъ золоченъ съ каменемъ. Покровъ на престолѣ отласъ червчатой, крестъ, трость и копіе, и херувимы и подписи шиты золотомъ и серебромъ, опушка тафта зеленая. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія, на другой странѣ образъ Симеона Столпника и Царевича Димитрія Князя Романа Углецкихъ, по немъ убрусецъ шелковой браной, пелена камка лазоревая, опушка тафты алыя. Сосуды церковные оловяные, воздухъ отласъ червчатой, Агнецъ Божій и Ангели, и Херувими, и подписи шиты золотомъ и серебромъ, у Агнца вѣнецъ и дискосъ и у Ангеловъ вѣнцы обнизаны жемчюгомъ, опушка отласъ зеленой, покровцы отласъ червчатой, кресты шиты золотомъ.

Въ предѣлѣ образъ Симеона Столпника съ житіемъ обложенъ серебромъ басемного дѣла золоченъ, вѣнецъ и цата серебряные чеканые золочены, на оплечье окладъ рѣзной золоченъ, на житіи вѣнцы рѣзные золочены, пелена отласъ вишневой, крестъ шитъ золотомъ, опушка дороги зеленыя. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ, завѣса у царскихъ дверей крашенинная. Образъ Благовѣрныхъ Царевича Димитрія да Благовѣрнаго Князя Романа въ моленіи, въ кіотѣ обложенъ серебромъ, вѣнцы и цаты рѣзные золочены. На сѣверныхъ дверяхъ писанъ Исходъ Моисеевъ. На престолѣ: одежда камчатая, крестъ нашито кружево золотное кованое, опушка дороги червчатыя, Евангеліе въ полдесть писмяное окрыто дорогами, Евангелисты мѣдные, покровъ на престолѣ дороги желтыя. Сосуды церковные оловяные, воздухъ и покровцы камкасейные. На жертвенникѣ одежда выбойчатая. Деисусовъ въ первомъ тяблѣ 10 иконъ, въ другомъ—Празниковъ Господскихъ и Богородичныхъ и Пророковъ на однѣхъ дцкахъ 19 иконъ, въ третьемъ тяблѣ Праотцъ 19 иконъ. Два паликадила мѣдныя на 18 шанданѣхъ, яблока прорѣзныя, кисти шелковыя, надъ ними яблако стеклянное, третье паликадило мѣдное о 12 шанданѣхъ, яйцо построфокамилово, кисть шелковая съ золотомъ.

Книги: Евангеліе толковое недѣльное, Уставъ, Апостолъ, Треоди постная и цвѣтная, Октай на осмь гласовъ, Псалтырь со вослѣдованіемъ, Минея общая съ Празники, другая Минея общая, Треѳолой съ Сентября на три мѣсяца, 2 Минеи мѣсячныхъ Сентябрь да Ав-

густъ, Прологи во весь годъ, Потребникъ, Псалтырь налойная крупной печати, все въ десть старой печати да Служебникъ въ полдесть, Служебникъ новой печати, Псалтырь налойная кіевской печати, Часовникъ въ четь старой печати, Треѳолой писмяной въ полдесть, Минея Ѳевраль мѣсяцъ писмяной въ полдесть.

Ризы отласъ травчатой цвѣтной бѣлой земли, оплечье обьярь серебряная по черной землѣ, опушка дороги двоеличныя, подризникъ киндякъ зеленой, оплечье и нарукавники, и опушка камкасейные, патрахель тафта двоеличная, кресты шиты золотомъ и серебромъ, опушка дороги червчатыя, пугвицы оловяныя, поручи бархатъ зеленой, опушка камка цвѣтная, пугвицы мѣдныя, поясъ служебной шелковой съ мишурою. Ризы тафта лазоревая, оплечье камка цвѣтная, опушка тафта бѣлая, подризникъ выбойчатой, патрахель дороги червчатыя, пугвицы мѣдныя, поручи дороги зеленыя, пугвицы оловяныя, поясъ служебной нитяной. Ризы тафтяныя алыя, оплечье бархатъ персидской серебряной, опушка дороги зеленыя. Ризы тафта двоеличная, оплечье отласъ травчатой, опушка дороги полосатыя, патрахель дороги зеленыя, опушка кумачная, пугвицы оловяныя.

Церковь Рожество Іоанна Предтечи теплая съ трапезою о пяти главахъ древянная, а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Рожество Святаго Іоанна Предтечи съ житіемъ обложенъ серебромъ въ кіотѣ, вѣнцы и цаты серебряные рѣзные золочены, пелена отласъ червчатой, крестъ, трость и копіе, и подписи шиты золотомъ и серебромъ, опушка камка зеленая, свѣча поставная деревянная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ ризы Господни да Московскіе Чудотворцы. На налоѣ крестъ поклонной въ ковчецѣ, пелена тафта таусинная, крестъ, трость и копіе, и подписи шиты золотомъ и серебромъ, опушка кумачная. Двери царскія съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ. На сѣверныхъ дверяхъ писано Житіе Андрея Христа ради Юродиваго. У царскихъ дверей завѣса крашенинная. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе печатное старое въ десть по образу золотомъ крыто бархатомъ зеленымъ, Евангелисты серебряные басемного дѣла золочены, покровъ дорогилной желтой. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Святителя Николая. Сосуды церковные оловяные, воздухъ отласъ бѣлой вышитъ золотомъ и серебромъ, покровцы камчатые лазоревые. На жертвенникѣ одежда выбойчатая, 2 кадила мѣдные, 2 чаши водосвятныя, 4 шанданца, укропникъ, ковшъ мѣдные, блюдо оловяное.

Въ трапезѣ образъ Отечество со страстми, образъ Софіи Премудрости Божіи, образъ Страшный судъ Господень.

На паперти образъ Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа во славѣ Своей съ Апостолы въ кіотѣ.

Колокольница шатровая деревянная, рублена о 6 углахъ въ лапу. На ней 6 колоколовъ: вѣсу благовѣстной колоколъ 18 пудъ, 20 гривенокъ, другой—12 пудъ, третій—7 пудъ, четвертый—3 пуда, да 2 колокола зазвонныхъ, вѣсу въ нихъ 5 пудъ.

Кладбища у тое церкви вдоль отъ Проѣзжія улицы къ Воскресенскому монастырю 42 саж. съ полусаж., поперегъ отъ переулка къ томужъ Воскресенскому монастырю по Святымъ воротамъ 24 саж. съ чтв. На Святыхъ воротахъ Деисусовъ 10 иконъ.

А государева жалованія годовыя руги по прежнимъ книгамъ: попу—4 р. да за воскъ 4 алт. съ денгою.

Дв. попа Степана Тихонова, вдоль двора и огорода 38 саж., поперегъ 8 саж. безъ полутрети, въ огородѣ въ заднемъ концѣ 8 саж. съ третью. У него дѣти: сынъ Васька—9 л., Гришка—4 л.

Церковь Пречистыя Богородицы Казанскія, что на площади, древянная шатровая о трехъ главахъ, а въ ней предѣлы Михаила Молѣина да Великомученика Георгія, неосвященны, да мѣстныхъ иконъ: образъ Пречистыя Богородицы Казанскія въ кіотѣ, на поляхъ писаны Святые обложенъ серебромъ басемного дѣла, вѣнецъ серебряной чеканного дѣла золоченъ, а въ немъ 7 каменей: бирюзы и сердолики, и хрусталь, и смазни, цата серебряная рѣзная бѣлая, у Святыхъ на поляхъ вѣнцы рѣзные золочены, у Богородицы вѣнецъ и ожерелье жемчюжное низаное въ рефидь. Да въ прикладѣ: рясы жемчюжныя да серги серебряныя, у превѣчнаго младенца ожерелье жемчужное низаное въ шахматъ, убрусъ на образѣ бранъ по шелку серебромъ, на томъ убрусѣ покровецъ тафтяной алой, по концамъ шито золотомъ и серебромъ. Да въ прикладѣ: 11 крестовъ аспидныхъ и ентарныхъ, и серебряныхъ; крестъ серебряной съ винихтомъ съ жемчюги, 12 крестовъ серебряныхъ золоченыхъ, серги одиночки, червцы обнизаны жемчуги, 6 золотыхъ червонныхъ, 2 полузолотыхъ, серга турская съ жемчужки, да цата рѣзная серебряная сканная съ каменемъ. Да въ ящикѣ: прикладныхъ крестовъ и серегъ, и персней, и полуефимковъ вѣсу 3 фунта 90 золотниковъ, въ другомъ ящикѣ прикладныхъ 8 р. денегъ. Плащаница на ней: образъ Пречистыя Богородицы Казанскія, вѣнецъ съ короною и ризы, и подписи шиты золотомъ и серебромъ по червчатому отласу, опушка камка цвѣтная мелкотравная, пелена тафта таусинная, крестъ, трость, и копіе, и херувимы, и подписи шиты золотомъ и серебромъ, опушка дороги червчатыя, кисти шелковыя съ золотомъ. Завѣса у кіота выбойчатая, подсвѣшникъ съ лампадою. Образъ Живоначальныя Троицы, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Пречистыя Богородицы Казанскія Образъ Святителя Николая съ житіемъ въ кіотѣ, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Образъ Святителя Нико-

лая жъ въ кіотѣ. Образъ Великомученика Георгія. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы литые по слудѣ золочены сусальнымъ золотомъ, завѣса у царскихъ дверей выбойчатая. На сѣверныхъ дверяхъ Благоразумный Разбойникъ. На престолѣ: одежда дорогилная, крестъ, трость и копіе, и подписи шиты золотомъ и серебромъ, Евангеліе печатное въ десть окрыто камкасеею, Евангелисты мѣдные, крестъ обложенъ серебромъ рѣзного дѣла золоченъ, ширинка миткалинная накищена шелкомъ, покровъ дороги червчатыя. За престоломъ: образъ Пречистыя Богородицы Казанскія, на другой странѣ Благовѣщенія и Введенія Пречистыя Богородицы. Сосуды церковные оловяные, два воздуха да двои покровцы отласъ червчатой, крестъ и трость, и копіе, и подписи шиты золотомъ и серебромъ, воздухъ же и покровцы дороги червчатыя. На жертвенникѣ одежда выбойчатая, кадило, укропникъ, чаша водосвятная мѣдные. Деисусовъ въ первомъ тяблѣ 15 иконъ, въ другомъ тяблѣ Празниковъ Господскихъ 12 иконъ, въ третьемъ тяблѣ Пророковъ 13 иконъ, въ четвертомъ тяблѣ Праотцовъ 13 иконъ. Паликадило мѣдное, а въ ней 16 шандановъ, кисть шелковая с золотомъ, паликадильцо мѣдное о пяти шанданѣхъ, кисть шелковая.

Въ предѣлѣ образъ Алексѣя Человѣка Божія, на той же иконѣ образъ Алексѣя Митрополита да Маріи Египецкіе; свѣча поставная деревяная писана. Образъ Пречистые Богородицы Казанскія, убрусецъ полотняной бѣлой, свѣча поставная деревяна писана, насвѣшникъ жестяной. Двери царскія съ Евангелисты, сѣнь и столбцы рѣзные окрыты сусалнымъ золотомъ и серебромъ. Деисовъ 5 иконъ, паликадилцо мѣдное о 5 шанданѣхъ. На сѣверныхъ дверяхъ пророкъ Даніилъ. Завѣса у царскихъ дверей крашенинная. На престолѣ: одежда выбойчатая, Евангеліе крупной печати въ десть Александрійской бумаги окрыто бархатомъ таусиннымъ, Евангелисты рѣзные серебряные, застешки, и науголники, и средина рѣзные жъ серебряны, крестъ обложенъ мѣдью. Покровъ на престолѣ крашенинной. За престоломъ: образъ Пречистыя Богородицы Казанскія, на другой странѣ образъ Мученицы Параскевеи нареченные Пятницы, на немъ убрусецъ полотняной. Сосуды церковные. На жертвенникѣ одежда выбойчатая.

Да въ той же церкви въ трапезѣ мѣстныхъ иконъ: образъ Хвалите Господа съ небесъ, образъ Святыхъ Мученикъ Ѳлора и Лавра, образъ Страшной Судъ Господень.

Книги: Апостолъ, Псалтырь со вослѣдованіемъ, два Октана осмь гласовъ, Треоди постная и цвѣтная, Трефолой съ Марта на три мѣсяца, Минея общая съ празники, Минея мѣсяцъ Сентябрь. А тѣ книги въ десть старой печати. Служебникъ въ полдесть крупной новой печати, Полууставье писмяное въ полдесть, Псалтырь налойная въ полдесть, Часовникъ, Канунникъ печеть старой печати.

Ризы дороги червчатыя, оплечье камка цвѣтная, опушка дороги желтыя, подризникъ полотняной, оплечье и нарукавники, и опушка кумачная, патрахель отласъ зеленой опушка кумачная, пугвицы серебряныя, поручи отласъ зеленой, опушка дороги вишневыя, пугвицы оловяныя, поясъ служебной нитяной; ризы выбойчатыя, оплечье бархатъ рытой, опушка кумачная, патрахель дороги зеленыя, опушка кумашная, пугвицы оловяныя, поясъ служебной нитяной, поручи камкасейныя, опушка кумачная, пугвицы оловяныя ветхи. Ризы полотняныя, оплечье бархатное, опушка крашенинная ветхи.

Колоколница надъ предѣломъ рублена о шти стѣнахъ шатровая, а ней 4 колокола, вѣсу въ нихъ полшеста пуда. А строеніе та церковь и образы, и книги, и ризы, и колокола мирское. А попа у той церкви нѣтъ, а церковнымъ доходомъ владѣетъ Углечанинъ Терешка Василевъ сынъ Старцевъ, а къ службѣ попа наймуетъ.

Церковь обновленія Святаго Храма Воскресенія Христова, что на убогихъ домахъ, древяная съ трапезою шатровая. А въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Воскресеніе Христово въ кіотѣ, пелена выбойчатая полотняная, свѣча поставная деревяная, насвѣшникъ жестяной. Образъ Святителя Николая въ кіотѣ. Двери царскія съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ; завѣса крашенинная. Надъ царскими дверми Деисусъ писанъ по вохрѣ. Одежда на престолѣ выбойчатая полотняная, Евангеліе писмяное въ десть обложено кондякомъ лазоревымъ, Евангелисты мѣдные, покровъ выбойчатой, крестъ благовѣщеній писанъ. За престоломъ: образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, на другой странѣ Святителя Николая, по ней убрусецъ полотняной. Сосуды церковные оловяные, воздухъ и покровцы и одежда на жертвенникѣ выбойчатая.

Ризы полотняныя, оплечье и опушка выбойчатыя, подризникъ полотняной ветхъ, патрахель отласъ травчатой, опушка кумачная, пугвицы оловяныя, поручи выбойчатые, поясъ бумажный, кадило мѣдное.

Да книгъ: Служебникъ новой мелкой печати въ четь, Трефолой писмяной въ десть, Псалтырь налойная писмяной въ десть, Часовникъ въ полдесть старой крупной печати, Часословецъ въ четь, Трефолой писмяной въ десть, Минея общая писмяная ветха. Синодикъ писмяной въ лицахъ въ полдесть. 2 кололчика вѣсомъ гривенки.

А по сказкѣ старожиловъ построена та церковь вновь въ прошломъ во 180 году.

Церковь Ѳедора Тирона древяная клѣцки съ трапезою у Рыбной слободки, а въ ней мѣстныхъ иконъ: образъ Рожество Христово писанъ по вохрѣ. Образъ Всемилости-

ваго Спаса. На престолѣ со Апостолы образъ Святителя Николая въ кіотѣ писанъ по вохрѣ. Образъ Пречистыя Богородицы Тихвинскія. Образъ Тихона Чудотворца да Антипы, да Ѳедора Тирона писанъ по вохрѣ. Царскія двери со Святители, сѣнь и столбцы писаны по вохрѣ, завѣса у царскихъ дверей полотняная. На престолѣ одежда выбойчатая, Евангеліе на престолѣ въ десть писмяное, окрыто камкасею, Евангелисты мѣдные, покровъ выбойчатой, опушка киндяшная червчатая ветха. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Знаменіе, убрусецъ полотняной бѣлой. Крестъ выносной деревяной. Сосуды церковные деревяные, воздухъ и покровцы крашенинные. На жертвенникѣ одежда выбойчатая. Кадило, укропникъ мѣдные.

Книга: Апостолъ. Минея общая, Шестодневъ въ десть старой печати, Служебникъ въ полдесть новой печати, Псалтырь въ полдесть, Часовникъ въ четь старой печати ветхъ, Треоди постная и цвѣтная писмяныя въ полдесть, Минея мѣсяцъ Декабрь, Минея общая, Шестодневъ, Полуставье писмяное въ полдесть, Канунникъ въ четь писмяной. Ризы полотняныя, оплечье отласъ цвѣтной, опушка кумачная, подризникъ полотняной, патрахель и поручи камкасейные, опушка дороги червчатыя, ветхи, служебной поясъ нитяной.

Два колокола въ нихъ вѣсу пудъ, клепало желѣзное.

А у той церкви кладбища отъ Волги рѣки 20 саж. вдоль по алтарямъ къ Шутихину ручью 28 саж.

Да дворовой поповской земли подлѣ р. Волги вдоль 20 саж., поперегъ 10 саж.

Кладбище, что была церковь Рожество Христово въ Яновѣ слободкѣ, отъ города ѣдучи къ Рыбной слободѣ по лѣвую сторону, по дорогѣ мѣрою 30 саж., а отъ дороги вдоль къ Волгѣ рѣкѣ 35 саж. А по сказкѣ Благовѣщенскаго попа Михайла изъ тое церкви образъ мѣстной Рожества Христова и книги вынесены къ церкви Ѳедора Тирона, что у Рыбной слободы, а двери царскія взяты въ Воскресенскій монастырь, а иныя иконы взяты къ церквѣ Благовѣрнаго Царевича Димитрія.

Да за рѣкою за Волгою, въ Заволжской слободѣ, церковь Леонтья Епископа Ростовскаго Чудотворца древяная клѣтцки объ одной главѣ, другая церковь теплая Великомученика Никиты съ трапезою объ одной главѣ, а въ нихъ мѣстныхъ иконъ: образъ Пречистыя Богородицы Владимерскія въ кіотѣ, вѣнецъ и цата серебряные басемного дѣла золочены, убрусецъ низаной по червчатому отласу, а по кіоту убрусецъ полотняной, пелена камка червчатая, крестъ шитъ золотомъ, опушка тафта лазоревая, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ жестяной. Образъ Леонтія Епископа

Ростовскаго Чудотворца съ житіемъ въ кіотѣ, вѣнецъ и цата рѣзные серебряные золочены, свѣча поставная деревяная писана, насвѣшникъ жестяной. Царскія двери съ Евангелисты, сѣнь и столбцы писаны по золоту. Образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, вѣнецъ рѣзной, цата басемного дѣла золочены, убрусецъ полотняной, пелена камка червчатая, крестъ, трость и копіе, подписи шиты золотомъ и серебромъ, опушка тафта лазоревая, свѣча поставная восковая, насвѣшникъ жестяной. Образъ Великомученика Никиты съ мученіемъ въ кіотѣ обложенъ серебромъ золоченъ, вѣнецъ и цата чеканного дѣла золочены. Въ прикладѣ 2 креста, убрусецъ по кіоту полотняной, пелена выбойчатая, свѣча восковая, насвѣшникъ жестяной. Деисусовъ въ первомъ тяблѣ 9 иконъ, въ другомъ тяблѣ Празниковъ Господскихъ 12 иконъ. Паликадило мѣдное о 12 шанданѣхъ, яйцо построфокамилово обложенъ серебромъ съ каменемъ, кисть шелковая съ золотомъ, ворворка обнизана жемчюгомъ; другое паликадилцо мѣдное о 6 шанданцахъ, кисть шелковая. На сѣверныхъ дверяхъ Мученикъ Христоѳоръ. У царскихъ дверей завѣса крашенинная. На престолѣ: одежда тафтяная, Евангеліе печатное въ десть окрыто бархатомъ чернымъ, Евангелисты и застешки рѣзные серебряные, крестъ обложенъ серебромъ золоченъ съ каменемъ, покровъ на престолѣ выбойчатой. Сосуды церковные оловяные, воздухъ камка червчатая, опушка тафта зеленая, покровецъ отласъ осиновой, другой покровецъ бархатъ красной, опушка тафтяная. На жертвенникѣ одежда крашенинная, 2 кадила, укропникъ мѣдные, чаша водосвятная мѣдная луженая, блюдечко оловяное бѣлое.

Въ трапезѣ образъ Пречистыя Богородицы Казанскія да на той же иконѣ образъ Святыхъ Женъ Мироносицъ, въ подножіе писаны Святые, у Богородицы вѣнецъ рѣзной серебряной, убрусецъ шитъ золотомъ по червчатому отласу обнизанъ мелкимъ жемчугомъ. Образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія, цата серебряная золочена, убрусецъ полотняной. Образъ Страшной Судъ Господень. Образъ Святителя Николая съ житіемъ въ кіотѣ, вѣнецъ рѣзной, цата басемного дѣла золочены, убрусецъ полотняной, свѣча восковая, насвѣшникъ жестяной.

Книги: Евангеліе толковое недѣльное, Апостолъ, два Октая на осмь гласовъ, Треоди постная и цвѣтная, Минея общая съ Празники въ десть старой печати, Прологъ съ Сентября мѣсяца на полгода, Потребникъ новой печати, Служебникъ, Святцы, Псалтырь налойная въ полдесть старой печати, Часословъ въ четь старой печати, Служебникъ въ полдесть новой печати, два Октая писмяные, Треоди цвѣтная, Минея общая въ полдесть писмяные, служба Леонтію Епископу Ростовскому Чудотворцу и великомученику Никитѣ писмяные жъ.

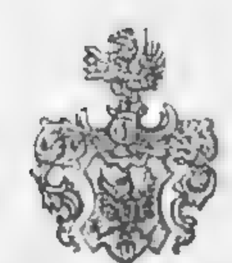
ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 21.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литог. Г. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.
1891.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридич. Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 21-го Юридической Библіографіи.

Джемсъ Брайсъ, Американская Республика. Переводъ В. Н. Невѣдомскаго. 1890. Часть II. Стр. 515.

Изложивши въ первомъ томѣ своего сочиненія систему федеральнаго правительства, Брайсъ знакомитъ насъ во второмъ томѣ съ управленіемъ Штатовъ и съ организаціей политическихъ партій. Предметы, затронутые авторомъ принадлежатъ къ числу малоразработанныхъ даже въ американской литературѣ, а для европейскаго читателя представляютъ, конечно, много новаго и любопытнаго. Исторія развитія мѣстныхъ конституцій доставляетъ превосходный матеріалъ для оцѣнки стремленій американской демократіи въ разныя эпохи ея развитія. Организація политическихъ партій представляетъ одну изъ самыхъ оригинальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ сѣверо-американскаго политическаго устройства. Въ политическихъ партіяхъ покоится пружина, приводящая въ движеніе весь политическій механизмъ, но въ нихъ же кроется и источникъ заразы, распространяющей свое тлетворное дѣйствіе на всѣ отрасли управленія. Партійная практика причинила бы неисчислимыя бѣдствія, если бы она не сдерживалась въ извѣстныхъ границахъ вліятельнымъ общественнымъ мнѣніемъ, служащимъ въ Соединенныхъ Штатахъ высшимъ регуляторомъ всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеній.

При изученіи внутренняго устройства тридцати восьми самодержавныхъ республикъ, живущихъ подъ сѣнью федеральнаго правительства насъ прежде всего поражаетъ замѣчательная однородность политическихъ учрежденій. Она въ значительной степени облегчаетъ изученіе мѣстныхъ конституцій и позволяетъ намъ теперь же, минуя детали, обозначить нѣкоторыя типиче-

скія особенности этихъ основныхъ законовъ, регулирующихъ внутреннюю жизнь американскаго Штата. Нормальная конституція Штата содержитъ въ себѣ обыкновенно слѣдующія пять частей: опредѣленіе границъ Штата, такъ называемый „билль о правахъ“ (Bill of Rights) систему управленія и различныя постановленія касательно законодательства и администраціи и, наконецъ, постановленія касательно измѣненія конституціи путемъ народнаго голосованія. Билль о правахъ представляетъ самую интересную часть этихъ конституцій, такъ какъ ведетъ свое начало отъ „Великой Хартіи“ и тѣхъ постановленій, которыми вольности англійскаго народа обезпечивались отъ посягательствъ со стороны правительственной власти. Но въ современныхъ американскихъ конституціяхъ эта декларація правъ имѣетъ нѣсколько иной смыслъ и совершенно другое содержаніе. Граждане Штатовъ, конечно, не имѣютъ въ настоящее время основаній опасаться самостоятельныхъ посягательствъ на свою свободу со стороны представителей правительственной власти: представители эти слабы и избираются самимъ же народомъ на короткіе сроки. Но можетъ случиться, что временное большинство, воспользовавшись смутами, облечетъ представителей правительственной власти чрезвычайными полномочіями, опасными для гражданской свободы и частныхъ правъ. Поэтому такія деклараціи и теперь не лишены практическаго значенія въ глазахъ Американцевъ. Сохраняя древнее объявленіе о правахъ Американцы, впрочемъ, нерѣдко включаютъ въ него различныя постановленія, вызванныя злобой дня и очень мало соотвѣтствующія идеи прирожденныхъ и неотчуждаемыхъ правъ гражданина. Другая характерная особенность американскихъ конституцій заключается въ кажущейся для насъ несистематичности и мелочности конституціонныхъ постановленій. Это доходитъ до того, что въ конституціи иногда включаются правила о способѣ заключенія контрактовъ на поставку канцелярскихъ принадлежностей и каменнаго угля для законодательныхъ собраній. Но несистематичность тутъ только кажущаяся; въ дѣйствительности тутъ отражается одна изъ наиболѣе характерныхъ особенностей въ стремленіяхъ современной американской демокра-

тіи; оно заключается въ томъ, что народъ извѣрившись въ своихъ законодателей пользуется всякимъ случаемъ, чтобы предотвратить возможныя съ ихъ стороны злоупотребленія. Въ старыхъ конституціяхъ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго.

Для оцѣнки стремленій американской демократіи въ различныя эпохи ея развитія исторія мѣстныхъ конституцій доставляетъ богатый матеріалъ. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ отличать три періода въ исторіи конституцій Штатовъ. Первый періодъ начинается съ 1776 года и обнимаетъ собою около тридцати лѣтъ. Большая часть конституцій, возникшихъ въ эту эпоху, была составлена подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ революціонной войны. Въ нихъ проглядываетъ боязнь власти административной и военной вмѣстѣ съ стремленіемъ предоставить разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ законодательному собранію, какъ естественному представителю народа; только въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается попытка предоставить народу непосредственное пользованіе верховной властью. Второй періодъ обнимаетъ первую половину текущаго столѣтія. Это періодъ господства французскихъ революціонныхъ идей и демократизаціи всѣхъ учрежденій. Въ теченіи этого времени были отмѣнены всѣ прежнія постановленія касательно обязанности Штатовъ поддерживать религіозныя учрежденія. Полномочія законодательныхъ собраній были ограничены: непосредственно народу предоставлено было право утверждать конституцію и назначать губернаторовъ, какъ главныхъ представителей исполнительной власти; срокъ службы судей былъ сокращенъ; имущественный цензъ для избирателей замѣненъ былъ всеобщей подачей голоса, въ которой, однакоже, негры не принимали участія. Въ теченіи третьяго періода, который начинается почти одновременно съ междоусобной войной, замѣтна легкая реакція противъ нѣкоторыхъ стремленій предшествовавшей эпохи; она обнаруживается впрочемъ не въ желаніи ослабить верховную власть народа, а въ сознаніи необходимости усилить власть исполнительную и судебную. Во всѣхъ Штатахъ, за исключеніемъ четырехъ, губернаторъ получаетъ право налагать veto на постановленія законодательныхъ собраній; нѣкото-

рыя конституціи предоставляютъ ему даже назначеніе судей, которое прежде зависило отъ народнаго собранія. Но самая важная перемѣна заключается въ томъ, что самодержавный народъ начинаетъ налагать различныя путы на дѣятельность своихъ законодателей, съ цѣлью ограничить ее возможно тѣсными рамками. Ограниченія эти имѣютъ рѣшительно консервативный характеръ; они имѣютъ цѣлью предохранить законодательныя собранія слишкомъ отзывчивыя на порывы народныхъ массъ отъ поспѣшныхъ и необдуманныхъ мѣропріятій. Спрашивается теперь, какимъ изъ означенныхъ стремленій можетъ принадлежать ближайшее будущее? Отвѣчая на этотъ вопросъ Брайсъ обращаетъ наше вниманіе на конституціи послѣдней формаціи, введенныя въ южныхъ и западныхъ Штатахъ; не смотря на безконечное разнообразіе въ частностяхъ всѣ онѣ обнаруживаютъ замѣчательную солидарность относительно основныхъ положеній; тутъ, слѣдовательно, явно обнаруживаются самоновѣйшія стремленія американской демократіи; ихъ можно свести къ слѣдующему. Во первыхъ, повсюду обнаруживается, констатированная нами раньше, тенденція увеличить объемъ конституціи съ цѣлью стѣснить дѣятельность законодательныхъ собраній; повидимому желаютъ поставить законодательныя собранія Штатовъ въ положеніе аналогичное тому, которое занимаетъ конгрессъ по отношенію къ федеральной конституціи т. е., чтобы собранія эти могли издавать законы только по нѣкоторымъ предметамъ, представляя при этомъ каждый разъ ясныя доказательства своей законодательной компетенціи. Затѣмъ, слѣдуетъ ожидать и на будущее время все большей демократизаціи учрежденій. Демократическая тенденція, конечно, сказывалась и въ прежнихъ конституціяхъ; но въ прежнее время она принимала болѣе отрицательный характеръ и сводилась къ ограниченію правъ исполнительной власти; теперь же она приняла болѣе положительное направленіе: теперь стараются по возможности все предоставить непосредственному рѣшенію народа, безпрестанно вызываютъ народъ къ политической дѣятельности. Даже замѣтное расположеніе поддерживать исполнительную власть въ ущербъ законодательной свидѣтельствуетъ не столько

объ уваженіи къ этой власти, сколько объ увѣренности народа, что она будетъ послушнымъ слугою общественнаго мнѣнія, готовымъ сдерживать законодательное собраніе, которое внушаетъ мало довѣрія, потому что его труднѣе подвергать отвѣтственности въ случаѣ злоупотребленій. Разсматривая современныя тенденціи американской демократіи Брайсъ задается вопросомъ заслуживаетъ ли она упрекъ въ пристрастіи къ частымъ перемѣнамъ и политическимъ новшествамъ? Упрекъ этотъ дѣлали многіе писатели и можно сказать что онъ обратился въ общее мѣсто. Практика американской политической жизни, однакоже, не подтверждаетъ его. Штаты Новой Англіи стойко держатся своихъ старинныхъ уставовъ и очень дорожатъ ими; Массачузетъ, напр., и въ настоящее время управляется своею конституціей 1780 года, въ которой съ конца прошлаго столѣтія сдѣланы были только незначительныя поправки. Конституціи чаще измѣняются въ южныхъ и западныхъ Штатахъ, въ которыхъ меньше политическихъ традицій нежели въ Новой Англіи; но и тутъ измѣненія эти бываютъ не столько результатомъ любви къ новшествамъ, сколько необходимымъ слѣдствіемъ рѣзкихъ экономическихъ переворотовъ. Въ среднемъ выводѣ на каждую конституцію приходится тридцатилѣтнее существованіе, а десять конституцій оставались въ силѣ въ теченіи слишкомъ шестидесяти лѣтъ. Въ связи съ этими фактами слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что народъ нерѣдко забаллотировываетъ предложенныя на его утвержденіе конституціи и конституціонныя поправки. Въ теченіи последнихъ десяти лѣтъ такой участи подверглось шесть конституціонныхъ проэктовъ и болѣе двадцати восьми поправокъ. Сопоставляя все это, замѣчаетъ Брайсъ, мы должны придти къ заключенію, что въ американской демократіи меньше склонности къ непостоянству, чѣмъ сколько можно было ожидать читая отвлеченныя разсужденія прежнихъ писателей со включеніемъ Токвилля.

Отсылая читателя къ книгѣ Брайса за болѣе подробными указаніями относительно организаціи властей въ отдѣльныхъ Штатахъ, переходимъ теперь къ разсмотрѣнію одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ американскаго политическаго устройства— ор-

ганизаціи мѣстнаго управленія. Въ Америкѣ можно отличать три типа мѣстныхъ учрежденій: мѣстныя учрежденія Новой Англіи, южныхъ, нѣкогда рабовладѣльческихъ, Штатовъ и Штатовъ сѣверо-запада. Новая Англія является родиной и лучшей представительницей американскаго мѣстнаго самоуправленія Зачатки этой системы встрѣчаются уже въ поселеніяхъ первыхъ колонистовъ, которые были пуритане по своимъ вѣрованіямъ и республиканцы по политическимъ убѣжденіямъ. Ихъ крохотныя общины, ютившіяся вдоль морскаго берега и вдоль рѣкъ, обнесенныя палисадниками для защиты отъ воинственныхъ Индѣйцевъ, представляли собою рядъ автономныхъ демократическихъ республикъ, въ которыхъ общія дѣла разрѣшались сходомъ граждапъ. Эти основныя начала самоуправленія остались неприкосновенными и послѣ того, какъ сельскія общины вошли въ составъ графства и подчинились верховной власти Штата. Въ Новой Англіи и теперь дѣлами сельскаго округа завѣдуетъ сходка полноправныхъ гражданъ, которая собирается по мѣрѣ надобности и обязательно однажды въ годъ въ весеннее время. Сходки эти издаютъ мѣстные законы, выбираютъ должностныхъ лицъ, и провѣряютъ ихъ денежные отчеты, опредѣляютъ размѣръ налоговъ на покрытіе мѣстныхъ нуждъ, короче, заправляютъ всѣми мѣстными интересами не исключая полиціи и санитарнаго надзора. Исполнительная власть въ сельскомъ округѣ ввѣряется уполномоченнымъ, которые выбираются обыкновенно въ числѣ трехъ, пяти или семи человѣкъ сходомъ и завѣдуютъ дѣлами по данной имъ инструкціи. Кромѣ того въ каждомъ округѣ есть: письмоводитель, казначей, ассессоръ, производящій оцѣнку собственности для обложенія налогами, сборщикъ податей и разныя другія должностныя лица низшаго разряда. Въ округѣ всегда есть школьный комитетъ, который иногда подраздѣляется на нѣсколько комитетовъ, завѣдующихъ менѣе обширными школьными округами. Должностныя лица и члены комитетовъ не получаютъ жалованья, но имѣютъ право требовать вознагражденіе за расходы, сдѣланные при исполненіи обязанностей. Самоуправленіе, построенное на такихъ началахъ дѣйствуетъ успѣшно. Граждане охотно со-

бираются на сходку и толково ведутъ пренія, а на замѣщеніе административныхъ должностей всегда находится достаточно честныхъ и знающихъ людей. Естественно, что при такой широкой автономіи общинъ, функціи болѣе крупнаго административнаго дѣленія, графства, сводятся къ весьма скромнымъ размѣрамъ. Дѣйствительно, графство, представлявшее въ началѣ совокупность сельскихъ округовъ, соединенныхъ въ одно цѣлое ради удобствъ судопроизводства и въ настоящее время имѣетъ преимущественно значеніе округа судебнаго и завѣдующаго большими дорогами; этимъ и исчерпывается его компетенція. Діаметрально противоположныя отношенія между сельскими округами и графствами мы встрѣчаемъ въ южныхъ Штатахъ, которые развивались среди совершенно другихъ естественныхъ и этнографическихъ условій. Авантюристы, которые отправились въ Виргинію, Сѣверную и Южную Каролину, нерѣдко принадлежали къ высшимъ классамъ общества и по своему прошлому не питали такой привязанности къ мѣстному самоуправленію какъ колонисты Массачузета и Коннектикута. Сосѣдство съ мирными индѣйскими племенами освобождало отъ необходимости дѣйствовать сплоченными силами и позволяло завести на плодородной почвѣ хозяйство въ обширныхъ размѣрахъ. Тутъ скоро сложилось полуфеодальное общество, въ которомъ каждый изъ крупныхъ землевладѣльцевъ сдѣлался центромъ группы подвластныхъ ему людей и собственникомъ толпы невольниковъ. Мѣстными дѣлами обыкновенно завѣдывали комитеты изъ выборныхъ уполномоченныхъ, а не сходки всѣхъ жителей, при чемъ преобладающимъ вліяніемъ, конечно, пользовались самые богатые изъ колонистовъ. Эта форма мѣстнаго самоуправленія была не только менѣе демократичной, чѣмъ въ Штатахъ Новой Англіи, но и менѣе способствовала развитію въ народѣ стремленій и способностей къ самоуправленію. Главное завѣдываніе мѣстными дѣлами сосредоточилось въ графствахъ, которые хотя и были гораздо обширнѣе сельскихъ округовъ Новой Англіи, но никогда не могли достигнуть такой же жизненности и въ сущности оставались искусственными подраздѣленіями для административныхъ цѣлей. Въ нѣкоторыхъ южныхъ Штатахъ

въ настоящее время впрочемъ замѣтно стремленіе къ развитію чего то похожаго на тѣ порядки, которые существуютъ въ Новой Англіи. Оно развивается по мѣрѣ развитія мануфактуръ и распространенія образованія. Школа дѣлается на югѣ въ настоящее время такимъ же ядромъ для развитія самоуправленія какимъ была два столѣтія тому назадъ церковь въ Новой Англіи. Третій типъ самоуправленія, господствующій въ сѣверо-западныхъ и центральныхъ Штатахъ, представляетъ смѣшанный характеръ: съ одной стороны, графства имѣютъ большее значеніе нежели въ Новой Англіи, съ другой стороны, общины болѣе самостоятельны нежели на югѣ. Управленіе большихъ городовъ составляетъ самый слабый пунктъ американскаго мѣстнаго самоуправленія: оно является излюбленной ареной дѣятельности политикановъ и всевозможныхъ проходимцевъ. Оригинально то, что Американцы, воображающіе, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они могутъ служить образцами для Стараго Свѣта, ревностно изучаютъ управленіе англійскихъ городовъ съ цѣлью найти тамъ полезныя указанія. Лучшимъ доказательствомъ общаго недовольства господствующими порядками служатъ частыя перемѣны системъ городскаго управленія. Объ американскихъ городахъ, замѣчаетъ Брайсъ, можно сказать тоже, что Данте говорилъ о своемъ родномъ городѣ: они похожи на больнаго человѣка, который никакъ не можетъ улечься въ своей постели и, чтобъ облегчить свои старанія, безпрестанно переворачивается съ одного бока на другой.

Вторая часть втораго тома сочиненія Брайса посвящена изложенію организаціи и дѣятельности американскихъ политическихъ партій, представляющихъ одну изъ самыхъ своеобразныхъ и темныхъ сторонъ сѣверо-американскаго политическаго устройства. Для того, чтобы разобраться среди условныхъ понятій, затемняющихъ настоящій смыслъ партійной борьбы въ Соединенныхъ Штатахъ необходимо хотя поверхностно ознакомиться съ исторіей двухъ главныхъ американскихъ партій: республиканской и демократической. Эта сложная и довольно запутанная исторія представляетъ три характерныхъ момента. Еще въ 1787 году,

въ Филадельфіи, на конституціонномъ конгрессѣ среди американскихъ законодателей обнаружились двѣ противоположныя тенденціи, послужившія исходной точкой для развитія партійнаго антагонизма среди американскаго народа; это были —тенденція центробѣжная и центростремительная; одни отстаивали широкую автономію Штатовъ, другіе стремились къ расширенію власти федеральнаго правительства. Послѣ того какъ автономистамъ были сдѣланы извѣстныя уступки и новый государственный механизмъ былъ пущенъ въ ходъ, возникли другіе вопросы, которые придали уже нѣсколько иной оттѣнокъ прежнему раздѣленію партій. Міровымъ событіемъ въ эту эпоху было провозглашеніе французской республики. Автономисты, принявшіе названіе демократическихъ республиканцевъ увлекались французскими радикальными идеями и вмѣстѣ съ свободой Штатовъ отстаивали принципы широкой индивидуальной свободы въ государственномъ устройствѣ, въ то время какъ противники ихъ, возмущенные ужасами террора 1793 г., еще съ большей энергіей отстаивали авторитетъ центральнаго правительства. Эта борьба между началами свободы и порядка усложнялась религіознымъ разномысліемъ. Въ то время какъ демократическіе сторонники Джефферсона увлекались французскимъ свободомысліемъ, доходившимъ до атеизма, федералисты продолжали держаться строгихъ началъ пуританскаго ученія. Моментъ этотъ имѣлъ настолько важное значеніе, что нѣкоторые утверждали, что борьба, которая велась между политическими партіями отъ 1796 до 1808 г. была въ сущности борьбою между вольнодумцемъ Джефферсономъ и духовенствомъ Новой Англіи. Въ третій, заключительный моментъ главнымъ яблокомъ раздора служитъ вопросъ объ эмансипаціи Негровъ. Торговые и промышленные слои населенія сѣверныхъ Штатовъ отстаиваютъ во имя своихъ экономическихъ интересовъ расширеніе власти союзнаго правительства и подъ именемъ республиканцевъ провозглашаютъ начало эмансипаціи Негровъ, тогда какъ земледѣльческіе классы юга борятся за сохраненіе рабства и въ своемъ стремленіи отложиться отъ Союза доводятъ до крайнихъ предѣловъ принципъ независимости Штатовъ, провозглашенный демократической партіей.

Въ настоящее время, когда принципіальные вопросы, возбуждавшіе разномысліе между республиканцами и демократами могутъ считаться окончательно улаженными, существованіе обѣихъ партій представляется нѣкотораго рода анахронизмомъ. Если тѣмъ не менѣе эти партіи продолжаютъ дѣйствовать и вести между собой борьбу, то это объясняется тѣмъ, что управленіе Соединенныхъ Штатовъ предполагаетъ наличность компактнаго большинства среди избирателей, а это было бы немыслимо безъ партійной организаціи; къ тому же есть цѣлый разрядъ людей (такъ называемые политиканы), извлекающій изъ такой организаціи личную пользу. Между тѣмъ, около этого гнилаго ядра группируется вся масса американскаго народа, причемъ одни продолжаютъ держаться республиканской, другіе демократической партіи съ увлеченіемъ мало понятнымъ для Европейца. При отсутствіи принципіальныхъ отличій, составъ обѣихъ партій уясняется намъ гораздо лучше, если мы обратимъ вниманіе на рядъ мѣстныхъ, соціальныхъ и этнографическихъ особенностей населенія. Составъ партій прежде всего находится въ извѣстной зависимости отъ географическихъ условій. Со времени междоусобной войны республиканская партія прочно основалась на сѣверѣ; она и теперь продолжаетъ тамъ господствовать среди лучшихъ элементовъ населенія. Если вамъ случится, замѣчаетъ Брайсъ, сидѣть за обѣдомъ съ очень почтеннымъ человѣкомъ въ одномъ изъ городовъ Новой Англіи, то вы можете предполагать, что вашъ сосѣдъ республиканецъ, почти съ такой же увѣренностью, съ какой въ англійскомъ графствѣ вы могли бы предполагать, что вашъ сосѣдъ торій. Можно положительно сказать, что на всемъ сѣверѣ на сторону республиканцевъ склоняются торговцы, фабриканты, фермеры и лучшая часть рабочаго населенія. Но лишь только вы направитесь на югъ и достигните границы старыхъ рабовладѣльческихъ Штатовъ, вы замѣтите рѣзкую перемѣну. На югѣ республиканская партія поддерживается почти исключительно федеральными чиновниками и различными политическими авантюристами, не пользующимися общественнымъ уваженіемъ, тогда какъ лучшіе представители зажиточныхъ и образованныхъ клас-

совъ примыкаютъ къ демократамъ. Образованному человѣку, говоритъ Брайсъ, не легко оставаться на югѣ республиканцемъ не только потому, что въ обществѣ онъ встрѣтится только съ демократами, но также потому, что вожаки республиканской партіи нерѣдко играютъ тамъ роль паршивыхъ овецъ стада. Такое распредѣленіе политическихъ партій въ зависимости отъ географическихъ условій перестанетъ удивлять насъ если мы вспомнимъ, что республиканцы завоевали себѣ симпатіи сѣвернаго населенія провозглашеніемъ аболюціонистическихъ принциповъ, но затѣмъ, послѣ окончанія междоусобной войны, сильно скомпрометировали себя скандалезнымъ хозяйничаньемъ въ южныхъ Штатахъ. Протестъ противъ этихъ злоупотребленій придаетъ демократамъ извѣстную нравственную силу. Религіозныя убѣжденія играютъ въ сѣверо-американскихъ Штатахъ лишь незначительную роль въ вопросѣ о принадлежности къ той или другой партіи; большее значеніе имѣютъ національныя и рассовыя особенности. Англичане и Шотландцы, поселившись въ Америкѣ, легко ассимилируются съ туземнымъ населеніемъ, но не принимаются въ разсчетъ въ партійной борьбѣ такъ какъ обыкновенно остаются британскими подданными. Видную роль въ городскомъ и федеральномъ управленіи играютъ Ирландцы, которые до послѣдняго времени всѣ принадлежали къ демократической партіи. Приверженность ихъ къ этой партіи объясняется различными причинами, но главнымъ образомъ тѣмъ, что демократическая партія господствовала въ Нью-Іоркѣ въ то время какъ Ирландцы впервые стали играть важную политическую роль. Нѣмцы, переселившіеся въ Америку послѣ Ирландцевъ примкнули къ республиканской партіи вѣроятно изъ антипатіи къ послѣднимъ. Къ республиканской же партіи принадлежатъ обыкновенно и Скандинавы т. е. Шведы и Норвежцы, составляющіе значительный элементъ среди фермеровъ живущихъ въ Штатахъ верхняго Миссисипи и въ особенности въ Висконсинѣ и Миннесотѣ. Негры, живущіе въ сѣверныхъ и центральныхъ Штатахъ, составляютъ лишь незначительный контингентъ населенія. На югѣ, въ особенности въ южной Каролинѣ, въ Луизіанѣ и въ Мис-

сиссиппи они столь многочисленны, что могли бы выбирать своихъ кандидатовъ не только въ члены конгресса но и въ президенты республики, если бы равнялись съ бѣлымъ населеніемъ образованіемъ, богатствомъ и внутренней организаціей. Но въ этихъ трехъ отношеніяхъ они невыразимо ниже бѣлаго населенія. Вскорѣ послѣ окончанія междоусобной войны Негры довольно единодушно подавали голоса за республиканцевъ, но послѣ того какъ демократы на югѣ рѣшительно взяли верхъ имъ удалось хитростью и подкупомъ перетянуть многихъ Негровъ на свою сторону. Разсматривая составные элементы американскихъ политическихъ партій, Брайсъ обращаетъ наше вниманіе на одну чрезвычайно важную и характерную ихъ особенность. Она заключается въ томъ, что различіе въ тенденціяхъ американскихъ партій почти нисколько не зависитъ отъ богатства или общественнаго положенія ихъ приверженцевъ; различные слои общества примыкаютъ къ этимъ партіямъ не въ горизонтальномъ направленіи, а въ вертикальномъ, такъ что обѣ партіи насчитываютъ въ своихъ рядахъ людей самаго различнаго общественнаго положенія. Это служитъ обезпеченіемъ отъ опасностей междоусобной войны и революціи и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока рабочая партія не разрастется до того, что поглотитъ или замѣнитъ двѣ главныя политическія партіи.

Ознакомившись съ составомъ политическихъ партій и переходя къ разсмотрѣнію партійной организаціи приходится снова напомнить читателю, что въ Соединенныхъ Штатахъ, не смотря на живой интересъ, возбуждаемый политическими вопросами, далеко не вся масса населенія принимаетъ одинаковое участіе въ партійной дѣятельности. Мало того, мы замѣчаемъ, что, вслѣдствіе своеобразныхъ особенностей американскаго демократическаго строя, лучшая часть населенія умышленно устраняетъ себя отъ участія въ политикѣ, заурядные граждане, поглощенные своими повседневными занятіями, не могутъ играть вліятельной роли въ партійной борьбѣ, а настоящими политическими заправилами являются особаго рода дѣятели глубоко равнодушные къ политическимъ принципамъ и преслѣдующіе свои личныя цѣли да-

леко не безъукоризненными средствами. Но прежде нежели спуститься въ эту темную политическую лабораторію необходимо констатировать причины политическаго абсентеизма массы населенія. Въ особой главѣ своего сочиненія, Брайсъ обстоятельно разсматриваетъ причины почему въ Соединенныхъ Штатахъ лучшіе люди не посвящаютъ себя политикѣ. Главная изъ этихъ причинъ заключается въ томъ, что въ Америкѣ другія сферы дѣятельности и болѣе доступны и болѣе привлекательны нежели политическая карьера. Заселеніе обширныхъ западныхъ странъ, постройка желѣзныхъ дорогъ, разныя промышленныя и торговыя предпріятія представляютъ тамъ широкое поле для дѣятельности людей честолюбивыхъ, ловкихъ, самоувѣренныхъ. Желѣзно-дорожная дѣятельность, можно сказать, поглощаетъ лучшія силы; среди американскихъ желѣзно-дорожниковъ можно встрѣтить самыхъ выдающихся администраторовъ, дипломатовъ и финансистовъ; они и на судьбу американскаго народа оказываютъ большее вліяніе, нежели присяжные политическіе дѣятели. Если, такимъ образомъ, лучшіе люди въ Америкѣ умышленно чуждаются политической дѣятельности, то заурядные граждане поставлены въ невозможность принимать дѣятельное участіе въ партійной агитаціи. Въ силу демократическаго принципа выборы въ Соединенныхъ Штатахъ крайне многочисленны и повторяются въ весьма короткіе промежутки времени (въ Штатѣ Огіо напр., приходится замѣщать посредствомъ баллотировки ежегодно среднимъ числомъ до тридцати должностей). Лишь только окончились одни выборы недалеко и до другихъ, о которыхъ также нужно позаботиться, а американскій политическій дѣятель, по остроумному выраженію Брайса, напоминаетъ въ этомъ отношеніи англійскаго спортсмена, который послѣ скачекъ въ Ньюмаркетѣ готовится къ скачкамъ въ Аскотѣ, а послѣ скачекъ въ Гудвудѣ готовится къ скачкамъ въ Ньюмаркетѣ. Если, наконецъ, принять во вниманіе, что всѣ эти выборы требуютъ значительной подготовительной работы, далеко не для всѣхъ привлекательной и во всякомъ случаѣ отнимающей массу драгоцѣннаго времени у дѣловаго человѣка, то будетъ понятно, что заурядный

гражданинъ, живущій своимъ трудомъ не станетъ добровольно брать на себя такую обузу. Но если не смотря на это сложный партійный механизмъ продолжаетъ дѣйствовать безъостановочно, то это объясняется тѣмъ, что въ Америкѣ образовался спеціальный классъ людей, посвящающій себя этому дѣлу въ надеждѣ захватить въ свои руки возможно большее количество должностей, привлекательныхъ, однако, не столько своимъ жалованьемъ (оно въ Соединенныхъ Штатахъ по большей части незначительно) сколько возможностью поживиться различными доходами, связанными съ оффиціальнымъ положеніемъ. Брайсъ даетъ очень живую и интересную характеристику различныхъ типовъ этихъ дѣятелей. Американскіе политиканы дѣлятся на нѣсколько разрядовъ и стоятъ между собой въ извѣстной іерархической зависимости. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе рядовые политической арміи. Они извѣстны въ Америкѣ подъ именемъ „политиковъ кварталовъ", такъ какъ городской кварталъ служитъ для нихъ главной ареной дѣятельности. Государственный дѣятель этого типа обыкновенно начинаетъ свою карьеру съ содержанія трактира или конторы; это занятіе доставляетъ ему возможность пріобрѣсть множество знакомыхъ въ особенности среди „зевакъ", которые обладая правомъ голоса лишены опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій и которыхъ, слѣдовательно, нетрудно завербовать въ партію. Образованіе такихъ политикановъ обыкновенно бываетъ очень низко; къ политическимъ принципамъ они не питаютъ ни малѣйшей привязанности и въ политикѣ видятъ только способъ добыванія должностей. Они обыкновенно грубы и даже дерзки, а иногда не отказываются отъ участія въ преступленіи. Они группами бродятъ по многолюднымъ городскимъ кварталамъ для того, чтобы легче подчинить своему вліянію невѣжественныхъ избирателей. Самыя худшія разновидности этого типа не принадлежатъ къ кореннымъ жителямъ Соединенныхъ Штатовъ. Природные же Американцы, посвящающія себя этой профессіи обыкновенно бываютъ менѣе невѣжественны и болѣе благопристойны. Дѣятели описаннаго типа принадлежатъ къ рядовымъ политической арміи и исполняютъ самую грязную часть работы Выше

ихъ стоятъ офицеры, вожаки, начальники кружковъ и болѣе или менѣе крупные воротилы. „Кружокъ“ составляется изъ мѣстныхъ единомышленниковъ партіи и заключаетъ въ себѣ движущую силу партійнаго механизма. Сфера вліянія политическаго кружка бываетъ различна; она можетъ ограничиваться городскимъ кварталомъ и можетъ захватывать область цѣлаго Штата. Въ зависимости отъ этого видоизмѣняется и типъ кружковаго начальника; въ однихъ случаяхъ ему достаточно быть хорошимъ собутыльникомъ и носить личину добраго товарища для того, чтобы пріобрѣсти вліяніе на избирателей низшаго разбора; въ другихъ случаяхъ онъ долженъ обладать извѣстными политическими способностями. Начальникомъ кружка, направляющаго партійной организаціей цѣлаго Штата, всегда бываетъ какой нибудь очень способный человѣкъ, къ которому болѣе чѣмъ къ начальнику городскаго кружка идетъ названіе политическаго дѣятеля въ европейскомъ смыслѣ слова. Онъ составляетъ планъ избирательной компаніи, ведетъ дипломатическіе переговоры съ представителями другихъ кружковъ, вліяетъ на раздачу должностей въ Штатѣ, поддерживаетъ единомысліе среди членовъ партіи и имѣетъ надъ ними даже извѣстнаго рода полицейскій надзоръ. Цѣлью кружковой организаціи является, конечно, избирательная побѣда и захватъ возможно бо́льшаго количества должностей; но было бы ошибочно думать, что начальникъ кружка относится съ ненавистью къ своимъ политическимъ противникамъ. Типическій начальникъ кружда вполнѣ индиферентенъ къ политическимъ принципамъ и относится къ своему противнику такъ же, какъ адвокатъ истца относится къ адвокату отвѣтчика. Между ними есть антагонизмъ интересовъ, но нѣтъ личной вражды. Поэтому иногда случается, что вожди противоположныхъ партій въ городахъ входятъ въ сношеніе другъ съ другомъ и даже доходятъ до того, что въ тайнѣ условливаются между между собой на счетъ предоставленія нѣкоторыхъ должностей друзьямъ одного изъ нихъ, а всѣхъ остальныхъ должностей друзьямъ другаго. Настоящими и непримиримыми врагами начальниковъ кружковъ являются тѣ „реформаторы“ и благонамѣренные граждане, которые, помимо

всякихъ партійныхъ соображеній, стараются положить предѣлъ темнымъ махинаціямъ политикановъ. Прежде чѣмъ покончить съ разсмотрѣніемъ организаціи кружковъ необходимо уяснить себѣ финансовую сторону дѣла. Для выборовъ нужны деньги, а въ Америкѣ даже очень большія деньги. Откуда же ихъ добываютъ политиканы, которые по большей части принадлежатъ къ нуждающемуся классу населенія? Брайсъ обозначаетъ слѣдующіе пять источниковъ, изъ которыхъ преимущественно добываются средства, необходимыя для партійной агитаціи. Главнымъ источникомъ служитъ публичная подписка изъ добровольныхъ взносовъ богатыхъ членовъ партіи. Привязанность къ партіи такъ сильна среди Американцевъ, что богатые члены не отказываются отъ участія въ подпискѣ даже въ томъ случаѣ если они не питаютъ довѣрія къ членамъ кружка, не одобряютъ ихъ образа дѣйствій и не сочувствуютъ выбраннымъ ими кандидатамъ. Затѣмъ, деньги собираются иногда отъ богатыхъ людей, ненаходящихся въ непосредственной связи съ кружкомъ, но ожидающихъ отъ него какихъ нибудь услугъ. Подрядчикъ, добивающійся заключенія контракта съ городскими властями, желѣзно-дорожный дѣятель, опасающійся изданія какого нибудь закона мѣстнымъ законодательнымъ собраніемъ, охотно помогаютъ кружку деньгами въ надеждѣ на его полезное содѣйствіе. Случается также, что кружокъ, господствующій въ городскомъ управленіи и завѣдующій расходованіемъ городскихъ суммъ, безцеремонно заимствуетъ изъ городскаго казначейства деньги, необходимыя для пополненія его избирательнаго фонда; чтобы замаскировать передъ публикой дефицитъ въ отчетахъ выставляются фиктивныя статьи городскихъ расходовъ. Иногда члены партіи, занимающіе какіе нибудь должности, облагаются налогомъ, достигающимъ до пяти процентовъ получаемаго ими ежегодно жалованья. Практикуется, наконецъ, еще одинъ оригинальный способъ добывать деньги; если кто нибудь пожелаетъ попасть въ кандидаты на какую нибудь значительную должность, какъ напр., на должность судьи, сенатора Штата или члена конгресса, то отъ него могутъ потребовать взноса въ избирательный фондъ суммы соразмѣрно съ

важностью искомой должности. Чтобы доставить должностнымъ лицамъ возможность выносить это денежное бремя (оно, какъ говорятъ, можетъ доходить до 500 долларовъ) прибѣгаютъ къ увеличенію ихъ жалованья и такимъ образомъ перекладываютъ этотъ налогъ на публику. Иногда это дѣлается довольно цинично. Такъ, одинъ начальникъ „кружка“ въ Нью-Іоркѣ, стараясь убѣдить комитетъ законодательнаго собранія въ необходимости уплачивать альдерманамъ большее жалованье, ссылался на тотъ аргументъ, „что отъ альдермановъ требуется ихъ политической партіей уплата значительныхъ денежныхъ суммъ“. Ознакомившись съ характеромъ политическихъ кружковъ, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію организаціи политическихъ партій. Организація американской политической партіи состоитъ изъ двухъ различныхъ, но тѣсно связанныхъ между собою частей, изъ которыхъ одна имѣетъ постоянное существованіе, а другая—временное. Одна часть существуетъ для завѣдыванія дѣлами партіи, другая для назначенія кандидатовъ. Первая часть состоитъ изъ комитетовъ, которые обыкновенно соотвѣтствуютъ избирательнымъ округамъ и подраздѣляются на городскіе, окружные и національные. Вся страна покрыта сѣтью такихъ комитетовъ. Они находятся въ исключительномъ вѣдѣніи политикановъ и имѣютъ очень обширную компетенцію. Вообще они завѣдуютъ политической агитаціей, а въ частности—организуютъ митинги, расходуютъ деньги на избирательныя цѣли, распространяютъ брошюры, наблюдаютъ за прессой, руководятъ собираніемъ голосовъ во время выборовъ. Если принять во вниманіе сложность и хлопотливость избирательной агитаціи, то легко будетъ примириться съ мыслію, что граждане предоставляютъ эту работу профессіональнымъ политиканамъ. Темная сторона системы выступаетъ наружу когда мы убѣждаемся, что, при сплоченности комитетовъ, вторая часть партійной организаціи, та, которая по идеѣ должна служить вполнѣ свободной выразительницей народныхъ стремленій, утрачиваетъ всякую самостоятельность и вполнѣ подчиняется означеннымъ комитетамъ. Эта вторая составная часть партійной организаціи состоитъ изъ народныхъ собраній, завѣдующихъ назначеніемъ кандидатовъ.

На ряду съ постоянно дѣйствующими комитетами въ каждомъ избирательномъ округѣ періодически собираются митинги приверженцевъ партіи. Такой митингъ называется Nominating (назначающимъ кандидатовъ). Если округъ не подраздѣляется на болѣе мелкія части, то его митингъ называется Primary, первоначальнымъ. Значеніе первоначальнаго митинга чрезвычайно важно, такъ какъ на немъ лежитъ не только обязанность выбирать кандидатовъ на должности своего округа, но и обязанность выбирать делегатовъ на митинги, которые созываются для выбора кандидатовъ въ болѣе обширныя административныя единицы. Все искусство политикановъ направлено къ тому, чтобы подчинить своему вліянію эти первоначальные митинги, отъ характера и состава которыхъ обыкновенно зависитъ судьба избирательной компаніи. Отсылая читателя къ сочиненію Брайса, въ которомъ подробно изложены довольно запутанныя махинаціи политикановъ и правила партійной тактики, ограничимся замѣчаніемъ, что благонамѣреннымъ гражданамъ сравнительно рѣдко удается разстроить тонко обдуманные планы политикановъ, и что по большей же части эти псевдонародные выборы оказываются ничѣмъ инымъ, какъ хорошо срепетированной комедіей.

При изученіи условій сѣверо-американской политической жизни особенное вниманіе обращаетъ на себя система раздачи должностей по политическимъ соображеніямъ; она не только является движущей пружиной всего партійнаго механизма, какъ мы уже имѣли случай въ томъ убѣдиться, но оказываетъ глубокое вліяніе на весь строй служебныхъ отношеній. Развилась она изъ того положенія федеральной конституціи, которое предоставляетъ президенту республики широкую дискреціонную власть при назначеніи федеральныхъ должностныхъ лицъ. Эти президентскія полномочія сначала не приводили однакоже къ злоупотребленіямъ на практикѣ. Первые президенты — Вашингтонъ, Джонъ Адамсъ, Джефферсонъ никого не увольняли по политическимъ соображеніямъ; предоставленнымъ имъ правомъ увольненія федеральныхъ чиновниковъ они пользовались только въ рѣдкихъ случаяхъ и всегда въ интересахъ дѣла. Но со вступленіемъ

въ 1828 году въ званіе президента республики вспыльчиваго и упрямаго Джаксона началась новая эра. Джаксонъ принадлежалъ къ числу вышедшихъ изъ простонародья необразованныхъ и грубыхъ западныхъ уроженцевъ и достигъ власти благодаря возбужденію умовъ среди народной массы; къ своимъ друзьямъ онъ питалъ горячую привязанность и ненавидѣлъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ близокъ къ его предшественнику. Въ теченіи перваго года своего президентства онъ уволилъ пятьсотъ почтмейстеровъ и замѣнилъ ихъ своими приверженцами. Правда, эта манера дѣлать изъ права назначенія должностныхъ лицъ орудіе для борьбы съ противниками не была совершенной новостью: она практиковалась уже раньше въ Нью-Іоркѣ, гдѣ ярость партійной борьбы рано привела къ различнымъ усовершенствованіямъ этого рода. Но со времени Джаксона она стала уже постоянно примѣняться къ широкой сферѣ федеральнаго управленія, а оттуда перешла даже въ администрацію Штатовъ и нашла себѣ выраженіе въ циническомъ афоризмѣ „добыча принадлежитъ побѣдителю". На практикѣ это приводитъ къ глубокой деморализаціи въ служебныхъ отношеніяхъ. Знаніе, опытность, добросовѣстность служащаго ставятся ни во что и приносятся въ жертву партійнымъ разсчетамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно извращается понятіе о служебной дисциплинѣ; главной заботой чиновника является не добросовѣстное исполненіе его служебныхъ обязанностей, а агитація въ пользу поддерживающей его партіи и заискиваніе передъ различными темными воротилами. Означенная язва американскаго государственнаго устройства однако же не легко устранима; она не только связана со всѣмъ партійнымъ строемъ, но и является, какъ это впервые высказалъ Джаксонъ, въ своемъ президентскомъ посланіи конгрессу, слѣдствіемъ демократическихъ началъ управленія. Частое замѣщеніе однихъ должностныхъ лицъ другими считается въ Америкѣ вполнѣ согласнымъ съ духомъ демократіи: оно каждому даетъ возможность достигнуть власти и жалованья и предохраняетъ отъ возникновенія особой касты должностныхъ лицъ съ ея рутинными пріемами и высокомѣріемъ; до извѣстной степени это обыкновеніе напоминаетъ обычай Аѳинянъ

и Флорентинцевъ назначать должностныхъ лицъ по жребію. Нельзя впрочемъ не отмѣтить, что порядокъ этотъ даже среди Американцевъ начинаетъ вызывать извѣстную реакцію. Съ 1853 г. уже замѣчается попытка правильнѣе регулировать служебныя отношенія. Въ этомъ году было издано конгрессомъ постановленіе, предписывающее чтобы всѣ лица поступающіе на службу въ Вашингтонскіе департаменты подвергались предварительному экзамену. Но постановленіе это не принесло пользы, такъ какъ къ нему отнеслись несочувственно, тѣ должностные лица, которые должны были приводить его въ исполненіе. По той же причинѣ оказалось безплоднымъ постановленіе конгресса 1871 года, которое вводило систему назначеній, основанную на конкуренціи между экзаменующимися. Нѣсколько большее значеніе имѣло постановленіе 1883 года, которымъ былъ учрежденъ комитетъ для реформы гражданской службы и приведеніе въ дѣйствіе ранѣе изданныхъ постановленій. Вообще, можно сказать, что вопросъ о реформѣ гражданской службы и объ очищеніи служебныхъ отношеній отъ тлетворной атмосферы политикановъ возбуждаетъ съ каждымъ годомъ все большій интересъ среди лучшей части американскихъ гражданъ, такъ что не слѣдуетъ терять надежды, что со временемъ тутъ послѣдуютъ значительныя улучшенія.

Такъ какъ должностные лица въ Америкѣ получаютъ не особенно высокое жалованье, то главной приманкой при погонѣ за должностями служатъ побочные доходы, связанные съ оффиціальнымъ положеніемъ. Не пытаясь даже приблизительно опредѣлить предѣлы до которыхъ достигаетъ взяточничество въ Соединенныхъ Штатахъ, Брайсъ, въ весьма интересной главѣ своего сочиненія, озаглавленной „подкупъ“ характеризуетъ разновидности практикующихся незаконныхъ поборовъ, обозначая вмѣстѣ съ тѣмъ категоріи тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые преимущественно вводятся въ искушеніе. Нѣкоторые сановники, какъ напр. президентъ республики и члены федеральныхъ судовъ, стоятъ въ этомъ отношеніи выше всякихъ подозрѣній. Нельзя того же сказать о другихъ представителяхъ высшей правительственной власти; нѣкоторые изъ нихъ были не разъ заподозрѣны

въ участіи въ грязныхъ желѣзно-дорожныхъ сдѣлкахъ и даже въ расхищеніи казенныхъ суммъ. Быть можетъ, замѣчаетъ Брайсъ, они и не клали чужихъ денегъ въ свои собственные карманы, но, во всякомъ случаѣ, смотрѣли сквозь пальцы на мошенническія продѣлки своихъ подчиненныхъ и наполняли кассу своей партіи посредствомъ оказыванія вліятельнымъ лицамъ такихъ услугъ, которыя несовмѣстны съ точнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей. Очень трудно опредѣлить въ какой мѣрѣ справедливы тѣ обвиненія во взяточничествѣ, которыя взводились на сенаторовъ. Въ числѣ четырехсотъ членовъ конгресса есть, конечно, люди самыхъ различныхъ нравственныхъ качествъ; уличить взяточника не легко, а соблазновъ, дѣйствительно, представляется много. Главнымъ образомъ соблазны эти возникаютъ изъ той роли, которую играютъ члены конгресса въ законодательныхъ комитетахъ. Дѣло въ томъ, что всѣ билли передаются на предварительное разсмотрѣніе комитета и тутъ окончательно рѣшается ихъ участь. Въ этихъ небольшихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, каждый членъ пользуется большой властью, не неся почти никакой отвѣтственности. Онъ можетъ пустить въ ходъ билль, составленный въ интересахъ какого нибудь вліятельнаго фабриканта, финансиста или желѣзнодорожника, но можетъ и затормозить его. Все это ведетъ къ различнымъ заискиваніямъ и обоюднымъ одолженіямъ, а у дверей конгресса постоянно толпятся торговые и желѣзнодорожные дѣльцы или агенты ихъ, дѣлающіе изъ своего занятія особую профессію. Иногда случается, что членъ конгресса вноситъ законопроэктъ, направленный противъ какой нибудь крупной корпораціи единственно съ цѣлью сорвать взятку. Часто взяточничество принимаетъ форму передачи акцій или товаровъ, а самые небогатые законодатели не гнушались даже даровыми билетами на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ. Злоупотребленія этого рода приняли такіе широкіе размѣры, что въ 1887 году былъ изданъ статутъ, воспрещавшій раздачу даровыхъ билетовъ на проѣздъ по тѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, которые проходятъ черезъ нѣсколько Штатовъ. Что касается членовъ законодательныхъ собраній въ отдѣльныхъ Штатахъ, то степень ихъ

безкорыстія не вездѣ одинакова. Въ Массачузетѣ, въ Вермонѣ и въ нѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ Штатахъ законодатели пользуются хорошей репутаціей. Но въ Нью-Іоркѣ и въ Пенсильваніи народные представители пріобрѣли столь дурную славу, что утвержденіе какого нибудь хорошаго постановленія возбуждаетъ общее удивленіе. Городская администрація бываетъ безупречна въ небольшихъ городахъ, но замѣтно портится когда населеніе начинаетъ превышать 100 тысячъ душъ; въ такихъ огромныхъ центрахъ какъ Нью-Іоркъ и Филадельфія мошенничества городскихъ должностныхъ лицъ достигали такихъ размѣровъ, о которыхъ въ Европѣ не имѣютъ и понятія. Сопоставляя все сказанное. Брайсъ приходитъ къ выводу, что въ Америкѣ законодательныя собранія стоятъ на болѣе низкомъ нравственномъ уровнѣ нежели въ Англіи и Германіи, а администрація по своей неподкупности во многомъ уступаетъ администраціи европейскихъ странъ.

Въ заключеніе, Брайсъ старается опредѣлить какой типъ государственнаго человѣка вырабатывается въ Америкѣ при господствѣ вышеизложенной партійной системы управленія и насколько система эта содѣйствуетъ развитію государственныхъ способностей. Въ настоящее время американскихъ политическихъ дѣятелей можно раздѣлить на два типа—на тѣхъ которые годны преимущественно для кабинетныхъ занятій и для участія въ засѣданіяхъ конгресса и на тѣхъ, которые выказываютъ свои дарованія преимущественно на конвентахъ и во время путешествій съ избирательной цѣлью. Къ первому изъ этихъ типовъ принадлежитъ твердый характеромъ и хладнокровный дѣловой человѣкъ. Онъ въ большинствѣ случаевъ былъ адвокатомъ и прокуроромъ. Ему, быть можетъ, не достаетъ фантазіи и широты взглядовъ, но онъ быстро вникаетъ въ смыслъ фактовъ, умѣетъ распознавать слабыя стороны людей и знаетъ какъ съ ними обходиться. Съ тѣмъ, что называется „культурой", дѣловой человѣкъ знакомъ по меньшей мѣрѣ поверхностно, а если онъ вышелъ въ люди изъ низшихъ слоевъ общества, то его старанія пріобрѣсть внѣшній лоскъ нерѣдко представляетъ странный контрастъ съ

его грубыми манерами. Онъ скорѣй находчивый чѣмъ изящный ораторъ, а говоритъ онъ всего хуже тогда, когда покидаетъ твердую почву своихъ юридическихъ или административныхъ познаній и заносится въ высшія сферы краснорѣчія. Такія способности были въ теченіи послѣдняго полустолѣтія отличительной особенностью Американцевъ. Развиваются онѣ преимущественно въ сферѣ мѣстнаго управленія и обнаруживаютъ свои хорошія стороны въ области администраціи и законодательства Штатовъ. Но когда людямъ такого рода приходится дѣйствовать въ болѣе широкой сферѣ федеральнаго управленія они нерѣдко обнаруживаютъ недостатокъ свѣдѣній и отсутствіе широты взгляда. Другой разрядъ государственныхъ людей является продуктомъ тѣхъ двухъ факторовъ, которые придаютъ американскимъ политическимъ дѣятелямъ своеобразный характеръ—громаднаго числа избирателей и сложной партійной организаціи. Кто желаетъ вліять на народныя массы, долженъ быть даровитымъ ораторомъ; кто берется руководить комитетскими засѣданіями, тотъ долженъ быть ловкимъ интриганомъ. Иногда случается, что умѣнье вести интриги соединяется съ даромъ краснорѣчія и той любезностью въ обхожденіи съ людьми и игривостью ума, которая, по излюбленному выраженію Американцевъ, дѣлаетъ человѣка „магнетическимъ". Тогда народный вождь, обладающій такими качествами, можетъ достигнуть самаго высокаго общественнаго положенія. Но говоря вообще, система партійнаго управленія значительно понижаетъ уровень способностей государственныхъ людей, такъ какъ умѣнье вести темныя интриги по большей части исключаетъ широту взгляда, необходимую для государственнаго человѣка. Дѣйствительно, люди съ выдающимися государственными способностями стали рѣдко встрѣчаться въ послѣднее время въ Америкѣ. Съ этимъ соглашаются сами Американцы, но объясняютъ это тѣмъ, что въ ихъ отечествѣ въ послѣднее время не случалось такихъ кризисовъ, для которыхъ необходимы люди съ выдающимися способностями и что въ случаѣ надобности они найдутъ государственныхъ людей также какъ нашли Линкольна. Это была, замѣчаютъ Брайсъ, счастливая случайность, но она заставляетъ смо-

трѣть націю сквозь пальцы на негодность тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ она выбираетъ вождей своихъ.

А. Назимовъ.

---

2. Maxime Kovalevsky: „Tableau des origines et de l'evolution de la famille et de la propriété". Stockholm. 1890. 202 p.

Бывшій профессоръ московскаго университета, М. М. Ковалевскій, немало поработавшій надъ вопросомъ о первоначальномъ происхожденіи институтовъ семьи и собственности, выпустилъ въ свѣтъ на этотъ разъ книгу подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, которая составилась изъ его лекцій въ столицѣ Швеціи. Указывая въ предисловіи къ своему труду на массу современныхъ изслѣдованій о примитивной семьѣ и собственности, Ковалевскій замѣчаетъ, что каждый новый трудъ по этому вопросу долженъ заключать въ себѣ теперь непремѣнно какія либо новыя свѣдѣнія, бросать новый свѣтъ на предметъ, о которомъ такъ много споровъ въ современной наукѣ. Изслѣдованіе вопроса въ этомъ случаѣ можетъ быть ведено какъ на основаніи этнографическихъ, историческихъ или мало изученныхъ юридическихъ данныхъ, такъ и посредствомъ строгой критики различныхъ теорій о первобытной семьѣ и собственности. Этотъ послѣдній путь Ковалевскій избираетъ въ своемъ сочиненіи предпочтительно предъ двумя первыми. Онъ намѣренъ въ немъ обращать вниманіе не столько на анализъ фактовъ, сколько на синтезъ результатовъ, уже пріобрѣтенныхъ этнографической наукой. Авторъ надѣется, что ему удастся внести нѣсколько новыхъ данныхъ въ научную теорію о возникновеніи семьи и собственности, опущенныхъ его предшественниками. Эти данныя добыты, между прочимъ, Ковалевскимъ при спеціальномъ изученіи славянскаго міра и кавказскихъ племенъ, которое дастъ ему возможность объяснить происхожденіе матріархата у народовъ арійскаго происхожденія. Отвергая рѣшительно гипоте-

зу о безпорядочномъ смѣшеніи половъ въ первоначальную эпоху исторіи человѣческаго общества, авторъ пытается установить, что виды семьи: матріархальная семья, патріархальная и индивидуальная были только тремя различными фазами одного и того же процесса развитія. Одинъ и тотъ же ходъ развитія семьи замѣчается у народовъ, которые не имѣютъ ничего общаго ни относительно происхожденія, ни религіи. Матріархатъ существовалъ между арійскими племенами: отъ него остались переживанія въ ихъ древнихъ законахъ и обычаяхъ. Матернитетъ и патернитетъ развивались медленно въ нѣдрахъ матріархальнаго общества. Патріархальная семья уступаетъ тихо свое мѣсто индивидуальной семьѣ. Въ связи съ вопросомъ о такомъ постепенномъ развитіи первоначальной семьи, характеризующемся переходомъ отъ матріархальной семьи къ патріархальной, а потомъ индивидуальной, находится и теорія Ковалевскаго о развитіи института общей поземельной собственности въ патріархальномъ обществѣ, изъ которой естественно возникаетъ частная собственность вмѣстѣ съ разрушеніемъ первоначальнаго семейнаго и общиннаго быта.

Такимъ образомъ, проф. Ковалевскій ставитъ цѣлью своего изслѣдованія о примитивной семьѣ и собственности доказать, что оба эти института возникаютъ и развиваются параллельно „что оба они проходятъ въ процессѣ своего развитія однородныя его ступени". Авторъ хочетъ доказать, что матріархальная и патріархальная семья неразлучны съ общей поземельной собственностью, между тѣмъ какъ частная собственность появляется въ обществѣ только тогда, когда въ немъ возникаетъ индивидуальная семья. Ковалевскій, слѣдовательно, прямо становится на сторону Макъ Леннана, Моргана и другихъ этнологовъ, доказывающихъ, что примитивная семья проходитъ опредѣленныя фазы въ своемъ развитіи, и опровергаетъ рѣшительно другую эволюціонную теорію Спенсера о самостоятельномъ происхожденіи въ первобытномъ обществѣ различныхъ типовъ семейныхъ отношеній. На сколько Ковалевскому удалось доказать первую теорію, мы это увидимъ при послѣдовательномъ изложеніи каждой изъ отдѣльныхъ его лекцій, при которомъ мы будемъ вставлять свои замѣчанія по поводу различныхъ научныхъ выводовъ профессора.

Въ первой изъ своихъ лекцій, озаглавленной: „Первый періодъ въ развитіи семьи,—семья матріархальная и ея элементы“, Ковалевскій заявляетъ, прежде всего, что этнографія славянскаго міра представляетъ собою важное значеніе для исторіи права и укоряетъ европейскую науку въ пренебреженіи къ славянскимъ народамъ и къ трудамъ русскихъ, польскихъ и сербскихъ ученыхъ. „Время, говоритъ русскій профессоръ, положить конецъ такому состоянію вещей, вредному для успѣховъ соціальнаго знанія, и воспользоваться драгоцѣнными данными, содержащимися въ древнихъ законодательствахъ и современныхъ обычаяхъ народовъ русской имперіи“. Ковалевскій убѣжденъ, что всякое соціологическое обобщеніе останется неполнымъ, если при немъ игнорируется Востокъ, и настаиваетъ на томъ, чтобы жизнь восточныхъ народовъ была введена во всѣ соціологическіе изслѣдованія (1—2 р.).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, дѣлающихъ честь русскому ученому, Ковалевскій переходитъ къ предмету своего труда—вопросу о развитіи семьи и собственности. Эта труднѣйшая проблемма соціальнаго знанія въ настоящей ея формѣ тѣсно соприкасается съ открытымъ Дарвиномъ великимъ закономъ эволюціи или развитія въ мірѣ органическомъ. Идея развитія проникла теперь во всѣ науки: философію исторіи, науку о религіи, юриспруденцію и этику. Несомнѣнное вліяніе той же идеи мы замѣчаемъ и въ практической жизни. Сообразно съ эволюціонной теоріей понятіе прогресса опредѣляется въ настоящее время, какъ безпрерывное и свободное развитіе зародышей плодотворныхъ сѣмянъ общественной жизни, совершенное нашими предками въ теченіе вѣковъ. Изучать прошедшее и настоящее для того, чтобы предвидѣть будущее,—такова благородная претензія эволюціонной теоріи, которая пользуется при своихъ изслѣдованіяхъ помощью сравнительно—историческаго метода. Построенная на той идеѣ, что человѣческая природа всюду одна и таже, что потребности и способности различныхъ рассъ представляются разными только въ деталяхъ и что несходства почти незамѣтны въ первый періодъ общественной жизни народовъ, сравнительно-историческая метода

разсматриваетъ все человѣческое общество, какъ единое цѣлое. Предметомъ изученія этого метода являются не видоизмѣненія соціальнаго закона у различныхъ народовъ и расъ, а общее развитіе всего человѣчества. Сравнительный методъ имѣетъ въ виду только такіе факты изъ соціальной жизни различныхъ народовъ, которые повторяются и въ жизни другихъ націй. Для этого метода различія въ соціальныхъ фактахъ имѣютъ меньшую важность, нежели ихъ сходства. Чѣмъ болѣе извѣстное общественное явленіе имѣетъ общій характеръ и чѣмъ больше накопляется число однородныхъ соціальныхъ феноменовъ, тѣмъ большее научное значеніе пріобрѣтаютъ эти явленія и тѣмъ больше выигрываютъ въ своей точности научные выводы. Отсюда слѣдуетъ, что сравненія не должны ограничиваться народами одной и той же расы, имѣющими одну и туже религію и языкъ. Признавая важное вліяніе этихъ трехъ факторовъ на жизнь общества, Ковалевскій замѣчаетъ, что не въ этихъ вліяніяхъ, а въ однородныхъ качествахъ человѣческой природы нужно искать начало полнѣйшаго сходства соціальныхъ учрежденій у народовъ, вполнѣ разъединенныхъ между собою. Кругъ изслѣдованій путемъ сравнительной методы расширяется, если въ него включить дикія племена, обитающія въ различныхъ частяхъ земли. Но быть можетъ, спрашиваетъ Ковалевскій, такое смѣшеніе сравнительно-историческаго и этнографическаго метода не можетъ быть допущено въ исторической наукѣ? Кто въ самомъ дѣлѣ можетъ утверждать, что современныя дикія племена находятся на первоначальной ступени развитія, что ихъ настоящее состояніе не есть результатъ вырожденія, подобнаго тому, отъ котораго пали нѣкоторые древніе и новые народы? Не все, однако, въ жизни современныхъ дикихъ племенъ объяснимо только однимъ атавизмомъ. Многія изъ нихъ представляютъ собою лишь жалкіе остатки народовъ, почти уничтоженныхъ безпрерывными войнами между собою. Поэтому образъ жизни такихъ дикихъ народностей не въ состояніи дать представленіе о первоначальной фазѣ развитія человѣческихъ обществъ. Слѣдовательно, методъ этнографическій долженъ играть второстепенную роль при соціологическихъ

изслѣдованіяхъ, помогать методу сравнительно-историческому: этнографическія данныя сопоставляются съ тѣми, которыя извѣстны изъ исторіи народовъ, уже прошедшихъ извѣстныя ступени развитія.

Кромѣ сравнительно-историческаго и этнографическаго метода, Ковалевскій упоминаетъ еще о третьемъ методѣ,—методѣ переживанія, который состоитъ въ изученіи настоящаго для того, чтобы открыть слѣды прошедшаго. Основаніе этого метода заключается въ томъ, что прошедшее уступаетъ мѣсто настоящему только подъ условіемъ сохраненія въ жизни народа слѣдовъ имъ пережитаго. Переживанія прошедшаго, которыя находятся въ настоящемъ состояніи общества, могутъ являться или какъ институты съ извѣстнымъ жизненнымъ значеніемъ или же какъ символы и формулы, часто совершенно темные и непонятные! Такъ левиратъ есть переживаніе, которое еще носитъ характеръ строгаго обычая, между тѣмъ какъ различные свадебные обряды, обозначающіе у многихъ народовъ актъ похищенія невѣсты, продолжаютъ существовать, какъ символы, въ которыхъ сохраняется воспоминаніе о давно исчезнувшихъ обычаяхъ Методъ переживанія оказываетъ ту пользу, что посредствомъ его сближаютъ архаическіе слѣды прошедшаго съ чертами настоящей жизни и такимъ образомъ доходятъ до реставрированія многихъ фазъ общественной жизни въ любую изъ эпохъ ея развитія (3--7 р.).

Въ этихъ методологическихъ воззрѣніяхъ профессора Ковалевскаго мы узнаемъ его взгляды на сравнительно-историческій методъ, высказанные имъ въ брошюрѣ: „Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права“. И теперь, какъ и ранѣе, Ковалевскій считаетъ сущностью этого метода отысканіе сходныхъ чертъ въ учрежденіяхъ различныхъ народовъ, стоящихъ на одной и той же ступени развитія, и почти оставляетъ въ сторонѣ различія въ общественныхъ учрежденіяхъ, которыя вытекаютъ изъ національныхъ особенностей разныхъ обществъ. Точно также Ковалевскій выдаетъ подмѣту „переживаній“ въ общественной жизни за особый методъ, пріемъ въ изученіи исторіи права, хотя на самомъ дѣлѣ изученіе переживаній

не болѣе, какъ одинъ изъ пріемовъ сравнительно-историческаго метода. Но посмотримъ, какъ проф. Ковалевскій прилагаетъ свои методологическіе взгляды къ изслѣдованію примитивной семьи.

Ковалевскій сначала указываетъ на древность теоріи о патріархальной семьѣ, простота которой и согласіе съ библейскими разсказами о жизни патріарховъ, свѣдѣніями римскихъ юристовъ, описаніями германской жизни у Цезаря и Тацита и философскими взглядами Гегеля, Аренса и Моля дѣлали ее долго неоспоримой. Авторитетъ патріархальной теоріи о происхожденіи семьи былъ подвергнутъ сомнѣнію впервые Бахофеномъ и Макъ-Леннаномъ, которые указали на слабыя ея основанія въ виду отсутствія индивидуальной семьи въ первоначальную эпоху жизни общества. Но оба они исходили въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія. Бахофенъ думалъ найти древнія формы общественности посредствомъ сравнительнаго изученія миѳовъ разныхъ греческихъ народностей. Макъ-Леннанъ построилъ свою теорію на этнографическихъ данныхъ, утверждалъ, что состояніе дикарей въ настоящее время сходно съ тѣмъ, которое было у нашихъ предковъ въ отдаленныя времена. Впослѣдствіи Морганъ и др. этнологи дали описаніе отношеній родства и формъ брака въ примитивную эпоху общественной жизни. Новая теорія доказала, что вмѣсто нашей индивидуальной семьи въ это время существуетъ семья матріархальная, въ которой признается только связь, соединяющая ребенка съ матерью и ея родственниками. Понятіе матріархальной семьи не означаетъ того, что съ прошлаго вѣка извѣстно подъ именемъ смѣшенія половъ и гетеризма, съ которыми соединяется представленіе объ отсутствіи всякой организаціи. Въ матріархальной семьѣ, наоборотъ, существуютъ опредѣленныя и прочныя отношенія между дитятей и его матерью. Ребенокъ вмѣстѣ съ матерью принадлежитъ къ особой соціальной группѣ („тотемъ“), которая носитъ одно имя, общее всѣмъ ея членамъ. Между членами этой группы запрещены всякія половыя сношенія въ силу того, что они считаются родственниками между собою. Отсюда возникаетъ *экзогамія*,—бракъ между членами различныхъ соціальныхъ группъ. Такъ отношенія

между полами въ первобытномъ обществѣ, далекія отъ безпорядочнаго смѣшенія, подчиняются извѣстнаго рода требованіямъ обычая, религіи и предписаніямъ моральнаго порядка. Гипотеза о смѣшеніи половъ въ первобытномъ обществѣ опровергается еще тѣми наблюденіями, которыя сдѣланы натуралистами надъ жизнью животныхъ. Въ средѣ ихъ половыя отношенія подчинены извѣстнымъ правиламъ. Эспинасъ, Летурно и др. этнологи установили неоспоримо тотъ фактъ, что въ мірѣ животныхъ въ ходу иногда семья патріархальная, но чаще матріархальная. Поэтому Летурно правъ, когда онъ внушаетъ соціологамъ необходимую предосторожность при своихъ изслѣдованіяхъ примитивнаго соціальнаго быта: трудно допустить, что жизнь человѣческихъ обществъ началась съ общенія женъ, разъ смѣшеніе половъ не составляетъ общаго правила даже среди животныхъ.

Приведенные здѣсь Ковалевскимъ взгляды современныхъ этнологовъ на матріархальную семью доказываются имъ цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ относительно жизни дикарей въ разныхъ частяхъ свѣта. Такъ, напр., въ меридіональной Австраліи туземцы одной мѣстности, образуя одно племя, въ тоже время подраздѣляются на двѣ группы—кумитовъ и крока. Каждая изъ этихъ группъ состоитъ изъ мужчинъ и женщинъ, но бракъ между членами одной и той же группы строго воспрещенъ. Мужчина изъ группы кумитовъ имѣетъ въ силу своего рожденія право жениться только на женщинѣ группы кроки, причемъ дитя принадлежитъ группѣ его матери и носитъ съ нею одно общее имя. Такъ вмѣсто индивидуальнаго брака мы встрѣчаемъ групповой бракъ. Совершенно такой же порядокъ отношеній между полами встрѣчается у краснокожихъ Сѣверной Америки, пpокезовъ, племена которыхъ подраздѣляются на экзогомическія группы съ особенными названіями: мужъ и жена должны принадлежать непремѣнно къ разнымъ группамъ.

Вторая черта, характеризующая семью—группу, заключается въ важной роли въ ней брата матери, дяди ея дѣтей. Такъ какъ отецъ принадлежитъ обыкновенно къ другой группѣ, то поэтому онъ мало живетъ въ кланѣ своей жены, и между ними,

отцомъ и его дѣтьми не можетъ установиться тѣсная связь. Между тѣмъ, братъ матери, пребывающій постоянно вмѣстѣ съ нею въ одной и той же группѣ, является естественнымъ защитникомъ своей сестры и ея дѣтей. Семья состоитъ изъ матери, ея брата и ея дѣтей, отецъ которыхъ не принадлежитъ къ членамъ семьи. Глава семьи—братъ матери; отецъ становится главою только въ случаѣ смерти матери и всѣхъ ея братьевъ и несовершеннолѣтія дѣтей. Такое положеніе онъ и занимаетъ въ семьѣ у жителей Австраліи, Америки и Африки. Разсказы путешественниковъ о семейной жизни современныхъ дикарей сходны съ тѣми описаніями, которыя остались отъ древнихъ писателей объ общественномъ устройствѣ нѣкоторыхъ варварскихъ племенъ древняго міра. Матріархатъ и экзогамія были, по этимъ описаніямъ, характерными чертами семейной жизни Ликійцевъ, Финикіянъ, Египтянъ, Римлянъ и др. народовъ.

Наконецъ, основныя черты матріархальной семьи находятся, по словамъ Ковалевскаго, у различныхъ кавказскихъ племенъ. У этихъ племенъ встрѣчается, однако, фактъ, указывающій на когда-то бывшее общеніе женъ между членами одной и той же группы родственниковъ. Это—запрещеніе всякихъ сношеній между женой, отцемъ и братьями ея мужа. Новобрачная не должна поднимать своего вуаля въ присутствіи братьевъ и отца своего мужа; она не могла даже говорить съ ними. И это продолжалось обыкновенно до рожденія сына. Послѣ смерти мужа вдова была обязана выдти замужъ за старшаго изъ оставшихся братьевъ. Остаткомъ первоначальнаго родства только чрезъ мать является у черкесовъ обычай, что сынъ не имѣетъ права признавать публично своего отца. У горныхъ племенъ Георгіи и пшавовъ братъ матери занимаетъ первое мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о мести за убитаго его племянника. Онъ же получаетъ значительную долю при уплатѣ выкупныхъ за право мести денегъ (композиціи или вергельда). Экзогомія, преобладаніе опеки надъ дѣтьми со стороны ея родственниковъ и нѣкоторые слѣды общенія женъ между членами извѣстнаго, ограниченнаго семейнаго круга продолжаютъ существовать у одно-

го изъ наиболѣе дикихъ кавказскихъ народностей — у хевзуровъ. Семья у хевзуровъ имѣетъ моногамическій характеръ. Но это не исключаетъ возможности общенія женъ, которое предшествуетъ браку. Дѣвицы у хевзуровъ имѣютъ право выбирать себѣ возлюбленныхъ, которые защищаютъ ихъ (зазали). Въ этомъ временномъ гетеризмѣ женщинъ, встрѣчающемся еще у пшавовъ и сванетовъ, обыкновенно видятъ уплату ими долга обычаю первоначальнаго гетеризма. Послѣ обряда брака жена принадлежитъ только своему мужу. Братъ-матери у хевзуровъ имѣетъ право управленія имуществами своихъ племянниковъ, опеки надъ ними въ случаѣ смерти матери и право мести за всѣ преступленія, направленныя противъ нихъ.

Резюмируя все сказанное о формѣ семейныхъ отношеній въ первобытномъ обществѣ, Ковалевскій приходитъ къ такому взгляду, что примитивная семья состояла изъ группы индивидовъ, которые носили одно и тоже имя, происходили отъ одной и той же матери, заключали браки по экзогомическому принципу и имѣли общихъ женъ. Эта материнская и экзогомическая семья можетъ быть названа матріархатомъ, который есть древнѣйшая фаза семейной организаціи (8—24 р.). Едва ли, однако, можно такъ категорически утверждать, что въ первобытномъ обществѣ существуетъ сначала только матріархальная семья. Самъ же Ковалевскій приводитъ факты изъ жизни различныхъ кавказскихъ племенъ, которые указываютъ на общеніе женъ, какъ на самую первоначальную форму отношеній между полами. А такое общеніе не имѣетъ, по его словамъ, ничего общаго съ матріархальнымъ бытомъ съ его опредѣленными отношеніями между всѣми членами семьи. Необходимо замѣтить, что среди этнографическихъ данныхъ о примитивныхъ обществахъ не мало найдется фактовъ, указывающихъ на то, что многимъ современнымъ дикарямъ извѣстна и индивидуальная семья [1]). Каваловскій сообщаетъ не всѣ черты матріархальнаго быта; такъ онъ ничего не говоритъ о томъ, что въ обществѣ съ матріархальными правами всѣ отно-

---

[1]) См. напр. Спенсера: «Основанія соціологіи».

шенія между его членами опредѣляются системой женскаго родства. Только родственники по матери владѣютъ общимъ семейнымъ имуществомъ, наслѣдуютъ въ немъ, имѣютъ власть въ обществѣ и проч..

Гораздо большій интересъ представляетъ вторая лекція Ковалевскаго, гдѣ онъ спеціально разсматриваетъ вопросъ о томъ, существовала ли матріархальная семья у арійскихъ племенъ. Въ началѣ этой главы Ковалевскій касается того возраженія, которое дѣлаетъ эволюціонной теоріи Мэнъ вмѣстѣ съ другими ея противниками. Ковалевскій обвиняетъ въ этихъ возраженіяхъ самихъ основателей новой теоріи, которые опираются въ своихъ воззрѣніяхъ на примѣры, взятые изъ жизни второстепенныхъ народностей. Двѣ великія расы—арійская и семитская—почти не удостоиваются вниманія этнологовъ, которые останавливаются лишь на нѣкоторыхъ арійскихъ и семитскихъ миѳахъ и легендахъ. При поверхностномъ ихъ изслѣдованіи возможно счесть извѣстное соціальное явленіе, изображеніемъ котораго является миѳъ, арійскимъ, хотя на самомъ дѣлѣ оно принадлежитъ туранскимъ или семитскимъ народамъ. Теорія матріархальной филіаціи много выиграла бы въ своей достовѣрности, если бы рѣшились обосновать ее на фактахъ сравнительнаго законодательства, юридическихъ древностяхъ народовъ арійской и семитической расы. Но, къ несчастію, большинство этнологовъ, занимающихся эволюціонной теоріей (Лэббокъ, Спенсеръ, Бахофенъ, Морганъ и др.), совершенно незнакомы съ принципами юриспруденціи. Поэтому неудивительно, что такой выдающійся ученый юристъ, какъ Мэнъ, оказывается защитникомъ патріархальной теоріи. Мэнъ и его сторонники утверждаютъ, что двѣ главнѣйшія расы въ человѣчествѣ—семитическая и арійская раса—не подчинены тѣмъ же самымъ законамъ развитія, какіе управляютъ общественной жизнью американскихъ краснокожихъ и австралійскихъ дикарей. Матріархатъ не есть общее правило въ примитивной жизни, а только исключеніе въ ней. Ковалевскій разбираетъ тѣ взгляды, которые высказываются Мэномъ относительно происхожденія матріархальной семьи у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. Мэнъ видитъ причи-

ну появленія у нихъ матріархата въ недостаткѣ у нихъ женщинъ, который происходитъ вслѣдствіе постоянныхъ войнъ между дикарями и частыхъ случаевъ похищенія женщинъ членами одного племени у другаго. Но всѣ дикія племена воюютъ между собою безпрерывно, возражаетъ Ковалевскій; у всѣхъ нихъ есть и обычай похищенія женъ. А между тѣмъ матріархатъ встрѣчается, по словамъ Мэна, только у нѣкоторыхъ. Убійство дѣвочекъ, какъ вторая причина матріархата по Мэну, не встрѣчается у многихъ дикихъ племенъ, которыя живутъ въ матріархальномъ быту. Наконецъ, опровергается фактами и взглядъ Мэна, что тѣ первобытныя общества, въ которыхъ существуетъ матріархатъ, пришли неизбѣжно къ нему вслѣдствіе того, что они при колонизаціи мѣстности, гдѣ они обитаютъ, состояли почти изъ однихъ мужчинъ. Историческія свѣдѣнія о переселеніяхъ и эмиграціяхъ древнихъ и средне-вѣковыхъ народовъ (германскихъ и славянскихъ) показываютъ наоборотъ, что переселявшіеся состояли обыкновенно изъ мужчинъ и женщинъ (25—27 р.). Покончивши съ Мэномъ, Ковалевскій обращается къ другому защитнику патріархальной теоріи, датскому ученику Starcke, который происхожденіе матріархата у американскихъ дикарей объясняетъ одпѣми экономическими причинами. Въ глазахъ дикарей женщина имѣетъ такое же великое значеніе, какъ и ихъ скотъ, и у многихъ изъ нихъ все хозяйство ведется однѣми женщинами. Поэтому краснокожіе американцы—земледѣльцы, у которыхъ нѣтъ скота, считаютъ родство по матери, тогда какъ арійскіе пастушескіе народы, которые цѣнятъ высоко свой скотъ, предпочитаютъ родство по отцу. Первые сохраняютъ мужей среди своего общества, но не отдѣльной семьи, вторые продаютъ своихъ взрослыхъ дочерей на сторону. Это мнѣніе Штарке опровергается Вайтцемъ, по словамъ котораго въ мѣстностяхъ, гдѣ были древніе государства Мексика и Перу, водятся цѣлыя стада ламъ и альпака, которые съ избыткомъ замѣняютъ краснокожимъ индѣйцамъ быковъ и овецъ. Съ другой стороны, сравнительная филологія доказала, что древніе арійцы были опытны въ земледѣліи. Необходимо также замѣтить, что продажа невѣсты встрѣчается у всѣхъ древ-

ннхъ народовъ независимо отъ ступени ихъ экономическаго развитія (25—29 р.).

Но если Ковалевскому было такъ легко опровергнуть объясненіе происхожденія матріархальной семьи Штарке, то едва ли это можно сказать про его возраженія Мэну. Прежде всего, Ковалевскій приводитъ далеко не всѣ воззрѣнія Мэна на матріархальную семью, которыя находятся въ извѣстной книгѣ англійскаго ученаго: „Древній законъ и обычай". Значительнѣйшія между помѣщенными здѣсь возраженіями Мэна защитникамъ эволюціонной теоріи, опускаются Ковалевскимъ. Таково, напр., указаніе Мэна на необходимые элементы семьи (мужъ, жена и ребенокъ), которые встрѣчаются и въ первобытномъ обществѣ и дѣлаютъ здѣсь возможнымъ первоначальное возникновеніе индивидуальной семьи. Другою причиною ея появленія въ первобытномъ обществѣ можетъ быть половая ревность, заставляющая мужчину оберегать свою жену отъ остальныхъ членовъ общества. Мэнъ же замѣчаетъ о трудности объяснить происхожденіе патерпитета и патріархальной семьи—простой соціальной группы—изъ матріархальной, отличающейся болѣе сложной организаціей. Экзогамическіе и эндогамическіе браки также встрѣчаются у новыхъ, современныхъ народностей, какъ мы находимъ ихъ и у древнихъ и проч.. Мэнъ указываетъ на нѣкоторыя условія происхожденія матріархальной семьи, которымъ Ковалевскій придаетъ значеніе общихъ причинъ возникновенія матріархата. Не всѣ дикія племена воинственны, какъ это утверждаетъ Ковалевскій. Многія изъ нихъ (Бодо, Дималы и др.) ведутъ мирный образъ жизни и практикуютъ моногамію. Не у всѣхъ также дикарей встрѣчается обычай похищенія женъ, отъ котораго остается одинъ символическій обрядъ. Убійство дѣвочекъ является одной изъ причинъ матріархата у многихъ дикарей.

Теорія о матріархальной семьѣ, продолжаетъ Ковалевскій, можетъ быть прочно установлена только при томъ условіи, если будутъ отысканы ея переживанія въ древнемъ правѣ семитовъ и арійцевъ. Матріархатъ зависитъ отъ большей легкости нравовъ, которая дѣлаетъ невозможнымъ узнать настоящаго отца ребенка.

Поэтому тамъ, гдѣ существуетъ матріархатъ, мы должны найти черты коммунизма: извѣстное число мужчинъ—родственниковъ между собою живетъ съ одной или нѣсколькими женщинами. Такіе именно нравы и обычаи существуютъ издавна у арабовъ, у которыхъ практикуется поліандрія и нѣсколько племенъ носятъ одно общее женское имя. Дитя у нихъ слѣдуетъ общественному состоянію своей матери и женщина можетъ выдти замужъ за своего дядю съ отцовской стороны, который не считается родственникомъ въ матріархальной семьѣ. У древнихъ евреевъ наслѣдство раздѣлялось между братьями по матери и право кровной мести принадлежало материнскимъ родственникамъ. Въ Германіи права матери на ея дѣтей были признаны ранѣе правъ отца на нихъ. У древнихъ галловъ дитя принадлежало также роду матери. Новорожденный принадлежалъ у древнихъ германцевъ своему отцу только тогда, когда онъ уплачивалъ за него выкупъ роду его матери. По словамъ Тацита, въ глазахъ древнихъ германцевъ связь, соединявшая брата съ сестрой и ея дѣтьми, была болѣе священной, чѣмъ та, которая соединяла ихъ отцовъ. Исландскія саги и пѣснь о Нибелунгахъ считаютъ самымъ тяжкимъ преступленіемъ для женщины убійство ея брата, для дѣтей—ихъ дяди со стороны матери. Послѣдній—естественный опекунъ и воспитатель своихъ племянниковъ, которые носятъ его имя. По закону салическихъ франковъ мать и ея сестра—естественные наслѣдники ихъ брата, умершаго безъ потомства. Въ случаѣ убійства жены вергельдъ идетъ въ пользу ея брата. Доказательствъ матріархальнаго быта у славянскихъ народовъ гораздо меньше, чѣмъ у другихъ арійскихъ народовъ, но они, все-таки, есть. Древляне и древніе чехи не знали брака и отношенія между полами имѣли у нихъ случайный характеръ. По „Русской правдѣ“ мстить долженъ былъ сынъ сестры; древніе сербы клялись въ судахъ именемъ сестры. Черты матріархальнаго быта разсѣяны въ древнихъ греческихъ поэмахъ (напр. у Гомера), сказаніяхъ историковъ (напр. Плутарха) и древне-греческомъ законодательствѣ. Такъ у грековъ запрещался бракъ между братомъ и сестрой, рожденными отъ одной и той же матери,

и, наоборотъ, дозволялся между родственниками по отцу. На матріархатъ у древнихъ римлянъ указываютъ слова Папиніана, что короли ввели институтъ patria potestas, происхожденіе пролетаріата и особенное значеніе родственниковъ по матери въ семьяхъ древне-римскихъ царей. Наконецъ, древніе индусскіе кодексы (Вишну и Нарада) признаютъ право опеки надъ сиротами за дѣдомъ и дядей со стороны ихъ матери и запрещаютъ браки между родственниками по матери и усыновленіе ея дѣтей (26—37 р.).

Такъ, заключаетъ Ковалевскій, народы семитическіе и арійскіе слѣдуютъ въ своемъ соціальномъ развитіи тому же порядку, какъ и дикари Австраліи и краснокожіе Америки. Однако, чертъ матріархальнаго быта у арійскихъ народностей сохранилось, по сознанію автора, очень мало и Ковалевскій не объясняетъ причину этого интереснаго явленія. Матріархальный бытъ у семитовъ и арійцевъ представляется русскому профессору смѣшаннымъ съ коммунизмомъ даже болѣе, нежели у современныхъ дикарей, хотя трудно понять, какъ общеніе женъ—безпорядочное и неопредѣленное соціальное состояніе неразрывно соединяется съ матріархатомъ, отличающимся извѣстными, опредѣленными и даже довольно сложными чертами общественныхъ отношеній. По крайней мѣрѣ, тѣ „случайныя“ отношенія между мужчинами и женщинами у древлянъ, о которыхъ сообщаетъ Несторъ, очень далеки отъ понятія брака, хотя бы и матріархальнаго.

Третья лекція или глава посвящена Ковалевскимъ изслѣдованію причинъ разрушенія матріархальной семьи. Процессъ этого ея разложенія совершается въ трехъ направленіяхъ. Прежде всего устанавливаются болѣе постоянныя и прочныя отношенія между супругами, связь между которыми въ матріархальномъ быту очень слаба. Вмѣстѣ съ тѣмъ мужъ пріобрѣтаетъ опредѣленную власть, которая ранѣе принадлежала брату его жены—сначала по отношенію къ женѣ, а потомъ и дѣтямъ. Въ примитивную эпоху бракъ происходитъ безъ всякихъ обрядовъ. Онъ считается заключеннымъ при всякомъ индивидуальномъ присвоеніи мужчиной женщины, напр., посредствомъ похищенія. Разъ по-

хищеніе практикуется въ примитивномъ обществѣ, экзогамія продолжаетъ оставаться общимъ правиломъ для отношеній между полами. Похищеніе женщинъ является фактомъ, общимъ всѣмъ дикимъ племенамъ, живущимъ въ матріархальномъ быту. У народовъ цивилизованныхъ отъ этой примитивной формы заключенія брака остались только одни символическіе обряды, часто темные и совсѣмъ непонятные. Обычай похищенія женъ со временемъ замѣняется обычаемъ покупки невѣсты ея женихомъ. Въ объясненіи замѣны похищенія жены ея покупкой Ковалевскій примыкаетъ къ теоріи Вилькена, который думаетъ, что плата за невѣсту представляетъ собою родъ вознагражденія родителей невѣсты за вредъ, причиняемый ея похищеніемъ. Ковалевскій констатируетъ распространенность покупки невѣсты у дикихъ племенъ и цивилизованныхъ народовъ въ эпоху первоначальной эпохи ихъ общественной жизни. Но примитивная семья пріобрѣтаетъ характеръ неизмѣннаго и прочнаго союза только тогда, когда она освящается религіей культа предковъ, извѣстнаго всѣмъ древнимъ народамъ. Какъ только становится замѣтнымъ это вліяніе религіи на заключеніе примитивнаго брака, примитивная семья измѣняетъ весь свой видъ. Въ ней возникаетъ новая власть, власть мужа и отца, который заступаетъ мѣсто въ семьѣ матери и ея брата. Это измѣненіе вытекаетъ естественно изъ условій существованія матріархальныхъ обществъ. Охотничьи или пастушескія племена могутъ жить вмѣстѣ только до тѣхъ поръ, пока въ окружающихъ ихъ лѣсахъ есть дичь и пастбища для скота. Недостатокъ того и другаго заставляетъ ихъ дѣлиться на отдѣльныя группы, въ которыхъ постепенно угасаетъ чувство общаго ихъ происхожденія. Родственники жены, ея братья перестаютъ быть опорой семьи; наоборотъ, помощь мужа для жены является необходимой. Онъ пріобрѣтаетъ права опекуна надъ дѣтьми, по отношенію къ которымъ онъ дѣлается покровителемъ и воспитателемъ. Такъ образуется въ обществѣ patria potestas. Всѣ эти измѣненія въ матріархальномъ обществѣ происходятъ, конечно, медленно. У многихъ племенъ участь новорожденнаго зависитъ столько же отъ родственниковъ отца, сколько и отъ — ма-

тери. Отъ переходной эпохи отъ матерпитета къ патернитету сохранился у многихъ дикарей обычай *кувады*, при которомъ отецъ подражаетъ родильницѣ. Кульминаціоннымъ пунктомъ развитія отеческаго авторитета является формальное заключеніе брака. Наконецъ, развитіе частной собственности окончательно устанавливаетъ права мужа надъ женою и дѣтьми и матріархатъ уступаетъ мѣсто патріархату (39—47 р.).

Въ этомъ изображеніи Ковалевскимъ хода постепеннаго разложенія матріархальнаго быта и замѣны его патріархальнымъ всѣ стадіи этого процесса представляются въ послѣдовательномъ порядкѣ: полное оттутствіе брачныхъ обрядовъ смѣняется похищеніемъ, затѣмъ идетъ покупка невѣсты ея женихомъ. Вслѣдъ за этимъ наступаетъ очередь культа предковъ и, наконецъ, все заканчивается вліяніемъ экономическихъ условій на образованіе патернитета. На самомъ дѣлѣ невозможно поставить въ послѣдовательный рядъ тѣ условія появленія отеческой власти въ примитивномъ обществѣ, которыя дѣйствуютъ въ одно и тоже время и не съ одинаковыми результатами. Такъ культъ прадковъ есть у дикихъ племенъ, у которыхъ матріархатъ въ полной силѣ. Эта примитивная религія возникаетъ въ первобытномъ обществѣ вмѣстѣ съ нимъ, но не вызываетъ въ немъ немедленное превращеніе матріархальной семьи въ патріархальную. Нѣтъ также никакого основанія относить дѣйствіе экономическихъ условій къ концу процесса превращенія матріархата въ патріархатъ, когда вліяніе ихъ дѣлается замѣтнымъ съ самаго начала первобытной жизни. Трудно понять, какъ похищеніе представляетъ собою вторую ступень процесса, когда экзогамія, неразлучная съ матріархатомъ, немыслима безъ похищенія, а затѣмъ покупки невѣсты ея женихомъ. Наконецъ, право собственности на жену возникаетъ въ первобытномъ обществѣ очень рано при насильственныхъ похищеніяхъ женщинъ во время войны и мирныхъ покупкахъ мужчинами женъ у сосѣднихъ племенъ.

Вопросъ о происхожденіи собственности, говоритъ Ковалевскій, принадлежитъ къ числу наиболѣе спорныхъ въ наукѣ. Собственность есть божественный институтъ говорятъ индійскіе и

еврейскіе жрецы и доктора католической церкви. Наоборотъ защитники военнаго класса и дворянства видятъ причину происхожденія собственности въ войнѣ. Эта послѣдняя теорія получила въ XVII в. болѣе философскую форму. Гоббесъ отвергаетъ существованіе собственности въ естественномъ состояніи и считаетъ истиннымъ ея основателемъ перваго ея монарха. Кромѣ этихъ двухъ теорій, есть еще третья, возникшая сравнительно недавно; она выдаетъ трудъ за источникъ происхожденія собственности. Эта теорія явилась въ обществѣ въ моментъ образованія въ немъ класса свободныхъ профессій — промышленниковъ, рабочихъ. Поэтому эта теорія труда была неизвѣстна древности, презиравшей всякій свободный трудъ. Наоборотъ, эманципація общинъ и образованіе средняго сословія въ новое время должны были прямо влiять на появленіе и развитіе теоріи труда. Всѣ эти теоріи, однако, теологическія и метафизическія, но не положительныя и поэтому онѣ не могутъ имѣть мѣста въ современной положительной наукѣ, основанной на фактахъ. Этнографія и исторія права свидѣтельствуютъ о томъ, что въ первое время общественнаго развитія индивидуальное присвоеніе земли и ея продуктовъ было неизвѣстно. Всѣ примитивныя общества разсматриваютъ индивидуальную собственность, какъ исключеніе изъ общаго правила объ общей поземельной собственности у охотничьихъ и рыболовныхъ народовъ. Истинная причина подобнаго порядка вещей заключается въ способѣ обработки земли первобытными обществами, отъ которой всегда зависитъ и распредѣленіе и потребленіе благъ. Плохо вооруженный, полунагой примитивный человѣкъ не въ состояніи одинъ бороться съ окружающими его и болѣе сильными дикими звѣрями и добывать средства для своего существованія. Онъ нуждается въ помощи и опорѣ другихъ членовъ общества, которыя удвояютъ его силы. Общее же производство благъ вызываетъ и общее ихъ потребленіе. Такой порядокъ вещей существуетъ у массы дикихъ племенъ и, между прочимъ, у кавказскихъ сванетовъ, у которыхъ убитый быкъ потребляется цѣлымъ племенемъ. Такъ какъ въ примитивномъ обществѣ всѣ блага пріобрѣтаются общими усиліями, то и владѣ-

ніе ими является общимъ. Частная же собственность возникаетъ въ первобытномъ обществѣ изъ приложенія труда отдѣльнаго лица, присвоенія имъ себѣ отдѣльныхъ вещей. Не всякій, однако, продуктъ индивидуальнаго труда человѣка принадлежитъ ему одному. Въ состояніи первоначальной дикости, когда сбереженіе неизвѣстно человѣку, онъ присвояетъ только вещи, непосредственно нужныя для его употребленія. Весь излишекъ онъ уступаетъ добровольно членамъ своей семьи, клана или племени. Принадлежность вещи отдѣльному лицу у дикарей обыкновенно удостовѣряется обычаемъ, по которому она объявляется *табу*, то есть, на нее накладывается извѣстный знакъ, указывающій на то, что вещь—табу—собственность одного лица. Первоначальными объектами частной собственности являются: съѣстные припасы, оружія, украшенія и женщины, похищенныя у сосѣднихъ племенъ, разныя домашнія животныя. Жилище, наоборотъ, поздо дѣлается предметомъ частной собственности. Различныя орудія труда и хозяйственныя вещи также относятся къ вещамъ, рано ставшимъ частною собственностью. На образованіе частной собственности совершаетъ извѣстное вліяніе религія. Такъ древніе индусы, славяне смотрѣли на вдову и рабовъ умершаго, какъ на частную его собственность. Слѣдовательно, заключаетъ Ковалевскій, движимыя вещи были коллективною собственностью одной и той же группы охотниковъ или рыболововъ. Это вытекаетъ изъ того факта, что охота и рыбная ловля составляютъ общее занятіе нецивилизованныхъ народностей, которое порождаетъ у нихъ и общее владѣніе пріобрѣтенными продуктами труда. Когда совершается переходъ отъ охотничьяго быта къ пастушескому и земледѣльческому, движимая собственность начинаетъ принимать характеръ семейнаго имущества. Этотъ же фактъ совпадаетъ съ появленіемъ патріархальной семьи въ моментъ, когда одна только земля остается нераздѣльной (48—59 р.).

Ковалевскій излагаетъ интересный вопросъ о происхожденіи собственности очень кратко и неполно. Такъ онъ не упоминаетъ въ числѣ теорій объ ея возникновеніи, извѣстныхъ въ наукѣ, о классической теоріи римскихъ юристовъ, которые выводятъ част-

ную собственность изъ первоначальнаго завладѣнія отдѣльными лицами различныхъ вещей. Мэнъ видитъ источникъ частной собственности въ приговорахъ примитивныхъ судей. Нѣкоторые писатели (Вагнеръ, Аренсъ и др.) думаютъ вывести частную собственность изъ правъ государственной власти, чувства справедливости и т. д.. А Даргунъ даже совершенно отрицаетъ общую собственность въ примитивномъ обществѣ. Теорія личнаго труда,—несомнѣнно наиболѣе вѣроятная изо всѣхъ остальныхъ, хотя ею одной, все-таки, трудно объяснить происхожденіе частной собственности въ первобытномъ обществѣ. Религія вліяетъ не столько на появленіе частной, сколько общей собственности. Таковъ, напр., былъ въ древности культъ предковъ, обусловливавшій продолжительное существованіе у древнихъ народовъ института общей собственности. На появленіе же частной собственности вліяютъ, между прочимъ, примитивные нравы, среди которыхъ обычай насильственнаго захвата чужихъ вещей является обыкновеннымъ фактомъ.

Второй періодъ въ развитіи семьи—періодъ патріархальный. Обыкновенно типомъ древней семьи считаютъ простой союзъ между мужчиной и женщиной, въ которомъ первый пользуется неограниченною властью по отношенію къ своей женѣ и дѣтямъ. Съ этой теоріей, опирающейся на библейскихъ разсказахъ и римскомъ правѣ, связывается взглядъ на необходимость въ обществѣ абсолютной монархіи, неограниченной власти короля—отца надъ своимъ народомъ. Первый человѣкъ, говорятъ, былъ не только первымъ мужемъ и отцемъ, но и первымъ монархомъ. Эта доктрина существуетъ еще въ настоящее время, не смотря на ея явное противорѣчіе этнографическимъ и историческимъ даннымъ, разсказамъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей. Историческое изученіе положительныхъ законодательствъ и сравнительная этнографія подорвали это ходячее, но невѣрное представленіе о патріархальной семьѣ. Она была извѣстна древнимъ германцамъ, славянамъ, послѣднимъ даже и въ настоящее время. Образцомъ ея является современная сербская семья („задруга“), глава которой (домачинъ) избирается всѣми членами семьи и нерѣдко изъ

числа молодыхъ людей, энергичныхъ и честныхъ. Домачинъ предсѣдательствуетъ въ семейныхъ собраніяхъ, представляетъ семью во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ и управляетъ ея имуществомъ; онъ отвѣтственъ за всѣ расходы и нуждается при важныхъ хозяйственныхъ операціяхъ въ согласіи всѣхъ членовъ семьи. Послѣ домачина большими правами въ семьѣ пользуется его жена, домачина, которая стоитъ во главѣ семейнаго хозяйства, распредѣляетъ работу между членами семьи, разбираетъ ссоры между ними и имѣетъ рѣшительный голосъ при совѣщаніи съ мужемъ о бракѣ ихъ дочерей. Что касается правъ членовъ семейнаго совѣта, то они участвуютъ одинаково въ пользованіи общимъ имуществомъ, и вотируютъ въ семейномъ совѣтѣ при рѣшеніи важныхъ дѣлъ. Этотъ совѣтъ, слѣдовательно, значительно ограничиваетъ власть домачина, который принужденъ созывать его во всѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о рѣшеніи какихъ либо важныхъ вопросовъ (продажѣ или покупкѣ земли, ея раздѣлѣ, займахъ и проч.). Такой же характеръ, какъ сербская задруга, имѣютъ русскія семьи на берегахъ Волги и Волхова: въ этихъ семейныхъ общеніяхъ старшій по лѣтамъ, а иногда способнѣйшій изъ числа всѣхъ членовъ семьи управляетъ общимъ имуществомъ. Но всѣ важные вопросы рѣшаются въ такихъ семьяхъ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ членовъ семейной ассоціаціи. Патріархальная семья въ описанномъ видѣ существовала у древнихъ индусовъ, у которыхъ она состояла изъ ближайшихъ между собою родственниковъ (sapindas), отъ прадѣдушки до его правнуковъ. Главною ихъ обязанностью было принесеніе жертвъ предкамъ. Древняя индійская семья владѣла нераздѣльно разнаго рода имуществомъ и глава ея распоряжался въ семьѣ всѣмъ съ общаго согласія ея членовъ. Наконецъ, слѣды патріархальнаго быта находятся въ организаціи древней римской семьи. Іерингъ и Моммзенъ доказали, что въ царскій періодъ римской исторіи и въ первое время республики у римлянъ еще сохранились слѣды семейнаго общенія, составленнаго изъ членовъ, которые жили въ одномъ и томъ же домѣ и владѣли сообща имуществомъ (60—68 р.).

Патріархальная семья, продолжаетъ Ковалевскій въ своей

шестой лекціи, имѣетъ тѣсное отношеніе къ культу предковъ, слѣды котораго можно найдти даже и теперь въ средѣ низшихъ классовъ общества у германскихъ и славянскихъ народовъ. Осетинъ, напр., не вѣритъ, подобно тирольскому и русскому крестьянину, чтобы за смертью человѣка слѣдовало полное уничтоженіе его существованія. Жизнь земная продолжается, по ихъ представленію, за гробомъ, гдѣ мертвые нуждаются въ пищѣ, топливѣ и свѣтѣ, которыя должны доставить имъ живые. У Осетина сохранилась цѣлая масса обычаевъ, посредствомъ которыхъ поддерживается эта связь между живыми и умершими. Они увѣрены въ томъ, что если умершіе предки довольны заботами о нихъ оставшихся потомковъ, то первые явно покровительствуютъ послѣднимъ, что выражается въ обильномъ урожаѣ хлѣба и быстромъ размноженіи скота. Умершіе же защищаютъ живыхъ членовъ своей семьи отъ враговъ. Въ противномъ случаѣ гнѣвъ предковъ, оскорбленныхъ пренебреженіемъ къ нимъ ихъ потомковъ, обрушивается на нихъ въ видѣ разныхъ бѣдствій, постигающихъ виновныхъ членовъ семьи. Слѣды культа предковъ находятся, далѣе, въ Зендъ-Авестѣ древнихъ персовъ, Ригъ-Ведахъ индусовъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ и законодательствѣ древнихъ грековъ и римлянъ. У обоихъ этихъ античныхъ народовъ сынъ былъ обязанъ дѣлать возліянія на алтарѣ своихъ предковъ подъ угрозой страшнаго ихъ гнѣва въ случаѣ неглижированія своимъ долгомъ. Таже обязанность возлагалась на всѣхъ членовъ семьи, обитавшихъ подъ одной кровлей. У арабовъ могилы предковъ пользуются особеннымъ уваженіемъ; тотъ же обычай мы находимъ у магометанскихъ племенъ, обитающихъ на Кавказѣ, у древнихъ евреевъ и особенно китайцевъ, вся древняя религія которыхъ была посвящена культу предковъ. У китайцевъ общеніе живыхъ съ мертвыми происходило на особыхъ ежегодныхъ торжественныхъ братскихъ вечерахъ, собраніяхъ, посвящаемыхъ памяти умершихъ. Не сомнѣваясь въ наличности культа предковъ также и у всѣхъ дикихъ племенъ, Ковалевскій высказываетъ тотъ взглядъ на происхожденіе этой примитивной религіи, который выставленъ Ф. Куланжемъ. Культъ предковъ,

образуется, по словамъ Ковалевскаго, въ тотъ же моментъ, когда устанавливается патріархальная семья: женщина не можетъ участвовать въ этомъ культѣ безъ посредства своего отца или мужа. Культъ предковъ, рождаясь вмѣстѣ съ патр. семьею, дѣлается одной изъ причинъ ея устойчивости въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Центромъ культа предковъ являлся домашній очагъ. Причину этого факта нужно искать, съ одной стороны, въ древнемъ обычаѣ народовъ погребать своихъ родственниковъ около своего жилища, а съ другой въ представленіи объ огнѣ, какъ посредникѣ между живыми и мертвыми: пища, предлагаемая предкамъ, можетъ быть принята ими только въ томъ видѣ, какой она получаетъ послѣ ея сожженія. Поэтому очагъ у всѣхъ арійскихъ народностей пребываетъ необходимою, священною частью дома. У Осетинъ, сванетовъ, пшавовъ и другихъ кавказскихъ племенъ предъ семейнымъ очагомъ совершается большая часть важнѣйшихъ событій въ жизни. Даже убійца находитъ охрану и безопасность въ нѣдрахъ семьи своей же жертвы. Въ древней Греціи и Римѣ также, какъ и — въ Германіи очагъ былъ мѣстомъ, гдѣ собиралась вся семья. Изображенія предковъ окружали очагъ со всѣхъ сторонъ. Огонь на немъ возжигался въ извѣстное время и съ извѣстными обрядами.

Ковалевскій видитъ причину происхожденія культа предковъ и домашняго очага въ универсальномъ вѣрованіи въ будущую, загробную жизнь. Между дикими племенами древняго и новаго міра также, какъ и арійскими племенами мы находимъ, говоритъ онъ, въ сущности одну и тужe идею, что смертью не кончается наша жизнь, что двойственность нашего существа, состоящаго изъ души и тѣла, есть причина продолжающейся жизни за гробомъ. Только эта вторая жизнь въ представленіи нашихъ отдаленныхъ предковъ не имѣетъ ничего общаго съ нашей идеей о будущей жизни. Понятія рая, чистилища и ада у католиковъ, „елисейскихъ полей“ и тартара у древнихъ народовъ предполагаютъ развитою способность къ обобщенію и моральное чувство, которыхъ недоставало нашимъ предкамъ. Послѣдніе вѣрили, что душа умершихъ пребываетъ не въ совершенно чуж-

домъ имъ мірѣ, а находится около людей подъ землею; въ томъ случаѣ же, если умершій не погребенъ, его душа блуждала на землѣ и являлась по ночамъ, какъ призракъ. Поэтому-то погребеніе умершихъ считалось священною обязанностью для ихъ родственниковъ. Мертвые жили за гробомъ также, какъ живые. На это вѣрованіе древнихъ указываетъ ихъ обычай класть въ могилы оружія умершихъ, ихъ рыболовныя снасти и охотничьи орудія, погребать вмѣстѣ съ ними лошадей, рабовъ, а иногда и жену. Отсюда же вытекаетъ обычай сожженія вдовы умершаго, соблюдаемый не только въ древней Индіи, но и у варяговъ и скандинавовъ. Такимъ образомъ, человѣчество въ пору своего дѣтства видѣло въ будущей жизни только продолженіе настоящей. Всякая мысль о воздаяніи или наказаніи, о вѣчномъ блаженствѣ для добрыхъ и безконечномъ мученіи для злыхъ было чужда примитивному человѣку. Дуализмъ рая и ада недавняго происхожденія. Онъ не только неизвѣстенъ многочисленнымъ дикимъ племенамъ, но даже и евреямъ въ отдаленную эпоху ихъ исторіи. Еврейскій „шеолъ", гдѣ обитали умершіе, представлялся евреямъ въ видѣ вѣчно мрачнаго мѣста, лежащаго въ глубинѣ земли; здѣсь добрые и злые одинаково влачили свою печальную жизнь (69—81 с.).

Такъ культъ мертвыхъ, заключаетъ Ковалевскій, какъ культъ агнатическій, связанъ необходимо съ патр. семьею. Имѣя свои корни въ представленіи о будущей жизни, одинаковой съ настоящей, культъ предковъ явился только съ образованіемъ патр. семьи (82 с.). Но этому взгляду на происхожденіе культа мертвыхъ противорѣчитъ, доказываемая Лэббокомъ, Тейлоромъ, Спенсеромъ и Мэномъ, наличность его у многихъ дикихъ племенъ, живущихъ не въ патріархальномъ, а матріархальномъ быту. Слѣдовательно, нельзя ставить эту примитивную религію въ неразрывную связь съ патріархальной семьей. Вѣрованіе въ загробную жизнь обще всѣмъ дикимъ племенамъ, утверждаетъ Ковалевскій, а въ немъ—то, по его же словамъ, и нужно искать корней культа предковъ. Но, кромѣ этой причины ея появленія, есть и еще одинъ фактъ въ жизни примитивнаго общества, въ

которомъ коренится культъ предковъ, какъ универсальное явленіе въ первоначальную эпоху соціальной жизни. Мы разумѣемъ тѣ въ высшей степени наивныя, но тѣмъ не менѣе совершенно естественныя у примитивнаго человѣка представленія о снѣ и смерти, которыя выражаются въ отождествленіи этихъ двухъ явленій. Дикарь, замѣчая, что онъ самъ и его близкіе въ состояніи сна остаются чуждыми всего, что ихъ обыкновенно интересуетъ, что имъ являются во снѣ умершіе на ряду съ живыми и что, наконецъ, человѣкъ, просыпаясь, снова начинаетъ вести свой обыкновенный образъ жизни, само собою приходитъ къ мысли, что и послѣ смерти, такъ похожей на сонъ, только долгій, люди продолжаютъ жить и нуждаться въ разныхъ вещахъ (пищѣ, одеждѣ и пр). Отсюда принесеніе въ жертву умершимъ разнаго рода благъ, которыя употреблялъ при своей жизни умершій. Тоже уваженіе къ умершихъ, переходящее потомъ въ ихъ обоготвореніе, произошло изъ власти вождей племени или другихъ выдающихся чѣмъ-либо его членовъ, на которыхъ они и переносятся сначала. Образованіе патріархальной семьи еще болѣе способствуетъ развитію культа предковъ, который теперь дѣйствительно гармонируетъ со всѣмъ строемъ патріархальнаго быта, но только принимаетъ здѣсь другую форму.

Религіозный характеръ всего строя примитивнаго общества объясняетъ всѣ особенности его устройства. Такъ культомъ предковъ опредѣлялись условія развода супруговъ. Въ древней Индіи, Іудеѣ, у грековъ и римлянъ мужъ отсылалъ отъ себя жену, которая не могла дать ему сына, способнаго продолжать культъ предковъ. Та же безплодность жены была причиною развода у кельтовъ, германцевъ и русскихъ (въ XVI ст.), взглядовъ древняго общества на прелюбодѣяніе, какъ важнѣйшее преступленіе женщины, конкубинатъ мужа въ видахъ рожденія сына также, какъ и выхода съ этою же цѣлью вдовы за брата умершаго.

При господствѣ патр. семьи вся недвижимая собственность находилась въ нераздѣльномъ ея владѣніи. Такъ въ современной Россіи мы находимъ общее поземельное владѣніе соединеннымъ съ патріархальнымъ бытомъ общества. То же явленіе замѣчается

и въ древней Германіи и Ирландіи. Причина такого первоначальнаго происхожденія недвижимой собственности заключалась въ общности обработки земли: общій трудъ приводилъ и къ общему владѣнію всѣми ея продуктами и самой почвой, на которой они добывались. Переходя къ вопросу о вліяніи порядковъ общиннаго землевладѣнія на взаимныя отношенія членовъ семьи, особенно супруговъ, Ковалевскій рѣшительно отвергаетъ общераспространенный взглядъ на исключительную власть мужа надъ женой въ патріархальной семьѣ. Семейный совѣтъ распоряжался жизнью и смерти жены. Такъ въ древней Россіи родители требовали отъ своего зятя, чтобы онъ содержалъ свою жену приличнымъ образомъ и чтобы онъ мягко обходился съ нею. Жена въ патріархальной семьѣ была не рабою мужа, а его подругой; на ней лежала обязанность выполненія обрядностей культа предковъ. Опека мужа надъ имуществомъ жены, лишеніе дочерей права завѣщать или раздѣлять недвижимую собственность семьи предпринимались въ древности не въ видахъ подчиненія женщины мужчинѣ, а только въ интересахъ сохраненія покоя благосостоянія всей семьи (88—100 р.).

Взгляды Ковалевскаго на совпаденіе патріархальнаго быта съ общиннымъ землевладѣніемъ вѣрны съ дѣйствительными фактами изъ примитивной жизни общества. Но только такое же совпаденіе существуетъ и по отношенію къ матріархальной семьѣ, гдѣ еще болѣе практикуется общность труда и производства благъ — источникъ всей общей собственности, — чѣмъ въ патріархальной семьѣ, гдѣ начинаетъ появляться и обособленіе продуктовъ труда въ отдѣльную, личную собственность. Поэтому общинное землевладѣніе не составляетъ характерной черты патріархальнаго быта, въ развитіи котораго необходимо отличать двѣ фазы: примитивную, отличающуюся властью семейнаго совѣта надъ всѣми ея членами, и индивидуальную, гдѣ мужъ пріобрѣтаетъ всѣ права и власть надъ женой и другими членами семьи. Ковалевскій не различаетъ этихъ двухъ видовъ патріархальнаго быта и потому приписываетъ позднѣйшей фазѣ его развитія (напр. у римлянъ) то, что свойственно было только примитивной.

Въ восьмой главѣ Ковалевскій занимается вопросомъ о вліяніи патріархальной семьи на развитіе моногаміи. Эта послѣдняя вытекаетъ, по его мнѣнію, не изъ патріархальной семьи, а изъ полигаміи, которая долго существуетъ въ первобытномъ обществѣ, потому что съ ней гармонируетъ бракъ посредствомъ покупки невѣсты ея женихомъ. Полигамія доставляетъ даровыхъ работницъ мужу—патріарху. Она поддерживается также долго и въ видахъ обезпеченія мира между дикими племенами. Но многими женами можетъ владѣть только богатый членъ патріархальнаго общества; бѣдные же довольствуются только одною женою. Моногамія, слѣдовательно, постепенно развивается въ средѣ полигамическихъ племенъ. Большинство религіозныхъ законодателей древности и новаго времени является партизанами моногаміи. Развитію моногаміи особенно помогъ культъ предковъ жена: должна была поддерживать огонь на очагѣ и приготовлять жертвы умершимъ. Эти обязанности возлагались на первую жену мужа, бракъ которой съ нимъ сталъ потомъ считаться единственно законнымъ. Дѣти только первой жены признаются обыкновенно законными (101—114 р.).—Ничего не имѣя противъ такого объясненія Ковалевскимъ происхожденія моногаміи, мы находимъ нужнымъ замѣтить, что моногамія можетъ возникнуть въ примитивномъ обществѣ помимо полигаміи или, точнѣе, полигеніи, и что на ея развитіе вліяетъ болѣе культа предковъ христіанство—чисто моногамическая религія,—равновѣсіе въ количествѣ мужчинъ и женщинъ и многія другія причины, которыя упущены изъ виду Ковалевскимъ.

Сначала, продолжаетъ онъ въ своей девятой лекціи, для того, чтобы имѣть власть отца, достаточно было владѣть правомъ супруга надъ женщиной. Права надъ дѣтьми прежде принадлежали матери, которая рѣшаетъ участь новорожденнаго, отказывая ему въ кормленіи грудью. Тоже дѣлаетъ впослѣдствіи мужъ, подражая этому обычаю. Произволъ отца ограничивается съ появленіемъ матріархальной семьи фамильнымъ совѣтомъ въ общихъ интересахъ. Дѣтоубійство въ примитивныхъ обществахъ сохраняется долго прежде всего въ интересахъ культа предковъ. Двойни убиваются вслѣдствіе общаго вѣрованія, что они рождаются

отъ прелюбодѣянія. Далѣе убиваютъ всѣхъ слабыхъ дѣтей мальчиковъ и уродовъ, неспособныхъ выносить тяжести военной жизни дикарей. Дѣти погибаютъ еще вслѣдствіе недостатка въ средствахъ питанія,—дѣвочки же въ виду затрудненія охранять и питать ихъ при постоянныхъ войнахъ и обычаѣ похищенія женщинъ. Отецъ имѣлъ власть надъ своими дѣтьми и ихъ имуществомъ въ интересахъ ихъ и всей семьи, но она ограничивалась ея совѣтомъ. Усыновленіе было только рѣдкимъ случаемъ въ патріархальномъ обществѣ (115—125 р.),—взглядъ, который опровергается несомнѣнными данными изъ исторіи древняго міра. Ковалевскій снова говоритъ объ ограниченіяхъ власти мужа семейн. совѣтомъ послѣ того, какъ разсмотрѣлъ вопросъ о развитіи моногаміи. Слѣдовательно, онъ признаетъ одно и то же положеніе вещей при различныхъ фазахъ развитія патріархальной семьи,—воззрѣніе, также неоправдываемое фактами.

Патріархальная семья требуетъ, по словамъ Ковалевскаго, полнаго подчиненія индивида всему общенію и ея представителю—отцу и мужу. Въ этомъ скрывается одна изъ причинъ разложенія патріархальнаго быта. Развитіе индивид. духа разрушаетъ его, какъ это доказывается многими фактами изъ жизни индусовъ, римлянъ, евреевъ и южныхъ и русскихъ славянъ. Обязательный раздѣлъ семейнаго имущества соединяется съ возникновеніемъ права наслѣдственнаго въ различныхъ его формахъ (126—137 с.).

Въ одиннадцатой и двѣнадцатой главѣ Ковалевскій разсматриваетъ третью эпоху въ развитіи семьи—индивидуал. семью, ея составные элементы и власть мужа и отца въ этой семьѣ. Индив. семья представляетъ собою свободный союзъ мужа и жены съ извѣстными обязанностями. Такой характеръ семья имѣла въ позднѣйшую эпоху римской исторіи, въ средніе вѣка и въ древней Россіи. Только впослѣдствіи появился взглядъ на бракъ, какъ на таинство. Первому воззрѣнію соотвѣтствовало различіе имущественнаго права супруговъ во многихъ странахъ. Разводъ также находится въ связи съ обоими этими взглядами на бракъ. Въ индивидуальной семьѣ признается право матери на воспитаніе

дѣтей и различіе между законными и незаконными дѣтьми и устанавливается срокъ совершеннолѣтія дѣтей, независимость дѣтей отъ родителей и права ихъ охраняются государствомъ (132—161 р.). Послѣднія три главы посвящены Ковалевскимъ вопросу о развитіи и разрушеніи общиннаго землевладѣнія параллельно съ паденіемъ патріархальной семьи и изслѣдованію причинъ разложенія русской и западно-европейской поземельной общины. Здѣсь онъ старается доказать, что на развалинахъ патріархальнаго быта возникаетъ свободная поземельная община, въ которой при извѣстныхъ условіяхъ появляется періодическій раздѣлъ земельныхъ участковъ. Свободная же община, въ свою очередь, разрушается вслѣдствіе ея противорѣчія управляющимъ общественнымъ классамъ (дворянству, духовенству и третьему сословію). Ковалевскій увлекается сравненіями до того, что видитъ въ древнихъ русскихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ западно-европейскіе бенефиціи и лены (193 р.). Но ссылка его на русскіе обычаи и законы, какъ и законодательства арійскихъ народностей, уясняютъ, какъ мы не разъ видѣли, многое въ развитіи первоначальной семьи и собственности, хотя и не доказываютъ вполнѣ его теоріи объ обязательномъ переходѣ ихъ чрезъ извѣстныя, опредѣленныя ступени въ процессѣ своего развитія.

В. Щегловъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1892 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—оффиціальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II-неоффиціальная: отдѣлъ I – *историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV *медицинскій;* отдѣлъ V—*критико-библіографическій*—посвящается критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника* заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1892 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкою *семь рублей.* Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета *Н. Я. Оглоблину* въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Главный Редакторъ **В. Иконниковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ"

новый спеціальный библіографическій
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Программа изданія:

I. Библіографія.

Памятники древней письменности и печатныя произведенія русской и иностранной литературы, представляющіе матеріалъ для библіографіи.

Библіографическія монографіи по научнымъ и литературнымъ вопросамъ.

Библіографія сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей.

Исторія библіографіи.

Біографіи и некрологи библіографовъ, библіофиловъ и ревнителей просвѣщенія.

Обозрѣніе общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ, библіотекъ и архивовъ въ Россіи и за границею.

Обозрѣніе монастырскихъ и церковныхъ книгохранилищъ въ Россіи.

Описаніе древнихъ манускриптовъ, старопечатныхъ и рѣдкихъ русскихъ книгъ, гравюръ, картъ и т. п.

II. Критика.

Отзывы ученыхъ учрежденій и обществъ о произведеніяхъ печати.

III. Книжное дѣло.

Типографское, издательское и книжноторговое дѣло, его прошлое и настоящее.

Обозрѣніе дѣятельности и успѣховъ въ литографскомъ, гра-

верномъ, фотографическомъ и другихъ искуствахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

IV. Извѣстія и замѣтки—о различныхъ событіяхъ и случаяхъ въ книжномъ мірѣ; о дѣятельности ученыхъ обществъ, о съѣздахъ, ученыхъ экспедиціяхъ и т. п. Протоколы засѣданій ученыхъ обществъ

V. Смѣсь.

Мелкія замѣтки, имѣющія отношеніе къ книжному дѣлу и библіографіи.

Вопросы и отвѣты по библіографіи.

Приложенія: 1) Капитальныя изслѣдованія по библіографіи. 2) Лѣтопись русскаго книгопечатанія: распоряженія Правительства по дѣламъ печати, списокъ русскихъ книгъ и указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ за истекшій мѣсяцъ, rossica. 3) Книжныя новости антикварнаго магазина П. Шибанова и другихъ книгопродавцевъ.

Иллюстраціи въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ: портреты, рисунки, снимки съ рукописей, книгъ, гравюръ, древнихъ картъ и т. п.

Объявленія о книгахъ и предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

Журналъ будетъ выходить съ начала 1892 г., ежемѣсячно (каждое 15-е число), книжками in 8^0, въ размѣрѣ отъ 4-хъ до 8-ми печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна:

За годъ съ доставкой и пересылкою . .	6	р. —	к
За границу	7	„ —	„
На другіе сроки подписка не принимается.			
Цѣна нумера въ отдѣльной продажѣ . .	—	„ 75	„
Съ доставкою и пересылкою . . .	1	„ —	„
Кромѣ того для любителей будетъ печататься 50 нумерованныхъ экземпляровъ на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изданію съ дост. и пересылкой	15	„ —	„

Плата за объявленія:

Полная страница	**20** руб.
Половина страницы, или одинъ полный столбецъ .	**12** „
Четверть страницы, или половина одного столбца .	**7** „
1/8 страницы или 1/4 столбца	**4** „

Редакторъ **А. Н. Соловьевъ.**
Издатель **П. П. Шибановъ.**

Подписка и объявленія принимаются въ Главной Конторѣ Редакціи (Москва, Петровскія линіи. Антикварная книжная торговля П. Шибанова), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы. Гг. иногородныя благоволятъ обращаться исключительно въ Москву въ Главную Контору Редакціи.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
на 1892 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическія отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

S0041273
СФ СПбГУ

